

Третий том

1870, 1871, 1872, 1873,
—•—
1874, 1875 и 1876 ГОДЫ

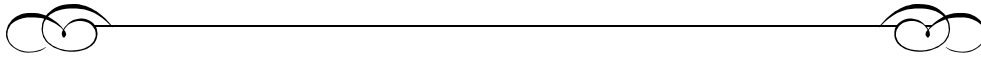

— |

| —

— |

| —

1870 год

Благослови, Господи, венец лета и возобновление моего Дневника!

1-го января. С грустным чувством провожаю я истекший год и ничего отрадного не предвижу в наступающем. Искренне сожалею, что не продолжал вести дневник последовательно в те годы, когда многое радовало, когда совершались события, начавшие новую эру в гражданской жизни России, когда все обещало светлое будущее. Об этих годах много сохранится материалов, по которым нетрудно будет составить себе довольно ясное понятие о том времени. Так много совершилось важных реформ с 1857-го по 1867-й годы, что это десятилетие, составляющее славу нынешнего царствования, останется навсегда памятным и перейдет к потомству в главных чертах довольно верно. Усиленная деятельность правительства по преобразованию не могла не вызвать к жизни все дремавшие общественные силы. Борьба старого порядка вещей с новыми потребностями перестала быть бесплодной. Целый ряд реформ, казалось, свидетельствовал, что победа осталась на стороне новых понятий, и хотя самая лихорадочная торопливость главнейших деятелей в ломке старого и создания нового оправдалась убеждениями их, что победа недолго останется на их стороне, однако нельзя было предвидеть, чтобы реакция так скоро восторжествовала. Я, по крайней мере, не ожидал, чтобы гнусный выстрел Каракозова мог иметь на судьбу России такие важные последствия, какие он действительно имел. Я помню, что на другой день этого несчастного случая 4-го апреля, после доклада, разговорился я с Рейтерном об этом злодействе. «Вы увидите, что со вчерашнего дня совершился перелом царствования», — сказал он мне. Я не поверил тогда мрачному предсказанию Рейтерна, но теперь должен сознаться, что он был прав. Мне казалось невозможным допустить, чтобы вера в те начала, которые положены были в основание всех реформ, могла бы так легко утрачиться при первом событии, вызвавшем притом такое негодование, что и то тяжелое впечатление, которое могло бы быть им произведено, в то же время могло изгладиться. Я не знал еще тогда, как мало доволен государь и лица, ему приближенные, значением произведенных реформ, а потому и не верил возможности такого скорого и радикального превращения. Надо сказать и то, что реакция весьма искусно воспользовалась событием 4-го апреля и что, по несчастному стечению обстоятельств, многие из главнейших деятелей были постав-

лены в невозможность противодействовать этой реакции. Как бы то ни было, но мы вступаем в новый 1870-й год с полным сознанием, что реакция вполне торжествует и что нас спасает только крайняя неспособность ее деятелей. Государь приведен ими к убеждению, что все произведенные им реформы принесли существенный вред, потому что пошли слишком далеко за пределы его намерений, что не только государство страждет, но что и личность его находится в постоянной опасности. Все это сильно действует на его нервы, к тому же он физически болен, устал и дела ему надоели. Похвала благодетельных реформ, составляющих славу его царствования, его досадует, ему скорее слышится в этой похвале упрек, чем слава. С великим князем Константином Николаевичем он в самых холодных отношениях, с наследником также, ибо знает, что они не разделяют ни его опасений, ни его доверия к графу Шувалову — человеку, весьма ловко употребившему шпионскую должность свою¹, чтобы страхом завладеть волею государя. Состав всего министерства², кроме разве Военного и финансов, крайне неудовлетворителен, но в нем также согласия нет. К счастью, ни граф Шувалов, ни министр внутренних дел Тимашев не могут формулировать ни одной сколько-нибудь серьезной реакционной меры. Зачали издавать новый закон о печати, но и сами не знают, что делать. Назначили комиссию под председательством князя Урусова, но до сих пор комиссия эта еще не знает, что она будет делать. Впрочем, все теперь как будто приостановилось, над всем преобладает страх.

Этот страх вызван открытием каких-то глупых прокламаций, присланных из Женевы, которыми, говорят, начитались какие-то мерзавцы из выгнанных и недоучившихся студентов. Все это представлено государю в ужасающем виде, так что он серьезно напуган. А пока он будет под влиянием этого страха, сила Шувалова несокрушима. Но долго ли это будет продолжаться и чем разрешится это неестественное настроение — это покажет время. Сегодня, по случаю Нового года, ездил я с обычными визитами и, между прочим, заехал записаться к великой княгине Елене Павловне. Тут встретил я ее фрейлину — Раден, с которой разговорился о новостях, оказалось, что таковых, сколько-нибудь замечательных, нет. Между прочим, разговор наш коснулся слухов об открытом будто бы заговоре, вызванном прокламациями, присланными из Женевы. Я заметил, что этим гнусным выходкам заграничных революционеров придают слишком большое значение, как будто это явление небывалое, по крайней мере в глазах государя стараются представить все подобные безобразия как последствия его либеральных реформ. Я сказал фрейлине Раден, что занимаюсь составлением устава о печати, я много рылся в старых указах и, между прочим, в напечатанных бывшей под моим председательством комиссией материалах есть краткая история наших политических прокламаций, и что эта история очень поучительна. Оказывается, что еще при Петре I к нам из-за границы присылались прокламации на русском языке, напечатанные в Данциге. Затем, при Екатерине II, была бездна разного рода воззваний, и что по этому случаю она издала превосходный манифест, которым увещевала подданных не заниматься этой дрянью. Этот манифест очень применим к настоящему времени. Вследствие этого разговора я получил от фрейлины Раден следующую записку:

1870 год

«Cher Prince, pouvez-vous envoyer à la Grande Duchesse le manifeste de l'Empératrice Catherine? Son Altesse en a fait les honneurs à Sa Majeste et voudrait l'envoyer à l'Empereur»*.

К счастью, этот манифест 1762-го года был у меня под рукой, ибо я собирался сообщить в газеты краткий исторический очерк наших прокламаций, я переписал его и дополнил еще другими указами Петра, Екатерины и Александра по этому предмету и завтра повезу к фрейлине Раден. Дай Бог, чтобы чтение этого манифеста успокоило государя, по крайней мере в том отношении, что прокламации у нас — дело бывалое.

5-го января. Я передал третьего дня фрейлине Раден для великой княгини составленный мною исторический очерк возмутительных воззваний в России. Вчера великая княгиня, у которой я был на музыкальном вечере, сказала мне, что намерена послать государю только копию с манифеста Екатерины II, а что подобные исторические воспоминания возбуждают интерес. Вчера прошел слух о назначении будто бы вместо Потапова генерал-губернатором Северо-Западного края Грейга — товарища министра финансов, но, кажется, этот слух не подтверждается; по-видимому, еще не хотят сменить Потапова, чтобы не подать виду, что уступают общественному мнению, и в особенности нападкам «Московских ведомостей». Хотя я уверен, что и Шувалов с К^о хотели бы спустить Потапова, ибо его крайняя неспособность, бестактность и глупость ставит их самих в затруднительное положение. Но так как им нужнее всего показать, что они настояли на своем, то они торопиться не будут.

В газетах появились обзоры прошедшего года, и, так как я в прошедшем году дневника своего не вел, то прилагаю при сем для памяти вырезки из газеты «Голос»³ и «Московские ведомости».

Газета «Голос». 1870-й год. 2-го января. Санкт-Петербург:

«Много раз уже говорено о странностях обычая, заставляющего весь образованный мир воображать себе, что в такой-то день зимнего сезона, день, ничем не отличающийся от других в смысле астрономическом, кончается один год и начинается другой. Но обычай этот всемогущ и повсеместен, и когда наступают последние дни декабря, каждый невольно чувствует потребность оглянуться назад и подвести итоги последним пережитым тремстам шестидесяти пяти дням.

Оглядываясь на пережитое нами в течение минувшего 1869-го года, вдумываясь в общий смысл и характеристические особенности его, мы должны будем, прежде всего, сознаться, что, несмотря на многие частности, 1869-й год ни в каком случае не может считаться годом, неблагоприятным для общественного и политического развития России, хотя, конечно, не может сравниться в этом отношении со многими из своих достославных предшественников, уже составляющих ныне исторические эпохи нашего прогресса.

---

* Вы могли бы, князь, прислать великой княгине манифест императрицы Екатерины. Ее высочество намерены нанести визит его величеству и хотели бы передать его императору.

Назад мы не пошли — это несомненно, если же мы, при весьма значительном напряжении всех политических и общественных сил страны, мало продвинулись вперед, то это происходит главным образом оттого, что на пути нашем встречалось немало препятствий. Существование этих препятствий, опять-таки, явление последовательное, а напряженность их противодействий — явление, сверх того, и утешительное. Элементы, враждебные прогрессу, всегда напрягают, особенно в силу своего сопротивления, именно в те минуты, когда чувствуют, что им остается мало шансов устоять на занятой позиции. Борьба прогресса с реакцией — явление, присущее всякой политической жизни, и в известные эпохи она делается явлением преобладающим. Такую эпоху представляет, по нашему мнению, 1869-й год. В течение его много было сделано попыток затормозить правильный ход органического развития России, и все эти попытки положительно ни к чему не привели, хотя порою внушали серьезное опасение людям, чрезмерно робким. Ни правительство, ни общество не поддавалось темным силам, стремившимся увлечь их в сторону с верного, прогрессивного пути, и в конце 1869-го года направление нашей правительственной и общественной деятельности, в общей сложности, нисколько не изменилось к худшему. Мы не без умысла, говоря о нашем политическом и общественном развитии, упоминаем о деятельности правительства прежде, чем о деятельности общества. Никто, конечно, не может отрицать, что общество наше не дожило еще до эпохи самостоятельного почина во всем, что касается его интересов, и всякий согласится, что в этом отношении оно только следует за правительством, которому до сих пор и принадлежит всецело упомянутый почин. В этом отношении 1869 год ничем не может похвастать перед своими предшественниками. Чтобы доказать справедливость наших слов, сделаем краткий обзор наиболее важных событий нашей общественной жизни за окончившийся год, отделив при этом то, что сделано правительством, от того, что принадлежит самостоятельному почину общества, и потом подведем итоги общие под эти выводы.

Что касается правительства, то его разнообразная деятельность, в общей сложности, имела характер несомненно прогрессивный. Нет почти ни одной отрасли внутренней политической жизни России, по которой бы дело осталось в полном застое и не подвинулось вперед.

Самыми важными вопросами внутренней политики России должно, конечно, считать вопросы, относящиеся до органических реформ⁴ нынешнего царствования. Посмотрим же, в каком положении находится ныне развитие этих реформ.

Мы живем, как известно, накануне последнего момента осуществления величайшей из реформ — реформы крестьянского быта. 19-го февраля 1870-го года окончится срок последних обязательных отношений крестьян⁵ к бывшим их помещикам, и великое дело подходит к концу, совершенно нетронутым попытками реакции, пробовавшей внести в него направление, противное основным принципам крестьянской реформы. В этом отношении 1869-й год будет памятным потому, что в течение него произошла полная неудача попытки исказить вышеназванные принципы при разверстках крестьянских угодий в Северо-Западном крае. Читателям нашей газеты хорошо известна история знаменитого “виленского” проекта, клонившегося к урезке земель, уже находившихся в фактическом владении крестьян Северо-Западного края. Этот проект составлял наследие 1868-го года, и 26-го марта 1869 года потерпел полное поражение — в этот день было подписано знаменитое высочайшее повеление, окончательно утверждавшее за крестьянами все земли, находящиеся в их действительном владении.

Правда, позднее, а именно осенью, обнаружились кое-какие недоразумения в применении Указа 26-го марта. Слова этого Указа — “действительное владение” —

получили толкование, не совсем согласное с их прямым смыслом. Но Главный комитет по крестьянским делам вскоре направил дело на его прямой путь, и всякая опасность миновала. Правда, события, сопровождавшие этот эпизод, лишили Западный край двух энергичных деятелей в лице виленского губернатора контр-адмирала Шестакова и попечителя Виленского учебного округа тайного советника Батюшкова. Но развязка всей истории все-таки оказалась вполне благоприятной для крестьянского дела. Применение судебной реформы шло с успехом. В течение 1869-го года открыт целый новый судебный округ (Новороссийский) и подготовлено все для ведения судебной реформы в Бессарабии. Сверх того, ввиду усердия повсеместного введения столь удачно привившегося к русской жизни мирового института, издано высочайшее повеление об открытии мировых судов во всех губерниях империи, в которых действуют земские учреждения. Вследствие этой прекрасной меры мировой институт⁶ уже сделался национальным учреждением в России и в общей сложности действует столь удовлетворительно, что вызывает полное и безусловное сочувствие народа.

Правда, в течение 1869-го года была опубликована мера, относящаяся к новым судебным порядкам, которая возбудила в обществе некоторое опасение за неприкосновенность великого и плодотворного принципа равноправности перед судом всех русских граждан. Но, к счастью, эта мера не имела тех последствий, которых от нее ожидали. Мы говорили о разрешении, данном некоторым высокопоставленным лицам, требовать, если они найдут это нужным, чтобы судебные показания снимались у них на дому в тех случаях, когда они будут привлечены свидетелями по какому-нибудь вопросу. Первый опыт применения на практике — этот опыт показал, что по неудобству обстановки для допрашиваемого допрос на дому, в сущности, вовсе не привилегия, а просто мера, принятая ввиду материальной невозможности для высокопоставленного лица в иных случаях явиться в суд для показаний. Это так верно, что после первого опыта применение на практике уже не повторилось, несмотря на то что было несколько случаев привлечения к суду высокопоставленных лиц в качестве свидетелей.

Переходя к вопросу об объединении наших окраин с остальными частями империи, мы видим, что в трех главных пунктах этих окраин поступательное движение помянутого вопроса, вполне зависящего от почина правительства, было не одинаково быстро. Всего более в этом отношении сделано в Привислинском крае⁷. Там принято несколько весьма важных и решительных мер в объединительном смысле, а именно: открыто во всех губерниях края действие казенных палат и совершенно уничтожен искусственный центр краевой финансовой администрации, находившийся в губернском городе Варшаве. Затем уничтожена там же особая униатская комиссия⁸, и заведование делами униатов перенесено в Петербург, в Министерство народного просвещения. Далее — основание в Варшаве Русского университета взамен прежней Польской главной школы. Все это, вместе взятое, составляет весьма серьезный шаг вперед, и остается только желать осуществления тех последних реформ, по введении которых Привислинский край делается фактически тем, чем он и должен быть, т. е. нераздельною органическою частью России.

В Северо-Западном и Юго-Западном краях дело объединения шло гораздо медленнее. Впрочем, 1869-й год и там ознаменовался несколькими важными мерами. К числу их надо отнести, во-первых, отделение от Виленского генерал-губернаторства двух губерний, Могилевской и Витебской, которые, таким образом, вошли в область общего права, действующего в империи. Затем следует официальное поднятие вопроса о введении русского языка в католическое богослужение, что в

настоящее время уже начинает осуществляться на практике и приведет, наверное, к полному разобщению католичества с польщиэноу. В Юго-Западном крае принята была в течение минувшего года одна сколько-нибудь замечательная мера, а именно: должность командующего войсками Киевского округа отделена от должности главного начальника края. В Эсто-Латышском крае объединительное дело шло с величайшею медлительностью. В начале года, правда, была принята важная по своему политическому значению мера, а именно: государственным крестьянам Эсто-Латышского края дарованы земельные наделы и, таким образом, положено в прибалтийской окраине ядро почти не существовавших там крестьян-землевладельцев. Но на этом вопрос устройства крестьян в Эсто-Латышских губерниях и остановился. Остальные меры ограничились перенесением цензуры латышских книг, составлявшей до сих пор привилегию Дерптского университета, из Дерпта в Ригу, причем цензорами латышских сочинений назначены были два природных латыша, да несколькими более или менее удачными попытками новых губернаторов настоять на применении уже давно изданного закона о введении русского языка в официальную переписку административных мест Эсто-Латышского края.

Затем в северной окраине России, т. е. в Финляндии, уже вовсе незаметно деятельности такого рода, о которой мы говорили выше. По отношению к этому краю в прошлом году осуществилась эта мера, придавшая ему, напротив, характер почти совершенно отдельного от России, по своей правительственной системе, государства. Мы говорим о законе, утвердившем периодичность созывания Финляндских сеймов⁹, которые, таким образом, сделались органическим фактором управления страной и придали этому управлению чисто конституционный характер.

Наконец, в одной из наших восточных окраин, а именно в киргизской степи, преобразован быт тамошних кочевников. К сожалению, эта реформа была вначале дурно понята большинством киргизов и введение ее вызвало вооруженное сопротивление, которое, надо полагать, имело весьма серьезные размеры (достоверно об этом предмете известно весьма мало), так как даже в официальном органе нашего правительства события в киргизской степи прямо названы возмущением. Впрочем, это возмущение в настоящее время уже прекращено и реформа быта киргизов вводится беспрепятственно. Попечения правительства о народном образовании выразились в минувшем году двумя мерами. Во-первых, в 50-летний юбилей С.-Петербургского университета государем императором даровано щедрое пособие нуждающимся студентам, давшее возможность учредить при университете 100 новых стипендий, и, во-вторых, положено начало правильного развития народных школ учреждением особых инспекторов над ними и ассигнованием особой суммы в 360 000 рублей ежегодно на учреждение образцовых народных школ.

Для нашего Военного ведомства 1869 год будет годом, надолго памятным. В течение его принят ряд важных мер, почти окончательно довершивших военную реформу в России. Прежде всего, издано новое Положение о Военном министерстве, увенчавшее собой окончательно прекрасную и вполне целесообразную реформу военной администрации.

Затем издано Положение о вольноопределяющихся¹⁰ на военную службу и о производстве всех нижних чинов вообще в офицеры. В основу этой важной меры положено, как известно, полное равноправие всех нижних чинов, к какому бы сословию они ни принадлежали и каким бы путем ни поступили на службу, на получение офицерского чина. Отныне мерилом права на получение этого чина

является только одно для всех общее условие, а именно: окончание курса в юнкерских училищах, которые открыты одинаково как для прямо поступающих в них лиц из всех сословий, так и для нижних чинов, поступающих на службу путем рекрутского набора. Нет никакого сомнения, что приведенное в такой порядок производство в офицерские чины, во-первых, доставит службе опытных и вполне проникнутых обязанностями воинского звания офицеров, во-вторых, окончательно отнимет у военной службы в нижних чинах все те ее особенности, которые заставили сделать из нее, вопреки намерениям Петра Великого, повинность, тяготившую исключительно только над одними низшими классами русского общества.

Новый успех военных училищ и учреждение военных всесословных гимназий¹¹, наверное, также сильно будет способствовать цели, осуществление которой так желательно как в экономическом, так и в других отношениях. К реформам, относящимся до военного ведомства, принадлежит также отчасти и последовавшее в начале 1869-го года важное преобразование в быте наших донских казаков, которые до последнего времени жили во многих отношениях совершенно особою, замкнутою гражданскою жизнью. Эта-то именно замкнутость и уничтожена ныне: казачье сословие, с одной стороны, сделалось доступным каждому желающему поступить в него, а с другой стороны, сами казаки получили возможность свободно выходить из своего сословия. Такою мерою разрешен весьма удачно не лишенный даже и политического значения важный вопрос о привлечении донских казаков к общей гражданской жизни в России. Надо полагать, что после нее будет уже легче принимать постепенные меры к упомянутому слиянию... Одна из таких мер уже принята, именно: донское дворянство получило право называть своих прежних депутатов дворянскими предводителями, и, сверх того, ему дан мундир, схожий по шитью и цвету сукна с общим дворянским мундиром империи.

Казачья реформа вообще близко прикасается к вопросам сословным. Вот что сделано в этом отношении в течение 1869-го года.

Меры правительства коснулись в этом году только двух сословий — городского и духовного. Опубликован проект первого Городового положения, главные черты которого состоят, во-первых, в причислении к городскому сословию (в качестве избирателей и гласных) всех городских землевладельцев и, во-вторых, в преобразовании городского управления по образцу управления земского. Размеры краткого газетного обзора не позволяют наметить, даже в общих чертах, предположенные преобразования, которые, впрочем, подробно были рассмотрены нами в целом ряде статей, помещенных в нашей газете прошлого года. Мы ограничимся только заявлением, что проект нового Городового положения в своих общих чертах является необходимым и логическим дополнением реформы всего общественного строя, столь успешно начатой земскими учреждениями.

Духовное сословие в 1869-м году подвергалось радикальной и в высшей степени благотворительной реформе. Замкнутость его, сделавшая из русского духовенства что-то вроде sacerdotalной касты¹², окончательно уничтожена. Отныне принадлежащими к духовному сословию считаются только лица, носящие священнослужительский сан (священники, диаконы, причетники). Дети же их получают общие гражданские права, и им открывается доступ ко всем отраслям общественной и государственной деятельности. Это громадный, громадный шаг вперед, особенно если принять в соображение последовавшее в нынешнем году преобразование духовных академий, возвысившее уровень образования в этих учебных заведениях до размеров, делающих важным прилив в них молодежи из

других классов общества. Священнослужительство, перестав быть своего рода роковою обязанностью для детей духовенства, потеряет, надо полагать, свой прежний характер какой-то обязательной службы, столь вредный там, где удовлетворительное исполнение взятых на себя обязанностей немислимо без внутреннего призвания и убеждений в истине начал, которым служишь.

Финансовая летопись 1869-го года, по обыкновению, не находится в гармонии с летописью прочих отраслей правительственной деятельности. Правда, обнародованная в начале года роспись государственных доходов и расходов представила результат довольно утешительный, а именно: обнаруженный ею дефицит (15 174 074 рубл.) представлял цифру гораздо менее значительную, чем дефициты прежних лет, и, сверх того, предвиделась возможность покрытия этого дефицита из ординарных ресурсов. Но, тем не менее, в течение года был сделан заем в 15 000 000 рублей. Правда, необходимость этого заема объяснялась во время его запуска потребностью извлечь из обращения излишнее количество бумажных беспроцентных знаков, и такое объяснение было даже причиною необыкновенно успешной подписки на новый заем. Но позднее было заявлено, что полученные займом кредитные билеты, предназначавшиеся к уничтожению, на время еще будут сохранены в обращении.

Кроме упомянутого нами займа, в 1869-м году последовал еще второй выпуск облигаций Николаевской железной дороги.

Правительственные мероприятия, касающиеся наших путей сообщения, ограничили определением наиболее необходимых линий железных дорог, на которые и решено было выдавать концессии прежде прочих, сверх того, предпринято преобразование Министерства путей сообщения, и преобразование это, еще не обнародованное в принципе, фактически уже состоялось. Так, после назначения министром путей сообщения графа Бобринского вместо генерала Мельникова заведование железными дорогами и водяными путями сообщения сосредоточено в руках двух лиц, являющихся помощниками министра и пользующихся правами начальников отдельных управлений.

По народной гигиене принята в начале 1869-го года весьма важная мера, а именно введено оспопрививание.

По отношению к печати деятельность правительства выразилась учреждением особой Комиссии для пересмотра законов о печати. Результаты деятельности этой комиссии еще впереди, и надо желать, чтобы наступающий год был свидетелем установления таких законов, при которых эта отрасль нашей гражданской деятельности, по справедливости гордящаяся тем, что она создала в России глубоко и искренне сочувственное правительству общественное мнение, вступила, наконец, в область общего права из области нынешних исключительных отношений, ставящих ее в зависимость от двух учреждений, совокупное действие которых уже признано невозможным в нашем законодательстве, т. е. суда и администрации.

Таковы итоги правительственной деятельности за 1869-й год. Завтра обратимся мы к образу деятельности общества».

«Московские ведомости». Москва, 2-го января.

«Каждый год в жизни исторических народов имеет свою физиономию. Нельзя сказать, чтобы физиономия истекшего года в нашем отечестве была очень красива, но она выразительна. И хронические, и острые недуги, которыми страдают наши дела, определились в истекшем году очень явственно, и наступившему году передается, несомненно, наследие деморализации и уныния, овладевающего об-

ществом после неслыханных зрелищ, которых оно было свидетелем. Солидарность всех дурных партий обнаружилась явственно, и они, видимо для всех, слились в общем действии, равно направленном и против России, и против нынешнего царствования. Для всех становятся очевидностью загадочные слова покойного Муравьева, что главный ржонд¹³ не в Варшаве, не в Вильне, а на берегах Невы, хотя, по грустной иронии судьбы, сам же Муравьев спасовал перед тайным злом, когда оно у него было под рукою...¹⁴

Зло после того выросло; оно овладело полем, оно располагает такими средствами обмана, что борьба с ним становится почти невозможна. Все, чем сильна государственная жизнь, что связует народ в одно живое и крепкое целое, чем дорожит, паче золота, мудрое правительство, поругано и потрясено... Но солнце обновления, которое возшло над Россией 19-го февраля 1861-го года, не померкло. Воля, управляющая судьбами России, не изменилась: рука дающего не оскудеет, хотя руки принимающие, видимо, слабеют и никнут...

И истекший год, каков бы он ни был, ознаменовался днями, достойными 19-го февраля. Сюда, прежде всего, принадлежат столь важные и великие по своей руководящей мысли преобразования нашего духовного быта».

Далее «Московские ведомости» указывают на ожидаемую пользу от уничтожения духовной касты, о сокращении приходов. Потом упоминают о некоторых приказах в развитии народных школ и засим, переходя к земским учреждениям, говорят следующее:

«Но, с другой стороны, земские учреждения представляют печальное зрелище. Гласные во многих местах охладевают к своему делу, перестают видеть в нем дело государственного значения, начинают сомневаться в его будущности. Они замечают в правительственных властях какое-то глухое нерасположение к этому созданию правительственной власти. Многие земские собрания последней сессии шли вяло за малочисленностью гласных, иные вовсе не состоялись за неприбытием узаконенного числа членов.

Упадок общественного духа не мог не отозваться на наших новых порядках. Всем понятно, с какой энергией и бодростью пошло у нас дело мировых посредников¹⁵, как много обязано их неутомимой и самостоятельной деятельности благополучное исполнение крестьянской реформы. Но несколько косвенных ударов, и учреждение, начавшееся так блистательно, утратило дух, и лучшие люди, служившие ему органами, покинули его и разошлись. Какой сильный, несокрушимый, ничем не подкупный русский дух оживил администрацию в Западном крае, когда патриотический призыв венценосного вождя народа призвал туда русских людей на национальное дело. И вот теперь все бегут оттуда, и «Виленский вестник» через день, т. е. в каждом номере своем, извещал в последнее время о переменах в составе членов губернских по крестьянским делам присутствий».

«Московские ведомости». От 4-го января 1870-го года.

«По судебному ведомству в истекшем году продолжалось распространение деятельности новых судов и сокращение старых; Второе отделение 6-го департамента Сената упразднено. 7-й и 8-й департаменты слиты в одно общее присутствие. Наоборот, в С.-Петербургском окружном суде образовано новое 7-е отделение.

В одном из старых высших судов, а именно в 1-м департаменте Правительствующего Сената, занимающимся административною юстицией¹⁶, произведено

важное изменение: дела в этом департаменте решались прежде единогласно, а в случае разногласия восходили в общее собрание, в чем заключалась важная гарантия для интересов, подлежащих компетенции этого судилища. Ныне дела окончательно решаются по большинству голосов. Будь это постановление сделано несколькими месяцами прежде, то процесс о газете “Москва” вовсе не дошел бы до общего собрания и к состоявшемуся мотивированному решению не представилось бы повода.

По судам новым принято несколько необходимых исполнительных мер; так, например, опекунские дела распределены в местностях, где введены судебные уставы, между окружными и сиротскими судами; усовершенствована нотариальная часть; установлен порядок свидетельствования безумных и сумасшедших там, где действуют судебные уставы, и т. д. ... Политический характер может быть приписан направлению меры, вводящей отбирание судебного показания у высших сановников на дому. Эта мера, а также возложение на судебных лиц обязанности являться к губернаторам для личных объяснений подали повод к толкам, что судебной части не предполагается уделить в действительности то равенство с администрацией, которое составляет коренной принцип судебных уставов. Если бы такие толки оказались справедливыми, то судебной реформе был бы нанесен неоправимый удар: она сильно нуждается еще в том, чтобы законодательство не только обращалось с ней бережно, но и лелеяло ее. Иначе она испортится, лишится духа, и от нее останется только труп, который пришлось бы только убрать поскорее. Особенно важен выбор лиц, руководимый чистыми интересами правосудия, и их правильное повышение и расчетливое сочетание.

По судебной реформе Военного ведомства следует упомянуть об открытии в истекшем году военно-судебных округов Киевского и Виленского.

Военная кодификация¹⁷ деятельно продвигалась вперед, деятельнее, чем снабжение войск улучшенным оружием, хотя в этом деле истекший год составляет эпоху: читателю известно, что к осени наступающего года все войска наши будут снабжены улучшенным оружием и что значительная часть его, более половины, будет готова к весне. Другие улучшения в военном деле неуклонно идут предначертанным путем. Так, в истекшем году изменили свой вид к лучшему и лагерные занятия войск, применительно к вводимому новому Уставу полевой службы, а принимавшиеся одна за другой меры относительно казачьих войск мало-помалу разбирали ту фальшивую стену, которая обособляла их от прочих подданных империи.

Введено новое положение о киргизах, вызвавшее в одной половине их серьезные волнения, которые, однако же, ныне усмирены. Для прочного овладения Приаральским краем занят Красноводский залив на восточном берегу Каспийского моря, и предполагавшегося при этом сопротивления не было встречено. Упомянем, кстати, что при снабжении красноводского десанта фуражом и провиантом впервые применены все способы новейшей техники, либиховский экстракт¹⁸, прессованное сено и т. д. ...

Телеграфное ведомство заботилось о международных сношениях. Открыты кабели русско-датский, русско-шведский, и 1-го января назначено открытие индоевропейского через Кавказ. Дана концессия на продолжение телеграфа между Сибирью, Китаем и Японией. Заключена международная телеграфная конвенция. Зато ничего не сделано не только для удешевления внутренней корреспонденции, но и для представления русской публике тех самых условий, которые допущены для публики иностранной. Внутри дело ограничилось дополнениями сети.

Почтовое ведомство открыло свою деятельность новым порядком пересылки периодических изданий, от которого вынуждено будет отказаться.

Железнодорожное дело шло успешно, поскольку ограничивалось исполнением прежде начатого. Исключение составляет лишь Киево-Балтийская линия, которая давно могла открыться, но все еще не открывается по дурному качеству работ. Другие работы, коих открытие ожидалось в истекшем году, достроились благополучно, хотя Мстинская катастрофа, которая неисчислимо дорого обойдется русской торговле, замедлила открытие некоторых из них (например, Ярославской и Тамбовской) и укладку второго пути на других (Казанской, Козловской, Курской). Важнейшим событием года в этом отношении было совершившееся в декабре соединение Балтийского моря с Азовским, чем Россия обязана быстрому сооружению дорог Курско-Харьковской и Харьковско-Таганрогской. Но эти успехи не должны ослеплять нас. Истекший год был годом казусов в истории русских железных дорог. Прежде всего, он ознаменовался разительными отступлениями от предначертанной и утвержденной программы действий. В большой своей части она оставалась неисполненной, между тем как линии, не вошедшие в первую категорию, сравнительно ненужные или даже положительно вредные, получили концессии. При Лыкской концессии случился еще небывалый у нас скандал. Появилось в газетах письмо, за подписью одного из концессионеров Либавской дороги, <которое> само содействовало проведению подрывающей ее дороги Лыкской. Это обстоятельство, а равно и отсрочка работ на Либавской дороге, хотя это предприятие поставлено так, что ожидаемый от него барыш в значительной мере зависит от сокращения расходов на уплату процентов за время сооружения, заставляют сомневаться в намерении концессионеров довести свое дело до конца, не лишая России важной линии и не вводя своих доверителей-концессионеров в разорение. Дело, очевидно, требует общего собрания акционеров и энергических мер как с их стороны, так и со стороны правительства, без помощи которого они были бы бессильны. Как успели перепутаться понятия в деле самом простом и ясном, видно из ходатайства Балтийской дороги о гарантии после подписки на акции. Если это ходатайство будет уважено, то как удивляться, что самое невозможное покажется любому концессионеру важным и исчезает всякая грань между действительностью и призраками. Серьезность и трезвость, видимо, убегают из области русских железных дорог. Число разрешений на концессии дошло до цифры 168, и никто не хочет заметить, что в России железные дороги могут быть прибыльными лишь под условием значительности своих районов и что всякая большая линия, присоединяющаяся к сети, улучшает положение остальных линий, а всякая промежуточная — есть шаг к кризису, коего мы не избежим, если некоторые местности покроются слишком частою сетью, пока другие остаются вовсе без путей. Несчастные случаи и способ обращения с ними также показывают, что управляющие железными дорогами, в особенности Главного общества, которое было прежде возвеличено, как бы за то вконец опозорилось, разучилось отличать возможные упущения от невозможных: мост горит за мостом, и это служит предлогом к иным упущениям, переправой не объяснимым. Публика будет скоро жалеть, что было на свете изобретение, называемое паровозом, и что это изобретение было введено в России. Уже теперь не только вокруг загадочной Мсты, но и по дороге к Курску купцы отправляют красный товар на тройках, по шоссе, хуже прежнего ремонтируемому, и пользуясь услугами извозчиков, хуже прежнего организованных. Железная дорога есть, и по ней кое-как ходят поезда, но она для торговли призрак, а действительность вокруг совсем расстроилась против прежнего. До открытия железных дорог можно было отправлять грузы на срок, теперь этого нельзя сделать: железная дорога вместо 5-ти дней продержит товар 5 месяцев, и не найдешь на нее ни суда, ни расправы. Не значит ли это пойти

назад с быстротою, свойственной железным дорогам? Какое впечатление остается в людях, где подобные явления в порядке вещей?

На бирже также истекший год обнаружил явственно наши недуги. Их оказалось чересчур много, и хронических, и острых; хорошо по крайней мере, что тут можно уловить тот призрак, который, смешиваясь с действительностью, сбивает с толку русское общество. Тут он является в материальном виде, в каком бы и подлежал сожжению, если бы не ускользал, несмотря на самые торжественные приготовления. Летом, когда повышение биржевых ценностей дошло до *pes plus ultra** безрассудности, был объявлен заем на огромную сумму в 15 миллионов номинально и покрыт весьма успешно. Избыток денежных знаков был очевиден, но как только заем состоялся, Государственный банк явился ходатаем за то, чтобы призраку, лишаящему биржу рассудка, было позволено пожить и подействовать еще несколько месяцев, а может быть, и лет. Ничего другого не могло произойти из этой терпимости, кроме ущерба кредиту акций, в особенности железнодорожных. Так и случилось, а что теория о потребности денежных знаков, выпускаемых банковским путем, есть не что иное, как вредное, непростительное заблуждение, это доказывает каждый день, несмотря на игру сегодня на понижение, завтра на повышение, ведущуюся самым недостойным образом. Подписка на учетный банк в Москве превысила чуть не в сто раз требование: можно ли после этого говорить не шутя, что торговля нуждается в типографском станке, печатающем кредитные билеты? Но уместна ли шутка, когда разоряются сотни людей и вся публика вовлекается в обман?

Переходим к вопросам, с которыми связаны великие интересы государственного единства и, следовательно, в сущности, все жизненные интересы страны. Коль скоро в стране остаются открытыми антинациональные вопросы, то это значит, что во всех отправлениях государственной и общественной жизни присутствует враждебное начало, которое действует, как отравя, и оно-то, если зорким глазом проследить все его действия, вносит повсюду смуту и расслабление. У нас, к несчастью, есть исторические обмолвки, из которых с течением времени произошли вопросы, каковы польский — в Западном крае — и немецкий — в Балтийском.

Истекший год был свидетелем выходящих из ряда, истинно невероятных происшествий по крестьянскому делу в Северо-Западном крае. Эти происшествия, столь необыкновенные, столь поразительные, не могли не произвести глубокого, потрясающего впечатления на все русское общество.

Слава Богу, высочайше утвержденное Положение 26-го марта не позволило уклонить на кривые пути крестьянское дело в Западном крае, где оно имеет силу национального вопроса, и торжественно засвидетельствовало неизменность правительственной программы действий. Такую же силу имеет высочайше утвержденное 29-го ноября Положение Главного комитета, которое недавно опубликовано в циркуляре виленского генерал-губернатора. Этим последним актом решительно ниспровергаются те перетолкования, которым подверглось Положение 26-го марта. В чем состояла сущность этого Положения? Оно закрепляло за крестьянами их действительное наличное владение. Известно, что в таком смысле употреблено это выражение в разных узаконениях по крестьянскому делу и что тот же смысл имеет оно и в представлениях самой виленской администрации по местной крестьянской реформе. Тем не менее, виленская администрация предписала

---

* крайней степени (лат.)

местным крестьянским учреждениям читать в Положении 26-го марта выражение “действительное владение” с прибавкою слов: предоставленное крестьянам выкупными актами. Этой прибавкой уничтожилось Положение 26-го марта и восстанавливался знаменитый Виленский проект, в котором была выражена мысль о признании за крестьянами владений только по актам, т. е. об отобрании у них земель, вопреки основному закону, укрепившему за ним и все земли, состоявшие в их владении. Губернские присутствия, мировые съезды, мировые посредники, следуя указаниям высочайшей воли, исполнили в точном смысле Положение 26-го марта. Толкования местной администрации разошлись с действием местных крестьянских учреждений. Новое высочайшее Положение не допускает и возможности каких-либо недоумений или ошибок относительно слов “действительное владение”. Оно буквально повторяет две главные статьи Положения 26-го марта. К ним не прибавлено ни одного слова.

Среди лживых толков о последней фазе крестьянской реформы в Северо-Западном крае утверждали, что Положение 26-го марта недостаточно, потому, между прочим, что на практике оказалось множество непредусмотренных им случаев, требующих пересмотра вошедших в законную силу постановлений. Такого рода случаи не только никогда не были заявлены, но и до сих пор большей частью пребывают в неизвестности. Положение 19-го ноября указывает генерал-губернатору представить местные сведения и данные, необходимые для разъяснения упомянутых случаев. Остается пожелать, чтобы собрание этих местных сведений и данных не затянуло столь необходимое окончание крестьянской реформы в Северо-Западном крае и чтобы опыт истекшего года не пропал бы даром.

Во всяком случае, смысл закона спасен, но закон не много сам по себе значит вне вопроса о его исполнении. Как будет исполняться закон? Кто будут его исполнители? До последнего времени в Западном крае были люди, испытанные в деле. Там был жив дух, занявшийся в общем патриотизме народа в годину государственной опасности. Теперь люди эти разошлись и расходятся. Крестьянские учреждения прочищаются¹⁹ в обширных размерах, так что в нынешнем году личный состав их изменился неузнаваемо. Дух, который держал все в связи и давал людям силу и направление, — оклеветан, обесславлен, поруган. Где новые деятели возьмут новую силу, необходимую для действия на таком посту, как Западный край, и в таком деле, как крестьянское, особенно после того, что было с их предшественниками? Все известия оттуда свидетельствуют об общем упадке духа между тамошними русскими людьми.

В искусственно созданном для России так называемом балтийском вопросе в течение минувшего года не произошло перемены, т. е. он подвинулся в антирусском направлении. По-прежнему под действием местных сословий, властей, а также средних и высших казенных учебных заведений громадное большинство населения, несмотря на свое влечение к России и потребности в русском языке, продолжает поневоле онемечиваться, притягивается к соседней Германии. Эстляндским населением усиленно внушаются понятия, враждебные русскому государству: по мере образования им будет все яснее и яснее становиться, что, несмотря на отрядные обещания, исшедшие из уст монарха, они не принадлежат к одной русской семье, но каким-то непонятным для них роком осуждены обращать свои взоры к Берлину, к Германии, и с каждым днем отпадать от нации, которой они часть. Как слабое мерцание огонька еще более дает чувствовать темноту, так легкие намеки в ходе балтийских дел на русскую программу еще резче заявляют ее отрицание в действительности. Сюда относится <учреждение> русской газеты в Риге, маленькая русификация “Эстляндских губернских ведомос-

тей”, за которую эстляндского губернатора чуть не со свету сживают, учреждение на острове Эзель скромной русско-эстляндской семинарии для приготовления учителей в народные школы, учреждение в Риге русско-эстонско-латышской школы для местных православных латышей и эстов. Истинно утешительный признак есть неостывающее участие русского общества – участие, выражающееся в пожертвованиях не только из Москвы, но и изо всех почти мест империи в пользу балтийских православных церквей. Эти пожертвования, равно как учреждение двух упомянутых школ на средства, доставленные московскими благотворителями, и, наконец, некоторые пожертвования в пользу латыша и эста, подвергшихся жестокому преследованию за их преданность России, имели, прежде всего, по крайней мере то последствие, что вынудили враждебных агитаторов прекратить свои насмешки над бессилием и неспособностью русского колосса помочь себе в собственном деле и наложили невольное молчание на некоторые органы балтийской печати... К числу мер, имеющих довольно важное значение, принадлежит определение ежегодного пособия в 10 тысяч рублей балтийским православным народным училищам. Православным крестьянам, вообще весьма бедным и притом разбросанным в разных местностях, будет этой мерой доставлена возможность пользоваться благами просвещения, которыми лютеранские общины давно уже пользуются. 42 православные церкви в Курляндии и Лифляндии снабжены необходимым облачением, утварью, книгами и проч. ... Равным образом и на построение церквей собирались пожертвования, хотя надобно сознаться, что по этому предмету еще многое надо сделать. Реформы аграрная и судебная в Эсто-Латышском крае решительно не продвинулись в прошедшем году ни на шаг. Но, если верить слухам, в наступившем году в Балтийском крае ожидается такая судебная реформа, которая гораздо далее и решительнее подвинет здесь дела в противном России смысле, чем все, происходившее в этом крае в продолжение 150-ти лет...

Истекший год ознаменован для Балтийского края еще введением в тамошние казенные присутственные места переписки на русском языке. Это было законено еще при покойном государе. Но закон был издан как бы для того, чтобы оставаться без исполнения, пока за два с лишним года перед сим эта аномалия не обратила на себя внимание правительства. Было повелено исполнить наконец требование, столь обязательное по своей законной силе и в то же время столь справедливое, естественное, безобидное и не нарушающее ничьих уважительных интересов. Тотчас же посыпались брошюры и корреспонденции. Бароны были подняты на ноги. Г. фон Бок подал своим землякам печатный совет — кричать как можно громче и пугать правительство, что и было исполнено. Требование, дважды заявленное всею силою правительственного авторитета, встречало на каждом шагу причины к неисполнению. Ревельский магистрат возвратил генерал-губернатору официальную бумагу, писанную по-русски, и почтительнейше просил его впредь не обращаться к нему на языке, который ревельский магистрат не знает и знать не хочет. Но вот в заграничных газетах появилась успокоительная корреспонденция, извещавшая Германию, что дело об употреблении русского языка кончилось ничем. Вскоре стало известно, что казенные места в Балтийских губерниях обязываются по-прежнему вести сношения с местными сословными учреждениями не иначе, как на немецком. Так как делопроизводство в балтийских присутственных местах весьма естественно имеет своим содержанием местные дела, которые все находятся в заведовании местных учреждений сословных, то вопрос действительно сводится на ничто. Но еще хуже то, что правительство Российской империи в одной из ее областей должно считать для себя язык иностранный...

Иstekший год начался студенческими беспорядками с прокламациями от вождей и героев нашей революции. Он кончился арестами между учащейся молодежью по делу, имеющему, как говорят, политический характер самого дурного свойства. Интрига, которой нет имени, окончательно избрала средю для своих козней наши учебные заведения. Но 1869-й год прошел в этом отношении не без пользы. Язык событий был так ясен, что и самые тупые умы начали смекать характер зла, которое так нахально издевается над целым народом. Сущность зла должна быть раскрыта; его источники должны быть исследованы; поможет ли нам в этом наступивший год? Если бы так, то он бы стал годом, благословенным в истории Русского государства».

7-го января. Сегодня великая княгиня сказала мне, что она послала копию с манифеста императрицы Екатерины к императрице и что получила от нее благодарственный ответ за эту присылку. Причем она пишет, что передала манифест государю, но что он его не читал. Великая княгиня думает, что этот манифест может успокоить царя тем, что он увидит, что и прежде прокламации бывали. Но я думаю, что теперь его уже ничто не может успокоить, ибо его уже слишком настрашали. К тому же вчера в «Судебном вестнике» появилась статья о III Отделении, в которой приводится манифест императора Александра I об уничтожении Тайной канцелярии²⁰. В этой статье нет ничего особенно резкого, но она, говорят, произвела сильное раздражение. Номер «Вестника» задержали и секвестровали, и против редактора должны теперь начать преследования, так как предварительное задержание прежде суда по закону дозволяется только с тем, чтобы в то же время начато было судебное преследование. Говорят, государь так раздражен, что выразил намерение сослать редактора Лохвицкого в Усть-Сысольск. Не знаю, чем кончится это дело, но статья такого содержания, что преследовать ее решительно невозможно без скандала. Я знаю, что стараются как-нибудь устроить, чтобы судили при закрытых дверях, но этого никак нельзя сделать без явного нарушения закона. Я постараюсь достать этот номер запрещенной газеты и приложу его к своему дневнику, ибо уверен, что эта статья подаст повод к разным глупостям. Я очень рад, что великая княгиня не послала всей моей записки о прокламациях, а только один манифест Екатерины, потому что в записке моей приписан также манифест Александра о Тайной канцелярии, и потому совпадение этой записки со статьей в «Судебном вестнике» могло бы показаться странным. Удивительное, право, время мы переживаем. Вся Россия так спокойна, так занята мирными делами и пользованием материальными улучшениями, что едва ли какое-либо время можно сравнить с настоящим, а государь, окруженный людьми, явно пользующимися его нервическим состоянием, предается неумеренным страхам и, видимо, хочет пуститься в необузданную реакцию. Страшную ответственность берут на себя люди, завлекающие государя в такой безвыходный лабиринт.

10-го января. Вот статья «Судебного вестника», наделавшая столько шуму, несмотря на то что ее задержали и что успели выпустить только несколько номеров. Судебного преследования, говорят, не будет, а так как редактор имеет права по закону требовать преследования, то ему, говорят, объ-

явили, что при первом его поползновении подать об этом просьбу в Сенат его сошлют в Усть-Сысольск.

О политической полиции в России

«До известной степени понятно, что существуют такие органы, как органы тайных обществ, тайные судилища, заводимые противниками существующих порядков в государстве. Но когда сама государственная власть учреждает тайную расправу, когда, таким образом, она сама составляет протест против судебных и политических учреждений, ею же установленных, — тогда недоразумение неразрешимо.

Такое ненормальное явление, однако, существовало у нас с очень древних времен. Бояре жаловались на великого князя Василия Ивановича²¹, что он доверяется во всем дьякам. Царь Иван Грозный учреждает опричнину. При царе Борисе “злые шептуны” в полной силе. Царь Михаил Федорович посылает для надзора над действиями не только областных начальников, но и полковых воевод — своих приближенных дьяков. Шеин колотил их и за это поплатился головой. При царе Алексее Михайловиче учреждается знаменитая “Тайная канцелярия”, которая свое настоящее и ужасное значение приобретает при Петре Великом под начальством Ушакова и Толстого. Все дела политические ведались этим грозной памяти учреждением. Под политическими делами тогда подразумевали не только бунты и заговоры, но и слова, противные, какие бы ни были выражения, мысли, которые могли быть истолкованы в смысле, неприятном для особы государя. Это было то же, что революционный трибунал Французской республики. Все власти, гражданские, военные, духовные, ложились в прах перед грозной и всемогущей Канцелярией. Что она делала при императрице Анне и Бироне — о том страшно вспомнить. Петр III уничтожил Тайную канцелярию. Велик был восторг России. По этому случаю Ломоносов написал торжественную оду. Екатерина II подтвердила это уничтожение. Но при Павле I Тайная канцелярия была восстановлена под названием “Тайной экспедиции”. Если при этом государе не было пыток, то ссылка без суда дошла до колоссальных размеров. Император Александр I, через несколько дней после своего вступления на престол, издал торжественный манифест об уничтожении навсегда Тайной экспедиции. В этом знаменитом акте подробно излагается вся несвойственность подобных учреждений с формой правления, существующего в России, и с благом страны. Приводим его целиком:

“Нравы века и особенные обстоятельства времен протекших побудили государей, предков наших, между прочим, временными постановлениями, учредить Тайную Розыскных Дел Канцелярию, которая, под разными именами и на разных правилах, даже до времен вселюбезнейшей бабки Нашей — государыни императрицы Екатерины II-й, существовала. Признав судилище сие установленному в России образцу правления не свойственным и собственным правилам ее только противным, в 1762-м году изданным манифестом она торжественно его уничтожила и отвергла. Таким образом, имя сей Канцелярии было уже в положениях закона изглажено. Между тем, однако же, по уважению обстоятельств, признано было нужным продолжать ее действие под названием «Тайной экспедиции» со всевозможным умерением правил ее личной мудростью и собственным высочайшим всех дел рассмотрением. Но, как с одной стороны, впоследствии времени открылось, что личные правила, по самому существу своему перемене подлежащие, не могли положить надежного оплота злоупотреблению, и потребна была сила закона, чтобы присвоить сим надлежащую непоколебимость, а с другой, рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы,

судимы и наказуемы общей силою закона, Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать в Государственный архив к вечному забвению. На будущее же время ведачь их в 1-м и 5-м Департаментах Сената и во всех тех присутственных местах, где ведаются дела уголовные. Сердцу нашему приятно верить, что, сливая пользы наши с пользами наших верноподданных и поручая единому действию закона охранение Имени нашего и государственной целостности от всех прикосновений невежества или злобы, мы даем им новое доказательство, колико уверены мы в верности их нам и престолу нашему, и что польза наших никогда не разделяем мы от их благосостояния, которое едино составляет всегда будет все существо мыслей наших и воли. В прочем предоставляем Сенату постановить и пополнить порядок производства дел сего рода в местах, до коих они принадлежат”.

Полн. собр. зак. № 19813, 1801-го года 2-го апреля.

Что можно прибавить к этим прекрасным словам, исшедшим с высоты престола?

В царствование императора Николая I-го было учреждено 3-е Отделение Собственной Его Величества Канцелярии. Даже в «Полном собрании законов» нет ни одного акта, который бы определял предмет ведомства этого учреждения, степень власти его начальника. Несколько лет тому назад в записках Общества истории и древностей²² были напечатаны документы по делу о распространении православия в Прибалтийских губерниях. Это единственный нам известный печатный материал, дающий понятие о той власти, которую имеет главноуправляющий III-м Отделением. Далее, официально известно, что он, вместе с тем, и шеф Корпуса жандармов. Эти жандармы учреждены были при Александре I-м только как конная внутренняя стража. Пешая внутренняя стража (теперь — губернские батальоны) остались и впоследствии, при первоначальном значении, но конной дано иное назначение: она выделена от подчинения местной администрации и Военному министерству. Официально известно, что империя разделена на жандармские округа, что в каждом губернском и некоторых не губернских городах находится жандармский штаб офицеров с командою. Наконец, официально известно, что после упразднения звания петербургского генерал-губернатора обер-полицмейстер подчинен как шефу корпуса жандармов, так и министру внутренних дел.

Вот все, что официально известно о III-м Отделении Собственной Его Величества Канцелярии. Эта неизвестность порождает в обществе самые фантастические толки о таинственной власти, пребывающей у Цепного моста. Министерство политической полиции существовало как самостоятельное во многих государствах. О его целесообразности могут быть разные мнения, как и о всяком другом министерстве, и нет никаких причин для правительства скрывать или покрывать его существование. При известных обстоятельствах оно может оказать существенную пользу, при других оно с удобством может быть соединено с Министерством внутренних дел. Другой вопрос о его власти. Что III-е Отделение не есть политический суд, вроде Тайной канцелярии или Экспедиции, об этом нечего и говорить. Если 70 лет тому назад император Александр I признал, что целостность государства и безопасность главы государства достаточно обеспечены законами и общими судами, то правительство, в противность истории, духу и букве манифеста (имеющего значение не преходящего, а постоянного закона), очевидно, не могло считать целесообразным существование подобного учреждения в наше время. Но, как небезызвестно всем, III-е Отделение, не будучи судом, а политической полицией, обладает, между прочим, властью — ссылать в отдаленные места без суда.

Всякий уголовный суд имеет значение только по власти наказывать. Таким образом, оно пользуется важною уголовною властью без тех гарантий, которые существуют для подсудимого на суде. Здесь мы касаемся важнейшего из вопросов русской общественной жизни. У нас существует твердый закон, независимый суд. Рядом с этим не гарантирует существование учреждения, действующего без судебных реформ, но могущего ссылать и заключать административным порядком. Спросим об одном — достигают ли эти меры той цели, с которой их предпринимают?

Нам случалось слышать от людей, вполне честных, что такого рода меры составляют печальную необходимость для очищения столиц от людей зловерного образа мыслей, нигилистов и проч. ... Во-первых, заметим, что воспрещение жить в столицах вовсе не одно и то же, что ссылка на неопределенное время в Повенец или Усть-Сысольск. В первом случае человек может избрать себе место жительства, где хочет, может уехать за границу. Обратимся к последствиям. Они прямо противоположны цели. Лица ничтожные, которых крайние и часто до безобразия неверные мнения в столице не могут принести большого вреда, потому что здесь действует масса умственных сил большого разряда, их уничтожающих, в Повенце или Кадоме являются колоссами. Здесь-то они и могут вести свою пропаганду без всякого отпора. И так зло, которое по естественному ходу вещей могло зародиться только в одном пункте и где оно не могло разрастаться, мы переносим на незащищенные части тела. Это одно последствие, даже в таком предположении, что администрация обладает талисманом безошибочно отличать людей зловерных от хороших, и при другом предположении, что все ее агенты непременно самого благонадежного образа мыслей, чувств и действий. Способы выполнения первостепенными агентами часто еще усугубляют без нужды тяжесть меры. Известны случаи, когда человека, даже не замешанного в политической истории, брали внезапно и ссылали. У него есть семейство, у него могут быть важные личные дела, и ему не дают ни дня времени, чтобы распорядиться своими делами, оградить хотя бы свои имущественные интересы, распорядиться детьми, снарядиться в далекий путь, избрать поверенного, даже проститься с семейством.

В минуту государственной опасности власть обязана принимать самые решительные меры; в таких случаях и в древнем, свободном Риме Сенат давал властям полномочия чрезвычайные. Но что полиция политическая и не политическая, во время спокойствия, не при военном положении, имела право действовать по этому римскому обычаю, — этого нельзя согласить ни с государственными интересами, ни с законностью. В течение 18-го и частью 19-го века русское правительство было ограничено, собственно, только двумя началами, неизвестными старой России, где ограничениями были церковь, обычаи, родовая аристократия в лице боярской Думы, земские советы. Эти два ограничения новой России заключались, во-первых, в имени Петра Великого, во-вторых, в “что скажет Европа”. Все преемники Петра Великого торжественно ставили его образцом для себя: его учреждения, планы, мнения считались святынею. Каждый важный новый закон подкреплялся ссылкой на имя Петра. Этот культ имел благодетельные последствия: он был ручательством прогрессивного движения нашей страны, он давал нам предания, известный порядок, устанавливал известный круг политических идей. Другое начало — “что скажет Европа”, в сущности, превосходное, выражавшее стремление стать европейским государством, а не возвращаться в Азию, вело, однако, часто к лицемерию: устанавливалась двоякая жизнь — одна напоказ, для Европы, другая — закрытая, для внутреннего обихода. Мы можем насчитать много учреждений, сделанных только для парада, явных, торжественных, — это для Европы —

и можем насчитать много и таких учреждений и мер, которых Европа не разглядит, которые прикрыты ничем не выражающими именами, но в которых заключается вся суть дела, это для домашнего обихода. Люди прошлого века находили все это естественным; то, что составляет сущность Европы — законность и общественные льготы их мало интересовали. Но времена переменялись. Мы, конечно, дети Петра Великого, но мы также дети великих прогрессивных начал новой европейской жизни. Конечно, и теперь безынтересно справляться о том, “что скажет Европа”, но гораздо более нужно размышлять о том, “что скажет Россия”, которая подросла и может говорить».

11-го января. За приведенные выше статьи «Московских ведомостей» дано им первое предостережение; Катков напечатал это предостережение и в передовой статье принес повинную. Эта статья удивила всех, о ней много толкуют и объясняют ее различно, в этой путанице ничего понять нельзя. Я, со своей стороны, рад, что Катков не прекратил издания. По крайней мере останется на некоторое время хоть один честный орган. По той общей радости, которую выражала немецкая, польская и шуваловская партии при известии о том, что «Московские ведомости», вероятно, перестанут выходить под редакцией Каткова, можно судить о значении этого органа. Прилагаю текст предостережения и статью Каткова.

Распоряжение министра внутренних дел

8-го января 1870-го года

Принимая во внимание, что:

Передовые статьи № 2 и № 3 «Московских ведомостей», обозревая события и обстоятельства минувшего года, изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положение дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству, и что подобные явления в печати, не согласные с духом действующих о ней постановлений, не могут быть терпимы без прямого ущерба достоинству и значению Правительственной власти.

Министр внутренних дел на основании статьи 29, 31 и 33 От. II, высочайшее утвержденное 6-го апреля 1865-го года, мнения Государственного совета, согласно заключению совета Главного управления по делам печати, определил: объявить первое предостережение газете «Московские ведомости» в лице издателей редакторов статских советников Михаила Каткова и Павла Леонтьева.

Москва, 10-го января

«Во главе нашего сегодняшнего номера печатается касающееся нас распоряжение министра внутренних дел. Закон, в силу коего сделано это распоряжение, возбраняет обсуждение оно в том самом номере, где он печатается. Но закон не запрещает газете, подвергшейся предостережению, обратиться к самой себе. Мы рады, что нам представляется случай, хотя и прискорбный, доказать на деле наше уважение к обязательной силе закона, вопреки лжетолкованиям, которым так часто подвергались наши слова и действия. Мы беспрекословно подчиняемся авторитету правительственной власти и с легким сердцем принимаем сделанное нам предостережение; поступая так, мы не противоречим нашему прошедшему. Напротив, мы предполагаем, что остаемся верными ему и исполняем долг, которому

следовали в продолжение всей нашей деятельности. Был случай, тому назад почти 4 года, когда мы затруднились принять сделанное нам предостережение. Оно, так казалось нам, поражало нас в том, что было самого существенного в нашем направлении. Принять его и продолжать деятельность значило отречься от того, что давало ей смысл и цену в наших глазах. Мы не могли этого сделать и предпочли отказаться от издания по истечении установленного законом, как мы полагали, льготного срока. Мы не хотели избежать действия власти — напротив, мы добровольно подвергались самым тяжким последствиям столкновения с ней. Единственной целью общественной деятельности нашей, поскольку она имеет политический характер, было служить интересам правительства. Могли ли мы, по совести, продолжать наше служение, когда оно, во имя правительственного авторитета, было осуждено в самой сущности своей? Нынешний случай не имеет ничего общего с тогдашним. Речь идет не о существенном осуждении нашего направления — оно остается вне вопроса, а о 2-х статьях, которые появились в нашей газете и которые, мы сознаемся в том, могли подать повод к предостережению на основании действующих о печати постановлений.

Перечитывая наши статьи, мы видим ясно нашу погрешность. По обычаю, нам предстояло в начале наступившего года сделать краткий обзор минувшего. Мы были под тяжким гнетом происходивших событий и чувствовали на себе всю силу борьбы, которую должны были выдерживать, и интересы, самые дорогие для всякого честного и мыслящего русского человека. Мы не могли не начать с того, что господствовало над всеми нашими мыслями и покоряло все наши соображения. Но мы упустили из виду свойство простой задачи, которая нам предстояла, и ошибочно поставили под одним углом зрения предметы самые разнородные и явления, требующие особых оснований для своей оценки. То, что было противовесом злу, недостаточно выступало на свет и исчезло в неправильной группировке. И дурное, и хорошее проникалось чувством общей горечи. Вместо полного фактического обзора явился ряд как бы случайно собранных, не имеющих внутренней связи и не соразмерных одна с другой оценок, и вся картина в совокупности вышла столько же мрачная, сколько несоответственная истине. Можем ли мы сетовать за порицание того, что, по нашему собственному убеждению, не может быть одобрено? Пусть наши ошибки и погрешности подвергаются осуждению, мы не желаем для них привилегий. Пусть поражают нас в наших погрешностях: этим только возвышается дело, которому мы служим и перед которым должна исчезнуть наша личность и замолкнуть наше самолюбие. Мы сделали промах и должны пенять на себя. Промах есть промах, и мы не считаем себя вправе на снисхождение, во имя наших добрых намерений. С чем боролись мы непрерывно? Не с той же тенденцией, которая поставила себе задачей клеветать на положение дел в нашем отечестве и представлять его на краю гибели, для того, чтобы действительно направить его к гибели? Не с тем ли обманом, который неутомимо старается обойти все наши дела и пытается обезглавить лучшую страницу нашей истории? Не с той ли, теперь всем видимою, интригой, которая подкапывается под благие начинания верховной власти и подрывает доверие к правительству в самых важных и самых трудных пунктах государственного домостроительства? Лишь органы этого направления, в печати и не в печати, нуждаются в привилегиях, иначе они не могли бы действовать и высказываться.

Нам предоставлено передать издание нашей газеты Университету²³ по первому полученному предостережению. Право это мы удерживаем за собою, но должны ли мы воспользоваться им в настоящую минуту? Некоторые нам сочувствующие, но мало нас знающие лица, по прочтении наших статей, о которых идет

речь, полагали, что мы, утомленные долгой, непрерывной деятельностью, полной борьбы, тревог и потрясений, сами хотели вызвать предостережение, чтобы иметь предлог сойти с арены, — нет, мы не имели этой мысли и вот доказательство: мы остаемся при деле, несмотря на представившуюся возможность отказаться от газеты без нарушений наших обязательств. Мы остаемся, несмотря на то, что силы наши действительно требуют отдыха. Мы думаем, что именно в это время мы не должны покидать свой пост. Если бы внутреннее чувство недостаточно ясно говорило нам в таком смысле, то нас не могла бы в этом не убедить ожесточенная вражда, которой мы стали предметом и которая именно теперь достигает крайних пределов».

16-го января. Сегодня, в первый раз в нынешнем году, был я приглашен к обеду к царю. За обедом были: царь, царица, княжна Мария Александровна и великий князь Алексей Александрович, а из приглашенных — Муханов Н. А., граф Шувалов (шеф жандармов), Григорий Строганов и я. Царь, казалось, был в хорошем расположении духа, за обедом рассказывались, по обыкновению, анекдоты, особенно потешались над графом Бергом, приводили образцы его благерства²⁴ и просто лжи. Граф Шувалов имеет вид человека, вполне сознающего свою силу. После обеда говорили с царем наедине, видимо, все о производящемся деле заговора. Рано или поздно надо же будет обнаружить, в чем дело. Трудно верится, чтобы могло быть что-нибудь серьезное. Со мною и царь и царица были очень ласковы. Замечательных разговоров не было.

Сегодня сын мой Александр поехал за границу с двоюродным братом своим Валерианом. Оба кончили вместе курс Московского университета, учились хорошо и кончили кандидатами. Отправились они за границу погулять и отдохнуть, ибо они весьма благоразумные и скромные юноши, дай Бог, чтобы путешествие пошло им впрок.

6-го февраля. Странная публикация появилась обо мне в иностранных газетах, я узнал о ней третьего дня, на маскараде в Дворянском собрании, от французского посла — генерала Флери, который предлагал мне свои услуги, чтобы телеграфом опровергнуть глупое известие о моем, будто бы, аресте. Но так как это известие заимствовано французскими газетами из краковской газеты, уже известной своими гнусными выдумками, то я предпочел ограничиться опровержением в «Journal de St. Petersburg». Прилагаю при сем эту публикацию^a.

Вчера был утром концерт у великого князя, на котором, кроме царя, была вся царская фамилия. Великий князь показал императрице №, где помещена краковская корреспонденция, и императрица ее прочла громогласно, при всеобщем смехе. Нельзя понять цели подобной публикации; полагаю, что имя мое, как более известное на границе и в Кракове, попало случайно под руку сочинителя фальшивых известий, и он воспользовался им для того, чтобы пустить в ход газетную утку. Как бы то ни было, но, вероятно, многие поверят этому известию, несмотря на опровержение.

^a Публикация отсутствует.

9-го февраля. Сегодня я обедал у царя с князем Черкасским — московским городским главою — и князем Долгоруковым — московским генерал-губернатором. Царь и царица были очень любезны и говорили с удивлением о газетной выдумке на мой счет. За обедом государь показался мне в особенно хорошем расположении духа, в каком я его уже давно не видел. Видно, что ни ему, ни мне не успели много нагадить наши общие благоприятели — Шувалов и К°. Внимание царя к Черкасскому может иметь значение. После выхода Черкасского в отставку и оставления должности главного директора внутренних дел в Царстве Польском, несмотря на убедительную просьбу царя остаться на этом месте, можно было ожидать, что он впадет в совершенную немилость, тем более что на него, как на главного деятеля в Польше, преимущественно сосредоточена была злоба польской партии и всех петербургских ее доброжелателей. В прошедшем году Черкасский был выбран в Москве городским главою, и он теперь из всех кандидатов на высшие должности самый способный. Он мог бы быть весьма полезным министром внутренних дел. Но для того, чтобы подобное назначение могло состояться, нужно, чтобы потребность в употреблении способных людей сделалась крайнею и чтобы Шувалов с братиею удалились. А этого теперь еще не предвидится. Но важно уже то, что личность Черкасского, видимо, не противна царю и что в данных обстоятельствах призыв его к службе может быть возможен.

Теперешний министр внутренних дел генерал Тимашев до того уже плох, что крайняя его неспособность становится уже поразительна. Едва ли он может долго удержаться на своем месте. Почти все его представления в Государственный совет и в Комитет министров не только отвергаются, но даже подвергаются всеобщему осмеянию. Товарищи его еще неспособнее и плоше его. Недавно Тимашев представил государю на утверждение проект оснований административно-полицейской реформы и просил государя утвердить эти основания, но государь приказал внести их в Комитет министров, и теперь проект этот разослан министрам для представления их соображений. По поручению министра финансов, я, со своей стороны, дал свой отзыв на этот проект. Это такое безобразие, что трудно поверить. Проект этот обличает в составителях так мало не только знаний и понимания дела, но даже простых сведений о порядке и способе ведения законодательных работ, что нельзя серьезно его обсуждать. По всей вероятности, он будет забракован. Журналистика подхватила теперь этот вопрос и разбирает его беспощадно. Быть может, Тимашев почувствует наконец свою неспособность и удалится. Тимашев есть довольно верный тип людей, которым после каракозовской истории поручено управление делами. Он в молодости, после окончания юнкерской школы, служил в гвардии, в Кавалергардском полку, был хорошим и ловким танцором и отличался талантом карикатуриста и скульптора, но делами никакими никогда не занимался. Во время Венгерской войны²⁵ служил где-то в штабе, а потом назначен был начальником Корпуса жандармов в то время, когда князь Василий Андреевич Долгоруков был шефом. Эта служба в III-м Отделении исковеркала и те природные способности, которые у него были. Простой смысл неглупого человека, не получившего особенного образования, получил фальшивое, мелко полицейское направле-

ние. Он был противником всех реформ, по крайней мере слыл таковым, но ни одной из произведенных реформ он, в сущности, не понимал, а принадлежал всегда к числу гостиных ругателей и консерваторов. Будучи недовольным мягкостью характера Долгорукова, он, под причиной болезни, вышел в отставку и жил за границей, ничем не занимаясь. Его призвал государь сперва на должность министра почт, а потом и министра внутренних дел, соединив эти два министерства, собственно, потому, что после реакции, происшедшей в государе после караказовского покушения, он не только стал подозрительно относиться ко всем произведенным реформам, но также, и в особенности, стал дурно расположен и ко всем лицам, которые участвовали в сих реформах или явно им сочувствовали. Он стал призывать на высшие должности людей, которых знал недовольными этими реформами, полагая и надеясь, что эти люди будут в состоянии остановить дальнейшее развитие этих реформ. Но, не говоря уже о том, что ничто, в сущности, не оправдывало отступательного движения, государь ошибся еще и в том, что люди, которым дана была власть, оказались столь неспособными и невежественными, что они не в состоянии до сих пор формулировать ни одного мало-мальски толкового предложения, даже в реакционерском смысле. Так, все попытки Тимашева законодательным путем изменить что-либо в законах о печати, о земстве, о крестьянстве остались тщетными и взяты назад, не выдержав критики Государственного совета, даже при настоящем его составе. То же будет, вероятно, с его проектом основных положений административно-полицейской реформы, цель которой, насколько можно ее понять, заключается в ограничении прав, дарованных земским и судебным учреждениям, под предлогом необходимости усилить власть губернаторов.

В «Московских ведомостях» появилась очень хорошая статья в опровержение пущенного газетами известия о моем аресте. Кроме того, и в иностранных газетах, как французских, так и немецких, напечатаны телеграммы в опровержение этого известия.

Сегодня на балу у английского посланника государь подошел ко мне и сказал, что получил письмо от королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, которая очень смущена прочитанным ею в газетах известием о моем аресте и беспокоится и просит уведомить ее, правда ли это. То же самое сказали мне великая княгиня Ольга Федоровна и Евгения Максимилиановна, которая получила письмо от сестры своей Марии Максимилиановны Баденской. Я тоже начинаю получать с разных сторон вопросы. Эта пущенная, не знаю кем и зачем, утка обо мне начинает походить на собаку Алкивиада²⁶. Вреда, во всяком случае, она мне не принесет.

18-го февраля. Сегодня было у императрицы un petit comité* музыкальное утро, я был с женой и Вавочкой. Пела Патти. Я получил письмо от Саши из Ниццы. Он пишет мне, что в день отъезда его из Парижа он прочел там в газете «Gaulois» известие о моем будто бы аресте, вследствие сего он немедленно отправился в редакцию этой газеты и заставил ее напечатать опровержение этого известия.

* Здесь: узкий кружок.

26-го февраля. На прошедшей неделе здесь весьма усердно справляли масленицу. В Зимнем дворце было два бала — в Концертной зале и в Эрмитаже и, кроме того, в последний день — *déjeuner densant** в Золотой зале, тут государь много танцевал. Кроме того, были балы у наследника и у графини Протасовой. Между тем остзейский вопрос опять начинает шевелиться. Лифляндские бароны на Ландтаге²⁷ составили адрес, который прислали сюда государю, помимо генерал-губернатора. В том адресе они, в сущности, ничего не просят, ибо заключают вообще призывом к восстановлению их прав. Но адрес тот замечателен тем, что в нем откровенно и смелее, чем прежде, выражают лифляндцы свою претензию на полную самостоятельность; ссылаясь на аккордованные пункты²⁸ Петра и на Нейштадтский мир, они прямо заявляют, что отношения их с Россией устанавливаются международным договором, ограничивающим будто бы право русского правительства применять к ним в каких-либо случаях русские законы, жалуются, что правительство не позволяет православным переходить в протестантизм и что права, дарованные Сигизмундом Августом об исключительном употреблении немецкого языка, нарушаются последними распоряжениями правительства. В заключение они говорят, что обращаются к государю не как верноподданные, а как к своему покровителю: все эти демонстрации немецких баронов доказывают, что они рассчитывают здесь на сильную поддержку графа Шувалова и что они хотят во что бы то ни стало заручиться теперь же какими-нибудь новыми аргументами или актами для укрепления своих прав, ибо чувствуют, что нынешнее царствование есть для них самое благоприятное и что оно, вероятно, последнее. Государь, как ни снисходителен к требованиям остзейских баронов, однако, видимо, смущен их заявлениями. Но вместо того, чтобы просто не принять подобного адреса, он намерен объявить отказ в умеренной форме. На совет к этому делу призваны только Урусов, Панин, Шувалов, Альбединский и Тимашев, все происходило в величайшей тайне, придумывают разные выражения в опровержение требования, и заранее можно сказать, что выйдет вздор. Цель лифляндских баронов, во всяком случае, будет достигнута, ибо им важен тот факт, что адрес приняли, что его обсуждали, и что хотя со взглядом их не согласны, но что почва, на которой они поставили вопрос, не отвергнута. Вот в подобных-то делах более всего прискорбно видеть, что нет ни одного мало-мальски способного и умного государственного человека среди близких соратников государя. Замечательно то, что все лица, от которых государь мог бы ожидать по остзейскому вопросу несколько самостоятельный взгляд, нарочно не призваны им на совещание по этому делу. Так, Горчаков не только не был призван, но во время заседания находился в соседней комнате, ждал окончания совещания для своего доклада. Ни Милютин, ни Зеленый, ни великий князь Константин Николаевич не были призваны. Хотя все это происходит под охраною величайшей тайны, но уже в публике начинают говорить о каком-то лифляндском адресе, и в «Голосе» вчера появилась довольно сильная статья, которую я здесь прилагаю.

* завтрак с танцами

«Голос», 24-го февраля 1870-го года.

«Тройная стена “вековых привилегий”, местных особенностей и канцелярской тайны, окружающих немецко-балтийских деятелей, не всегда может удержать вверяемые ей секреты. Изредка доносятся до русского народа отрывочные слухи о том, что делается в землях, приобретенных его кровью. Жалобы угнетаемого населения не всегда могут быть заглушены своевременными “мероприятиями”. Торжество триумфаторов не всегда держится в пределах достоподобной аккуратности и умеренности, отличающей немцев.

В числах этих отрывочных сведений первое место должен занять слух об адресах, будто бы составленных ландтагами трех балтийских губерний в последнее их собрание, о ходе которого мы своевременно извещали читателей. Адреса эти, как слышно, с поразительной ясностью формулируют требование горсти немецких колонистов по отношению к русскому народу и высшей власти в империи. Дело идет уже не только о преобладании немецкого языка над русским, протестантизма над православием, “местных особенностей” над общими законами, а об установлении местного представительства, особого от учреждений Русской империи и общего только для трех прибалтийских губерний.

Не знаем, до какой степени верен тот слух, но говорят, что для губерний Митавской, Ревельской и Рижской предполагается ввести один общий ландтаг, наподобие провинциальных сеймов, существующих в областях горемычной Австрийской империи. В состав этого ландтага будто бы войдут: местное дворянство, представители от бюргерства, крестьян-собственников, которых, как известно, весьма немного в Балтийском крае, и он будет призван к участию в управлении всеми делами объединенного таким образом края.

Результат подобного нововведения нетрудно предвидеть. Элементы, наиболее враждебные России, объединятся и получат организацию. Объединившись, они будут способствовать окончательному отделению от России ее законного достоинства: масса крестьянства, лишенная права в представительстве, будет отдана в безусловное распоряжение классов, усиленных новой реформой ландтага. Отсюда до превращения “Балтики” в новую Финляндию — один шаг.

Кто же, однако, дал право губернским ландтагам говорить о делах, касающихся не только целого края, но и его отношений к России? Кто дал право ничтожной горстке населения говорить именем всего народа, населяющего этот край? Мы многого ожидали от самоуверенных наших германцев, но такого шага, признаемся, не могли предвидеть (в то время, конечно). Им должно бы быть известно, чем кончилась попытка соединения Подольской губернии с конгресувкою²⁹ и как был встречен адрес дворянства этой губернии. Даже не столь вредные для нас, но все-таки противозаконные стремления вызывали неприятные последствия для виновных. Вот еще важный для нас прецедент. В 1865-м году московское дворянство составило всеподданнейшее прошение, в котором выражало желание иметь нечто вроде земского собора. Участь этого прошения и лиц, участвовавших в его составлении, известна. Затем государь император изволил категорически выразить свой взгляд на подобные стремления в рескрипте, данном на имя бывшего министра внутренних дел. Вот эти достопамятные слова: “Никому из моих верноподданных не предоставлено право предупреждать мои непрерывные о благе России попечения и предрешать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений. Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать передо мною ходатайства об общих нуждах и пользах государства”. Так обратилась верховная власть

к дворянству коренной, так сказать, первопрестольной русской губернии, когда оно вышло из пределов прав, предоставленных ему законом. Спрашивается, больше ли может позволить себе дворянство трех завоеванных русским оружием губерний, только потому, что оно немецкого происхождения? Дворяне-немцы больше ли имеют оснований говорить от всех сословий и преимущественно от имени крестьянского сословия... Мы бы очень бы желали услышать мнение трех прибалтийских губерний о том общем лифляндском ландтаге...

Этого мало, московское дворянство, конечно, нарушило законы страны, но нарушение это далеко не имеет такого объема, как поступок дворянства балтийского, если верить слухам о его притязаниях. Так или иначе, дурно или хорошо, но московское дворянство имело в виду пользу всей России, всего государства. Сама верховная власть не видела в его желаниях ничего, что было бы само по себе безнравственно, абсолютно вредно для нашего отечества. В прошении дворянства рескрипт осуждает не содержание его, а, так сказать, его форму, в которой усматривалось "уклонение от установленного действующими законами порядка". В чем же состояло это уклонение? На это отвечают многозначительные слова рескрипта. "Право начинания, по главным частям постоянного совершенствования государственного устройства, — говорится в рескрипте, — принадлежит исключительно Мне и неразрывно сопряжено с самодержавною властью, Богом мне вверенною". Далее рескрипт указывает, как мы видели, что одно сословие не имеет права говорить именем других и ходатайствовать об общих пользах государства. Стало быть, дворянство вошло в обсуждение неподлежащих ему дел и присвоило себе право почина по общегосударственным вопросам. Это поступок, составляющий очень крупное полицейское правонарушение, но не могущий подойти под понятие государственной измены или другого преступления, подлежащего верховному уголовному суду. Дворянство не нарушило общих обязанностей верноподданных. Оно не покушалось ни на целостность государства, ни на достоинство короны. Оно стояло, верно или неверно, — но только на почве государственных усовершенствований. Поэтому было полное нравственное основание после слов необходимого порицания закончить рескрипт следующими словами: "Я твердо уверен, что не буду встречать впредь таких затруднений со стороны русского дворянства, вековые заслуги которого перед престолом и отечеством Мне всегда памятны и к которому Мое доверие всегда было и ныне пребывает непоколебимым". И можно ли не доверять? Не русское ли дворянство подчинилось безропотно всем жертвам, вызванным крестьянской реформой? Не оно ли теперь, в значительном числе, заботливо старается, вместе с другими сословиями, об успехе современных реформ? Оно с негодованием смотрит, как русские законы и высочайшие повеления обходятся в некоторых наших окраинах, как попираются, нередко нашими собственными руками, законнейшие права России, и если (чего Боже храни) дело дойдет до нового вооруженного столкновения, оно сумеет умереть или победить.

То ли мы видим в попытке балтийского дворянства — если, повторяем, слухи о ней справедливы? Нет, здесь речь идет не об улучшении быта России, которой оно чуждо, не о дальнейшем развитии наших реформ, которых оно боится, а об окончательном отделении трех наших губерний от государственного организма.

Опираясь на крючкотворное толкование каких-то затхлых привилегий, оно считает себя вправе говорить не как подданные, а как страна, имеющая быть особым государством. Оно одинаково посягает на целостность России и на достоинство короны...

Один слух о подобном покушении до такой степени возмутителен, что молчать о нем невозможно. Мы живем в такое время, когда благодаря великодушию монарха голос свободного русского человека может раздаваться громко и иметь некоторое значение. Голос Карамзина в польском вопросе перевесил “многих своекорыстных” шептунов. Вот что говорил Карамзин императору Александру I-му. До какой степени мы ушли вперед, благодаря царствующему государю императору Александру II-му, доказывается уже тем, что знаменитая записка Карамзина, составляющая прежде величайшую тайну, теперь напечатана, с дозволения цензуры, в прекрасном труде г. Гогеля ‘Иосафат Огрызко’. Оттуда мы и заимствуем ее:

“Можете ли Вы с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Вольню, Подолию, утвержденные в собственность России еще до Вашего царствования? Не клянуся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россией, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали Великою. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнее, если бы вздумали загладить мнимую ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом — вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все государства составлены завоеваниями. Екатерина отвечает Богу, отвечает истории за свое дело, но оно сделано и для Вас уже свято: для нас Польша есть законное российское владение. Старых крепостей нет в политике, иначе мы должны были восстановить и Казанское и Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. (Карамзин мог бы прибавить и Ливонский орден). К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Вольния, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России (ни дать ни взять, как и наши балтийские окраины. Ведь Дерпт — наш Юрьев). Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Смоленска, и Чернигова, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве; или все, или ничего. Досель нашим государственным правом было: «Ни пяди ни другу, ни врагу»”.

Душевно желаем, чтобы слухи о попытках балтийского дворянства оказались ложными, и уверены, что если эта попытка действительно существует, то ее ждет полная неудача».

Автор этой статьи, видимо, еще не читал самого адреса, потому что в нем не говорится вовсе о соединении трех ландратов; тем замечательнее слова его как выражающие порыв негодования при первом известии. Вероятно, «Московские ведомости» тоже поднимут вопль, а в иностранных газетах скоро будет напечатан самый адрес.

Вчера хоронили Дмитрия Гавриловича Бибикова, бывшего министра внутренних дел. Он со времени своей отставки, в начале царствования, жил в Петербурге совершенно вне всяких дел. Государь не был ни на панихиде, ни на погребении. Известно, что все нерасположение его к Бибикову происходило оттого, что Бибиков при покойном государе был киевским генерал-губернатором и там вводил инвентари, следовательно, был как бы предтечею эмансипации. Последствия оправдали также принятую им систему противодействий польской пропаганде в Юго-Западном крае. Государь, вступив на престол, застал Бибикова министром внутренних дел и показал ему явное недоверие, вслед-

ствие чего он сейчас же вышел в полную отставку. Удивительно, как впоследствии государь, сам сделавшись эмансипатором и укротителем поляков, не выказал никакого сочувствия Бибикову. Я знал Бибикова, когда он был министром внутренних дел, но не был с ним близок. В прошедшем году он выразил желание меня видеть, я посетил его, и он наговорил мне много лестного о моей деятельности по таможенной части, за которой он следил со вниманием, так как он был некогда директором Департамента внешней торговли, и, действительно, время его управления Таможенным ведомством составляет эпоху. Все, что заведено было хорошего, — начато им, он ясно видел вещи, все хорошо понимал и удивил меня живостью своих впечатлений. После моего с ним свидания я получил от него весьма любезное и лестное для меня письмо. Бибиков принадлежал к числу тех крепких и цельных натур, которых теперь решительно нет более между правительственными лицами. Зато ни одно из сих правительственных лиц и не почтило его отдачею последнего долга.

2-го марта. Сегодня совершилась важная перемена в моей служебной карьере. Прибыв в обычный час в департамент, я нашел в швейцарской записочку от министра государственных имуществ — Зеленого, приглашавшего приехать к нему в 2 часа дня для объяснений по весьма важному делу. В назначенный час отправился я к Зеленому, и он встретил меня следующими словами: «Я получил от А. О. Россет — моего товарища — письмо из Москвы, в котором он решительно и окончательно объявляет, что, по совершенно расстроенному здоровью, не в силах больше занимать должность товарища министра, теперь я бью Вам челом и убедительно прошу Вас принять это место». Это неожиданное предложение очень меня озадачило, хотя я давно мечтал о том, как бы освободиться от хлопотливой и деятельной директорской службы, однако трудно мне было решиться сразу бросить внезапно ведомство, с которым слился и которое полюбил. На просьбу мою дать мне время переговорить с министром финансов Зеленый объявил, что он уже говорил с Рейтерном, получил его согласие и даже уже доложил обо всем государю, который, со своей стороны, изъявил свое согласие и приказал прислать ему проект указа о моем назначении для подписания, так что все дело остановилось только за мною. При этом Зеленый сказал, что Рейтерн отрекомендовал ему меня самым лестным образом и просил передать государю, что Министерство финансов лишается во мне одного из лучших своих деятелей, которого заменить будет очень трудно. Действительно, при моем свидании с Рейтерном он показал мне столько неподдельного участия, что я был глубоко этим тронут. Зеленый настаивал на том, чтобы указ был подписан государем не позже завтрашнего дня, ибо он опасается интриг Шувалова, которому мое назначение будет очень не по сердцу. Сам Зеленый серьезно болен и должен в весьма непродолжительном времени ехать за границу, где останется до глубокой осени, а потому мне придется вскоре вступить в управление министерством. Обстоятельства, при которых я вступаю в новую должность, показались мне столь благоприятными, что я, перекрестясь, решился принять предложение Зеленого, и завтра утром указ о моем назначении будет послан государю на подпись. Никто в городе, кроме обоих министров, не знает о моем назначении.

1870 год

3-го марта. Никак я не думал, что мне так тяжело и грустно будет расставаться с Таможенным ведомством. Когда сегодня утром я пришел в департамент и вспомнил, что, быть может, сегодня последний день моего директорства, то взволнован был до слез. Семь лет я тут работал, и не без успеха, очень полюбил дело и людей, со мной работающих. Я уверен, что очень многие будут искренне меня сожалеть. На мое место будет, вероятно, назначен архангельский губернатор Качалов, которому министр сделал уже предложение. Он явился сегодня ко мне в департамент, очень взволнованный сделанным ему предложением, и просил моего совета — принять ли ему это место или нет. Я очень его уговаривал принять, потому что мне показался Качалов весьма порядочным и умным человеком, я его мало знаю, но слышал о нем много хорошего, его очень полюбил наследник, познакомившийся с ним в комиссии по случаю голода в 1868-м году, где он был членом от Новгородского земства. Мне кажется, Качалов дела не испортит и будет хорошим начальником. Очень бы хотелось передать управление Таможенным ведомством в хорошие руки, чтобы то добро, которое посеяно, не пропало бы бесследно. Только в 8 часов вечера получил я от Зеленого записочку, извещавшую меня о том, что указ о моем назначении подписан. По получении ее я отправился объявить об этом Рейтерну, который пригласил меня поехать вместе с ним к государю в пятницу — в день его доклада. С Зеленым я условился, что вступлю в должность недели через полторы, а до того времени буду заниматься в Таможенном департаменте. Завтра, вероятно, все узнают о моем назначении, и в департаменте будет немалая суета.

4-го марта. Качалов, на котором министр остановил свой выбор для замещения моей вакансии директора, отказался немедленно принять это назначение, хотя оно его и устраивало, но он находил необходимым прежде вернуться в Архангельск и там покончить некоторые начатые дела, так что прежде будущей осени он не может дать решительного ответа. Поэтому мы условились с министром финансов так, чтобы составить доклад государю, в котором изобразить всю трудность немедленного назначения на мое место нового, не знакомого с таможенной службой, человека и засим просить не торопиться с новым назначением, а иметь в виду Качалова, а до того времени поручить управление департаментом вице-директору Тернеру под моим высшим надзором. Я пойду представляться государю послезавтра вместе с министром финансов, у которого в этот день доклад, — он, кажется, собирается сделать обо мне особенно лестную аттестацию и просит мне денежную награду, ссылаясь на значительное приращение дохода. По справке оказывается, что во время моего управления таможенные доходы увеличились с лишком на 12 миллионов рублей. В городе назначение мое сделалось известным. В департаменте сегодня все чиновники ходили, как шальные, — они действительно имеют основание меня сожалеть и тревожиться неизвестностью их будущего положения. В обществе все убеждены, что мое назначение есть доказательство справедливости давно ходящих слухов о преобразовании Министерства государственных имуществ в Министерство торговли и хозяйства. Кроме того, моему назначению придают значение политическое, в том смыс-

ле, что принадлежу к партии, враждебной Шувалову и К°. Великий князь Константин Николаевич радуется моему назначению в этом последнем смысле, ибо уверен, что во всех комитетах, где я буду заменять Зеленого, я буду скорее на стороне его, чем его противников. В газетах тоже уже напечатано известие о моем назначении, только как слух.

6-го марта. Сегодня утром, в 10 часов, я отправился вместе с Рейтерном в Зимний дворец. По выходе из кабинета государя Рейтерн сказал мне, что государь сейчас примет, и предупредил меня, чтобы я благодарил государя за пожалованные мне 20 тысяч рублей. Действительно, меня сейчас же позвали к государю, который в весьма милостивых выражениях объявил мне о моем назначении, а также благодарил за службу. Приказав мне сесть, он сказал мне, что по просьбе г. министра финансов он согласился поручить мне до времени заведование Таможенным ведомством и окончание всех начатых в этом ведомстве законодательных работ. Выразил надежду, что у меня достанет времени исполнить все эти обязанности.

Засим он сказал мне: «Теперь Министерство государственных имуществ утратило свое первоначальное значение, и моя давнишняя мысль, которую я уже несколько раз передавал Зеленому, заключается в том, чтобы в этом министерстве сосредоточить всю хозяйственную часть государства». Из этих слов я понял, что он имеет в виду нечто вроде Министерства торговли. Я отвечал ему, что мысль его совершенно верна, и что, вероятно, так как он передавал ее Зеленому, то я уже найду в министерстве подготовленные по этому вопросу работы. Затем государь перешел опять к Таможенному ведомству и сказал, что министр финансов показал ему любопытную ведомость об увеличивающихся в мое управление доходов. Я заметил, что, действительно, эти доходы увеличились значительно, и что это есть доказательство и результат развития общего благосостояния государства, и что этому содействовали все произведенные реформы, что факты эти весьма занимательны и утешительны. В этом смысле я сказал еще несколько слов, желая произвести обратное впечатление, против тех алармистов, которые представляют ему все в темном виде. Засим государь встал, дал мне еще раз руку и очень милостиво благодарил за прежнюю службу.

От государя я пошел к императрице, которая меня сейчас же приняла и беседовала со мной довольно долго. Хотя я неоднократно имел доказательства ее доброго ко мне расположения, но в этот раз я особенно был удивлен ее вниманием. Она начала с того, что поздравила меня с новым назначением, но при этом пожалела, что вступаю в министерство, утратившее отчасти всю важность, и дала понять, что она желала бы меня видеть в другой деятельности. Засим она похвалила мою деятельность в Таможенном ведомстве и, когда коснулась об увеличении дохода, то сама начала подробно распространяться о том, как многие стараются умышленно скрывать утешительные явления и проч... Из слов ее я мог понять, что она отнюдь не сочувствует г. Шувалову и К°, а напротив, рада моему назначению, также и потому, что я не принадлежу к их лагерю. При этом она выразила мысль, что покойный государь Николай Павлович имел замечательно верный и точный взгляд почти на все вопросы, и в особенности на

вопросы национальные, но что он постоянно находил в лицах, его окружающих, пассивное сопротивление при исполнении всех его предначертаний, так, например: он постоянно мечтал об освобождении крестьян и ничего не смог сделать; он постоянно желал ввести правильный контроль и никогда не мог побороть противодействия исполнителей. При этом она замечательно высказала свое убеждение о пользе и необходимости действительного контроля, видимо, понимая все его государственное значение. Я заметил ей, что государь Николай Павлович, кроме противодействия лиц, его окружавших, останавливался также несчастным страхом революции. Что несчастное 14-е декабря оставило на всем его царствовании заметные следы. Он часто смешивал реформу с революцией, и при первом сопротивлении или замешательстве, вызванном затеянной им реформой, он останавливался, боясь каких-либо смут. Согласясь с этим, императрица все-таки приписывала всю вину скрытому противодействию окружающих Николая Павловича лиц. Общий характер ее разговора мне был очень приятен тем, что мне показалось, будто она искреннее радуется моему вступлению на более обширное поприще. Вообще я не могу не радоваться и не благодарить Бога за то общее впечатление, которое производит мое назначение. Во-первых, все уверены, что я непременно буду министром торговли. Я забыл сказать, что императрица также очень сильно настаивала и доказывала в разговоре со мной о необходимости этого министерства, так что, видно, мысль о Министерстве торговли довольно созрела. Во-вторых, кажется, никто не осуждает моего назначения, как незаслуженного или как результат интриги. Впрочем, быть может, все это только так мне кажется. По совести же, я могу сказать себе, что я не интриговал и, в особенности в последнее время, был совершенно убежден, что карьера моя кончена и что мне следует только стараться устроить свое положение для спокойной жизни для старости лет, попав в Государственный совет. Но видно, Богу угодно вызвать меня к новой деятельности. В «Московских ведомостях» вчера объявлено было мое назначение как слух а сегодня уже появилось фальшивое телеграфическое известие о том, что будто бы я вступаю в управление министерством.

10-го марта. Только сегодня появился в «Сенатских ведомостях» указ о моем назначении. Вместе с тем напечатано опровержение известия о вступлении будто бы моем в управление министерством по случаю отъезда Зеленого. Вообще слухи об образовании Министерства торговли так распространены, что мое назначение возбуждает большие толки.

Сегодня я в первый раз был в Министерстве государственных имуществ и принимал там чиновников, которые, кажется, относятся ко мне сочувственно. Разговорами и чтением начинаю знакомиться с делом. Вот уже третий раз приходится мне приниматься за дело, которое совершенно для меня новое. Много нужно труда, чтобы войти в него настолько, чтобы получить нужный для начальника авторитет.

Сегодня я в первый раз был в Государственном совете вместо министра, который, по болезни, не мог быть. Дел особенно важных не было, и не было повода мне участвовать в прениях. После заседания Государственного совета было заседание Главного комитета. Рассматривалось дело об устройстве обще-

ственного управления в Войске Донском, серьезных прений не было. Вечером я был у Владимира Мещерского, у которого по понедельникам бывает наследник-цесаревич, и для него приглашаются разные собеседники. Я уже несколько раз был на подобных беседах. Для юного цесаревича это может быть не без пользы, иногда разговоры бывают очень оживленны и откровенны. Наследник принимает в них живое участие.

Общее впечатление, произведенное им на меня, следующее: очень еще юн и незрел, о вещах имеет поверхностное понятие, но не лишен здравого смысла, способен принять впечатление и упорно сохранить его. К умственному труду непривычен, одарен памятью и, кажется, характером, даже, быть может, упрям... Что из него выйдет, никак нельзя сказать. Дальнейшее его развитие будет зависеть от обстоятельств и людей, его окружающих.

Симпатии весьма национальные, даже до исключительности, много в этом отношении хороших задатков, дай Бог, чтобы они разумно и правильно развились.

18-го марта. В газетах продолжают появляться толки по поводу выдуманного краковскою газетою известия о моем аресте. В «Биржевых ведомостях» и в «Московских ведомостях» напечатано следующее: «Телеграммы известили нас, что австрийский посланник — граф Хотек — передал своему правительству выражение неудовольствия русских правительственных сфер по поводу намеренного извращения австрийскою печатью сообщаемых ею известий о России. По словам “Tages Presse” поводом к этому заявлению послужило первоначально сообщенное “Краковским курьером” ложное известие об арестовании на русской границе директора Таможенного департамента князя Оболенского. Заявлению графа Хотека не придано формы ноты».

«Liberté» пишет:

«Le Directeur general des Douanes Prince Obolensky, le meme que les journaux polonaise ont fait arreter comme conspirateur vient d’etre nomme adjoint au minister des Domaines. C’est la meilleure reponse aux mensonges systematiques, debites par la presse polonaise»*.

«Московские ведомости» пишут:

«Изогвавшаяся в конец австро-венгерско-польская печать слишком бы уже много выиграла, если бы русское правительство действительно обратило бы внимание австрийского посланника на ее вымыслы и сказки. Достаточно с нее и того, что русская печать приводит в качестве курьезов австро-польско-венгерской прессы, и далеко не все. Мы на днях выразили решительное сомнение к известию о посылке графом Хотеком депеши к графу Бейсту, в которой австрийский посланник будто бы передал недовольство русского правительства пове-

---

* Директор Таможенного департамента князь Оболенский, которого польская газета объявила арестованным как заговорщика, только что назначен товарищем министра государственных имуществ. Это лучший ответ на постоянную ложь, распространяемую польскою прессой.

дением австрийской печати. Наше сомнение совершенно оправдалось. По словам одной венской газеты, австрийский посланник при русском дворе в своем отчете графу Бейсту, а не в особенной депеше, сам, без всякого приглашения нашего правительства, жаловался, что австрийские газеты помещают на своих столбцах известия о России, совершенно противоречащие истине. При этом граф Хотек прежде всего указал на газету “Курьер краковский”, которая пустила в ход известие, повторенное потом многими другими, не только австрийскими, но и прусскими, французскими и английскими газетами, об аресте князя Оболенского в Варшаве, известие, оказавшееся грубейшей выдумкой. Граф Хотек прибавляет, что подобные сообщения австро-венгерской прессы о России сильно затрудняют ему исполнение его задачи в Петербурге.

От души сочувствуем неловкому положению нашего соплеменника — чешского графа, потому что, во всяком случае, даже помимо трудности исполнения посланнической задачи, положение австрийского представителя у нас, при таком бестактном поведении австрийской печати относительно России в высшей степени щекотливое. Его жалобы на язвительность и бестактность австрийских газет не вразумят их».

Действительный австрийский поверенный в делах — граф Хотек — сказал мне, что он так возмущен был гнусным известием «Краковских ведомостей», что решился обратить внимание своего правительства, что подобные выходки против лиц, с которыми он находится в частных и весьма приятных отношениях, могут вредить успеху дел. Я успокоил Хотека, объявив ему, что я не только нимало не оскорблен известием краковского издания, но что мне, напротив, приятно знать, что краковские контрабандисты и повстанцы ко мне не благоволят.

28-го марта. На днях, а именно 19-го марта, я назначен сенатором, присутствующим во 2-м Общем собрании по всем делам, а в 1-м Общем собрании — по делам, до Министерства государственных имуществ касающимся. Я также на днях в первый раз, за отсутствием Зеленого по болезни, присутствовал в Комитете министров и в Западном комитете. В сем последнем рассматривалось серьезное дело по вопросу о праве на недра земли в Царстве Польском, я в суждениях принимал участие. Очень я теперь занят, хочется скорее ознакомиться с делами министерства. Много читаю, с некоторыми вопросами довольно близко ознакомился, но в общем очень мало сведущ.

17-го апреля. Так как первый день Пасхи приходится в нынешнем году на 12-е число — канун смерти покойного наследника³⁰, то выхода к заутрене в нынешнем году не было, это, сколько мне помнится, в первый раз, что во дворце не было съезда к заутрене. Уже в прошедшем году царь не христосовался по обычаю, ибо был в этот день не совсем здоров, хотя присутствовал при заутрене. Вероятно, этот знаменательный обычай мало-помалу будет отменен. Сегодня день рождения государя, но назначенный выход также был отложен по случаю опасной болезни второго сына наследника (грудного ребенка)³¹. К сегодняшнему дню ждали разных служебных новостей, но, кажется, кроме обычных наград, ничего особенного нет.

2-го августа. Едва прошло три месяца, как в последний раз я написал в этой тетради, а сколько с тех пор совершилось событий, не говоря уже о наших домашних делах. Война Пруссии с Францией в полном разгаре, и победоносное прусское войско быстро идет вперед на французскую территорию. На днях ожидают решительного и кровопролитного генерального сражения, от которого зависит будет будущая судьба Франции. Кажется, еще не было в истории примера, чтобы в такое короткое время сильная воинственная держава, столь уверенная в своей непобедимости, начавшая внезапно, почти без предварительных переговоров, войну, была так скоро поставлена в самое критическое и опасное положение. Достаточно было пруссакам одержать две победы над частью французской армии и вторгнуться внутрь края, чтобы ошеломить всю Францию, возбудить в Париже серьезные беспорядки, поднять вопросы династии, одним словом — произвести такую неурядицу, что едва ли Наполеон будет в состоянии удержаться на престоле, даже и в том случае, ежели войско его одержит победу. Мы, благодаря Богу, сохраняем строгий нейтралитет, хотя, видимо, сочувствие государя на стороне Пруссии. Ежели смотреть только на повод, послуживший к началу войны, то, конечно, нельзя не признать, что французы слишком явно и нахально возбудили кровопролитие, которое будет ужасно. Политика Бисмарка, конечно, должна была, рано или поздно, произвести европейскую войну, но французы распорядились так, что нельзя не признать их виновниками начавшейся резни.

Для нас же успех немцев грозит в будущем большими опасностями, потому в особенности, что в политике нашей личные симпатии и родственные чувства играют слишком большую роль. С другой стороны, и Франция так постоянно относилась к нам враждебно, что и ей успехов желать не можем мы. Уже одно то обстоятельство, что вся польская партия³² сочувствует Франции и желает ей успеха, показывает, что польза для нас от этого успеха сомнительна. Наполеон должен горько раскаиваться, что вместо союза с нами он постоянно враждовал против России. Ежели со временем французское правительство будет мудрее и нам пошлет Бог людей, для которых интересы национальной политики будут преобладать над всеми прочими интересами, тогда союз с Францией будет возможен, а при этом союзе и Германия нам не будет страшна. Наступают опять крайне интересные и, может быть, тяжелые времена. Дай Бог нам сохранить нейтралитет. Чужая беда может быть нам в пользу.

В начале мая, по случаю отъезда Зеленого, я вступил в управление министерством. Первое время частые заседания Государственного совета, Комитета министров, Главного и Польского комитетов, а также Сената отнимали у меня много времени и я был очень занят. В Государственном совете я говорил три раза. Первый мой дебют был довольно удачен, я говорил по спорному гражданскому делу Никитина с наследниками Любомирского, я говорил против мнения министра юстиции графа Палена и возражал также бывшему министру юстиции графу Панину — со мной согласилось огромное большинство, и государь утвердил потом мнение большинства. Судьба привела меня впервые слышать там бывшего министра юстиции графа Панина, под начальством которого я начал службу и продолжал ее с лишком 12 лет, и голос этот я слышал в первый раз,

чтобы с успехом возражать ему. Другой раз я говорил также по гражданскому делу против единогласного мнения Государственного совета, и со мною согласились все единогласно. Третий раз, по таможенному делу о представлении канцелярским чиновникам прав службы, я говорил против единогласного мнения Департамента экономии и министра финансов, и тоже со мною согласились единогласно. Этим началом я, кажется, поставил себя в выгодное положение перед Государственным советом.

Несмотря на этот успех, мнение мое относительно этого учреждения не изменилось. Ни одно дело там серьезно не рассматривается и рассматриваться не может. В дела министерства я уже вошел настолько, что имею общее понятие о них. Лесная часть, на мой взгляд, находится в самом неустроенном положении, заняться ею совершенно необходимо во всех отношениях. Главный недостаток заключается в самом учреждении. Улучшение личного состава ничего не поможет, сами основания администрации, кажется, неверны. Учебные заведения тоже, мне кажется, не имеют разумного направления и практической пользы. Все прочие части идут недурно и скоро будут подлежать упразднению. Личный состав министерства очень хорош. Чувствую, что к преобразованию лесной части невозможно приступить, не изучив ее весьма тщательно и подробно. Надо узнать ее так близко, как я узнал таможенную часть, но на это нужно много труда и свободного времени для изучения дела на месте. Чувствую также, что старею, потому что нет уже прежней энергии и охоты для усиленной и скучной на первое время работы. В начале мая государь уехал в Эмс, а потому я личных докладов не имел, но посылал доклады письменные, текущие же бумаги докладывались здесь наследнику, который просил приезжать к нему лично только по делам экстренным или требующим особых объяснений, а так как таковых у меня не было, то я ни разу у него с личными докладами не был.

По возвращении государя из Эмса я ездю к нему с докладами по понедельникам. До сих пор я имел три доклада. Все они сошли благополучно — никаких особых объяснений не имел, и доклады были очень коротки. В последний раз я нашел государя в особенно хорошем расположении духа, что приписываю полученным за два дня известиям о прусских победах. Я был у государя в этот день вместе с Горчаковым, который только накануне вернулся из-за границы и отсутствие которого в такое важное в политическом отношении время казалось всем не только странным, но и неприличным. Объявление войны застало его за границей. Он не хотел возвращаться, ожидая вызова, а государь, вероятно, не хотел его вызывать, чтобы он не подумал, что без него не могут обойтись. И, таким образом, время проходило, а между тем государь должен был лично вести все переговоры с посланниками, и в особенности с прусскими, которые живьем живут в Петербурге. Эти частые интимные разговоры были крайне неудобны и даже опасны тем, что, по принятому теперь обычаю, все дипломатические ноты печатаются всеми конституционными державами в разных желтых, синих, красных и проч. книгах и каждому разговору могли придать неподобающее значение. Государь, наконец, решился вызвать Горчакова, но при этом не желал, чтобы было известно, что он его вызывает. Горчаков, кажется, был доволен приемом государя, жалуется на старость и недуги, ко мне по-прежнему

очень любезен. Он живет в Петергофе, и моя квартира в Петергофе рядом с его комнатами, так что, когда я бываю в Петергофе, мы часто видимся.

22-го июля в Петергофе выход, обед и вечер, большая иллюминация с фейерверком, на другой день большой бал, а 27-го маленький бал на ферме, куда была звана одна Вавочка, без меня. К Вавочке все цари очень любезны.

12-го августа. Вчера я был с докладом в Петергофе. После доклада, при котором ничего замечательного не происходило, государь прочел мне полученную им депешу, из которой видно, что французы после дела 6-го (18-го) августа совершенно заперты в Меце и не имеют больше сообщения с Парижем. Вероятно, пруссаки, обложив теперь частью войска, пойдут прямо на Париж. Государь, видимо, радуется успеху прусского оружия, в нем, кроме врожденной кровной симпатии, видна тоже уверенность, что с пруссаками он будет ладить, ибо не опасается с их стороны каких-либо враждебных к нам отношений. Также, я думаю, он не без удовольствия смотрит на кару, постигшую Наполеона, отцу его и ему наделавшего столько неприятностей. Действительно, положение этого загадочного баловня судьбы ужасно. Если бы злейшему врагу его было поручено придумать жесточайшую казнь, то, конечно, он не мог бы придумать ничего, даже близко подходящего к тем нравственным и физическим мукам, через которые он уже проходит и еще будет проходить. Теперь самое трагическое в его положении — это молчание о нем не только в правительственных и высших сферах, но даже и в прессе, о нем даже никто не справляется, где он, точно его уже нет на свете. Императрица Евгения от имени его подписывает еще кое-какие декреты, но это только одна пустая форма. В сущности, империи и императрицы уже во Франции нет, что будет — одному Богу известно... После доклада государь пригласил меня обедать. Кроме меня, еще обедали князь Горчаков, Милютин и Урусов. За обедом тоже речь зашла о том, что будет во Франции. Говорили о временном правительстве. Государь заметил, что Тьер, вероятно, будет играть в этом правительстве важную роль. А потом, вероятно, будут царствовать Орлеанские. Я заметил, что прежде, вероятно, будут главенствовать Рошфор с Кавеньяком — государь того же мнения. Разумеется, теперь невозможны еще какие-нибудь попытки нейтральных держав к примирению. Но после такой ожесточенной и кровавой войны мудрено предположить, чтобы последствия были несоразмерны с жертвами; не думаю, чтобы кончилось дело каким-нибудь частным территориальным приобретением одной стороны в ущерб другой, или исправлением <и> изменением каких-либо существующих трактатов.

Война кажется событием мировым, она приготовлялась таким рядом безвыходных недоразумений и неразрешимых вопросов, что обратиться к прежнему порядку вещей будет невозможно. К тому же Франция оказалась такой несамостоятельной и в ней обнаружилось такое общественное разложение, что нельзя себе вообразить, какое правительство в ней возможно и при каких условиях и известных нам формах может восстановиться в ней порядок настолько твердый, чтобы вновь создать из нее могущественную державу. А между тем Франция есть единственная представительница романского племени, сохранившая значение в семье народов. Испания и даже Италия не имеют будущности. Заме-

чательно совпадение разложения романского племени с разложением, которому неминуемо подвергается католическая церковь после последнего собора, принявшего догмат непогрешимости папы. Германский мир с протестантизмом, видимо, идет на смену распадающемуся романизму и католичеству. Славянство с православием, в свою очередь, должно явиться примиряющим началом той крайности, в которую неминуемо впадет победоносный рационализм под знаменем торжествующей Германии. Но этого нам не видать, как ни быстро идут события. Но есть еще исход, к которому, быть может, ведут нас совершающиеся перевороты. Быть может, начало социальной революции уже настолько созрело в Европе, что возбужденная Франция употребит все свои силы для осуществления этих начал и, может быть, действительно представит миру какую-нибудь практическую форму для осуществления демократическо-социальной республики с разрешением всех экономических и социальных задач, которые давно уже сильно волнуют не только Францию, но и Англию и Германию. Тогда пример Франции будет заразителен, и всю Европу ожидает страшный кризис. Против этого кризиса, безусловно, будут все войска Бисмарка и все искусственные учреждения Англии. Славянский мир будет непричастен к этой революции, имея в самом себе и в православии все данные для разрешения волнующих весь западный мир вопросов. Конечно, судьбы Божии неисповедимы, но для чего же нибудь составил Господь эту часть мира, которая называется Россией, и готовит воочию, показывая ей всю ложь выставляемых ей для подражания образцов. Недаром же прочел я сегодня в газетах, что преосвященный Алексей отправляется на днях в Нью-Йорк и Филадельфию для освящения двух православных церквей. Все эти рассуждения записываю здесь только для памяти, чтобы иметь возможность в будущем проверить собственные впечатления. Говорить в этом смысле в обществе, разумеется, нельзя, все это скорее чувства или предчувствия, чем мысли. Я, разумеется, не могу приблизительно даже сказать, как все это может совершиться, но мне кажется, что мое предчувствие верно, а потому довольно равнодушно отношусь к частным известиям об удаче той или другой из воюющих сторон, и мне кажутся ничтожными ожидания, что мы-де можем воспользоваться настоящим случаем, чтобы уничтожить Парижский трактат и проч. ... Я, быть может, смотрю на дело слишком свысока, но зато большинство, не исключая и князя Горчакова, смотрит на него глазами слишком близорукими.

А *propos**, о Горчакове — вчера я с ним много разговаривал. Он все жалуется, что стар, что напрасно его тревожат и проч. и проч. ... Я ему сказал: «Помилуйте, князь, да Вы должны просто целый день Богу молиться. Вас Бог, видимо, особенно любит. Как, помилуйте, Вы в Ваши годы сохранили свежую и светлую голову, и при этом совершаются события, в результатах которых вы призваны будете принять непосредственное участие и извлечь из них все возможные пользы для России на грядущие времена. Кроме того, Вам представляется случай исправить и те печальные воспоминания о Вашей министерской деятельности, которые были последствием наших бедствий в Крымскую вой-

---

* Кстати

ну, и Вы еще жалуетесь...». Тогда он стал меня уверять, что ему тяжело не иметь помощников. «А в этом Вы сами виноваты, — отвечал я, — Вам трудно находить помощников, потому что в среде, из которой Вы выбираете, люди слишком ограничены. Чтобы быть у Вас на виду, необходимо одно условие — уметь искусно и красиво сочинять депеши на французском языке, а это искусство не только не всегда соединяется с дельностью, но в русском человеке даже бывает наоборот — кто сочиняет хорошо пустые французские фразы, тот обыкновенно пустой человек. Где же видано и в каком государстве дипломатические агенты переписываются с министерством на иностранном языке? Французский язык можно и должно употреблять для сношений с иностранными державами, а наша корреспонденция должна бы быть на русском языке, тогда бы нашли людей, и люди бы к Вам пошли такие, которые бы писали Вам дело, не стесняясь красотой изложения чуждого им языка». Это мое замечание заживо задело старика, и он стал доказывать, что он вполне бы оценил человека, который бы писал плохо по-французски, но был бы человеком умным и дельным. Но это не так, он сам плохо владеет русским языком и очень падок на французскую фразистику. Горчаков по воспитанию своему, вкусам, привычкам и сочувствиям — совершенный француз, но, надо ему отдать справедливость, что у него есть внутренний инстинкт и способность в данном случае понять и посмотреть вопрос с точки зрения более исключительной и даже национальной, но редко в нем проявляется эта способность по собственной инициативе, надо, чтобы кто-нибудь указал ему эту исключительную сторону дела. От этого он не всегда бывает последователен в своих взглядах на один и тот же предмет. Например, по польскому вопросу, в начале революции³³, он часто смотрел на вопрос, как мог смотреть любой европейский дипломат, он даже признал этот вопрос международным, в силу трактата 15-го года, но потом, под впечатлением общественного мнения, в особенности статей «Московских ведомостей», он получил и усвоил себе совершенно противоположный взгляд и выразил его с замечательным талантом в известных нотах французскому и английскому правительствам. Но вместе с тем он и до сих пор не может отказаться от предубеждений, навеянных ему складом его европеизма, поэтому, например, он никак не может понять связь, существующую между католицизмом и полонизмом, и никак не видит солидарности вражды к нам этих обоих начал. В балтийском вопросе опять то же. Но, как бы то ни было, при всех своих недостатках и смешных слабостях он стоит много выше всех наших дипломатов, и заместить его будет очень трудно.

2-го августа. Сегодня получено здесь телеграфическое известие, что французская армия, бывшая под начальством Мак-Магона, положила оружие при Седане и что сам Наполеон сдался в плен лично королю прусскому. В телеграмме сказано, что король назначит местопребывание пленному императору после свидания с ним. Итак, постыднейшее из поражений целой армии с главою государства совершилось. Более <чем>80-тысячное войско положило оружие после нескольких только попыток пробиться через неприятельскую линию. Недостало у них стойкости и мужества, чтобы по крайней мере затянуть дело

сдачи и тем обессилить прусскую армию, а Наполеон решил закончить свою блестящую карьеру самым постыдным и унижительным, не только для государя, но и для человека, способом.

9-го сентября. С неутомимой последовательностью идут пруссаки вперед, и вот уже они подошли к Парижу и окружили его со всех сторон, так что все сообщения с городом прерваны и мы не получаем газет из Парижа. Вероятно, на днях начнется бомбардирование и осада, а с этим вместе неминуемо начнется грабеж Парижа вооруженной и безначальной чернью. Положение ужасное. Между тем начинают поговаривать о мире. Сюда едет Тьер с просьбой к государю о заступничестве перед прусским королем, а сегодня получено известие, что и Жюль Фавр отправился в Главную квартиру короля для мирных переговоров. Главное затруднение заключается в том, что пруссаки, не без основания, затрудняются начинать какие-либо мирные переговоры с правительством, случайно образовавшимся и не имеющим никакого законного утверждения³⁴. В Париже сильно надеются, что Россия уговорит пруссаков заключить перемирие и начать мирные переговоры. Князь Горчаков, кажется, очень склонен к тому, чтобы признать *le gouvernement de fait** и вступить с ним в предварительные переговоры. Но государь, будучи здесь под влиянием здешних представителей Пруссии, а также по собственным своим симпатиям и влечениям склонен поддерживать прусскую политику, видимо, не хочет принять роль ходатая перед прусским королем за Францию.

На прошлой неделе государь ездил на охоту в Лисино. Так как лисинские дачи находятся в ведомстве Государственных имуществ, то я должен был встретить государя в Лисине и там присутствовать на охоте. На охоту были приглашены: великий князь Владимир Александрович, князь Рейс, прусский посланник, генерал Вердер, прусский военный агент. Оба этих лица и прежде, но в особенности теперь, почти неразлучно пребывают около государя. Кроме того, гостями были барон Ливен, Зиновьев и граф Перовский, засим Скарятин был в качестве обер-егермейстера³⁵. Охота была на куропаток, которых здесь заранее разводят и воспитывают в особо устроенном ремизе³⁶, собственно, для царской охоты. Погода благоприятствовала охоте, и царь, кажется, остался доволен, обещав приехать еще раз на куропаток. На роскошных завтраках, обедах и ужинах предмет разговоров вертелся все более около военных действий. Государь постоянно носит прусский военный орден и уже послал разным немецким принцам, участвующим в настоящей войне, Георгиевский крест, хотя, быть может, такое официальное заявление сочувствия и не совсем вяжется со строгим нейтралитетом, нами объявленным. Личное сочувствие, видимо, преобладает над всеми иными соображениями. Все это вызывало и теперь вызывает сильную реакцию, которая сосредотачивается в лице наследника, вернувшегося на днях с женою из Дании. Вдаваясь в противоположную крайность ненависти к пруссакам и страха перед их возрастающим могуществом, он, кажется, не скрывает чувств своих на внешнюю политику. Это разномыслие, конечно, никакого вли-

* правительство фактически

яния иметь не будет, но я убежден, что по отношению к Остзейскому краю государь будет, вероятно, потворствовать всяким немецким интригам, назло партии, их ненавидящей. Уже вчера я узнал, что эстляндский губернатор Галкин, единственный русский губернатор в том краю, по приказанию государя переводится в другую губернию единственно за то, что немцы им недовольны. Альбединский, кажется, тоже уходит: подал прошение об увольнении по болезни; хотя этот господин крайне неспособен занимать какое-либо серьезное место и везде и во всем уступает немцам, но и он принесен в жертву. Всем этим делом руководит граф Шувалов, из всего этого нельзя ожидать проку.

16-го сентября. Вчера я опять был на охоте в Лисине с государем. Государь утром проводил императрицу в Крым и доехал с ней до станции Тосно, а оттуда в экипаже приехал к 10.30 часов утра в Лисино, где я его встретил. Приглашенные гости были те же самые, как и в прошлый раз, к ним присоединился еще только великий князь Алексей Александрович. Охота в Лисине, по-видимому, очень веселит государя, потому что он и в этот раз был в отличном расположении духа и приказал приготовить ему еще охоту на будущей неделе. Все на охоте происходит довольно однообразно. Когда государь приезжает с вечера, то ужинает и после ужина играет партию в ералаш, а потом ложится спать и спит, как мне сказал, так хорошо и крепко, как нигде. Засим утром выходит в 10 часов утра к чаю, и потом все отправляются на охоту.

Ежели охота на куропаток, то она происходит следующим образом. В ремизе, где на пространстве 7-ми десятин готовятся с весны привезенные из Богемии куропатки, которые тут разводятся. Выходит государь, а за ним обер-егерь с ружьем, потом еще егерь с другим ружьем, потом еще служитель с ящиком для уборки дичи, потом идет обер-егермейстер и я. Собаки ищут дичь, которая взлетает, и государь ее бьет или промахивается. Все это довольно забавно, ежели погода благоприятствует, но главное, прекрасный моцион, ибо с 11-ти часов до 1 часу ходят по довольно неровному пути. Засим, в 1 час, возвращаются к завтраку, всегда чересчур роскошному, причем меня удивляет аппетит государя и великих князей. После завтрака опять, тем же порядком, начинается охота до 4-х часов. Потом час отдыха или игра в карты, а в 6 часов обед, еще роскошнее, чем завтрак. Для образца прилагаю меню вчерашнего обеда.

Смотреть на следующей странице.

После обеда игра в ералаш до 9-ти часов, а потом все садятся в экипажи и уезжают.

Ежели охота на других тварей, то она происходит в Лисине в зверинце, где бьют приготовленных лисиц, зайцев, ланей и кабанов. Все, что говорили и говорят в публике о совершаемых будто бы на охоте оргиях, все это вздор и неправда. Можно скорее удивляться, что государь не выбирает себе гостей более приятных и веселых. Вчера, после охоты и перед обедом, я имел доклад, и так как я, перед выездом моим из Петербурга в Лисино, получил уведомление, что Зеленый будет обратно из-за границы 18-го числа, то сказал государю, что по возвращении министра намерен исключительно заняться изучением вопроса о будущем преобразовании Министерства государственных имуществ, так

как я имею уже в виду его намерение сосредоточить, как он выразился, всю промышленную и хозяйственную часть империи в этом министерстве. Это намерение государь одобрил.

С театра войны нет еще решительных новостей. Париж окружен со всех сторон, переговоры Жюля Фавра с Бисмарком не привели ни к каким результатам. Сюда вчера приехал Тьер, но и его посольство, вероятно, не будет иметь никакого практического результата. Государь дал мне прочесть полученные по почте от неизвестного два письма: это письма к Жюлю Фавру, в которых доказывается, что временное правительство не имеет права входить в какие-либо переговоры, и государь одобрил все приводимые в этих письмах доводы. Из длинного моего разговора с прусским посланником — князем Рейсом — я мог понять, что пруссаки сами теперь находятся в весьма затруднительном положении, не зная, как выйти из этого положения. Ибо даже после занятия Парижа останется все-таки еще не разъясненным вопрос, с кем легально можно будет вести переговоры о мире, и притом быть уверенным, что условия договора будут обязательны: до сих пор еще сам Бисмарк, кажется, не разрешил себе этого вопроса. Теперь, как пруссаки заняты усилием овладеть Парижем, а засим будут, вероятно, сообразовываться с тем, как отнесется к этому факту вся Франция. По словам Рейса, Наполеон не отказался до сих пор от престола и очень хлопочет, чтобы пруссаки не признали бы временного правительства.

Menu:

Diner du 16 Septembre 1870. Lissino.
Hors d'oeuvres.
Potage: Crème d'Asperge Colbert
Vol-au-vents a la Reine. Tartelette a la moelle
Fruites de Gatchina au bleu
Sauces: Hollande. – Beurre frais
Selle de mouton a l'Anglaise
Jambon d'York au Malaga
Truffes fraches a la serviette
Punch au fraisier
Jeune poulets a la Russe
Laitue et Picouli
Peches a la Bourdaloue
Dessert:
Fruits frais, bonbons, conpolet diverses
Amomdes gullees, biscuit, celeries d-homages anglau
Mokka - Thijauul

19-го сентября. Вчера я обедал в Царском Селе у княгини Елизаветы Трубецкой с Тьером. Бедный старик жалок по той странной роли, которую на себя принял. Он взял от временного правительства поручение отправиться в Лондон, Петербург и Вену для личных переговоров с государственными людьми великих держав с целью склонить к признанию временного правительства Франции. Это признание, по мнению Тьера, может дать временному правительству авторитет

для переговоров с пруссаками. Но Тьер, не имея никакого понимания и не имея никаких новых доводов для поддержки своих домогательств, сам, кажется, не верит в успех своего посольства, а принял, или даже вызвал его, кажется, только единственно для того, чтобы выставить благовидный предлог своему удалению из Парижа. Как бы то ни было, но ему на старости лет бегать из одного города в другой и вымаливать сочувствие к погибающей Франции, конечно, очень тяжело, и он об этом говорит со слезами на глазах. Но при этом болтает много, сильно и, по моему мнению, преувеличенно ругает Наполеона и его правительство, сваливая на него всю вину. Он высказывает надежды на некоторые элементы, будто бы преобладающие во Франции, но вряд ли это искренно. Тьер был принят государем, который беседовал с ним довольно долго, и, так как в этой беседе государь, вероятно, весьма искренне, выражал свое сожаление о положении Франции и свою готовность помочь, то Тьер остался очень доволен этим свиданием и сказал потом Горчакову: «Que s'il avait le bonheur de servir un Souverain pareil — il n'aurait — jamais proteste contre le pouvoir personnel»*.

Конечно, говоря это, он знал, que personne ne le prendra au mot**. Говорят, он каялся Горчакову, что он ошибся, преследуя во всю свою политическую жизнь мечту близкого союза Франции и Англии и жертвуя для этого союза связями с Россией. В «Голосе» напечатана на днях дельная статья по поводу приезда Тьера и его предложений. Вот эта статья.

Газета «Голос»:

«Если единственная цель поездки Тьера в Лондон, Вену и Петербург — признание великими державами Временного французского правительства — национальной защиты, то в успехе ее едва ли можно сомневаться. Великие державы, вскоре по возглашении в Париже республики, уполномочили своих представителей во Франции войти в сношения с Временным правительством. Представители этих держав переселились потом в Тур, сделавшийся временною столицею Франции после обложения Парижа пруссаками. Но едва ли поручение, данное г. Тьеру, ограничивается одними стараниями о признании Временного правительства национальной защиты. Более чем вероятно, что знаменитый государственный человек уполномочен, сверх того, лично удостовериться, как смотрят европейские Кабинеты на условия мира, предложенные Пруссией. В этом отношении поездка Тьера едва ли оправдает ожидания, которые, быть может, еще питает Временное правительство. В Лондоне г. Тьер нашел, кажется, мало утешительного. Англия открыто держит сторону Пруссии, как и следовало ожидать. Из всех великих держав европейского материка Франция более всех была опасна для Англии, и потому поражение ее было как нельзя более приятно Сент-Джеймскому кабинету. Можно сказать наверное, что этот кабинет пальцем о палец не ударит, чтобы помешать Пруссии в присоединении Эльзаса и Лотарингии. Будущее морское могущество Пруссии, которым пугают Англию французские газеты, не заключает в себе страшного для Англии, владеющей морями. Пруссия, даже обладая Кильским и А⁶ ... портами, все-таки будет не в силах соперничать с Англией, владею-

* Если бы ему посчастливилось служить подобному монарху, он никогда бы не возражал против режима личной власти.

** что никто не заставит его сдерживать слово.

⁶ Далее неразборчиво.

щей Гельголандом, Мальтой, Перимом, Ост-Индией, Австралией. Совершенно напротив, Англия может не без основания рассчитывать найти в юном германском флоте себе помощника при вероятных европейских сочетаниях. Поэтому Англия при подписании мирного трактата между Пруссией и Францией окажется, пожалуй, более прусской, чем сама Пруссия, подобно тому как в 1856-м году Австрия оказалась более турецкой, чем сама Турция. Можно надеяться, что г. Тьер найдет в Петербурге совершенно иное настроение. Россия, чуждая узкоэгоистической политики, искренно желает восстановления европейского мира и, без сомнения, сделает все от нее зависящее, чтобы столь желанный мир не был кратковременным перемирием. Весь вопрос, следовательно, в том, что можем мы сделать в настоящую минуту, не прибегая к помощи оружия.

В этом отношении надежды г. Тьера, если он их питает, ожидают, по всей вероятности, полное разочарование. Россия в настоящем случае может ограничиться только дружескими советами Пруссии — не переходить за пределы умеренности. К несчастью, мало надежды, чтобы в Берлине вняли нашим дружеским советам, внушенным бескорыстным сочувствием к миру: недавно обнародованные циркуляры умеренного графа Бисмарка фон Шенгаузена не оставляют в этом ни малейшего сомнения. Он с чисто прусской резкостью предостерегает нейтральные державы от всякого вмешательства в прусско-французскую распрю. Остается следовательно, только одно средство — заставить Пруссию силою принять условия мира, наиболее обеспечивающие спокойствие Европы. Но вправе ли Россия отважиться на столь сильную меру? Было время, когда в Европе не делалось ни одного выстрела без нашего согласия³⁷. Это время прошло, и виною того была Франция, ищущая теперь, может быть, нашего заступничества. Сам Тьер, приехавший к нам с конфиденциальным поручением, торжественно одобрял Крымскую войну, будто бы выгодную для французских интересов. Но именно Крымская война заставила Россию отказаться от роли, которую она играла в Европе с 1815 по 1856 г. Франция более всех желала лишить Россию преобладания в Европе, и сам г. Тьер немало хлопотал о противодействии России. В министерстве Лафитта он был самым ревностным бойцом за независимость Польши. В его истории консульства и империи³⁸ антирусское направление проглядывает в каждой строке. Автор этого знаменитого панегирика Наполеону I способствовал и реставрации Наполеонидов, подав голос за президентство Луи-Наполеона, так жестоко отплатившего ему³⁹ в роковую ночь с 1-го на 2-е декабря 1851 года. Еще недавно г. Тьер, восставая в законодательном корпусе против войн второй империи, исключил Крымскую войну, бывшую — будто бы — полезной для Франции. Но мы далеки от того, чтобы ставить это в укор г. Тьеру, убеждения которого так часто менялись в продолжение его политической карьеры. Мы не забыли, что он впоследствии признал всю непрактичность заступничества за Польшу⁴⁰, которое, наделав столько зла полякам, не принесло пользы и их заступникам — французам. Мы глубоко уважаем г. Тьера за его глубокий патриотизм, за его дальновидность, которой, увы, так часто мешали шовинизм и поклонение перед обоготворенным им Наполеоном I. Г. Тьер был прежде всего французом, и притом французом — южным. Уроженец Марселя, он никогда не мог избавиться от недостатков жителей Гаскони, Лангедока и Прованса. Его жаркая южная натура часто увлекала его в излишество, и он, подобно своим землякам, плохо видел за пределами Франции, почитаемой им альфою и омегой европейской цивилизации и квинтэссенцией человечности. Но с этими недостатками были тесно связаны самые блистательные таланты. Г. Тьер редко кого убеждал своими доводами, но его огнен-

ная речь увлекала даже яростных его противников, а эта *furie française** была бы невозможна без обоготворения Франции. Принимая это в соображение, мы не имеем права считать г. Тьера врагом России. Его выходки против нас вполне объясняются столь свойственным всем французам шовинизмом и не менее свойственным им незнанием России. Г. Тьер родился в Марселе в 1797 г. Следовательно, в юные годы немало наслушался он об ужасах, совершенных фантастическими «казаками» в его прекрасной Франции, и только теперь, когда эта прекрасная Франция подверглась нашествию цивилизованных немцев, требующих раздробления Франции, он должен признать, что русские, спасшие Францию от подобной участи в 1815-м году, далеко не такие варвары, какими ему рисовало их воображение. Любя свое собственное отечество, мы умеем ценить это чувство и в других, а потому не только не ставим г. Тьеру в вину его политические увлечения, напротив, высоко ценим их в знаменитом историке и государственном человеке Франции. Г. Тьер может быть заранее уверен, что встретит в России самый радушный прием, и если он не добьется того, что заставило его предпринять путешествие на наш дальний север, это — вина не наша. Наполеоновская Франция сделала со своей стороны все, чтобы расстроить столь естественный союз с Россией. Не довольствуясь преобладанием на западе, она старалась уничтожить наше влияние на востоке. С этой целью она стала добровольно вытаскивать для Англии из огня каштаны и навязала нам тяжкие условия Парижского мира. Но, хотя Париж и иллюминировался по случаю взятия Малахова кургана, Петербург (г. Тьер может быть в этом вполне уверен) не иллюминируется, если пруссакам удастся взять Париж. Напротив, событие это, к несчастью, весьма вероятное, мы встретим с искренним сожалением, но отворотить его — не в нашей воле. Франция заставила нас временно отказаться от участия в делах Европы, и последствием этого была битва при Седане и Седанская капитуляция. Предвидя, к чему роковым образом вели усиленные вооружения последнего времени, мы должны были ясно определить нашу роль на случай катастрофы. Нам предстояло на выбор: или, подобно другим державам, стоя во всеоружии, ожидать событий, или, обратив все свои силы на внутреннее устройство нашего громадного отечества, предоставить Европе делать то, что ей угодно, до тех пор пока наши собственные интересы не будут затронуты. Мы избрали последнее, и Европа не замедлила воспользоваться нашим временным бездействием для устройства своих собственных дел без нашего участия. Последствием этого было столь неприятное г. Тьеру объединение Италии, поражение Австрии и чрезмерное усиление Пруссии. Таким образом, Франция пожинает лишь то, что сама посеяла. Но из этого все-таки не следует, что мы, увлекаемые мстительностью, радуемся такому положению дел. Нисколько. Мы искренно опечалены как страшным кровопролитием, так и поражением Франции, тем более что не видим возможности устранить эти бедствия. Франция, нанося в Крыму удары России, как теперь оказывается, поражала ими свою собственную грудь. Осада Парижа — прямое последствие севастопольской осады, и если Франция и потеряет Эльзас и Лотарингию, то и это будет последствием потери Россией Западной Бессарабии — действительно, неумолимая Немезида карает народы, творящие зло. В оправдание себе мы можем сказать, что мы не только не старались сделаться орудием мстительной богини, но даже, сколько могли, замедляли ее удары. Мы и теперь сделаем, что можем, и если, при всем желании, нам не удастся спасти Францию, то только потому, что сама Франция лишила нас возможности подать ей руку помощи в роковую минуту».

---

* французская горячность

1870 год

Третьего дня приехал министр А. А. Зеленый. Кажется, здоровье его поправилось, и он намерен немедленно вступить в управление министерством. Я отдаю бразды правления без всякого сожаления. В эти 4 месяца я достаточно вошел в дело, чтобы понять всю его серьезную сторону, а теперь очень желал иметь более свободного времени, чтобы заняться внимательно вопросами, требующими изучения. Что же касается обаяния власти, то могу сказать, положив руку на сердце, что оно не имеет для меня ничего заманчивого. Государь выразил Зеленому, что был доволен моими докладами, и велел мне объявить благодарность. С наступлением осени начинается обычный реакционный поход⁴¹. Шувалов, говорят, приготовил целый короб доносов для наведения страха. Тимашев преподнес государю какой-то перевод истории Испании, в которой доказывается, что самовластие погубило Испанию. Эту книгу Тимашев хотел преследовать, но прокурорский надзор доказывает всю невозможность такого преследования. Государь этим очень недоволен и, вероятно, будет требовать какого-нибудь административного взыскания.

На место Похвистнева, главноуправляющего делами печати, которого находят слишком слабым, назначают, говорят, генерала Шидловского, бывшего орловского губернатора, составившего себе репутацию энергичного реакционера. Ничего из этого не выйдет, кроме бестолковой болтовни.

4-го ноября. Громадность совершающихся событий отвлекает внимание от частных, сравнительно мелочных явлений нашей обыденной жизни. К тому же до сих пор у нас было совершенное затишье. Все с напряженным любопытством ожидали телеграфических известий с театра войны. После сдачи крепости Меца с армией в 100 тысяч человек ожидают каждый день сдачи Парижа, хотя осада затянулась и предложенное нейтральными державами перемирие отвергнуто. Не подлежит, кажется, сомнению, что Париж взят будет в непродолжительном времени, ежели не силой, то голодом. Вся русская публика, не исключая и высших правительственных лиц, как то: министров и проч., спокойно следила за страшной грозой, истребляющей целый народ, еще так недавно господствующий в политическом мире. Все думали, что явное сочувствие, которое мы оказываем пруссакам, обеспечивает нас от всякого вмешательства, так как победители не нуждаются в помощи.

Среди этого невозмутимого и ничтожного спокойствия вдруг появилась вчера в «Правительственном вестнике» следующая нота князя Горчакова.

№ 29 «Правительственный вестник»,
8-го ноября 1870-го года.

**Циркулярная депеша Государственного Канцлера
к представителям России при Дворах держав,
подписавших Парижский Трактат 18 (30) марта 1856-го года.
Царское Село, 19 октября 1870 года.**

Неоднократные нарушения, которым в последние годы подвергались договоры, считающиеся основанием европейского равновесия, поставили Император-

ский кабинет в необходимость вникнуть в их значение по отношению к политическому положению России.

В числе этих договоров к России более непосредственно относится Трактат 18 (30) марта 1856-го года.

В отдельной Конвенции между обеими прибрежными державами Черного моря, составляющей продолжение к Трактату, заключается обязательство России ограничить свои морские силы до самых малых размеров.

С другой стороны, Трактат установил основное начало нейтрализации Черного моря. Державы, подписавшие Трактат, полагали, что это начало должно было устранить всякую возможность столкновений как между прибрежными государствами, так равно и между последними и морскими державами. Оно должно было умножить число стран, пользующихся, по единогласному уговору Европы, благами нейтрализации, и, таким образом, ограждало и Россию от всякой опасности нападения. Пятнадцатилетний опыт доказал, что это начало, от которого зависит безопасность границы Российской Империи с этой стороны во всем ее протяжении, имеет лишь теоретическое значение. В самом деле: в то время как Россия разоружалась в Черном море, и даже, посредством декларации, включенной в протоколы конференций, прямодушно воспрещала самой себе принятие действительных мер морской обороны в принадлежащих ей морях и портах, Турция сохранила право содержать в архипелаге и в проливах морские силы в неограниченном размере. Франция и Англия могли по-прежнему сосредотачивать свои эскадры в Средиземном море. Сверх того, по выражению Трактата, вход в Черное море формально навсегда воспрещен военному флагу, как прибрежных, так и всех других держав. Но, в силу так называемых Конвенций о проливах, проход через эти проливы воспрещен военным флагом лишь во время мира. Из этого противоречия проистекает то, что берега Российской Империи открыты для всякого нападения, даже со стороны держав менее могущественных, если только они располагают морскими силами, против которых Россия могла бы выставить лишь несколько судов слабых размеров.

Впрочем, Трактат 18 (30) марта 1856 г. не избежал нарушений, которым подверглась большая часть европейских договоров; ввиду этих нарушений трудно было утверждать, что писанное право сохранило ту же нравственную силу, которую оно могло иметь в прежние времена.

Все видели, как княжества Молдавия и Валахия, судьба которых под ручательством великих держав была определена Трактатом и последующими протоколами, прошли через ряд переворотов, которые, будучи противны духу и букве договоров, привели их сперва к соединению, а потом к признанию иностранного принца. Эти события произошли с ведома Порты и были допущены великими державами, которые не сочли нужным заставить уважать свои приговоры.

Только один представитель России возвысил голос, чтобы указать кабинетам, что подобной терпимостью они становятся в противоречие с положительными постановлениями Трактата. Разумеется, что если бы уступки, дарованные одной из христианских народностей Востока, были последствием соглашения между Кабинетами и Портой, основанного вначале, которое могло бы быть применено ко всему христианскому населению Турции, то Императорский кабинет отнесся бы к ним с полным сочувствием, но эти уступки были лишь исключением.

Императорский кабинет не мог не быть поражен, что, таким образом, Трактат (18) 30 марта 1856-го года, спустя лишь несколько лет по заключении, мог быть безнаказанно нарушен в одном из своих существенных частей перед лицом великих держав, собранных на Парижской конференции и представлявших в своей совокупности сонм высшей власти, на который опирался мир Востока.

Это нарушение не было единственным.

Неоднократно и под разными предложениями проход через проливы был открываемым для иностранных военных судов, и в Черное море были впускаемы целые эскадры, присутствие которых было посягательством против присвоенного этим водам полного нейтралитета.

При постепенном, таким образом, ослаблении предоставленных Трактатом ручательств, в особенности же действительной нейтрализации Черного моря, — изобретение броненосных судов, неизвестных и не имевшихся в виду при заключении Трактата 1856-го года, увеличивало для России опасность в случае войны, значительно усиливая уже весьма явное неравенство относительных морских сил.

В таком положении дел государь император должен был поставить себе вопрос: какие права и какие обязанности проистекают для России из тех перемен в общем политическом положении и из этих отступлений от обязательств, которые Россия не переставала строго соблюдать, хотя они и проникнуты духом недоверия к ней.

По зрелом рассмотрении этого вопроса Его Императорское Величество изволил прийти к следующим заключениям, которые поручается Вам довести до сведения правительства, при котором Вы уполномочены.

По отношению к праву наш августейший государь не может допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многих существенных и общих статьях своих, оставались обязательными по тем статьям, которые касаются прямых интересов его империи.

По отношению же к их применению Его Императорское Величество не может допустить, чтобы безопасность России была поставлена в зависимость от теории, не устоявшей перед опытом времени, и чтобы эта безопасность могла бы подвергаться нарушению вследствие уважения к обязательствам, которые не соблюдены во всей их целостности.

Государь император, в доверии к чувству справедливости держав, подписавших Трактат 1856-го года, и к их сознанию собственного достоинства, повелевает Вам объявить: что Его Императорское Величество не может далее считать себя связанным обязательствами Трактата (18) 30 марта 1856-го года, насколько они ограничивают Его верховные права в Черном море; что Его Императорское Величество считает Своим правом и Своею обязанностью заявить Его Величеству султану о прекращении силы отдельной и дополнительной к упомянутому Трактату Конвенции, определяющей количество и размеры военных судов, которые обе прибрежные державы предоставили себе держать в Черном море; что государь прямодушно уведомляет о том державы, подписавшие и гарантировавшие общий трактат, существенную часть которого составляет эта отдельная конвенция; что Его Императорское Величество возвращает в этом отношении Его Величеству султану права его во всей полноте, точно так же, как восстанавливает свои собственные.

При исполнении этого поручения Вы употребите старание, чтобы определить, что наш августейший монарх имеет единственно в виду безопасность и достоинство своей империи. В мысли Его Императорского Величества вовсе не входит возбуждение восточного вопроса. В этом деле, как и во всех других, он только желает сохранения и упрочения мира. Он не перестает по-прежнему признавать главные начала Трактата 1856-го года, определившие положение Турции в ряду государств Европы. Он готов вступить в соглашение с державами, подписавшими этот договор: или для подтверждения его общих постановлений, или для их возобновления, или для замены их каким-либо другим спра-

Третий том

ведливым уговором, который был бы признан способным обеспечить спокойствие Востока и европейское равновесие. Его Императорское Величество убежден в том, что это спокойствие и это равновесие приобретут еще новое ручательство, когда будут опираться на основания более справедливые и прочные, чем при том положении, которого не может принять за естественное условие своего существования ни одна великая держава.

Приглашаю Вас прочитать эту депешу и передать с нее копию г. министру иностранных дел.

(Подпись): Горчаков.

Хотя два дня перед сим ходили по городу какие-то неопределенные слухи о готовящемся будто бы с нашей стороны заявлении об уничтожении Парижского трактата, но им мало придавали веры. Поэтому понятно, как поражены были все чтением этого циркуляра. Мое первое чувство было весьма неприятное, ибо во мне преобладало сознание, что в основе затеянного дела нет строгого и верно обдуманного плана. Мне показалось, что этот циркуляр и самая решимость явно и бесцеремонно разорвать силу одного из важных пунктов Трактата как-то мало вяжутся с общим настроением и характером действия нашего правительства. К тому же мне настолько известно общее положение наших финансовых и военных дел, что я решительно и положительно убежден, что мы не готовы встретить случайность вооруженного протеста против нашего заявления. Очевидно, мы заручились не только согласием, но и обещанием поддержки со стороны Пруссии, но можно ли верить ее обещаниям?

Конечно, минута для того, чтобы в мутной воде рыбу ловить, выбрана удобная. Но стоит ли игра свеч? Мы поднимаем бурю для того, чтобы восстановить право, которым, в сущности, не только теперь, но и в близком будущем воспользоваться не в состоянии. Не только в Черном море у нас нет никаких морских сил, но и те, которые там были и которые мы по Трактату иметь имели право, мы еще недавно, в видах экономии, уничтожили окончательно. Теперь же, при постоянном дефиците в бюджете, надеяться скоро создать не только флот, но какую-нибудь силу будет невозможно и во всяком случае крайне разорительно для государства. К тому же мне известно, что в течение еще нынешнего года нам нужно будет за границей реализовать значительное количество наших железнодорожных облигаций, что делается невозможным, ежели миру будет угрожать опасность. Одним словом, мне кажется, что только полная, ни малейшему сомнению не подверженная у в е р е н н о с т ь, что заявление наше не возбудит не только войны, но и вооружения, только такая уверенность может оправдать внезапный вызов наш. Не знаю, на чем основана эта уверенность. По справке оказалось, что на прошлой неделе был у государя в Царском Селе Совет министров⁴², на этом Совете государь объявил министрам о своем намерении, причем прочтена была нота Горчакова. Н и о д и н министр не был заранее предварен о предметах суждения, никто не был приготовлен к обсуждению столь важного вопроса, понятно, что все возражения были крайне слабы. Едва можно поверить, что государь решился на такой решительный шаг, не поговорив предварительно ни с министром финансов, ни с министром военным. Все это потому, что в понятии его, говорят — также и Горчакова, войны

быть не может и все кончится дипломатическими переговорами. Дай Бог, чтобы он был прав... Мы живем в какие-то библейские времена, так внезапно и неожиданно совершаются события и так, почти случайно, возникают величайшей важности вопросы, что невольно недоумеваем... Нет сомнения, что восточный, а с ним и славянский вопрос рано или поздно возникнут, но к ним надо приготовиться не только материальными вооружениями, но общей внутренней и внешней политикой. Думать же приступать к восточному вопросу в дружбе с Бленкером и Пруссией и стать во главе славянского мира, враждуя и опасаясь национального элемента, преследуя в России русскую партию, — это такое ослепление, которого понять нельзя. Тут поистине что-то библейское.

8-го ноября. Все державы, подписавшие Парижский трактат, как и следовало ожидать, протестуют против нашего заявления. Кроме, разумеется, Франции, которой теперь не до трактата и которая в восторге, что мы заварили кашу, из которой может выйти для нее доброе. Пруссия, хотя не протестует, но, говорят, выразила сожаление, что не вовремя мы возбудили вопрос и не в надлежащей форме. Оказывается, что мы даже не заручились формальным и точным одобрением и поддержкой Пруссии. Этого я уже никак не ожидал. Петербургские журналы, под внушением начальства, выражают восторг и вполне одобряют решимость правительства. «Московские ведомости», как я и ожидал, очень сухо отзываются о циркуляре, утверждая, что Россия вправе не считать трактат обязательным, выражают сомнение в пользе возбуждения этого вопроса именно теперь. Катков, видимо, не доверяет Пруссии и думает, что Бисмарк подбил нас на эту штуку. Он также не видит большой последовательности в наших действиях, ибо до сих пор мы не только не готовили ничего в Черном море, но и уничтожили все, что было. Сегодняшнюю статью он кончает заявлением одного факта, действительно весьма верно выражающего всю непоследовательность наших действий. Вот что он говорит:

«Московские ведомости», № 30.

«Кстати, для успокоения умов в Европе, непритворно встревоженных принимаемой Россией политикой, мы можем указать на один факт, свидетельствующий о нежелании ее пользоваться даже теми следствиями влияния на Востоке, против которых не было и не может быть возражений. Средства эти небольшие. Есть у нас комитеты, воспитывающие десятка два-три единоверных им детей из европейской Турции и посылающие в тамошние школы по несколько томов в год с книгами, собираемыми посредством пожертвований. Проникали туда и русские газеты в самом ограниченном числе. Вообще, дела умственного и нравственного общения России с турецкими славянами подвигались весьма туго, но теперь и этому делу, столь безупречному и скромному, положено препятствие. Почти в одни дни с циркулярною депешей кн. Горчакова почтовым ведомством сделано распоряжение, повышающее таксу на пересылку русских газет в Турцию и Грецию и притом назначающее за пересылку газет в Турцию ту самую таксу, как в Грецию, когда Греция лежит дальше от России. Такса и прежде того высокая — возвышена разом вчетверо, так что почтовую пересылку газет в эти страны можно считать фактически воспрещенною. Мера эта принята с большой строгостью, ибо распространяется даже на газеты нынешнего года, коим подписная цена была на-

значена ввиду прежней таксы, и, как оказывается, русское почтовое ведомство действовало в этом случае без всякого повода со стороны Турции или Австрии, которые своих такс не изменяли».

Действительно, англичанам нечего бояться нашего чрезмерного влияния на Востоке, пока будет такой ералаш. Я виделся на днях почти со всеми министрами и с удивлением узнал, что почти все они разделяют мои опасения. Им не более моего известны те несомненные данные, на которых основали государь и князь Горчаков свою уверенность, что дела не примут опасный для мира оборот. Я князя Горчакова еще не видел — он в Царском Селе и, говорят, ликует, получая из разных мест России благодарственные и поздравительные адреса. К государю также начинают посылать восторженные адреса. Пишущие их убеждены, что дело сделано разумно и что во всяком случае мы совершенно готовы встретить всякую случайность. Ежели бы я имел эту уверенность, то с радостью бы подписался под таким адресом. Между тем, судя по газетам, Австрия, Англия, Турция и Италия готовят сильный протест, турки даже, говорят, вооружаются. Вероятно, последствием всего этого будут с нашей стороны какие-нибудь разъяснительные депеши, которые смягчат резкость и решительность тона первого циркуляра; в России это примут за попятный шаг, поэтому будут недовольны и адреса, вероятно, приостановятся. Всего более я опасаясь, чтобы турки по наущению Англии не решились бы попробовать, в какой мере мы готовы с оружием в руках защищать свои требования. Для этого им стоит только теперь послать несколько военных судов в Черное море и остановить нашу торговлю. Ежели мы примем это за объявление войны и действительно пойдем занимать княжества⁴³ или Галицию, то тогда, буде англичане войны не хотят, — они вмешаются и предложат мирное разрешение вопроса на конференции, а ежели мы ограничимся одним протестом против насилия турок, то, конечно, это будет значить, что мы спасовали, и тогда военный разговор с нами будет другой. Все это возможно, потому что не стоит больших усилий. Ежели бы мы хоть маломальски были более готовы к войне, то, конечно, теперь самая благоприятная для нас минута начать бой с Австрией и Турцией, разумеется, призвав на помощь все христианские и славянские силы. И успех не только возможен, но даже вероятен. Но засим меня еще смущает сомнение — что же далее?.. Что будет, когда мы победителями станем или у Константинополя, или у Вены? Отрекаемся ли мы от Сатаны и всех его дел, т. е. откажемся ли мы от всей немецкой политики и от всех ее симпатий, которыми до костей пропитаны все наши правительственные сферы? Ведь тогда придется поднять знамя славянофилов и принять их программу, а, по понятиям Тимашева, Шувалова и самого государя, — это есть знамя красных революционеров. Нет, не время еще поднимать восточный вопрос, а потому не время и играть им.

16-го ноября. Волнение, произведенное в Европе циркуляром князя Горчакова, начинает утихать; есть надежды, что дело до войны не дойдет. Но сегодня пронесся достоверный слух, что мы согласились на собрание Конференции в Лондоне, на обсуждение которой будет предложен возбужденный нами воп-

рос. Ежели этот слух справедлив и Конференция ограничится рассмотрением только той части Парижского трактата, от которого мы отказались, то я считаю дело с нашей стороны проигранным и во всяком случае выходку нашей дипломатии неудавшейся. Конференция, призванная заниматься специальным вопросом, уже потому для нас невыгодна, что всякая конференция имеет целью прийти до соглашения, а соглашения возможны только при взаимных уступках. В настоящем же случае, как бы малы ни были наши уступки, все же они будут уступками, а мы, заявив требование на одно только отвлеченное право, не имеем в руках своих никаких материалов для уступки. Ежели бы мы материально нарушили Трактат и каким-либо фактом заявили бы пространство и силу наших притязаний, то тогда, конечно, можно было бы в чем-нибудь убавить или смягчить силу нашего нарушения, а так как мы только объявили, что не хотим более терпеть ограничений в праве, и при этом всем известно, что пользоваться этим правом мы не имеем теперь и не можем иметь прежде многих лет никаких средств, то что можем мы уступить на Конференции, в видах соглашения, я решительно не понимаю. Конференция, вероятно, затянется на несколько месяцев и может продлиться до весны. К тому же времени при настоящих событиях в Европе все может измениться, и никто не может отвечать за то, что обстоятельства могут так невыгодно для нас сложиться, что не только за нами не признают права отказаться от Парижского трактата, но еще потребуют каких-либо материальных гарантий в том, что мы и впредь не будем уклоняться от обязательной силы договоров. Я удивляюсь, как князь Горчаков не понял то невыгодное положение, в которое он себя поставил, приводя в доказательство права России не считать Трактата для себя обязательным тот факт, что другие державы нарушили этот трактат. Да, они его нарушили фактически, но потому они его и нарушили именно фактически, потому что не могли не признать его обязательной силы в принципе, а мы стали на самую неблагоприятную почву — заявляем, что хотим в будущем нарушить договор, который не считаем в принципе для себя обязательным. Вести на этой почве дипломатический спор во всяком случае крайне неблагоприятно и невыгодно. Наконец, вся эта выходка князя Горчакова оправдывалась тем, что настоящая минута для нас будто бы самая удобная, для того чтобы заявить Европе нашу решительную волю. Хотя я решительно сомневаюсь в выгоде настоящей минуты, но ежели даже и допустить это основание, то мы, соглашаясь на Конференцию, отказываемся в пользу противников наших от этой выгоды. Теперь от воли их будет зависеть выбрать минуту, когда с нами покончить разговоры. Ко всему этому надо еще прибавить печальное сознание, что на всех конференциях представители противников наших действовали всегда с большим талантом, сознанием и хитростью. Не жду я проку от этих конференций. Дай Бог, чтобы опасения мои не оправдались. Замечательно, что «Правительственный вестник», пропечатав циркуляр князя Горчакова, после того молчит и не единым словом не вразумляет публику, которая из иностранных газет узнает все последствия депеши князя Горчакова, а между тем благодарственные адреса из России начинают появляться один за другим и доказывают, что публика поняла все значение возбужденного вопроса. Но «Московскими ведомостями» очень заняты в высших сферах, что они не кричат «ура»...

Между тем осада Парижа затягивается сверх всякого ожидания и положение немцев становится с каждым днем затруднительнее.

Так мало привыкли у нас соображать важные государственные меры, что, решившись, например, послать циркуляр князя Горчакова, не сообразили, что на днях должен выйти манифест о ежегодном очередном наборе и теперь решились остановить объявление этого манифеста, что сопряжено с большими неудобствами. Между тем на сих днях обнародовано следующее высочайшее повеление.

Высочайшее повеление

Государь император, по докладе Его Величеству настоящего положения работ комиссии, на которую возложен пересмотр постановлений о личной военной повинности, высочайше соизволил принять во внимание:

1) Что для полного обеспечения военной защиты государства без обременительного для его финансов увеличения наличного состава армии необходимо постепенное образование резервных или запасных войск, призываемых на службу только в военное время.

2) Что устройство запасных войск должно быть основано на тех же самых коренных началах, на которых основано общее устройство армии, и что необходимость соблюдения этого условия вполне подтверждается современными военными событиями.

3) Что сокращение сроков обязательной службы облегчает исполнение личной военной повинности и должно быть сохраняемо в виду при составлении новых об этой повинности законоположений.

4) Что сокращение военных сроков без ослабления военных сил государства в общем составе запасных и наличных частей армии зависит от численности той доли населения, которая ежегодно призывается или впредь будет призываться на службу.

5) Что все ныне действующие постановления о порядке поступления на службу, несмотря на допущенные в них различия по правам состояний или правам сословным, имеют один общий источник, заключающийся в понятии о всеобщей и священной обязанности защиты отечества.

6) Что для обеспечения надлежащего устройства запасных войск необходимо установление более постоянного и более правильного соотношения между числом новобранцев, вступающих в армию на основании начала обязательного призыва, и числом лиц, которые ежегодно поступают на военную службу на других основаниях и которые, по правам состояния и по степени образования, преимущественно занимают офицерские должности.

Вследствие сего, государю императору благоугодно было 4-го сего ноября повелеть военному министру: составить и представить на высочайшее утверждение, установленным порядком, предположение об устройстве запасных частей армии и о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве.

Этот малопонятный для большинства набор слов просто значит, что правительство решилось ввести всеобщую обязательную военную службу, уничтожив все сословные привилегии, освобождавшие до сих пор от сей тяжкой натуральной повинности. В какой форме и по какому образцу будет призыв на служ-

бу — ничего еще неизвестно, но, вероятно, приближаясь к образцу прусского ландвера, эта одна из важнейших государственных мер будет иметь громадные последствия не только для всякого дела в России, но и во всей общественной и политической жизни государства. Но я имею полное основание думать, что с этой реформой будет то же, что было со всеми реформами, как то: с судом и с печатью, т. е. издадут, не поняв всего ее значения, и засим будут удивляться полученным результатам и негодовать против них.

Чтобы оправдать мое мнение, я должен рассказать историю этого вопроса, как он мне известен, так как я принимал в ходе его некоторое участие. Вскоре после введения крестьянской реформы, не попомню хорошенько, в 1862-м или 1863-м году, учреждена была под председательством члена Государственного совета Н. И. Бахтина Комиссия для составления нового рекрутского устава. Я был назначен в эту Комиссию членом со стороны Морского министерства. Комиссии этой, сколько мне помнится, не дано было никакой руководящей инструкции, а велено было сперва начертать главные основания предполагающейся реформы... Бахтин, хотя вообще был человек довольно поверхностный, принадлежа к числу либералов 20-х годов, удержавшихся на министерской службе при Николае Павловиче, но вел дело весьма успешно, и много приготовленных работ, сделанных под его руководством, послужат теперь хорошим материалом для будущих работ. Когда Комиссия наша коснулась вопроса об изъятии от натуральной рекрутской повинности, то, само собою, пришла к необходимости войти в обсуждение и вопроса об изъятиях сословных. Тут, помнится мне, образовалось два мнения — большинство, к которому принадлежал и я, высказались прямо в пользу уничтожения всяких сословных изъятий. Бахтин, сочувствуя, видимо, нашему мнению, высказывается так неопределенно, что нам ясно было видно, что ему запрещено касаться радикального разрешения этого вопроса. Прежде чем Комиссия выработала свои основания, я из Морского ведомства вышел, поступив в управление Таможенным ведомством... Но мне известно, что работа Комиссии, по высочайшему повелению, была рассмотрена в Государственном совете, причем объявлено было запрещение касаться до изменения ныне существующих сословных прав. Государю было представлено, что проект Комиссии направлен к окончательному уничтожению дворянского сословия. С тех пор Комиссия, которая и до сих пор продолжается, за смертью Бахтина, под председательством сперва Бутенева, а потом графа Гейдена, не издала нового устава, а ограничилась при каждом новом манифесте о наборе издавать отдельные правила в отмену и изменение прежних. Таким образом, вопрос о радикальной реформе воинской повинности, несмотря на неоднократные попытки военного министра Милютина вызвать его к жизни, заглох и лежал под спудом. Он бы, вероятно, долго еще пролежал, хотя организация прусской армии так поразительно оправдалась на деле, ежели бы Петр Александрович Валуев, бывший министр внутренних дел, а ныне находящийся не у дел, не вздумал нынче летом поехать за границу. Война застала его в Германии, и он, будучи свидетелем быстрой и замечательно усиленной мобилизации германской армии, вздумал изложить свои впечатления в записке, озаглавленной: «Записки невоенного о военном деле». Эту записку, по приезде в Петербург, он дал

прочесть военному министру Милютину, а этот, возвращая ему, заметил *qu'il parle à un converti**, что лучше бы он подал записку эту государю. Милютин понимал, что Валуева не считают за красного, врага дворянства, а потому рад был пустить его вперед. Он предложил Валуеву передать государю эту записку, на что Валуев согласился. Государь, прочтя записку, в тот же вечер возвратил ее Милютину, заметив, что это те же мысли, которые он уже несколько раз слышал от него, Милютина, и что он вполне это разделяет, и что нужно немедленно им дать ход. Вот происхождение вышеприведенного высочайшего повеления, текст которого, ежели не взят из записки, то по крайней мере сочинен, по всей вероятности, Валуевым, ибо я узнаю его слог, многоречивый и туманный. Итак, государь внезапно, без всякого какого-либо предварительного обсуждения, согласился, по крайней мере в принципе, на меру, крайне важную по своим последствиям. При этом он, вероятно, вообразил только, что с дворянством нечего теперь церемониться особенно... К тому же и в журналах, и в земских собраниях уже слышались голоса дворян, добровольно отказавшихся от своих привилегий. Но все другие стороны этого вопроса ему едва ли известны, и едва ли не только он, но и граф Шувалов, и генерал Тимашев, поставившие себе задачей или по крайней мере выдающие себя за строгих охранителей всех внешних форм самодержавия, едва ли эти господа понимают, что эта реформа, так же как и другие, ей предшествовавшие, вносит новый элемент в политическую жизнь государства.

Сегодня я вводил преемника моего, действительного с<татского> с<оветника> Качалова, бывшего архангельского губернатора, в управление Департаментом таможенных сборов. При этом я видел со стороны бывших моих подчиненных чиновников столько искренних ко мне чувств благодарности и сожаления, что я был глубоко ими тронут. Когда чиновники собрались в залу, чтобы со мной проститься, и я хотел отвечать на сделанное ими приветствие, то так был взволнован, что долго не мог выговорить ни слова. Я действительно оставляю Таможенное ведомство с самыми приятными воспоминаниями и, кажется, заслужил добрую о себе память.

Мне посчастливилось многое сделать, значительно улучшить и возвысить дух управления, обеспечить положение служащих, и все это имело последствием увеличение государственного дохода почти вдвое.

Правда, обстоятельства мне благоприятствовали, и теперь, как вспоминаю все подробности моей семилетней деятельности в Таможенном управлении, то не могу указать ни на одну из особенно удачных или счастливых мер, которыми бы вполне объяснялся достигнутый результат. Но в общем у меня сохранилось сознание, что я искренне и твердо желал лучшего, я, можно сказать, в течение этих семи лет только об одном и думал. Занятия сами по себе, хотя они и отнимали у меня много времени, но независимо собственно от работы я был постоянно озабочен одной мыслью, хотя этого и не высказывал. Я не сомневаюсь, что такое мое внутреннее настроение действовало на служащих, давало мне в глазах их авторитет и незаметно передавалось всему управлению. Вот почему в

---

* он говорит об этом единомышленнику

течение семи последних лет я даже в свободное время мало занимался посторонними предметами, я был поглощен одной работой.

Теперь по отношению к Лесному управлению я нахожусь совершенно в том же положении, в каком находился при поступлении в Таможенное ведомство. Чувствую, что, для того чтобы сделать что-нибудь дельное по этой части, нужно употребить столько же последовательности, энергии и нравственных сил, но вместе с тем чувствую, что сильно постарел, что нет той охоты и решительности начать снова изучать и погружаться в суть нового, сложного и расстроенного дела. К тому же в таможенном деле я приобрел опытность, а эта опытность учит меня не доверять первым впечатлениям. Как бы дело ни казалось ясным и как бы исправление недостатка ни казалось легким и возможным, нужно удержаться от соблазна ломать и менять существующий порядок, не уяснив себе дело во всех подробностях. Я помню, как по Таможенному ведомству мне хотелось на первых порах многое сделать, но благо Рейтерн меня сдерживал своим невозмутимым спокойствием, и я ему за это благодарен, ибо наделал бы много глупостей. Теперь, следовательно, мне предстоит пока покоиться на лаврах и ограничиваться простым исполнением не многотрудных служебных обязанностей или начать вновь серьезно работать, чтобы преобразовать Лесное управление, находящееся во всех частях в самом неудовлетворительном положении. Так как Лесное управление останется во всяком случае, и с преобразованием или даже вовсе с уничтожением министерства Государственных имуществ, то предмет стоит внимания. Пока я все еще всматриваюсь и вчитываюсь, может быть, летом поезжу по России, чтобы взглянуть на дело помимо бумаг. В общих чертах мне даже довольно ясно представляются причины коренных недостатков, но все это довольно смутно и во всяком случае не настолько ясно, чтобы я мог решить себе вопрос — могу ли я и должен ли я взяться за дело или нет.

26-го ноября. На сих днях прислан из Москвы от Московской думы следующий адрес:

Всемиловейший государь.

Пятнадцать лет сносила Россия унижение небывалое, в твердом уповании, что, возрастая непрерывно под Верховным Вашим радением, она возвратит себе вовремя благопотребно и свободу, и силу, и должный почет в сношениях внешних. По внушению Вашей Царственной Совести, Вы решили, Государь, что эта пора теперь настала, что пришел час для России, и именно теперь, стряхнуть с себя незаконные узы, наложенные врагом. Вы не потаенно, а въявь отвергли некоторые статьи Парижского трактата, уже давно разорванного и попранного теми самими, кто издал этот трактат во вред России. Ваше слово, торжественно сказанное во имя Русской земли и народа, не останется одним лишь словом, и оно обратится в дело несокрушимое. Какие бы испытания ни грозили бы нам, они — мы уверены — не застанут Россию неподготовленной. Они, несомненно, найдут Россию тесно сомкнутою вокруг Вашего Престола.

Но с большею верой, чем в прежние времена, глядит ныне Россия на свое будущее, слыша в себе непрестанное духовное обновление. Каждое из Ваших великих преобразований, совершенных, совершаемых и чаемых, служит для нее и вместе для Вашего Величества источником новой крепости. Никто не стяжал

таких прав на благодарность народа, как Вы, Государь, и никому не платит народ такой горячей признательностью. От Вас принял он дар, и в Вас самих продолжает он видеть надежнейшего стража данных ему вольностей, ставших для него отныне хлебом насущным. От Вас одних ожидал он и довершения благих начинаний и, прежде всего, простору мнений и печатного слова, без которых никнет дух народный, и нет места искренности и правде в его отношении ко власти, свободы церковной, без которой недействительна и сама проповедь, и наконец, свободы верующей совести — этого драгоценнейшего для души человеческой. Государь, дела внутренние и внешние связуются неразрывно. Затем успех в области внешней лежит в той силе народного самосознания и самоуважения, которую вносит государство во все отправления своей жизни. Только неуклонным служением началам народности управляется государственный организм, спланиваются с ним его окраины и создается то единство, которое было неизменным источником заветов Ваших и наших предков и постоянным знаменем Москвы от начала ее существования. Под этим знаменем, Государь, по первому Вашему зову все сословия народные соберутся и ныне и уже без различия звания, дружной ратью, в непоколебимой надежде на милость Божью, на правоту дела и на Вас. Доверие со стороны царя к своему народу, — разумное самообладание в свободе и честность к покорности со стороны народа, взаимная и неразрывная связь царя и народа, основанная на общении народного духа — на основании стремлений и верований, — вот наша сила, вот что поможет России совершить ее великое историческое призвание. Да, Государь, «Вашей воле, — скажем мы в заключение словами наших предков, в ответ их Первовенчанному предку Вашему в 1642-м году, — Вашей воле готовы мы служить и достоянием нашим, и кровью — а наша мысль такова».

Этот адрес, как и следовало ожидать, не был принят, Тимашев возвратил его князю Долгорукову — московскому военному генерал-губернатору — с выговором, как мог он подобный адрес принять для доставления в Петербург. Говорят, государь, очень рассержен, и, разумеется, весь гнев преимущественно сосредоточил на городском голове князе Черкасском, Веймарне и Самарине, которым приписывают редакцию. Нельзя не признать, что слова о свободе печати и совести крайне неуместны, бестактны и помещены в адрес как будто нарочно, чтобы рассердить, без этих слов адрес бы много выиграл и, вероятно, был бы принят, так как не оставалось бы благовидного предлога возвращать его. Не понимаю, как мог решиться Черкасский предложить на подпись подобный акт, за содержание которого вся ответственность, конечно, падала на него. Он не мог не знать, что этим он окончательно лишает себя всякой возможности вступить вновь на службу государственную. Все враги его, во главе которых граф Шувалов и Тимашев, в восхищении от этого промаха и, конечно, пользуются им с особенным удовольствием. Приезжие из Москвы объясняют всю историю этого адреса следующим образом: первоначально не хотели вообще подавать адреса ни дворянство, ни Дума, не видя в настоящих обстоятельствах достаточного повода делать какие-либо заявления, и, кажется, из Петербурга министр внутренних дел дал знать Долгорукову, чтобы он воздерживал от манифестаций. Но потом в Петербурге пожелали, чтобы из Москвы тоже, по примеру других губерний, был прислан адрес. Тогда московское дворянство, в лице

своих предводителей, просило позволения прислать сюда депутацию для поднесения адреса. Депутацию отклонили, а адрес изъявили желание принять. Вследствие сего дворянство и прислало весьма невинный и бесцветный адрес, который и напечатан, а Дума, под руководством Черкасского, захотела сказать в адресе нечто такое, чтобы видели, что адрес этот написан не по заказу, и притом выразить некоторый протест против торжествующей вообще в правительственных сферах реакции и, в особенности, против антинационального направления, тем более что за несколько дней перед сим Тимашев, со свойственной ему бестактностью, прислал в Москву какого-то чиновника от Главного управления по делам печати, чтобы сделать московским журналистам разные внушения и, между прочим, объявить свое запрещение писать против немцев вообще и пруссаков в особенности. Редакцию адреса взял на себя Аксаков и, разумеется, написал передовую статью, без соображения о том впечатлении, которое она здесь произвести может. Редакция эта подробно рассматривалась некоторыми членами Думы и потом единогласно была принята в общем собрании и подписана 105-ю лицами. Удивительно, как Черкасский, зная всю здешнюю обстановку и здешнее направление и дорожа свои положением, по крайней мере настолько, чтобы не сделаться совершенно невозможным в будущем для какой-либо политической деятельности, — удивительно, как мог он решиться принять эту редакцию, но еще удивительнее, как мог князь Долгоруков решиться прислать его сюда. Как ни глуп Долгоруков, как ни податлив влиянию, все-таки мудро, чтобы он не понял, что в Петербурге будут очень недовольны этой манифестацией, а он, говорят, напротив, пришел в восторг от адреса и, мало не колеблясь, прислал его сюда. Зато, говорят, ему послан сильнейший нагоняй, и он, говорят, теперь в отчаянии. Хуже всего то, что реакционное настроение государя еще больше усилилось, он, говорят, из себя выходит. Некоторые выражения адреса его, говорят, особенно сердят: «Каких, — говорит он, — они преобразований еще чаят? Я знаю, чего они чаят... (разумеется под этим конституция). Я никаких вольностей не давал. Я дал права, а не вольности, (не понимая того, что слово “вольности” употреблено в адресе в том смысле, в каком оно употреблялось у нас в актах даже во времена Екатерины, т. е. в смысле прав). Что это за проповедь они мне читают под конец?» Он приписывает редакцию Самарину и Аксакову, а ответственность всю возлагает на Черкасского, укоряет людей, которые, как Зеленый, хотели его допустить до занятия высших мест в управлении. Одним словом, не только Черкасский, что называется, окончательно soule*, но и все реформы, в пользу которых он уже сомневался, еще более ему сделались противны. Императрица на возвратном пути из Крыма должна была остановиться на несколько дней в Москве, но теперь ей приказано не останавливаться там, а прямо ехать в Петербург: все это очень прискорбно. Шувалов и К^о неминуемо воспользуются этим настроением царя и станут выкидывать какие-либо безобразия, которые без всякой пользы будут только раздражать публику. Существенных мер все-таки никаких принято не будет, мы от существенной реакции, к счастью, застрахованы неспособностью и крайней невежественностью

---

* пошел ко дну

деятелей в этом направлении. На днях корреспондент «Indépendance Belge»⁴⁴, некто г. Загуляев, отправился в Вятку за то, что он сообщил в эту бельгийскую газету известие о том, что Тимашев призвал к себе редакторов русских газет и приказал им не нападать на прусскую политику.

2-го декабря. Как бы нарочно для того, чтобы еще более расстроить нервы государя и оправдать постоянное стремление графа Шувалова и Тимашева представлять Россию в каком-то революционном настроении, открылась вчера новая шайка нигилистов и нигилисток, собиравшаяся в здешнем Земледельческом институте. Шайка эта, образовавшаяся из остатков разбитой шайки Нечаева и Каракозова, так же безобразна, как и все открытые уже подобные шайки.

На этот раз одним из главных руководителей этой мерзости был профессор Земледельческого института Энгельгардт. В стенах института собирались сходки в числе более 100 человек, на этих сходках говорили и читали всякого рода революционные и нигилистические безобразия, в сходках принимали участие не только студенты, живущие в институте, но также приезжали из города молодежь и нигилистки, которые тут же и плясали, пьянствовали и ночевали, — все это оставалось неизвестным начальству института, т. е. директору... Меня это открытие вовсе не удивило. Я еще летом, когда управлял министерством, был раз на экзамене в этом институте и по одному виду слушателей и профессоров вынес полное убеждение, что это — вертеп всякой мерзости и дряни. Засим Совет института, составленный из 17-ти профессоров и преподавателей, из них большинство дряни, настоятельно требовал от меня, чтобы я согласился на предложенную ими командировку студентов института для практических будто бы занятий в разные губернии. Я, предвидя, что эта командировка недоучившихся нигилистов есть не что иное, как средство пропаганды, наотрез и решительно отказал. Засим тот же Совет настоятельно требовал, чтобы выбор секретаря Советов был предоставлен им, тогда как до сих пор он назначался министерством; я в этом отказал. Тогда декан Андреев вышел в отставку, и на место его выбрали Энгельгардта, который поставил условием принятие этого звания, чтобы выбор секретаря был предоставлен Совету; когда же я и на это не согласился, то Совет не хотел выбирать нового декана. Я видел, что этим господам не хотелось вызывать студенческую манифестацию, которая непременно бы и состоялась, ежели бы к концу вакантного времени⁴⁵ не был бы выбран декан. Тогда я приказал объявить гг. Андрееву и Энгельгардту, что ежели будет какая-нибудь история, то г. Андреев в тот же день отправится в Пермь, а Энгельгардт — в Вятку, и я в том ручаюсь им своим честным словом. Дело успокоилось тем, что я сам назначил секретаря из профессоров, а Энгельгардт принял звание декана. Положение мое было довольно щекотливое, потому что в случае какой-нибудь истории я должен бы был сам доложить о ней государю, предупреждая донесение Шувалова, но при этом я должен бы был высказать государю откровенно мое мнение об этом заведении, во всех отношениях вредном и бесцельном. Но так как Зеленый сам образовал это заведение и, по-видимому, прежде дорожил им, то мне было крайне неудобно в его отсутствие докладывать государю подобное дело. Поэтому я очень был рад, что оно окончилось мирно.

По приезде Зеленого я сказал откровенно ему все свое мнение, не скрыв ничего, и предсказал ожидавшие его неприятности. Мое объяснение, видимо, смутило Зеленого, он поехал в институт, дал разного рода строгие приказания и, кажется, вернулся с убеждением, что я преувеличил зло. Никак я не ожидал, чтобы мои предсказания так скоро сбылись. Теперь профессора Энгельгардт и Логинов арестованы и около 10-ти главных студентов. Засим заведение теперь закрыто не будет, но я надеюсь, что недолго оно просуществует, ибо исправлять его отдельными мерами нет возможности. В сущности, из всех донесений агентов, которые в виде студентов сами принимали участие во всех сходках, видно, что ничего серьезного, имеющего вид какого-нибудь заговора или чего-либо подобного, не было, все ограничивалось ругательствами на существующий порядок и разговорами о цареубийстве. Большинство постоянно приходило в сознание, что революция теперь невозможна, что народ слишком любит царя, но что нужно сильно пропагандировать и действовать на народ всякими средствами. Все это, говорят, безбожная, безнравственная и крайне невежественная молодежь, в политическом смысле не имеющая ни малейшего значения, но крайне, по моему мнению, вредная, ибо развращает до кости своими материалистическими учениями учащих юношей. Хотя вообще в гимназиях и в других заведениях теперь в этом отношении заметное улучшение, но есть у нас, к несчастью, целое поколение молодых людей, бывших в гимназиях, семинариях и университетах в 1856–1862 г., которые в корне испорчены, и они еще продолжают в профессорских и учительских местах приносить много вреда. Одними строгими мерами и преследованиями отдельно попадающих личностей ничего сделать нельзя. Вредному учению должно противопоставить здоровое учение, и стеснение печати мешало только до сих пор этой полезной борьбе.

Замечательно, что права административных взысканий за преступление печати, на которых я так сильно настаивал при начертании проекта устава именно с целью вооружить правительство силой для преследования вредных учений, ни разу не были применены к делам подобного рода. Все предостережения и запрещения, которые начинались в административном порядке министрами — Валуевым и Тимашевым, исключительно почти относились к случаям либо резких суждений или личных нападков на правительственных лиц и проч. Социальная же литература, как при цензуре, так и теперь, вполне процветает. Наконец, как не понимают наши правительственные лица, что материалистическому учению нигилистов, в особенности политической стороне этого учения, можно только противопоставить с пользою учение и направление партии национальной, а эта-то партия сердитее всего преследуется правительством, и критическое отношение этой партии или этого учения к правительству и отдельным его органам ставят совершенно в уровень с безобразными, разрушительными и отрицательными возгласами этих социальных башибузуков. Тимашев откровенно сознался, что не видит никакой разницы между прокламациями Бакунина и передовыми статьями Аксакова. Я уверен, что и теперь манифестация на сходке Земледельческого института сливается в понятии государя в одно с московским адресом, и в общем ему представляется Россия каким-то враждебным против него лагерем. Все это производит такую путаницу в понятиях,

что со стороны смешно и грустно смотреть. Замечательно, что все речи и сочинения социалистов и нигилистов наполнены бранью против Каткова, Аксакова и проч. так называемых представителей московской партии, и так же точно относится к ним и к учению их и правительству. *Les extremes se touchent**.

В ответ на письмо с вопросом о том, как мог Черкасский, зная здешнее настроение, решиться предложить и провести в Думе непринятый адрес, я получил от Самарина объяснение в следующих выражениях:

«Странно вы судите в Петербурге. Я долго спорил против подачи какого-либо адреса, потому что не верил в серьезность и обдуманность декларации, но теперь я рад, что подписал его. Неужели ты думаешь, что мы все, и в особенности Черкасский, не ожидали того впечатления, которое он произвел, и что никому из нас не пришло на ум все, что можно сказать о несвоевременности такого заявления, о необходимости избегать раздражения, не подавать орудия реакции и т. д. Додуматься до всего этого своим умом, право, не так трудно, а поддаваться ребяческому задору и увлечению на шестом десятке было бы чересчур глупо. Поймите же, наконец, что можно, и не только можно, но и должно служить одному и тому же делу разными способами. Воспитывать общество и вразумлять правительство, ставить вопрос и проводить его, обстреливать слух и облекать созревшее намерение в форму доклада — все это задачи совершенно различные, и из того, что вы в Петербурге заняты одной из них, никак не следует, чтобы люди иного разбора, при совершенно иной обстановке, должны были бы воздержаться от прочих. Тебе удалось несколько лет тому назад выхлопотать для печати полусвободу, которая завтра у нас отнимется, но скажи по совести, не в значительной ли степени помогли в этом случае невоздержанность Герцена и запальчивость нашей заграничной литературы? Если бы русская мысль не отвоевала бы себе полнейшей свободы там, кто бы посмел домогаться полусвободы ее у нас? И к чему, наконец, приводила нас эта хваленая осторожность и житейская мудрость лишней практичности? В сущности, это пренебрежение всем серьезным и крупным и это безусловное подчинение самых разумных требований мелочным соображениям, не выходящим из области придворных низостей и служебных интриг. Сбылось ли хоть одно из ваших ожиданий? Удалось ли вам что-нибудь предупредить? Чему-нибудь помешать? Сколько я ни помню, все сделалось по-своему, вопреки всем вероятностям, в силу каких-то законов, не уместяющихся ни в какой программе. Дело об адресе ведено нечестно. Черкасский действовал не нахрапом. Проект был прочитан раз 6 — разобран по волоскам, смысл его и вероятные последствия были <ясны> всем, и после 5-часовых предварительных возражений и толков, через сутки, данные на размышление, подписан всеми, в том числе мешанами и купцами.

Я знаю, что благодаря именно этому во многих темных и сонных умах зашевелилось много несознательных требований и зародилось немало новых понятий, я доволен и этим, хотя очень хорошо знаю, что за этим могут последовать и извинения, и огорчения. Там у вас наши дерзкие надежды озадачили и раздражили — пусть так, но сказанное слово оставляет след, если не в мозгу, то в слуховом органе. Повторение того же слова подействует уже иначе и понемногу с ним свыкнется. У нас теперь заседает земство. Безмозглый Мещерский (князь Александр Мещерский, предводитель московского дворянства, женатый на

---

* Крайности сходятся.

Строгановой) настаивает на подаче нового адреса и придумывает средства, как бы не допустить до возвращения. Я объявил ему, что без этого не обойдется и что произойдет неминуемый скандал, но он, по глупости, а может быть, по каким-нибудь своим расчетам — упрямится. В Податной комиссии, выбранной земством (о замене подушных сборов другими налогами), дело идет успешно. Но нашему тоже, вероятно, не следует пугать привлечением к обложению имуществ всех сословий».

В этом письме одно лишь неоспоримо верно — это то, что все у нас делается по-своему, в силу каких-то законов, не уместяющихся ни в какую программу. Доказательством этому может служить следующий на днях бывший факт. Когда возник вопрос о передаче на обсуждение земства всей империи предложения правительства о замене подушной подати другими налогами, то возникло опасение, чтобы земские собрания при обсуждении этого вопроса⁴⁶ не увлеклись далее известных пределов. Замечательно, что министр внутренних дел, который первый предложил привлечь земство к обсуждению того вопроса, вовсе не подозревал значения того участия земства в разрешении важнейшего государственного вопроса. Опасения были высказаны министром финансов Рейтерном государю, и хотя Рейтерн вовсе не отрицал пользы участия земства, а, напротив, настаивал на нем, но он считал долгом предупредить государя, что дело это серьезное и что нужно быть заранее готовым к тому, что земские собрания коснутся при обсуждении вопроса и вопросов общих. Государь, поняв важность того дела, собрал у себя Совет министров, и на нем подробно обсуждался вопрос — нужно или нет передать земству обсуждение средств замены подушной подати. Решено было, что нужно, но с ограничениями, и велено было Комитету министров войти в ближайшее обсуждение того, какие пределы положить суждениям земства. Нынче летом в Комитете министров, в моем присутствии, этот вопрос подробно обсуждался. Тимашев предложил ряд ограничений, которые все клонились к тому, чтобы не дать повода земству предлагать распределение подушной подати, лежащей ныне на одних податных сословиях, — на все привилегированные сословия. В этом смысле составлена была редакция журнала Комитета министров. Несмотря на это, сколько мне известно, многие земства хотели заявить о необходимости разложить подушную повинность на имущество всех сословий, и все думали, что это заявление будет неприятно правительству и даже боялись закрытия собрания.

Но вдруг, на сих днях, граф Левашов, здешний губернатор, открывая здешнее губернское Земское собрание, произнес речь и в ней сказал, между прочим, следующее:

«Милостивые государи.

Я уже имел честь в официальных отношениях моих к председателю губернского Земского собрания сообщить о тех предметах, которые предложены г. министром внутренних дел на наше обсуждение в настоящую сессию.

Практическая важность всех этих предметов в кругу сельского хозяйства будет, без сомнения, вполне оценена Вами, милостивые государи, а потому я не стану теперь о них распространяться. Позволю себе лишь обратить особое внимание Ваше на один из этих предметов, а именно — о замене подушной подати

надворным налогом или поземельной податью. Вопрос этот связан с коренным изменением всей податной системы, принятой в нашем отечестве. Он имеет целью облегчить тягости так называемых ныне податных сословий посредством переложения налогов с душ на имущества, принадлежащие всем, без различия сословий, жителям империи. Важность этого вопроса для всего государственно-го строя служит новым свидетельством того доверия, с которым относится к трудам Вашим державный создатель земских учреждений. Лучшим ответом с Вашей стороны на это доверие будет спокойное, добросовестное, практическое обсуждение предложенного Вам вопроса».

Оказывается, что Тимашев не счел нужным предупредить губернаторов о том, в каких пределах правительство намерено допустить суждение земства по этому вопросу, а граф Левашов, не поняв, в чем дело, хватил в речи своей, что называется, не в ту силу, и теперь, совершенно случайно, вопрос перешел далеко за пределы желания правительства. Речь Левашова напечатана в «Правительственном вестнике». Я первый указал на нее всем министрам в последнем заседании Комитета министров, где я присутствовал по случаю болезни Зеленого, и все министры были крайне изумлены. Но теперь уже дело сделано, поправить его трудно, и, таким образом, вся осторожность ни к чему не привела, ибо нет сомнения, что все земские собрания примут заявление, сделанное Левашовым, к руководству.

Вчера было у государя собрание министров для обсуждения главных оснований рекрутской реформы. Эти основания утверждены и, вероятно, будут напечатаны. Над разработкой самого Положения будет, вероятно, еще долго работать особая комиссия, осуществление же самой реформы едва ли может последовать в скором будущем, оно потребует таких громадных денежных затрат, что едва ли финансы наши способны будут их удовлетворить, даже прибегая к чрезвычайным усилиям. К тому же мне все кажется, и я, признаюсь, надеюсь, что исход настоящей войны вызовет страшную реакцию против вооружений вообще и против системы прусского ландвера⁴⁷ в особенности. Теперь, видимо, война затягивается, Париж не сдается, вся Франция ополчается, и положение пруссаков становится весьма критическим. Теперь уже можно с достоверностью предполагать, что предложенные пруссаками условия мира не осуществляются, хотя бы и Париж от голоду сдался. Триумф пруссаков во всяком случае не окупит всех принесенных жертв. При системе ландвера вся Германия от продолжительной войны будет вконец разорена. При постоянном войске такого бы разорения не было. Это обстоятельство может вызвать в Германии сильную реакцию против системы ландвера, тогда и мы, может быть, откажемся от принятия этой системы. Одним словом, мне кажется, что по окончании настоящей войны последуют в политическом и социальном устройстве всех европейских держав радикальные перемены, ежели, впрочем, не суждено провидением человечеству истребить друг друга.

5-го декабря. На прошедшей неделе, по случаю отъезда министра в Москву на юбилей Общества сельского хозяйства⁴⁸, я управлял министерством и в прошедший вторник был с докладом у государя. При этом я завел речь об

истории в Земледельческом институте, которая, по произведенному исследованию, оказалась пустой болтовней недоучившихся мальчишек и не имела никакого значения. Государь заметил мне, что она могла бы иметь значение, но что ее вовремя остановили. Дело в том, что Шувалов с каким-то преступным злорадством представляет государю совершенно в сыром виде, без всякой проверки, донесения своих агентов и, видно, старается держать постоянно в страхе государя. В этом отношении он вполне достигает своей цели и дошел до того, что самый могущественный из всех государей России, самый любимый и популярный из царей, не верит более в свою силу, ни в пользу совершенных им реформ, а полагает и ищет спасения от окружающих будто бы его со всех сторон заговоров и оппозиции в шпионской системе III-го Отделения и на этой системе основывает программу администрации. Общество уже привыкло относиться не только с недоверием, но даже с презрением ко всем попыткам реакционной власти и идет своим путем, пользуясь малой долей дарованной свободы. Для курьеза прилагаю при сем передовую статью сегодняшних «Московских ведомостей».

«Замечательно, что тот самый генерал Тимашев, который действует так строптиво по цензурной части, возбуждает сам вопрос о допущении женщин на занятие должностей на государственной службе. Ему понравились очень телеграфистки, с успехом занимающиеся на телеграфах, и он вошел в Государственный совет о допущении женщин и на другие служебные должности в канцеляриях и управлениях. Со своей стороны, граф Шувалов, получивший отвращение от нигилистов, вошел тоже, по высочайшему повелению, в Комитет министров с представлением о совершенном запрещении принимать женщин на какие-либо должности в управлениях. Ни Тимашев, ни Шувалов не понимают значение возбужденного ими вопроса, на днях будет о нем суждение в Комитете министров. Мне кажется, женщины должны быть безусловно изъяты от занятий каких-либо должностей на службе, но могут быть беспрепятственно допущены к занятиям в Управлениях такими делами, в которые они вносят только личный свой труд, без всяких отношений к гражданским правам и условиям служебной подчиненности. Они могут заниматься по найму в Управлениях, так же точно, как работают на фабриках, и заниматься делом чисто механическим, в котором способности их бесспорно тождественны со способностями мужчин. Таких занятий во всех Управлениях много, например: занятия писца, телеграфиста, сортировщика и проч. Допущение женщин к подобным занятиям не поднимает ни одного из вопросов специальных. Наоборот, всякая служебная должность, связывающая занимающего оную известными обязательствами и ответственностью, несовместна с правами мужа на жену, отца и матери на дочь и требует изменения или ограничения их прав не только в законе, но, главное, в правах, в складе и условиях семейной жизни и т. д. ...».

31-го декабря. Последние дни нынешнего года опечалены были несчастием, к которому сочувственно отнеслось высшее петербургское общество: третьего дня обер-егермейстер Скарятин на медвежьей царской охоте был убит наповал. Царь выстрелил по медведю, ранил его, но медведь ушел в чащу. Скарятин пошел высматривать след его, и в то время раздался выстрел, которым Скарятин был убит. Сперва думали, что он сам задел ружьем за сук и нечаянно

застрелили себя, но сегодня при вскрытии тела, кажется, найдено, что, судя по направлению раны и качества пули, которая оказалась разрывною, выстрел, вероятно, последовал от кого-либо из бывших в цепи гостей-охотников. Кто тот несчастный, нечаянно загубивший хорошего человека, мне неизвестно, вероятно только, что это не государь, потому что после выстрела на медведя он более не стрелял. Скарятин был весьма честный, симпатичный и добрый человек, он был хорошим семьянином и оставляет неутешную вдову, сына и дочь. Государь сильно огорчен этим несчастием. Ежели не объявлены будут точные и подробные сведения о том, кто и как застрелил Скарятин, то, вероятно, молва для эффекта будет приписывать этот несчастный выстрел государю.

Завтра, по случаю Нового года, назначен во дворце большой выход. Особых новостей не ожидаем. Минувший год останется в истории одним из самых памятных годов. Для Франции в особенности этот год, может быть, самый бедственный во всей ее истории, для Германии он славен — но последствия великих подвигов еще не настолько определил, чтобы можно было с полной уверенностью сказать, что истекший год укрепил за Германией ее могущество и первенство в континентальной Европе. По-видимому, Париж долго еще держаться не может, но со взятием его еще война не прекратится. В будущих военных успехах Германии тоже, кажется, сомневаться нельзя. Но какие будут общие результаты этого погрома для Германии — это еще вопрос. Совершающиеся события так велики, успехи Германии так громадны, что последствия их не могут ограничиться пределами осуществления властолюбивых замыслов одного какого-либо человека или одной только нации. Весь строй современной политики и даже социальной жизни должен измениться. Кто же может теперь, даже приблизительно, угадать будущее? Одно только верно — это то, что в скором будущем и даже не далее, как в будущем году, все государства Европы должны будут выступить на свет божий со всем своим запасом материальных, нравственных и умственных сил. Вопросы, которые неминуемо и немедленно по окончании войны будут поставлены всем правительствам Европы, и в особенности нашему, так многосложны, важны и трудны, что никогда, может быть, значение правительства как верного представителя интересов своего государства и своего народа не было так трудно и не требовало такой твердой мудрости, как теперь. К несчастью, беспристрастный и искренний обзор состояния нравственных сил нашего правительства невольно возбуждает во мне весьма основательные опасения за исход будущего участия нашего в общей ликвидации современных событий. Хотя я сам — второстепенный член этого правительства, но по совести могу сказать, что сужу беспристрастно, не имея никаких личных причин к каким-либо неудовольствиям, к тому же я постоянно поверяю свои личные впечатления впечатлениями других, столь же близко и даже ближе меня стоящих к делу, и заново здесь только те убеждения, которые мне кажутся вполне верными. Повторяю, менее чем когда-либо мы готовы с сознанием и твердостью защищать свои интересы против совокупных усилий врагов наших. Справедливо замечено было, кажется, в «Московских ведомостях», что истекший 1870-й год останется поучительным уроком на будущие времена для всех народов. Он засвидетельствовал ту великую истину, что великие народы Европы могут гибнуть лишь от своих внутренних недугов, а

не от воли другой нации. Пример: Франция будет говорить потомству, как пагубно для страны и для ее правителей, если правительство создает для себя отдельные интересы, отличные от интересов государства. Да, это истина несомненная, но послужит ли пример Франции нам уроком — в этом я более чем сомневаюсь.

Внутренние наши недуги с каждым годом слабеют, и общественные силы, бесспорно, крепнут, но чем здоровее становится самый организм государства, тем заметнее выступает главный наш недуг, а именно — разрыв правительства с обществом, и этот разрыв происходит вовсе не от того, чтобы действительно существовали между правительством и обществом какие-либо непримиримые элементы раздора, а единственно потому, что общество в последнее десятилетие благодаря совершенным реформам значительно переросло правительство в умственных и нравственных отношениях. Я уже, кажется, несколько раз высказывал в записках свое убеждение, что все совершенные реформы в последнее время без исключения совершены были правительством без ясного сознания их важности и всех их неминуемых последствий. Теперь государь из частных проявлений видит эти последствия, они смущают его, и этим пользуются лица, выдавшие вперед после покушения Каракозова и находящие личную выгоду в бессмысленной реакции. Но и для реакции нужны знания и способности. Ни того ни другого нет в лицах влиятельных. Все прежние деятели, работавшие сознательно в реформах, или вовсе сошли со сцены, или стоят на втором плане без всякого значения. Никогда перлюстрация⁴⁹ и шпионство не играли такой важной роли, как теперь. Все интересы края рассматриваются исключительно только с полицейской точки зрения. Все признаки жизни и нравственного развития в обществе заподозрены в красном либерализме. Это начинает возмущать общество, и, несмотря на любовь к государю, внутри России относятся к его правительству с нескрытым презрением и недоверием. Смешно сказать, что даже те учреждения, которые в прошедшем царствовании пользовались известною самостоятельностью, как то Сенат, Государственный совет и Комитет министров, даже и эти учреждения кажутся некоторым министрам и государю слишком либеральными, и их стараются миновать во избежание разногласия. Первый Департамент Сената нарочно наполнили людьми, совершенно послушными всякому влиянию, а дела, подлежащие ведению Государственного совета и Комитета министров, постоянно начинают передавать на обсуждение отдельных комиссий, составленных из лиц одномыслящих. Несмотря на все это, возбужденная совершенными реформами жизнь внутри государства идет вперед и улаживается со всеми затруднениями, искусственно создаваемыми невежественным правительством. Но там, где власть правительства сталкивается лицом к лицу и непосредственно с самими делами, как то по всем вопросам внешней политики, а также по всем мерам, принимаемым на окраинах, — там все ошибки и неловкости правительства имеют гораздо более зловредных последствий. Тут личная симпатия к той или иной национальности, несогласной с видами государства, или личные интересы, неправильно понятые и несогласные с интересами всей земли, могут быть причиною великих зол в будущем.

Наступающий год потому для нас и страшен, что мы вступаем в него с силами далеко не в уровень готовящимся событиям.

1-го января. Сегодня был обычный выход в Зимнем дворце, но нового ничего не слыхать. Конференции в Лондоне по черноморскому вопросу еще не начались, но, говорят, начнутся без участия представителей Франции, так как Жюль Фавр отказался оставить теперь Париж.

4-го января. Я обедал сегодня у царя. Разговор был веселый о разных предметах, государь мне показал рисунки Зичи с изображением охотничьих сцен в Лисине, где я изображен в весьма смешном виде вместе с покойным Скарятинным. При воспоминании о нем государь говорил со слезами на глазах. Кроме меня, обедали императрица, великая княжна, великие князья Алексей и Владимир, граф Бобринский (министр путей сообщения), граф Строганов (Григорий) и Потапов. Особых политических новостей нет.

9-го января. Сегодня некоторые из моих сослуживцев по Министерству финансов давали мне прощальный обед, на нем присутствовали: товарищ министра финансов Грейг, бывший директор Департамента неокладных сборов, а ныне член Государственного совета Грот, директор Департамента окладных сборов Домонтович, управляющий Государственным банком Ламанский, управляющий Канцелярией министра финансов Кобеко, новый директор Департамента таможенных сборов Качалов, вице-директор этого департамента Тернер, инспектор пограничной стражи граф Толстой, член Совета академик Безобразов и бывший член А. А. Абаза. Обед был роскошный и очень оживленный. На душевное приветствие, сказанное мне Грейгом, я отвечал кратким приветствием в честь каждого из присутствующих, сии последние мне отвечали, так что обед, начавшийся в 6 часов, кончился только в 11 часов.

27-го января. На сих днях, а именно 22-го числа, русский музыкальный мир понес весьма чувствительную и горестную утрату — автор опер «Юдифь», «Рогнеда» и «Вражья сила» Александр Николаевич Серов, умер скорострительно, хотя перед тем и был болен несколько времени желудочным катаром. Серов мне был товарищ по Училищу правоведения, мы вместе с ним поступили в это заведение в 1835-м году при основании оно, но он был несколькими годами старше меня и вышел из училища в 1840-м году одним из первых и поступил на службу по Министерству юстиции. Еще будучи в училище, он много занимался музыкой и, кроме того, имел способности к рисованию, вообще был человек весьма даровитый. В училище он нарисовал карандашом мой портрет, который и теперь находится у Вавочки. На службе он, разумеется, не особенно отличался, занимаясь преимущественно музыкой. Раздражительный и неприятный характер его наделал ему много врагов. Как музыкальный критик он рубил сплеча и злобно враждовал против многих музыкальных авторитетов, не заявив ничем прав своих как композитор и компетентный судья. Публике неизвестно было ни одного даже мелкого его произведения, как вдруг он явился на свет с большой оперой, никто не ожидал от первого опыта особенного успеха, а между тем

«Юдифь» с первого представления поразила всех — и друзей, и врагов Серова — оригинальностью произведения и серьезностью музыкальной разработки. Талант Серова еще более обнаружился во второй его опере — «Рогнеда». Благодаря участию великого князя Константина Николаевича и <великой княгини> Елены Павловны, через мое посредство, он получил от государя за эту оперу пенсию в 1000 рублей, и, кроме того, мне неоднократно удавалось выхлопывать для него пособия от великой княгини Елены Павловны. Последняя, еще не вполне конченная им опера — «Вражья сила» — мастерски им задумана. Едва ли без него можно будет поставить ее на сцене. Серов, как все наши талантливые люди, умер в начале полнейшего развития своего таланта, не успев сказать своего последнего слова. Очень жаль его.

На похоронах его было большое стечение публики, и на них присутствовал великий князь Константин Николаевич — это, кажется, в первый раз, чтобы кто-нибудь из членов императорской фамилии принимал лично участие в выражении сочувствия к утрате талантливого художника. Великая княгиня Александра Иосифовна прислала накануне Рубинштейну лавровый венок с просьбой возложить его на главу умершего Серова в знак ее уважения к его таланту. На другой день смерти Серова был утром концерт у великого князя Константина Николаевича, на котором присутствовали государь, императрица и вся царская фамилия. Исполнили «Stabat Mater»^{* 50} Перголезе и отрывки из «Лоэнгина». По окончании концерта, в память Серова, великий князь заставил артистов пропеть дуэт из «Рогнеды», что было очень кстати и произвело очень приятное впечатление на всех артистов русской оперы.

Все это время здешнее общество было занято следствием о смерти Скарятина. Я уже, кажется, сказал, что при осмотре и вскрытии тела, когда оказалось, что Скарятин убит разрывною пулею, то было возможно сомнение насчет предположений о том, что Скарятин сам себя нечаянно застрелил. За городом начали сильно говорить, что Скарятин нечаянно убит государем, и вместо того, чтобы раскрыть истину правильным судебным порядком, стали придумывать разные тайные, экстралегальные, следственные комиссии для допроса участвовавших на охоте. Граф Ферзен, обер-егермейстер, на которого уже с первых дней молва указывала как на вероятного виновника в этом несчастии, не только не сознавался в этом, но сам и государю и всем своим знакомым рассказывал дело со всеми подробностями, уничтожающими всякое сомнение в его участии. Между тем следственная комиссия из первых допросов егерей получила почти несомненное доказательство, что Скарятин пал от выстрела Ферзена. Когда сей последний увидел, что ему трудно будет оправдаться, он решил объявить государю, что Скарятина действительно он убил нечаянно, спуская курок своего ружья. Но так как это сознание сделано им недели три после происшествия и так как все это время он не только врал без милосердия, но и старался всякими плутовствами и подговорами скрыть свою вину, то из всего этого произошел ужасный скандал, возбудивший против Ферзена ужасное негодование.

* «Матерь стояла» (лат.) — начальные слова католического гимна.

Несмотря на это, государь, со свойственным ему благодушием, не выразил Ферзену особенного гнева и согласился отпустить его за границу, куда он и должен был уехать на другой день. Между тем некоторые друзья Ферзена, как то: князь Паскевич и граф Бобринский поняли, что внезапный отъезд Ферзена за границу без всякого окончательного исследования дела будет иметь вид бегства преступника, с умыслом убившего человека. Они уговорили его остаться на несколько дней и государю также объяснили все неприличие отъезда Ферзена под тяжестью нерасследованного обвинения. Государь также приказал Ферзену остаться. Но засим возник вопрос — что делать? На совет призваны были граф Шувалов, Пален и Урусов, а сии услужливые, но неразумные советчики решили, что неприлично давать этому делу обыкновенный законный ход, что нельзя допустить, чтобы суд рассматривал показания великих князей, и что вообще неудобно передавать на рассмотрение суда случай, происходивший в присутствии государя. А потому решили — комиссии продолжать следствие и в состав комиссии назначить министра юстиции. Мне случилось доказывать графу Шувалову, что хуже подобной комбинации ничего нельзя придумать, ибо экстралегальное ведение столь простого дела только даст всем повод предполагать в нем всякую неправду, и что законный порядок в настоящем случае не только самый правильный, но вместе самый удобный и выгодный как для Ферзена, так и для тех, которые желают предупредить скандал. Судебное следствие могло бы начаться с момента признания графа Ферзена, и, следовательно, весь скандальный эпизод вранья, лжи и обмана Ферзена мог бы быть оставлен в стороне, что дело суда могло ограничиться единственно определением, было ли убийство неосторожным или нечаянным, так как в умышленном убийстве не было даже повода подозревать Ферзена. Все мои доводы не убедили Шувалова. Я решил поехать к Ферзену и уговорить его самого просить законного суда, но Ферзена я нашел в совершенно расстроенном состоянии, беседа с ним живо напомнило мне сцену в тюрьме Чичикова в III томе «Мертвых душ».

Личность Ферзена действительно похожа на личность Чичикова, только в другой сфере. Сомнительная и даже подлая репутация этого господина не мешала ему до сих пор держаться при дворе и получать все знаки отличия. На предложение мое просить суда он отвечал желанием скорее кончить дело, как бы ни было, чтобы уехать за границу. Наконец сегодня, в «Правительственном вестнике», появилась следующая публикация:

**Всеподданнейшее донесение комиссии,
высочайше назначенной для дознания причин смерти
покойного егермейстера — С к а р я т и н а**

Вашему Величеству благоугодно было возложить дознание о смерти Егермейстера высочайшего двора — Скарятинна, последовавшей на охоте 29-го декабря 1870-го года, на особую Комиссию в составе генерал-адъютанта — генерала от инфантерии — барона Ливена, генерал-адъютанта — генерала от инфантерии Зиновьева, при уполномоченных от семейства покойного Скарятинна свиты Вашего Величества — генерал-майоре князе Голицыне и ротмистре Лейб-гвардии Конного полка Чичерине и при участии министра юстиции — статс-секретаря графа Панина.

Во исполнение высочайшей воли, Комиссия, окончив возложенное на оную дознание, осмеливается всеподданнейшее повергнуть на всемилостивейшее Вашего Императорского Величества воззрение о тех обстоятельствах по означенному делу, какие обнаружены Комиссией.

На первых порах после смерти егермейстера Скарятин, вследствие того что ружье его было найдено разряженным из правого ствола, возникло предположение, что Скарятин упал, зацепясь ногой за сук, причем бывшее у него в руках ружье в упор выстрелило ему в спину, и в таком смысле было доложено о сем Вашему Императорскому Величеству.

Но произведенное 31-го декабря анатомическое исследование трупа покойного егермейстера, обнаружившее, что он убит положительно разрывной пулею, а не обыкновенною, указало на неосновательность вышеприведенного предположения, ибо заключение врачей, производивших медицинское освидетельствование, прямо оное опровергало, определив, что выстрел сделан в Скарятин не в упор, судя по отсутствию копоти и признаков опаления на пальто и принимая во внимание правильность краев отверстия на портуpee, пальто и самой ране.

1) Письменное удостоверение врачей: профессора Ландцерта, профессора Красовского и лейб-медика Кареля, н. п. 1 и 3.

Мнение это относительно опаления подтвердилось опытами, произведенными Комиссией, посредством выстрелов в серое сукно одинакового цвета с пальто Скарятин.

2) Акт комиссии об опытах.

Хотя вышеизложенное побуждало уже Комиссию оставить первоначальное предположение в стороне и искать другие обстоятельства, причинившие смерть Скарятину, тем не менее первые изыскания недостаточно изъяснили дело до тех пор, покуда 9-го текущего января бывший обер-егермейстер высочайшего двора — граф Ферзен — не сознался в том, что смерть Скарятин последовала от выстрела его — графа Ферзена — ружья. Ввиду заявления графа Ферзена, Комиссия почитала своею неременною обязанностью проверить таковое со всею тщательностью и посему, чтобы восстановить действительные обстоятельства смерти егермейстера Скарятин с возможной полнотой, приступила к подробным допросам.

Путем таких допросов обнаружилось, во-первых, что когда граф Ферзен, после происшедшего из его ружья выстрела, убившего Скарятин, услышал стон последнего, то у него явилось сознание в возможности того, что он убил его.

3) Показания графа Ферзена, Василия Кожина и унтер-егермейстера Иванова.

Кроме того, оказалось, что после первого устного объяснения, данного перед Комиссией егерем Василием Кожиным, бывшим свидетелем обстоятельств смерти Скарятин, граф Ферзен склонял Кожина в присутствии унтер-егермейстера Иванова, принять выстрел, убивший Скарятин, на себя, под обещанием не только совершенной за сие безнаказанности, как за несчастный случай, а напротив, сделать его счастье.

4) Показания графа Ферзена, Василия Кожина и унтер-егермейстера Иванова. Во-вторых, сопоставление допросов с подробным осмотром местности, где происходила охота, открыты следующие обстоятельства:

В присутствии Вашего Величества, во вторник 29-го декабря, в двух верстах от станции Николаевской ж. д. «Малая Вишера» происходила охота на медведя. Стрелковая линия расположена была в лесу и имела несколько изломанное направление. Всех мест было в линии 12 номеров, и та сторона оной, от которой шел медведь, покрыта густым лесом. На противоположной стороне лес менее

густ, причем с этой последней стороны, против № 7-го, лес частый, а против 8-го сажен 10 пространства почти без деревьев.

5) Осмотр местности и показания Василия Кожина, Александра Сухопарова, унтер-егермейстера Иванова и Бабурина.

Ваше Императорское Величество изволили занимать № 7-й, имея при Особе Вашей унтер-егермейстера Иванова, рогатчика Шелагина, № егеря Федора Сухопарова 3-го. Вправо от Вашего Величества занимал № 6-ой великий князь Владимир Александрович, имея при себе егеря Бабурина. В левую сторону от места, занимаемого Вашим Величеством, на расстоянии 10-ти сажен и 1-го аршина, на 8-й версте находился бывший обер-егермейстер граф Ферзен с егерем Василием Кожиным. Налево от графа Ферзена, в 8-ми саженях, поставлен был на 9-й номер егеря Александр Сухопаров и в 9-ти саженях налево от сего последнего, на номере 10-м, находился егермейстер Скарятин с егерем Иваном Кожиным.

6) Осмотр местности и показания Кожина, Иванова, Александра Сухопарова, Шелагина, Ивана Кожина и Фураева.

При таком положении линии, при начале охоты, когда медведь, выйдя против места, занимаемого Вашим Императорским Величеством, после первых выстрелов Ваших перешел эту линию между номерами 6-м и 7-м, то Ваше Величество, Его Высочество великий князь Владимир Александрович, равно граф Ферзен и егеря Кожин обратились назад. С переходом медведя через линию до тех пор, покуда он не скрылся с глаз, Ваше Величество выстрелили в него еще 2 раза и один раз выстрел дал великий князь Владимир Александрович.

7) Показания Василия Кожина, графа Ферзена, Иванова и Шелагина.

Затем медведь, отойдя на <расстояние> от 30-ти до 40-ка шагов, был виден с номера 8-го, и тогда стреляли в него егеря Василий Кожин и граф Ферзен. Ружье последнего было заряжено разрывными пулями. Таким образом, всех выстрелов было около 10-ти.

8) Показания Василия Кожина.

Между тем, в промежуток времени до несчастного случая, егермейстер Скарятин еще при первых выстрелах Вашего Величества тронулся со своего места, держа ружье с наведенными на второй взвод курками, стволами вверх, и пошел по тропинке мимо номера 9-го.

9) Показания Александра Сухопарова и Ивана Кожина.

Он не дошел 2-х шагов до 8-го номера, отсюда повернул направо, сошел с линии и принял влево, наискось от 8-го номера, где стоял граф Ферзен, который показывает, что он видел мельком Скарятину.

10) Осмотр местности и показания графа Ферзена.

Минуты 2–3 спустя после общих выстрелов —

11) Показания графа Ферзена, Василия Кожина, Александра Сухопарова, Шелагина и Бабурина.

— в числе которых должен был быть и выстрел Скарятину, и в то время, как Ваше Величество изволило разговаривать с подошедшим к Вам великим князем Владимиром Александровичем. —

12) Показания унтер-егермейстера Иванова.

— граф Ферзен, державший свое ружье в левой руке, после слов Кожина, предлагавшего графу отдать его ружье, чтобы спустить курок, перенес из левой руки в правую так, что дуло ружья было обращено в сторону, где шел Скарятин, и, спуская курок, произвел выстрел. Выстрел этот попал в поясницу шедшего на расстоянии 14-ти шагов от графа Ферзена Скарятину и был слышен, как совер-

шенно отдельный от прочих. Мгновенно вслед за ним был слышен стон: «Ох, ох», а затем слова: «Государь, меня убили, Государь, Государь».

Эти слова слышны были только егерям Василию Кожину и Петру Шелагину, которые первые поспешили на помощь Скарятину.

Таким образом, дознание восстанавливает обстоятельства этого несчастного случая, не уясняя лишь причин, по которым покойный егермейстер тронулся со своего места на номер 10-й и пошел по направлению к номеру 8-му, а также не определяя времени его выстрела и времени, в течение которого он оставался в 2-х шагах от номера 8-го, и когда сошел с линии вправо.

Однако и эти последние обстоятельства могут быть с вероятностью объяснены, хотя путем и не положительных данных, как это представлялось возможным сделать относительно обстоятельств самого несчастного выстрела, а только лишь предположений. Так, должно полагать, что Скарятин, считая охоту оконченной, тронулся в качестве распорядителя оной с своего места, желая приблизиться к Вашему Величеству; во-вторых, что Скарятин сделал выстрел, и притом одновременно с егерем Василием Кожиним или с графом Ферзеном, последнее основано на том, что ружье его найдено разряженным из правого ствола. Что, находясь на линии в двух шагах от номера 8-го, он только с этого места мог видеть медведя и, следовательно, стрелять по нему, и что все выстрелы по медведю следовали один за другим, и отдельный выстрел был слышен только один, а именно несчастный, последовавший после всех выстрелов по медведю.

Переходя к объяснению ухода Скарятин с линии вправо, представляется вероятным, что Скарятин, видя и слыша выстрелы Кожина и графа Ферзена, в двух шагах от которых он стоял, и потеряв медведя из глаз, мог двинуться за медведем по направлению направо, не подвергая себя опасности выстрелов, и затем пройти 14 шагов в промежуток времени от последнего выстрела по медведю до отдельного выстрела, убившего его самого.

На основании всех изложенных выводов Комиссия приходит к убеждению, что егермейстер Скарятин убит на охоте выстрелом из ружья графа Ферзена разрывною пулею, в то время, когда он проходил в 14-ти шагах от последнего, причем граф Ферзен немедленно сознал в себе, что убил Скарятин.

Обращаясь же к определению свойства этого смертельного случая и имея в виду, что граф Ферзен, хотя видел мельком Скарятин, но спускал курок, держа ружье горизонтально в том направлении, где мог быть Скарятин, и не опустив дуло к земле или не подняв его вверх, Комиссия находит, что настоящее дело имеет все признаки неосторожного обращения графа Ферзена с ружьем, имевшего последствием случайный выстрел, от коего последовала смерть Скарятин.

Государь император, по прочтении такого всеподданнейшего донесения Комиссии, высочайше соизволил написать и на подлинном: «Усматриваю из дела, что смерть егермейстера Скарятин произошла от случайного выстрела графа Ферзена и признавая последнего виновным в позднем сознании, Я, во внимание к его более пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее его увольнение от службы. За сим считать дело конченным».

Александр.

С.-Петербург, 25-го января 1871-го года.

Эта публикация, как и следовало ожидать, утверждала иных в убеждении, что Ферзен умышленно убил Скарятин, а других — что он принял на себя вину в неосторожности по приказанию, ибо никто не может понять, по-

чему делу не был дан ход законный, т. е. правильный. Все это в высшей степени бестактно и бестолково.

Я забыл упомянуть о совершившемся 15-го числа сего месяца великом событии — сдаче Парижа на капитуляцию. Подобные события сохраняются живо и надолго в памяти истории и без моих записок. Здесь только место указать на то впечатление, которое это событие произвело в нашем обществе. К нему оно готовилось постепенно, а потому впечатление не было особенно сильно. К быстрым и изумительным успехам германцев уже привыкли и даже почти перестали удивляться; насчет последствий этих успехов для нас по-прежнему существуют два противоположных мнения. Государь продолжает, кажется, радоваться этим успехам и верит в солидарность наших интересов с немцами. Вся же журналистика и огромное большинство людей в России предчувствует неизбежность, быть может, скорой борьбы нашей с Германией.

Конференции по Черноморскому вопросу еще не кончены, хотя на бывших в Лондоне трех заседаниях уже решены в смысле наших требований те пункты Парижского трактата, которые мы объявили для себя необязательными... Но так как засим все еще Конференция не закрыта, то, весьма вероятно, идет толк о других вопросах, и, пока не разъяснится окончательно все это дело, трудно сказать — выгодна или нет для нас вся эта поднятая нами тревога. На днях я был у князя Горчакова, который, зная, что я осуждал его неожиданную декларацию, постоянно трунит надо мною. Он прочел мне депешу Брунова, извещающую государя о том, что Конференция изменила ненавистные нам пункты Парижского трактата, но когда я спросил Горчакова — зачем же остановилось дело и почему Конференция не только не кончается, но откладывается изо дня в день с видимой целью протянуть дело, то, конечно, он отвечал мне шуточками. Тогда я объявил ему, что мой благодарственный адрес он получит не прежде, как когда все дело будет кончено и сдано в архив, а пока я сохраняю за собою право думать, что лучше бы было нам вопрос этот не поднимать.

Между тем даже из хода дела, в случае даже для нас благоприятного окончания, кажется, можно видеть, что граф Бисмарк очень неохотно и мало нам содействовал, он с первого раза выразил мнение, что лучше было бы отложить Конференцию до взятия Парижа и открытия английского парламента. Засим нет сомнения, что и эту малую услугу, которую он оказал нам, не протестовав вместе с другими державами против нашей декларации, он, без сомнения, в свое время оценит очень дорого и сочтет ее полным вознаграждением за ту громадную материальную услугу, которую мы оказали Германии нашим строгим и даже сочувственным нейтралитетом.

Между тем один из самых важных пунктов наших возможных столкновений с Германией — Остзейский край — с каждым годом становится нам враждебнее, и никогда еще правительство не доходило в этом крае до таких размеров бессилия, как теперь. Никогда поблажки всем сепаративным стремлениям в этом крае не были так безумно сильны, несмотря на громкие заявления и предостережения как журналистики, так и лиц официальных. Раздражение в русском обществе против непонятной системы правительства по отношению к Остзейскому краю с каждым годом увеличивается. Одна из главнейших причин —

всеобщее недоверие к личным тенденциям государя и лиц, на него влияющих.

У нас часто говорят о каких-то династических вопросах и интересах, и это больше из подражания. *Les questions dinastiques, les intérêts dinastiques** в Европе существуют — как же не существовать им и у нас. Мне даже случалось видеть, что этим пугалом *questions dinastiques*** нередко люди ловкие с умением пользовались. Но я всегда был убежден, что сама мысль о том, что династия наша может подлежать какой-либо опасности или вопросу — есть нелепость. Но, несмотря на это, мне кажется, что ежели правительство долго будет продолжать потворствовать немцам и ежели, сохрани Бог, возникнет у нас серьезное столкновение с Германией, в котором мы будем побеждены, то тогда действительно и у нас может создаться вопрос династический.

Покойный государь Николай Павлович это понимал; когда он призвал к себе в 1847-м, кажется, году Самарина, просидевшего 6 недель в крепости за известные письма из Риги, и стал с ним разговаривать о содержании этих писем, то он ему между прочим сказал: «Ваши письма могут возбудить второе 14-е число» (т. е. декабрьскую революцию), и когда Самарин заметил ему, что он никогда не имел этого намерения, то государь ответил ему: «Я знаю, что у Вас нет этого намерения, но по прочтении Ваших писем всякий русский может подумать, что я и вся моя семья — немцы, ибо терпим такие оскорбления русских».

С тех пор как я по Министерству государственных имуществ постоянно нахожусь в сношениях с тем краем и участвую в разрешении этих вопросов, до того края относящихся, то убедился, что Самарин писал в своих письмах и в своих «Окрайнах» не только не преувеличенно, но, скорее, ослабленно против действительности, все предубеждения и предсказания его о значении остзейского вопроса есть чистая истина. Я уже, кажется, сказал, что бездарность правительства для внутренних дел относительно безвредна, но по отношению к окраинам все его ошибки горько отзовутся нам в будущем.

Самый ярый защитник сепаратизма Остзейского края теперь — граф Шувалов, какая его цель — неизвестно, вернее всего, просто изумительная недальновидность.

Давно уже не запомню я таких упорных и жестоких холодов, вот уже 2 месяца, как термометр не поднимается выше 15-ти мороза, но почти постоянно ниже 20, и это повсеместно. Кроме того, вьюги и метели во многих местах, не только в России, но и за границей, останавливают поезда ж<елезной> д<ороги> на несколько суток. Бедствия и тяжесть войны еще увеличиваются. По-видимому, не может быть сомнений относительно заключения мира. Во Франции Республика провозглашена, и во главе ее, вероятно, будет Тьер. Старик этот долго не продержится, а будущее неизвестно. Выборы депутатов в Законодательном собрании обнаружили массу сочувствия французов к республиканской форме правления. Республики, видимо, боятся, и не без основания. Все выборные в Париже депутаты-республиканцы — отчаянные социалисты, и во главе их Виктор Гюго. Этот колоссальный враль и выживший из ума фразер получил огромное

* Династические вопросы, династические интересы

** династических вопросов

число избирательных голосов не только в Париже, но и в остальной Франции. Это доказывает, что все ужасы и бедствия войны не могли еще отрезвить эту несчастную, изолгавшуюся вконец нацию.

14-го февраля. Сегодня в ночь Россия лишилась одного из самых полезных и честных своих деятелей. Государственный контролер Валериан Алексеевич Татаринов умер скоропостижно от разрыва сердца.

Покойный принадлежал к числу, к сожалению, немногих русских людей, с упорством и настойчивостью преследовавших во всю свою службу одну цель, для достижения которой не жалел ни труда, ни воли, ни энергии для борьбы с препятствиями. Задуманное и исполненное им преобразование контрольной части останется памятником его деятельности. Эта реформа не имеет того блеска и видимой той картинности, которыми красуются другие реформы нынешнего царствования, но, не менее того, последствия ее громадны. Они отразились во всех почти отраслях нашего управления.

Судить о важности происшедших перемен в характере деятельности административных мест и лиц по отношению охраны казенного интереса может только тот, кто действовал на поприще административном деятельно, прежде и после реформы нашей системы контроля. Я помню, как при прежнем порядке в качестве директора Комиссариатского департамента Морского министерства легко было осуществить всякую свою более или менее обдуманную фантазию в ущерб Государственному казначейству, и не только свои фантазии, но и фантазии всякого начальника отделения или бойкого столоначальника — достаточно было кое-как сгруппировать цифры, составить всеподданнейший доклад, в котором доказать пользу задуманного расхода, и все беспрепятственно разрешалось высочайшим повелением, а засим все шито и крыто. Легко себе представить, как этим часто пользовались во всех министерствах, и вовсе даже и не с целью злоупотребления, а из похвального желания сделать, по-видимому, хорошее дело. Частный, минутный интерес весьма естественно брал верх над общим интересом, представитель которого не мог вовремя остановиться или предупредить несвоевременный или относительно бесполезный расход. Теперь этой лихости и произволу отдельных начальников положили предел, может быть, даже отчасти слишком ограниченный, но из двух зол, конечно, последнее имеет менее вредные последствия. Я положительно и по опыту удостоверяю, что всякий более или менее знакомый с делом администратор должен теперь прежде окончательного решения какого-либо из ряда вон выходящего вопроса строго обдумать все последствия своего распоряжения и быть готовым оправдать это распоряжение перед Контролем. Эта необходимость крайне докучлива и в особенности не по нутру лицам, имеющим поверхностное понятие о деле. Поэтому борьба с Контролем и жалобы на него слышались по всем ведомствам. И тут личные качества Татаринова были не оценены. Самая реформа встречена была всеми ведомствами не сочувственно и с неодобрением. Татаринов своей упорной настойчивостью не только провел ее, но и привел в исполнение, устранив все громадные препятствия, заключавшиеся преимущественно в крайне сложном механизме отчетоводства и отчетности. Почти разом во всей России вве-

ден был новый порядок. Сколько нужно было терпения и энергии, чтобы приготовить к новому делу людей, образовать их и не запутать в самом начале все дело. Засим ежедневные столкновения со всеми министрами, борьба с ними по важным и мелочным вопросам подвергали терпение Татаринова, а также и характер его таким тяжелым испытаниям, что я всегда удивлялся, как мог так спокойно этот человек переносить такие неприятности. Дело в том, что не подкупная никакими влияниями честность Татаринова давала ему нравственную силу и обезоруживала самых ярых его противников. Он к делу относился так объективно, что спорящий с ним никогда не имел повода раздражать спор личностями. При этом Татаринов сам лично очень много работал, отлично знал свое дело, и в этом отношении он незаменим. Дело, им заведенное, не пропадет, но, к несчастью, он его еще не вполне кончил, или, лучше сказать, не вполне его отделил. Опыт указал на необходимость многих упрощений как в счетоводстве, так и в отчетности, самый характер контроля, вероятно, под его руководством сделался бы менее придирчивым к мелочам и проч., но во всяком случае за то, что он сделал, Россия должна быть ему очень благодарна. Замечательно, что в высших сферах потеря Татаринова гораздо менее вызывает сожаления, чем в сфере низших деятелей. В чиновничьем мире заслуга, оказанная Татариновым, лучше понимается и оценивается.

16-го февраля. Сегодня, совершенно неожиданно для меня, назначен на место Татаринова Александр Аггеевич Абаза. Я узнал об этом назначении из следующей записки: «Спешу тебе сообщить, как лучшему моему другу, о совершенно неожиданном для меня событии: сегодня в первом часу прислал за мной государь и объявил мне, что назначает меня государственным контролером. После этого он поехал к великой княгине Елене Павловне просить моего увольнения. Кажется, все дело устроил Рейтерн. Не зайдешь ли вечером? Твой А. А. Абаза. (Указ еще не подписан, а потому лучше не разглашать.)»

Совершенно независимо от моих дружеских отношений к Абазе я очень доволен этим назначением. Для контрольного дела Абаза не будет в состоянии заменить Татаринова, но по всем другим вопросам, рассматриваемым в высших учебных заведениях при участии государственного контролера, Абаза может с выгодой его заменить, ибо имеет больше сведений по финансовой части, способнее его и имеет взгляд более обширный. Замечательно, что я вчера провел вечер у Абазы, и мы много толковали о возможных кандидатах на место контролера, но ни ему, ни мне на мысль не приходила его кандидатура. Это потому, главным образом, что Абаза, состоя гофмейстером при великой княгине Елене Павловне, казалось, отказался от надежд выступить на гражданском поприще, занялся собственными, довольно расстроенными, делами, взял вместе с бароном Унгерном концессию на постройку железной дороги от Кременчуга до Полтавы, а потому вышел как будто бы из числа лиц, выставляемых кандидатами на высшие должности. Лет пять тому назад, когда министр финансов Рейтерн серьезно собирался оставить министерство, он предлагал государю назначить Абазу к нему товарищем, с тем чтобы передать ему потом министерство, но государь на это не согласился, и назначен был

тогда товарищем Грейг, который до сих пор занимает это место. Впоследствии, в 1864-м году, Рейтерн, имея весьма высокое мнение о способностях Абазы и понятие его финансовых кредитных вопросов, поручил ему негоциацию внешнего займа в Париже, и хотя Абаза это дело исполнил с успехом, но во время его пребывания в Париже с ним случился весьма неприятный эпизод, много повредивший ему в общественном мнении и в глазах государя, а именно — он проиграл в карты значительную сумму денег, и хотя состояние его и могло выдержать сию новую брешь, уже не первую по страсти его к игре, но тем не менее проиграть в карты во время исполнения важного финансового поручения было делом крайне предосудительным. Несмотря на это, на другой же, кажется, год Абаза назначен был государем председательствовать в С.-Петербургском земском собрании, так как бывший тогда предводитель дворянства граф Орлов-Давыдов вышел перед тем в отставку, предвидя, что его до председательства не допустят. Настоящее его назначение состоялось по просьбе Рейтерна, но ему содействовал и граф Шувалов. Сей последний, видимо, надеется найти в Абазе способного человека для своей партии, в которой до сих пор не было и нет ни одной личности, мало-мальски способной к делу. Я надеюсь, что Шувалов ошибется, и хотя я не ожидаю от Абазы, чтобы он своим участием в делах Комитета министров и Государственного совета усилил бы партию явных противников Шувалова, но, по всей вероятности, он будет держать себя на нейтральной почве, вроде Рейтерна.

Замечательно, что в воскресенье совсем уже было решено, что государственным контролером будет назначен барон Кистер. Это назначение было бы решительным во всех отношениях скандалом. Барон Кистер — ничтожнейшая и бездарнейшая личность, умевший разными послугами подделаться к Адлербергу — отцу и сыну — и занимает теперь место контролера императорского двора; что он там сделал хорошего — никто не знает, но за несколько лет он нахватал пропасть наград, и денежных, и других, ходит теперь в Александровской ленте, составил себе состояние и, говорят, устроил состояние семейства Адлербергов. Я знал Кистера несколько лет тому назад маленьким чиновником при бароне Мейендорфе — управляющим Кабинета. Он прислуживал баронессе почти как лакей, и когда, вместе с ботаническим садом, которым он, по протекции Мейендорфа, заведовал, он достался министру государственных имуществ, то Зеленый спустил его от себя как человека никуда не годного и неблагонадежного. Замечательно, что барон Кистер сам отказался от места государственного контролера под предлогом, что он боится, что его министры заедят. Он понял, что как только он выйдет из тайны императорского двора на свет Божий — все его увидят и оценят его ничтожность. Сегодня напечатана в газетах следующая телеграфическая депеша:

«Versailles, 26 Février 2 heures 7 min.

A l'Empereur Alexandre II.

C'est avec un sentiment — inexprimable et en rendant grâce à Dieu, que je vous annonce que les préliminaires de la paix viennent d'être signés par Bismark et Thiers L'Alsace, mais sans Belfort, La Lorraine allemande avec Metz sont — cedées à

l'Allemagne; cinq milliards de contribution seront payés par la France. Après et à mesure du paiement de cette somme le pays sera évacuée en trois ans. Paris sera occupé en partie jusqu'à la ratification de la paix par l'assemblée Nationale de Bordeaux. Les détails de la paix se traiteront à Bruxelles. Si la ratification a lieu, nous voilà à la fin de cette guerre aussi glorieuse que sanglante et qui nous a été octroyée avec une frivolité sans exemple. Jamais la Prusse n'oubliera, que c'est à vous qu'elle doit, que la guerre n'a pas pris des dimensions extrêmes...»* (окончание срезано).

Итак, постыдный и разорительный для Франции мир заключен. Торжество Пруссии полное, условия, ею предложенные, жестоки, оскорбительны и надолго низводят Францию на степень вассального Пруссии государства.

Эти условия сообщены нам уже после их принятия. Советам и просьбам о снисхождении к тяжкой участи побежденных не дано никакого значения. После всего этого, выражение, употребленное государем в его ответной депеше, — «partage votre joie**» — по малой мере есть выражение наивное и неудачное. Кажется, особенно радоваться нам нечего, и в особенности заявлять о своей радости публично — нечего и неприлично. Я уверен, что это выражение: «Je partage votre joie***» — произведет во Франции против нас возмутительное действие. Хороша также фраза в депеше Вильгельма: «Guerre aussi glorieuse que sanglante qui nous a été octroyée avec une frivolité sans exemple****». Но эта фраза только смешна. Остается нам надеяться, что «Jamais la Prusse n'oubliera, que c'est à vous qu'elle doit que la guerre n'a pas pris des dimensions extrêmes*****».

Наконец Конференция в Лондоне по Черноморскому вопросу окончилась, и, кажется, для нас благоприятно, судя по прилагаемой депеше:

«№ 39. Депеша. Лондон, 2-(14-го) марта. Вторник.

В заседании Конференции, происходившей сегодня утром, все уполномоченные, в том числе уполномоченные Франции, подписали трактат, уничтожающий статьи трактата 1856-го года, относящиеся до положения России в Черном море».

* Версаль, 26 февраля 2 часа 7 мин.

Императору Александру II.

С невыразимым чувством и принося благодарение Богу, извещаю Вас, что предварительные условия мира подготовлены к подписанию Бисмарком и Тьером. Эльзас, но без Бельфорта, германская Лотарингия с Мецем уступлены Германии, пять миллиардов контрибуции будут выплачены Францией. После полной и постепенной уплаты контрибуции страна будет освобождена в течение трех лет. Париж будет частично занят до ратификации мирного договора Национальным собранием в Бордо. Детали же мирного договора будут обсуждаться в Брюсселе. Ратификация явится концом этой войны, столь же славной, сколь кровавой, которая была нами одержана с легкостью, каковой примера еще не было. Пруссия никогда не забудет, что именно Вам она обязана тем, что война не приобрела слишком больших размеров.

** разделяю Вашу радость

*** Я разделяю Вашу радость

**** Война столь же славная, сколь кровавая, которая нами одержана с легкостью каковой примера еще не было.

***** Никогда Пруссия не забудет, что именно Вам она обязана тем, что война не приобрела слишком больших размеров.

Нельзя не радоваться и не благодарить Бога за то, что эта дипломатическая экспедиция кончилась для нас счастливо. Следы постыдного Парижского мира отчасти сглажены. Народное чувство удовлетворено. Все это досталось нам дешево, но дешево только в том случае, ежели Пруссия не поставит нам в цену оказанное нам содействие и ежели не сочтет эту услугу полным возмездием за громадную помощь, которую мы оказали ей в нынешнюю войну своим нейтралитетом. Только время укажет, в какой мере мы поступили осторожно, дав Пруссии случай с нами так дешево поquitаться. Князь Горчаков очень доволен своей дипломатической победой. До конца своей карьеры ему посчастливилось совершить дело, лестное для народного самолюбия. Теперь только нужно опасаться увеличения желания скорее создать какой-нибудь сильный флот на Черном море. Это может окончиться нашим окончательным разорением, а флота все-таки не будет, ибо флот более, чем даже армия, есть результат успеха и процветания всего государства. К счастью, великий князь Константин Николаевич далеко не так порывист, как прежде, и к морскому делу значительно охладел, а то бы началась у нас сейчас сумасшедшая работа во всех адмиралтействах — и наших и иностранных.

4-го марта. Сегодня напечатана в «Правительственном вестнике» следующая статейка:

№ 40. «В течение 15-ти лет Россия неуклонно выполняла обязательства Парижского трактата, как ни тягостны были некоторые из них для ее достоинства. Политические события вызвали, однако, значительные изменения во многих постановлениях этого трактата, а с ходом времени во многом существенном изменилось и относительное положение европейских государств. Подчиняться долее тем ограничениям, которым Россия была подвержена в Черном море, омывающем ее собственные берега, в то время как отношения между прочими государствами подвергались весьма осязательным переменам, было уже невозможно. Циркуляром от Государственного канцлера, от 19-го октября, императорский Кабинет заявил Европе, что не считает себя более связанным стеснительными условиями на Черном море, что государь император вступает вновь во все верховные права свои на этом море, предоставляя и другому прибрежному владетелю восстановить и свои верховные права во всей их полноте.

Невзирая на неумеренные и пристрастные возгласы во многих органах европейской печати, великие державы, подписавшие Парижский трактат, усмотрели в настоящем циркуляре не вызов Европе, не тайные замыслы против ее спокойствия, а прямодушное и умеренное заявление и решились, по предложению северо-германского правительства, собраться на Конференцию, дабы согласовать эти заявления России с трактатом 1856-го года. Наш кабинет охотно принял участие в этой Конференции, тем более что в самом циркуляре 19-го октября было выражено, что Его Императорское Величество расположен заключить всякий новый международный акт, имеющий целью обеспечить всеобщий мир при обеспечении достоинства России. Занятия Конференции были весьма затруднены и замедлены современными политическими событиями. Но с самого начала уже выразилась со стороны держав единогласная готовность разрешить вопрос в духе миролюбия и справедливости. Во вчерашнем номере «Правительственного вестника» помещена телеграмма, извещающая о подписании на Лондонской конференции

1871 год

нового трактата, отменяющего те статьи Парижского трактата, которые ограничивали верховные права России и Турции на Черном море.

Не подлежит сомнению, что не только все русские, но и все друзья мира и справедливости искренне порадуются этому делу европейской дипломатии. Это дело, не нарушая ничьих прав, не требуя ни от кого никаких жертвований, восстановило права нарушенные, устранило символ международного недоверия и скрепило искренние отношения между государствами.

«Это дело по преимуществу есть дело мира и справедливости».

6-го марта. Сегодня ровно год, как я представлялся государю в звании товарища министра государственных имуществ. Не могу по совести похвалиться какою-либо особою деятельностью в течение года. С делами министерства ознакомился настолько, что получил о них общее понятие. Лесная часть, окончательно обратившая мое внимание, страдает недостатком средств к ее устройству.

Положение товарища министра вообще весьма деликатное, даже и в том случае, ежели товарищ находится в самых лучших отношениях с министром, мое же положение несколько осложняется тем, что Зеленый пригласил меня вступить в министерство, будучи в столь расстроенном состоянии здоровья, что он положительно был уверен, что не в состоянии будет продолжать управлять министерством, а потому решительно объявил мне, что не пробудет дольше зимы. Но теперь здоровье его совершенно поправилось, и ему нет ни малейшего основания, ни повода проситься на покой. Весьма естественно, ему приходит на мысль, что я считаю себя обманутым в своих ожиданиях, — в этом смысле он сам мне сознался, что получал безымянные доносы, в которых предупреждали его, что я будто бы интригую для того, чтобы скорее сесть на его место. Хотя я верю его заверениям, что он не обращает внимания на эти доносы, но тем не менее я с еще большей осторожностью воздерживаюсь от какой-нибудь серьезной инициативы по делам, по которым следовало бы что-нибудь сделать. По совести могу сказать, что во мне не только нет никакого нетерпения скорее занять место министра, но я даже очень рад, что имею более возможности располагать своим временем.

Я уже настолько вкусил сладости власти при тех условиях, при каких она у нас обставлена, что очарования во мне нет ни малейшего. Я убежден, что особого значения в министерстве при настоящем его составе и характере деятельности я иметь не буду, ибо для того нужны совсем иные способности и нужно быть в хороших отношениях с лицами, к которым, напротив, я питаю глубокое презрение. Мне предстоит весьма серьезная задача, а именно: ко времени упразднения Министерства государственных имуществ приготовить проект образования Министерства торговли и промышленности. Государь еще недавно, по ходатайству Съезда сельских хозяев об учреждении подобного министерства, говорил Зеленому, что он эту мысль совершенно разделяет и что ее нужно разработать, и Зеленый отвечал государю, что я этим занимаюсь, задача эта очень нелегка: начертать проект министерства — не шутка, но желательно предложить что-нибудь дельное, в особенности придумать что-либо толковое для образования местных провинциальных органов министерства, таких органов, кото-

рые бы соответствовали потребностям, имели бы жизнь и вместе с тем ладились бы с общим характером наших административно-хозяйственных учреждений. Мысли мои насчет этого вопроса еще далеко не установились. Весьма вероятно, ежели мне удастся выработать что-нибудь дельное и обстоятельства будут благоприятствовать, то я не буду обойден при назначении на место министра нового министерства.

Ежели бы я имел охоту или расположение действовать наобум, то и тогда пример наших самоуверенных и легкомысленных генералов-министров мог бы излечить меня от этого недуга.

Недавно граф Бобринский — министр путей сообщений — представил собою пример, до чего может дойти легкомыслие, самоуверенность и пустота в наших государственных людях. Получив назначение министром путей сообщений вне всякой иерархической постепенности, он, вместо того чтобы серьезно заняться делом, изучить его, начал с того, что переломал все свое управление.

Проект своих изменений внес в Государственный совет, который, признав, что Бобринским предлагаются коренные изменения в самом устройстве министерства, назначил особую Комиссию из представителей всех министерств для обсуждения, в какой мере полезны предлагаемые изменения в общем наказе министров.

Комиссия единогласно отвергла эти изменения. Бобринский понес проект прямо государю, помимо Государственного совета, и выпросил утверждение этого проекта. Засим приступил к ломке своего управления. Разогнал всех знавших дело людей, посадил новых из разных посторонних ведомств, все людей молодых, рьяных и столь же самоуверенных, как и он сам, вот и пошла потеха. Начали ребята валять проект за проектом, но все незрело, необдуманно, так что даже самой поверхностной критики наших высших коллегиальных учреждений ни один проект не мог выдержать. Тут явились проекты передачи Волги на содержание жиду Эпштейну, с правом учредить туерное пароходство⁵¹ с субсидией в 7 миллионов рублей от правительства, и все это прямо к царю, помимо Комитета министров, но проект этот в Совете министров под председательством государя, к счастью, был единогласно отвергнут.

Та же участь постигла и проект изменения линии севастопольской и проект передачи шоссе в земство. Наконец, в заключение всего, сам Бобринский чуть не умер от прилива к сердцу. Он просто надорвался, как молодой жеребенок, без толку рвавшийся, чтобы стянуть воз не по силам. Теперь он человек надломленный и едва ли будет в состоянии снова вступить в управление министерством.

Удивительный, право, у нас взгляд на людей, способных занимать высшие должности. Солидный господин с хорошим, честным именем, ни в чем пакостном не замеченный, уже считается годным на все, хотя в жизни своей ровно никогда ничего не делал. К сожалению, самоуверенность невежества всегда отличает этих господ и, не говоря уже о других недостатках, преобладание подобных людей в министерстве до такой степени опускает уровень суждения по всем вопросам в высших коллегиальных собраниях, что, право, не знаешь иногда, что кто такое говорит и где это говорят. Точно в каком-

нибудь в салоне с дамами поведена речь о текущих делах. Мне не раз приходилось чувствовать, что даже неприлично пробовать поднять вопрос на некоторую высоту. Люди даже менее способные и умственно развитые, чем гг. Шувалов, Тимашев, Бобринский, Урусов, Пален, Лобанов, Краббе и проч., но люди деловые, т. е. сами занимавшиеся последовательно каким-либо делом, стали бы говорить непременно о деле серьезно и не останавливаться на одной только анекдотической стороне вопросов. Положительно могу удостоверить, что при таком направлении деятельности наших министров самая легкая обязанность в России — это обязанность министров, она менее всего требует напряжения умственных способностей и усидчивого труда. Мне гораздо труднее быть столоначальником, председателем палаты, директором департамента, чем управлять министерством.

Вчера окончательно ратифицирован был трактат, вследствие лондонских Конференций изменяющий Парижский трактат относительно нейтрализации Черного моря. По этому случаю был парад и пушечные выстрелы, а сегодня в «Правительственном вестнике» напечатаны все протоколы Конференции и следующий рескрипт на имя князя А. М. Горчакова:

Князь Александр Михайлович.

Ныне минуло ровно 15 лет с того дня, как подписан Парижский трактат, на который Россия вынуждена была согласиться в силу обстоятельств. С тех пор ход событий, совершившихся в Западной Европе, настолько поколебал основания сего международного договора, что на одной России оставалось соблюдение тягостных для ее достоинства условий, имевших предметом ограничение исконных ее прав на Черном море. Эти события, изменившие во многом положение дел в Европе и ослабившие тем самым силу Парижского трактата, внушили Мне мысль внушить иностранным державам всю неправомерность условий, тяготевших над Россией, условий, которые не только наносили материальный ущерб ее интересам, но оскорбляли с тем вместе и государственное и национальное достоинство. Выполнение Моей мысли принадлежало Вам. Вы открыли первые по сему отношению циркулярной нотой от 19-го октября минувшего года. Напрасные опасения, вызванные в некоторых иностранных кабинетах сим первым сообщением, поставили Вас в необходимость рассеять все недоразумения ближайшим разъяснением истинного смысла Моих чистосердечных намерений, основанных на чувстве справедливости и на постоянном моем стремлении оберегать честь и достоинство России. Благодаря Вашим усердным и просвещенным стараниям, вопрос, казавшийся одно время спорным, настолько был уяснен, что он мог быть рассмотрен в собранном на сей конец международном совещании в настоящем его виде и значении. Спокойное обсуждение дела повело к тому благоприятному исходу, который заключил переговоры Лондонской конференции. Заслугою Вашей в сем случае, имеющей для отечества значение историческое, — Вы ознаменовали блистательное продолжение всей предыдущей Вашей деятельности. Услуги, оказанные Вами престолу и отечеству во время польского мятежа 1863-го года, когда Вы с полным успехом противодействовали притязательным попыткам постороннего вмешательства во внутренние дела России, затем увеличенные ныне тем же успехом труды ваши по черноморскому вопросу оценены по достоинству общим признательным сочувствием всех ваших соотечественников, дорожащих честью и самостоятельностью русской земли.

Третий том

Во внимание к столь достохвальным Вашим заслугам, Я признал справедливым украсить носимое Вами и нисходящим Вашим потомством княжеское достоинство титулом светлости. Даруя Вам сие высочайшее отличие, Я желаю, чтобы это доказательство Моей признательности напоминало Вашему потомству о том непосредственном участии, которое с самого Вашего вступления в управление Министерством иностранных дел принимаемо было Вами в исполнение Моих мыслей и предначертаний, клонящихся непрестанно к обеспечению самостоятельности и упрочению славы России. С особою к Вам признательностью и благоговением — пребываю навсегда Вам благосклонный, искренне Вас любящий и благодарный Александр.

С.-Петербург, 18-го марта 1871-го года.

Я вчера был у Горчакова и поздравил его. Старик, кажется, очень доволен и успехом дипломатической атаки, и наградой, хотя и говорит, что *on a voulu dorer son cerceuil**.

При самом начале его дипломатического похода, когда появилась его первая декларация, я не скрывал от него все мои сомнения и опасения. Ему даже кто-то сказал, что будто я театре сказал кому-то, что я его за эту штуку повесил <бы>. С тех пор Горчаков все шутя попрекал меня, что я приговорил его к смерти, я, тоже шутя, отвечал ему, что исполню свой приговор, ежели результатом Конференции и его выходки будет у нас война или какая-нибудь другая пакость. На что Горчаков однажды спросил меня, что же я ему дам, ежели, напротив, все дело обойдется благополучно и к пользе России, тогда я ему ответил, что дам ему сюрприз.

Теперь пришло время исполнить свое обещание, и я придумал поднести ему в шуточном виде адрес от общего нашего с ним предка — князя Михаила Черниговского. Я заказал профессору Шарлеману рисунок для этого адреса, соответствующий тексту. Рисунок очень удался. Текст следующий:

«Князь Александр Михайлович.

Достославный предок наш князь Михаил Черниговский, устами твоих сородичей, взывает к тебе, князь, и шлет тебе свое отчее целование. Подобно ему изрек ты в глаза врагам нашим слово правды, не убоясь ни страха, ни суда людского. Предтечей битвы Куликовской был Святой и Славный предок наш. Будь и ты, князь, Предтечей грядущего восхода зари правды на Востоке».

Адрес этот подписан мною и тремя моими сыновьями. Рисунок изображает герб князя Черниговского, который есть вместе с тем и герб Горчакова, засим по обеим сторонам герба представлена сцена мученической кончины князя Черниговского⁵² в орде у Батя, протест его и казнь. Начальная буква представляет князя Черниговского в иконописном изображении, засим сбоку сцена битвы Куликовской, а внизу представлено Черное море с восходящей зарею и с надписью «19-ый октябрь 1870 год», т. е. дня подписания декларации. На берегу представлена аллегорическая фигура Черного моря в виде женщины, перед которой стоит князь Горчаков в костюме византийского князя и снимает с нее цепи, у

* хотели позолотить его гроб

1871 год

ног его надорванный Парижский трактат. Под нашей подписью нарисована печать князей Оболенских. Весь рисунок окаймлен веревкой, в конце которой петля, напоминающая мое намерение его повесить. Весь текст писан славянским шрифтом. Весь этот рисунок удался как нельзя лучше. Шарлеман взял с меня за него 150 руб. В воскресенье утром я повезу адрес Горчакову, и со мной будут ассистентами мои три сына: Саша, Алеша и Котя. Надеюсь, что шутка удастся.

21-го марта. Сегодня я отдал Горчакову мой обещанный сюрприз — он очень ему понравился. Шутка удалась как нельзя лучше, дети были со мной. Я уверен, что со временем, когда в архиве Горчакова найдут этот рескрипт, то примут его за серьезную с моей стороны манифестацию.

В Париже началась и продолжается междоусобная резня, в которой я не сомневался, и, по всей вероятности, дело не обойдется без нового вмешательства Пруссии и занятия Парижа.

28-го марта. Сегодня праздник Светлого Воскресения, несмотря на раннее время года, праздник этот имеет вид весенний. У заутрени во дворце все происходило по обычаю, много очередных наград, в том числе и я получил Белого Орла, хотя эта очередная награда следовала мне еще 5 лет тому назад, но я до сих пор мог заменять ее денежной наградой — раз я получил аренду, а в другой раз подарок в 3000 рублей. В прошедшем же году опять приходилось мне Белого Орла, но я перед тем только что был назначен товарищем министра, а потому ничего не получил. В нынешнем же году Орла не миновал, хотя с радостью принял бы взамен его денежную награду. Новостей особенных нет. Во Франции междоусобия продолжаются с возрастающей силой. Не думаю, чтобы какой-либо порядок во Франции мог бы восстановиться без какого-либо внешнего вмешательства, и я думаю, не одни пруссаки вступят в дело, а соединенные силы всех европейских держав.

4-го мая. Весь прошлый месяц прошел бесследно для моего дневника. В общественной жизни у нас ничего особенно замечательного не случилось. В журналистике и в обществе очень много толковали и продолжают толковать об изменении уставов наших гимназий. Внесенный министром народного просвещения графом Толстым проект существенно изменяет всю систему общеобразовательного курса тем, что оставляет только за классическими гимназиями, с двумя классическими языками, значение гимназий с правом поступления из них в университет, ныне не существующие реальные гимназии с одним латинским языком вовсе упраздняются и заменяются реальными училищами, не дающими прав на поступление в университет.

Мнения по сему вопросу выражаются и в прессе, и в обществе с крайней раздражительностью. Я собственно проектов новых уставов не читал и суждения по тому вопросу не принимал. Но для меня очевидно, что большинство не на стороне исключительно классиков и что Министерство народного просвещения увлекается в крайность, которая не поведет к добру. Весьма вероятно, проект министерства, несмотря на сильную оппозицию, будет окончательно

принят государем, который смотрит на этот вопрос с точки зрения чисто полицейской. Ему внушили мысль, что классицизм представляет из себя охранительный элемент вообще, а в частности требование знаний двух древних языков для поступления в университет непременно будет иметь последствием ограничение числа лиц, поступающих в университет, что, по мнению многих консерваторов, очень желательно. Я уверен, что проект министерства осуществится, но ненадолго. На практике скоро обнаружатся все неудобства крайности, положенной в основание всей системы, по необходимости скоро будет сделана уступка, хотя бы в пользу гимназий с одним латинским языком, и тогда вся система будет нарушена.

К тому же я не верю, чтобы настоящий министр народного просвещения — граф Толстой — мог что-нибудь создать живучее. Это одна из таких ограниченных субъективных натур, которые не в состоянии ничего ни понять, ни произвести вне личного круга впечатлений и страстей. Я долго служил с Толстым в Морском министерстве и всегда удивлялся его способности много трудиться и работать непроизводительно. Все даже изданные им сочинения обличают усидчивость в труде, но полное отсутствие животворной мысли или убеждения. (Граф Алексей Толстой?)^в. Он не лишен способностей, недурно пишет, но чрезмерно личен, душонка очень маленькая, завистлив до болезненности — всегда чужим здоровьем болен. Он стал с некоторых пор учиться греческому языку и, как человек, склонный к сухому труду, находит в этом учении удовольствие. Я уверен, что это обстоятельство много содействует его упорству в защите своего проекта. Я вовсе не только не отвергаю пользы классического образования, но полагаю, что оно должно иметь преимущество перед реальным. Но есть бездна других соображений, которых нельзя не принять в расчет, когда дело идет о России, об образовании массы людей для всех потребностей государства, не только по специальностям, но и с общим образованием. Вообще как-то дико и как-то смешно даже отвлеченно и с такой крайностью относиться у нас к системе образования, когда факты так убедительно свидетельствуют, что не в образовательном, не в научном и умственном развитии ищет правительство мерило для оценки людей. Стоит только заглянуть в памятную книгу высших чинов империи, чтобы убедиться в бесспорном факте, невольно наводящем на размышление: из 12 министров наших — 8 военных. Из 61-го члена Государственного совета — 36 военных. Из губернаторов — две трети военных. Все генерал-губернаторы — военные. По роду оружия эти господа все более кавалеристы, по воспитанию по крайней мере все настоящие главные деятели рекомендуют Пажеский корпус⁵³ и Юнкерскую школу. И эти господа призваны теперь судить о преимуществе классического образования перед реальным... Что за вздор... Одно из двух: или преобладание военного элемента в нашей администрации имеет цель — тогда непонятны те реформы, которые призваны водворить в государстве законность и гражданственность, или это преобладание военного элемента на практике не ощущается, т. е. что все эти военные люди не вносят в администрацию никаких особенностей специальной их службы, тогда это

^в Так в тексте.

не делает чести нашей армии, которая так мало оставляет следа в мирозерцании своих генералов. Как бы то ни было, но задаваться вопросами об общественном образовании с отвлеченной точки зрения и создавать систему, исключительно преобладающую над всеми другими соображениями, по-моему, есть вред, одна надежда, что перемелется — все мука будет. К сожалению только, что вся эта ломка и неопределенность губит молодое поколение, над которым делают опыты.

15-го мая. Вчера я говорил в общем собрании Правительствующего Сената по делу, в сущности неважному, но которое имеет огромное значение как образец безобразий, с каждым днем увеличивающихся в отношениях наших по Остзейскому краю. Дело в том, что I-й департамент Сената в 1869-м году, по представлению Курляндского губернского правления, разъяснил значение одной статьи (1262) местных законов по вопросу о сроке предъявления прав на сервитуты казенных имений, предписав указом, что срок этот не может относиться к казенным имениям, для которых существует особое положение в Своде законов и для которых срок определен временем регулирования казенных имений. Рижский магистрат к мнению, которое было предъявлено им о сервитуте одного казенного имения, на предъявленный ему указ Сената положительно объявил, что решение Сената неправильно, противозаконно, а потому для магистрата необязательно. О таком дерзком ослушании Сената я во время управления министерством представил Сенату. В данном Сенату объяснении магистрат вновь повторил все доводы свои в опровержение правильности толкования Сената, объявив, что засим он не может изменить взгляда своего на силу значения ст. 1262, несмотря на указ Сената, статью ту разъясняющую. Первый департамент в моем присутствии в прошедшем году определил сделать магистрату выговор с опубликованием. Один только сенатор, а именно барон Врангель, который с цинизмом постоянно во всех делах заявляет себя защитником всех неправд Остзейского края, подал особое мнение, полагая возбудить законодательный вопрос. Засим по-настоящему дело это должно было кончиться, ибо во вновь изданном законе дела в Первом департаменте Сената решаются по большинству голосов, но Министерство юстиции потребовало к себе проект определений Сената, продержало почти год и только на днях министр юстиции дал предложение Сенату, в котором он самым невероятным и возмутительным образом оправдывает магистрат, попирая власть и достоинство Сената; разумеется, ни сенаторы I-го департамента, ни я с этим предложением не согласился, и дело перешло в первое Общее собрание, где я вчера и ораторствовал.

В составе Общего собрания 14 сенаторов-немцев, все они, как один человек, пристали к министру юстиции, а остальные 6 человек согласились с I-м департаментом, а 12 человек согласились с мнением, представленным сенатором Зарудным, хотя тоже близко подходящим к моему мнению, но не выражающим столь определенительно право Сената требовать исполнения его указов.

Теперь дело это пойдет в Государственный совет, где, вероятно, будет слушаться осенью, и тогда вновь мне, вероятно, будет предстоять необходимость защищать достоинство и власть правительства против дерзких покушений ост-

зейских властей. Но и тут я почти уверен, что большинство не на стороне защитников права центрального правительства. Вообще, как это, так и многие дела свидетельствуют, что сила немецкой балтийской партии не только не ослабляется, но, напротив того, крепнет, ибо находит сильную опору здесь, и главное — в лице графа Шувалова. Я не могу себе объяснить циничное упорство этого господина всегда и везде открыто выдавать себя за адвоката всех неправд Балтийского края, как потребностью найти себе поддержку в сильной немецкой партии. Граф Шувалов чувствует, что в России не только в общем мнении, но и в мнении всех лиц царской фамилии и петербургского общества он не имеет сочувствия, поэтому, пользуясь слабостью государя к немцам, он знает, что, защищая при каждом случае балтийцев, он угождает царю и вместе с тем приобретает себе сильных друзей в немецком лагере. Никогда, может быть, немцы не были в такой силе, как теперь. Они хорошо понимают, что будущее царствование не будет им благоприятно, поэтому они стараются, не теряя времени, всеми силами онемечить эстов и латышей и приготовить к будущему элементы для серьезного сопротивления правительству к обрусению края. Так точно, как покойный государь Александр I создал во вред России Польшу, так точно Александр II по какому-то слепому влечению создает балтийский вопрос, с которым в недалеком будущем придется сильно бороться. Все попытки печати обнаруживать вредные замыслы остзейцев преследуются правительством, и даже все лица, по обязанности своей высказывающие мнения в защиту интересов России, заподозрены как вредные демагоги.

К числу лиц, наиболее отличающихся резкостью суждений своих по балтийскому вопросу, принадлежит министр государственных имуществ Зеленый; в качестве члена Остзейского комитета, также по поземельным делам Остзейского края ему часто приходится сильно бороться с интригами немецких баронов, а потому они против него очень озлоблены, и ежели <бы> не личное дружеское к нему расположение государя, то, конечно, его уже давно бы успели прогнать из министерства.

На сих днях, а именно недели три тому назад, был случай, ясно это доказывающий. После одного из докладов, когда Зеленый собирался уходить, государь остановил его и дружеским тоном начал его упрекать за то, что он позволяет себе не скрывать своего нерасположения к немцам, что он как министр должен быть так же беспристрастен, как беспристрастен государь к своим всем разноплеменным поданным. Зеленый, не ожидая подобного замечания и не зная причин, побудивших государя попрекать его, объяснил государю, что взгляд его на балтийский вопрос государю давно известен, что он несколько раз имел случай ему его высказать с полной откровенностью, так, в прошлом году даже решился упрекнуть государя в пристрастии к немецким баронам, и что мнение его не есть инстинктивная ненависть к племени, а основано на полном сознании всех вредных сторон нашей политики по отношению к Остзейскому краю, но что он не понимает, чем именно теперь могло быть вызвано замечание государя, так как он, Зеленый, почти нигде в обществе не бывает и у себя принимает только самых близких друзей, а потому и не имеет случая высказывать своего образа мыслей. На это государь ему ответил, что недавно давали Севасто-

польцы обед князю Васильчикову и что на этом обеде один из присутствующих укорял Пруссию за то, что она не так бескорыстно ведет войну, как Россия, а, напротив, разоряет контрибуциями своего противника. Зеленый заметил государю, что речь эта была сказана не им, что он не был призван ее цензуровать, а потому ни в каком случае за нее отвечать не может. На это государь сказал, что это, конечно, так, но что ему как министру неприлично было выслушивать подобные речи. В заключение самым дружественным тоном государь просил Зеленого быть осторожнее. Эта сцена очень озадачила Зеленого, и к следующему докладу он приготовил государю письмо, в котором просил его уволить от звания министра. Это письмо Зеленый взял с собой и, прежде чем начать доклад у государя, объяснил, что сделанное ему замечание в прошедший понедельник сильно его смутило, и так как он не находит возможным переменить свои убеждения, а с другой стороны, не может отвечать, чтобы и в другой раз не довели до сведения государя какие-либо обвинения, то он опасается, что в другой раз государь уже отнесется к нему не с дружеским упреком, а со справедливым негодованием, до чего он дожить не желает, а потому просит увольнения. Государь на это стал успокаивать Зеленого, уверяя, что ничего против него не имеет и что всегда и впредь не изменит своих замечаний, ежели бы представился случай их сделать. При этом государь решительно отказал отставку Зеленого и просил его об этом и не думать. Тем дело и кончилось. Но, конечно, Зеленый понял, что немцы направили на него все свои батареи, и ему не сдобровать, ежели представятся серьезные случаи столкновения. Мое положение еще опаснее: не имея в пользу свою особого личного расположения государя, я знаю, что со мной расправа будет еще легче. Не менее того, я решился по делу об ослушании Рижского магистрата говорить в Государственном совете так сильно, как я говорил в собрании Сената. В милости я никогда не буду, я это знаю.

19-го мая. Сегодня утром, в то время как я собирался выехать из дому, получил я от эскутера министерства записку, уведомляющую меня, что сегодня ночью, в 2 часа, Александр Алексеевич Зеленый сильно заболел, и что, по всем признакам, его ударил паралич. Это известие меня сильно поразило, ибо еще накануне я с Зеленым занимался, и он не жаловался на здоровье.

Сейчас же я поехал на квартиру министра и застал его лежащим в постели в полном сознании, но с явными признаками паралича. Язык совершенно свободен, и он весьма ясно и отчетливо рассказал мне, что накануне вечером, перед тем, чтобы ложиться спать, он почувствовал головную боль и онемение руки, стал ходить по комнате и потом лег спать, но, чувствуя себя дурно, встал, пошел в другую комнату, взял склянку с одеколоном, вылил ее себе на голову и опять лег, но потом опять почувствовал, что ему дурно, решился позвонить человека, и когда он вошел, то застал его уже без языка. Прибывший немедленно доктор стал прикладывать к голове его холодные компрессы, и владение языком мало-помалу возвратилось, но глотать он ничего не может. Я сейчас увидал, что положение Зеленого весьма опасное, и что во всяком случае — он человек, для службы и дела конченный. Он должен был сегодня рано утром ехать с докладом к государю в Петергоф, туда послана была депеша с извещением о

болезни. Я дал сейчас знать военному министру Милютину, как человеку, дружески расположенному к Зеленому, о случившемся несчастье, и я, по совету его, отправился на станцию Петергофской ж<елезной>д<ороги>, чтобы застать государя при его возвращении из Петергофа и его переезде в Царское Село. Несмотря на проливной дождь, мне действительно удалось подойти к вагону государя, который с одного пути переходил на другой, и передать ему некоторые подробности о состоянии Зеленого. При этом я просил государя назначить мне день для доклада тех бумаг, которые Зеленый должен был ему доложить. Государь назначил мне приехать для этого в субботу, 22-го, в Царское Село.

Совершенно неожиданно вступаю я опять в управление министерством. Все предположения мои рушатся. Я надеялся, что Зеленый окончит дела по земельному устройству крестьян, а я пока займусь проектом преобразования министерства⁵⁴, и тогда, ежели прежде этого не сломаю себе шею, то буду министром. Теперь все переменяется — останусь ли я управлять министерством, ежели, сохрани Бог, Зеленый умрет, или нет — мне неизвестно, я имею много шансов, но теперь мои противники в такой силе и действия их так бесперомонны, что уверенности остаться в министерстве я не имею. По чистой совести говоря, я не горю желанием сохранить за собой министерский портфель. Я настолько уже наслаждался всеми благами этого положения, что отношусь к ним равнодушно. Буду ждать, что Бог даст. Но теперь меня более всего огорчает положение бедного Зеленого. Он еще человек не старый, всего ему 52 года, и его влияние на государя, хотя за последнее время ослабевшее, было самое прекрасное. Государь его искренне любил и уважал как правдивого и честного человека. Зеленый мог говорить с ним и нередко говорил явно в противоречие его вкусам и инстинктам. Но государь считал его человеком недалеким и потому не стеснялся его мнением, хотя всегда его выслушивал. Такого влияния, как Зеленый, я никогда иметь не буду. Русский элемент в правительстве понесет в лице Зеленого невознаградимую потерю.

21-го мая. Положение Зеленого не улучшается, он не может ничего глотать, и ежели этот признак паралича не улучшится, то положение может сделаться весьма опасным. Сегодня государь был у Зеленого, я его там встретил; спросив, готовы ли у меня бумаги для доклада, он приказал мне вместо завтрашнего дня приехать к нему сегодня с докладом в Зимний дворец. Я только захал домой, чтобы взять бумаги, и засим немедленно отправился во дворец. При докладе государь выражал неподдельное чувство сожаления о Зеленом, приказал мне ежедневно доносить ему о состоянии здоровья и телеграфировать ему также ежедневно за границу, куда он отправляется на воды — в Эмс — во вторник. В заключение государь приказал вступить в управление министерством и вообще относиться ко мне так, что я не могу иметь ни малейшего повода предполагать, чтобы он имел в виду какое-либо другое лицо на министерское место.

24-го мая. Здоровье Зеленого плохо поправляется, хотя ему несколько лучше, но глотание все еще затруднено и признаки паралича не ослабевают. Государь завтра едет в Берлин, а оттуда в Эмс. Граф Александр Адлерберг в первый

раз его не сопровождает, по болезни, Шувалов, следовательно, будет один, да еще граф Борис Перовский назначен заведовать походной Канцелярией.

Эти непрерывные поездки государя, императрицы и всей царской фамилии начинают, кажется, сильно надоедать даже берлинским властям. Из Эмса государь и императрица поедут в Вюртемберг, чтобы праздновать серебряную свадьбу королевы Ольги Николаевны. С отъездом государя и всех почти властей все дела здесь, разумеется, останавливаются на весь летний сезон. Сегодня было последнее заседание Государственного совета, на нем читался проект преобразования гимназий. Большинство членов Совета, в числе 29-ти, против проекта исключительного классического образования, но в меньшинстве 19-ти человек находятся такие лица, по которым можно наверное сказать, что государь утвердит мнение меньшинства.

Мне достоверно известно, что клика Шувалова и К^о будет сильно работать против моей кандидатуры на сохранение министерского портфеля. Ежели Зеленый умрет или захочет отказаться от звания министра прежде возвращения государя, то я почти уверен, что министром назначен будет кто-нибудь из клики Шувалова. Со своей стороны, я не могу и не хочу ничего делать, чтобы противодействовать своим недоброжелателям, а потому буду спокойно ждать моей участи.

На днях последовало странное, никем не ожидаемое назначение, также весьма ловко и проворно совершенное в кабинете Шувалова. Граф Владимир Бобринский, министр путей сообщений, не чувствуя себя в силах продолжать быть министром, выпросил себе в товарищи двоюродного брата своего флигель-адъютанта графа Алексея Павловича Бобринского. По отзыву всех близко знающих этого господина, он совершенно полоумный человек, но не лишенный энергии, хитрости и коварства. Говорят, что двоюродный братец перешеголял своего cousin* эксцентричными выходками и проектами. Все это делается как-то семейно и без всякого соображения с приличиями и общественным мнением. Еще не прошло 4-х месяцев, как Владимир Бобринский выпросил у государя, помимо Государственного совета, утверждение задуманного преобразования всего своего министерства, при котором не полагалось товарища, а все министерство разделялось на 2 главных управления, — теперь будет вдруг назначаться товарищ. Все это представляется какой-то детской игрой.

28-го июня. Вот уже более недели, что я живу один. Жена уехала в деревню с детьми, и город совсем опустел. Мне же отлучиться, даже на короткое время, нет возможности, потому что здоровье Зеленого все еще плохо, да и вряд ли оно значительно поправится. Государь еще за границей, наследник уехал в Гапсаль⁵⁵, в делах совершенный застой. О том, что делается в Эмсе, нам совершенно неизвестно. Вчера получил депешу от императрицы из Петерстале. Она спрашивает о здоровье Зеленого и графини Протасовой. Государь тоже теперь должен быть в Петерстале, а оттуда вся семья отправляется в Фридрихсгафен к королеве Ольге Николаевне. Германский император не приехал на свидание с

---

* кузена

государем в Эмс под предлогом болезни. Ежели нет прежней политической причины подобного воздержания, то, вероятно, германскому императору скучно каждый год и по несколько раз в год принимать незваных гостей. Действительно, каждое лето вся царская фамилия гуляет по всей Европе, и каждый день читаем в газетах, что где-нибудь принимают или провожают какого-нибудь великого князя или великую княгиню. Что эти все путешествия стоят денег — это невообразимо. Насчет этого предмета заметна в государе с некоторых пор значительная перемена, вполне объяснимая влиянием окружающих его господ. С небывалым до сих пор цинизмом тратятся казенные деньги, без всякого законного основания, для удовлетворения личных интересов.

Примером вопиющего злоупотребления власти в этом отношении служит дело флигель-адъютанта князя Витгенштейна, недавно окончательно решенное государем. Этот Витгенштейн имеет огромные поместья в Северо-Западном крае. Сперва отец его, а потом он сам, живя постоянно за границей, наделал пропасть долгов, так что одного казенного долга Опекунскому совету насчитывалось до 180 тыс. рублей на душу, тогда как Опекунский совет, по правилам, не имеет права давать более 60-ти тыс. рублей на душу, но все эти надбавочные ссуды выдавались Витгенштейну по особым высочайшим повелениям, и 7 раз недоимки причислялись к капитальному долгу. Подобной льготой никто никогда не пользовался. Когда приступили в Северо-Западном крае к составлению установленных грамот, а потом к исправлению их поверочными комиссиями, то имения Витгенштейна подверглись всем тем же операциям, как и все другие имения, принадлежащие всем русским в том крае, с той только разницей, что покупные сделки в имениях князя Витгенштейна по большей части сделаны были по добровольному согласию, а потому более выгодно, чем для большинства других помещиков. Не менее того, когда приступили к выкупу, то оказалось, что за обращение всей выкупной ссуды в удовлетворение Опекунского совета еще не хватает около 3-х миллионов руб. для окончательного погашения казенного долга, это доказывает, как велика была сумма, обременявшая имение. Ежели бы долг этот был нормальный, т. е. не превышающий 60 тыс. рублей на душу, то тогда бы, за обращением части откупной ссуды на удовлетворение долга Опекунскому совету, у Витгенштейна оставалось бы свободного капитала до 800 тыс. рублей. Следовательно, решительно никто не виноват в том, что, когда пришла минута ликвидировать долги Витгенштейна, оказалось, что он разорен. Не менее того, во время пребывания в прошлом году государя в Эмсе через, кажется, Шувалова и Адлерберга, Витгенштейн обратился к государю с просьбой сложить с него казенный долг, оставшийся за обращением в уплату выкупных ссуд, т. е. до 3-х миллион<ов> рублей. В доказательство, что, будто бы, он разорен вследствие притеснительных действий бывших поверочных комиссий, он представил ходатайство генерала Потапова, который, по приказанию своих патронов, доказывал действительно, будто бы Витгенштейн разорен крестьянской реформой. Государь, не говоря худого слова, приказал сложить с Витгенштейна долг Опекунского совета, и высочайшее повеление было сообщено министерству финансов из Эмса. Получив такое повеление, Рейтерн остановился приведением его в исполнение и, дождавшись возвращения госуда-

ря, при личном докладе объяснил ему, что слагать долг Опекунского совета нельзя, ибо это деньги не казенные, а деньги вкладчиков, которые прежде раздавались Опекунским советом в ссуду под залог недвижимых имуществ, а потому просто сложить долг нельзя, а нужно, чтобы кто-нибудь заплатил, и ежели государю не угодно, чтобы имение, обеспечивающее этот долг, было пущено в продажу, то должна заплатить казна, т. е. Государственное казначейство, но что в распоряжении министра финансов нет свободных сумм. Независимо от сего Рейтерн доложил государю, что Витгенштейн не только не имеет никакого права на подобное вознаграждение, но что все другие помещики Северо-Западного края понесли значительно более значительные убытки, а потому пример Витгенштейна может вызвать справедливые просьбы всех других помещиков. Государь, уважив соображения министра, согласился приказать рассмотреть это дело в Главном комитете. Такое решение сильно не понравилось ни Витгенштейну, ни его покровителям. Они поняли, что в Главном комитете все единогласно будут против них. Сам Витгенштейн, будучи нашим военным агентом в Париже, выехал из осажденного города и поспешил приехать в Петербург. Здесь скоро удалось ему, опять-таки через Шувалова и Адлерберга, вымолить высочайшее повеление, по которому его дело взято было из Главного комитета и для обсуждения его составлена особая комиссия, под председательством графа Адлерберга, из графа Шувалова, Тимашева, Рейтерна и Потапова. Таким образом, образовались комиссия специально из 4-х друзей, в которую министр финансов был приглашен по необходимости, скорее как ответчик, чем как член. О назначении такой странной комиссии для частного дела в обществе говорили, удивлялись, но скоро перестали говорить и удивляться. Журналы не смели сказать слова; министр финансов, со своей стороны, приготовил подробное и обстоятельное мнение, доказывающее отсутствие всяких прав не только на вознаграждение, но и на милость, ибо жертвовать 3 милл<иона> казенных денег правительство решительно не в состоянии. Дело это тянули до самого отъезда государя за границу, надеясь, вероятно, опять в Эмсе вырвать, под влиянием разных немецких родственников Витгенштейна, высочайшее повеление. Но так как незадолго до отъезда государя решено было, что Адлерберг, по болезни, не будет сопутствовать государю, то и решили дело, без всяких дальнейших обиняков, покончить здесь. Почти накануне отъезда государя министр финансов Рейтерн получил от Адлерберга записочку, в которой он пишет ему, что так как он не успел составить журнала их заседаний по делу Витгенштейна, то он намерен доложить это дело на словах, а потому просит Рейтерна прочесть его мнение. Рейтерн послал, и на другой день получил уведомление, что государь император, согласно большинству комиссии, приказал заплатить из Государственного казначейства долг Витгенштейна Опекунскому совету в 3 милл<иона> рублей на счет остатков от выкупной операции. Итак, одним почерком пера, без всякого основания и уважения, государство платит частный долг в 3 миллиона рублей, и из каких денег?.. Из денег, которые предназначались министром финансов на помощь Смоленской и некоторым другим губерниям, которые, вследствие разных случайностей и разных обстоятельств, обременены недоимками

и где крестьяне сильно разорены. Кто же такой, наконец, сам этот князь Витгенштейн, для спасения которого от разорения Россия приносит такую жертву?.. Молодой юноша, красивый собою, служивший прежде в конной гвардии, а теперь военным агентом в Париже, решительно никогда ничего не делавший, вечно гуляющий по всяким увеселительным местам и видам Европы с толпою разных француженок, на которых тратил огромные деньги. Кто же эти покровители подобного господина, которые подводят государя на подобные вопиющие несправедливости и траты?.. Это те самые господа, которые выдают себя за охранителей самодержавной власти и блюстителей доброго имени и чести правительства. Это те же господа, которые ругают французскую Коммуну за ее самовластие и расхищение казны. Ничто так не позорит власть, как подобные пристрастные действия в пользу лиц, не заслуживающих подобных милостей.

Также немало говорят о разных концессиях на устройство железных дорог, которые даются по особым приказаниям государя, помимо лиц, представивших наиболее выгодные условия.

Так, какому-то господину Ефимовичу, которому, говорят, покровительствует княжна Долгорукая⁵⁶ и в котором принимает денежное участие принц Гессенский, отдают, говорят, севастопольскую дорогу за цену в несколько миллионов выше, против других предложений. Говорят, граф Бобринский, министр путей сообщений, по этому случаю подает в отставку. Хотя это не потеря, но тем не менее скандал этот усиливается. Все подобные действия не остаются в тайне, а напротив, быстро распространяются, даже в преувеличенном виде. Досадно на все это смотреть; до сих пор, по крайней мере, высшее правительство не было заподозрено в корыстолюбии, а теперь начинает распространяться внутри России мнение, что через посредство известных лиц с деньгами все можно сделать. Воображаю, какое впечатление произведет на русских помещиков Северо-Западного края, действительно много потерявших при крестьянской реформе, известие о таком щедром вознаграждении Витгенштейна только потому, что он наделал долгов более, чем на 3 миллиона рублей серебром.

На днях, говорят, явится сюда депутация от общего собрания Евангелического союза, состоящая из представителей Франции, Швейцарии, Германии и Америки, чтобы вновь просить государя коллективным образом не преследовать протестантов в Балтийском крае. Вот до чего мы дожили. Враги наши так же точно, как и прежде, разными клеветами, выдумками и ложью в защиту Польши возбудили против нас весь мир; теперь, теми же орудиями, возмущают против нас Балтийский край. По всему свету систематическая против нас пропаганда рассылает массу печатных пасквилей и ложных обвинений, а мы не только молчали, но и запрещали в русских газетах говорить что-либо о Балтийском крае, и единственный человек — Юрий Самарин, который печатает за границей опровержения на все клеветы западных и остзейских публицистов, его преследуют как вредного человека, и сочинения его так строго запрещены в России, что ни один министр не может получить недавно его новую, вышедшую в Берлине брошюру о православии в Остзейском крае. Уже в прошедшем году подобная депутация, более скромных размеров, являлась государю в Штутгарт. Государь сперва не хотел ее принять, но потом, по настоянию графа Шува-

лова, принял. По словам «Hamburgischer Correspondent» 1-го июля 1870-го года, представление этой депутации государю происходило следующим образом:

«Вчера депутация удостоилась самого благосклонного приема у государя в королевской вилле Берс, близ Штутгарта. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Для верного уразумения дела, так как император во время своего пребывания на день не хотел принимать даже дипломатического корпуса, г. пастор Монис держал речь: он обратился к императору с трогательным воззванием, передал ему, что Пасторское собрание⁵⁷ союза возьмет крепко в свои руки дело лифляндских латышей и эстов, притесняемых за их веру, и в заключение подал его величеству адрес, который государь удостоил принять от него собственноручно. Затем государь выразил депутации свою добрую волю, сказав, что тем лифляндским латышам и эстам, которые желают перейти из греко-русской государственной церкви обратно в протестантскую, не ставят никаких в том препятствий, но что закон воспрещает обратный переход и что он, государь, не может изменить закона, приемы и способы, какими в былые времена произведены были обращения. На этом император дружески подал руку 4-м членам депутации и тотчас же их отпустил».

В какой степени слова государя переданы верно корреспондентом — мне неизвестно, но не подлежит сомнению то, что ответ государя был в том тоне и смысле, как приведено выше. Замечательно, что я в первый раз узнал об этой депутации от императрицы, у которой я, в отсутствие государя, обедал раз в Царском Селе. Она только что в этот день получила от государя письмо, в котором он ей писал о том, что ему представлялась эта депутация.

Императрица рассказывала это за обедом, я сидел возле нее и решился спросить: «Si ce n'est pas indiscret, Madame, qu'a répondu l'Empereur?»*. На это она мне ответила: «Il ne me le dit pas. Il dit seulement — que tu comprend que ma réponse n'était pas difficile»**.

Впоследствии я узнал от Тимашева, которому рассказывал сам государь, что он действительно сперва не хотел вовсе принимать депутацию, но что его уговорил Шувалов и что ответ государя был уклончивый и нерешительный. Понятно после этого, что агитация не только не уменьшилась, а, напротив, усилилась. Любопытно будет знать, как примет государь эту новую депутацию. По всей вероятности, она постарается опять его поймать где-нибудь за границей. Неужели суждено всей этой лжи торжествовать?.. Ежели бы депутаты приехали сюда, то можно было бы добросовестных из них уговорить съездить самим посмотреть в Балтийском крае — кто кого угнетает... Можно бы было разыграть перед ними всю картину безобразной лжи, которою они обольщены, и показать, как они, сами того не подозревая, служат орудием партии, совершенно враждебной тем либеральным принципам, которым они служат.

Нет, видно, судьбе угодно, чтобы Александр II создал бы во вред России балтийский вопрос так же бессознательно, как Александр I создал вопрос

* Если это не секрет, Ваше Величество, что ответил император?

** Он мне этого не говорил. Он сказал только — ты понимаешь, что ответить было нетрудно.

польский. Мы, современники, без особого внимания следящие за ходом совершающихся событий, не можем не видеть ясно и даже почти осязательно, как всегда искусно и однообразно подготавливает наше Провидение материал для будущих бедствий. В балтийском вопросе совершенно так же, как в польском, Провидение дает силу и власть всякой лжи накопляться, накопляться, омрачать рассудок и взгляд людей, и потом разом грянет гром, и вся ложь выступит наружу, и все люди станут удивляться, как могли они быть так обмануты и как могли они так безрассудно действовать. Желал бы я ошибиться, но мне представляется несомненным, что России придется выдержать страшные испытания за слепоту современных ее политических деятелей.

19-го июля. Завтра ожидается возвращение государя и императрицы прямо в Петергоф. На другой же день начинаются разные смотры и маневры в лагере, и нам трудно будет уловить минуту для доклада. Предчувствие мое оправдалось. Депутация протестантов с адресами в пользу латышей и эстов, о которой я уже говорил, не доехала до России, а надеялась поймать государя в Фридрихсгафене. Я уверен, что королева Ольга ежели не прямо содействовала, то по крайней мере не препятствовала этой манифестации, ибо в прошлом году депутация являлась государю в Штутгарте. В нынешнем же году в Фридрихсгафене был съезд всей семьи на семейный праздник серебряной свадьбы, и, вероятно, это обстоятельство тоже было принято в расчет, чтобы смутить сердце царево. О том, что эта депутация являлась, читаем мы сегодня в газетах следующее:

«Уже давно немецкие газеты сообщали, что во время пребывания Его Императорского Величества в Фридрихсгафене ему желала представиться депутация от Евангелического союза с целью ходатайствовать о разрешении протестантам Прибалтийских губерний, перешедших в греко-российскую веру, снова обратиться в протестантскую. Депутации не удалось, однако, достигнуть своей цели по причинам, изложенным в следующем письме цюрихского корреспондента “Кельнской газеты”. Вчера, пишет означенный корреспондент от 22-го июля, я разговаривал в гостинице Бауера с несколькими лицами, принадлежавшими к депутации, которая явилась 14-го июля к князю Горчакову. Вот что я узнал от них: депутация состояла из 37-ми членов, в числе которых 10 было из Англии, 8 — из Северной Америки, 5 — из Швейцарии, 4 — из Швеции, 2 — из Голландии, по 1-му из Бельгии, Дании и Венгрии и 4 — из Германии, а именно: Тишендорф, доктор Зивикинг, барон Гелерт и граф Реке-Фольмерштейн. Император, предупрежденный о прибытии депутации, поручил принять ее князю Горчакову, вследствие чего депутация и представлялась государственному канцлеру. Все очевидцы согласно показывают, что он выслушал с невозмутимым терпением несколько длинные речи депутатов, в которых они выражали доверие, внушаемое им благородным характером Е<го> В<еличества> императора, и уверяли, что поступок их чужд всякого политического характера и что единственно человеколюбие побуждает их просить о дозволении эстам и латышам, перешедшим в греко-российскую веру, снова присоединиться к евангелической церкви. В заключение ораторы-депутаты просили аудиенции у Е<го> В<еличества> императора, чтобы иметь случай вручить ему адреса от своих доверителей. Адресов было 3 — от Американского Еван-

гелического союза, от Общеввропейского союза (этот адрес составлен в Лондоне) и от квакеров. Князь Горчаков ответил депутатам в самых благосклонных выражениях, что принципы религиозной терпимости обеспечиваются как личными воззрениями государя императора, так и русским законодательством и русскими обычаями, в чем может убедиться всякий, побывав в столице и в провинциальных городах России, где не только люди всех христианских вероисповеданий, но даже евреи и магометане имеют свои храмы и пользуются покровительством законов. Гуманный образ мыслей императора (в котором так твердо убеждены податели адреса), прибавил канцлер, служит единственной гарантией в исполнении их желания, которую он может предложить им. Что же касается желаемой аудиенции, то канцлер не взялся ходатайствовать о ней, так как в данном случае дело идет об изменении государственного закона, причем нельзя допустить никакого чужеземного вмешательства. Прием же депутации от стольких национальностей имел бы, во всяком случае, вид подобного вмешательства во внутренние дела России. Как ни огорчила депутатов невозможность быть представленными императору, однако доводы князя Горчакова, по-видимому, убедили их, и они изъявили свое сожаление в самых почтительных выражениях.

Оратор американской депутации просил при этом Горчакова принять адрес и изложить его содержание Его Императорскому Величеству. Князь Горчаков, будучи уже знакомым с содержанием этого адреса, касавшегося в самых умеренных выражениях одних теоретических вопросов, не счел нужным отказать в этом. По примеру американской и женеvская <депутация> просила принять ее адрес, который она называла «общеввропейским» на основании того, что под сим подписалось множество лиц. Но прежде чем принять этот адрес, канцлер пожелал ознакомиться с его содержанием. Пробежав его тут же, он объявил депутатам, что заключающиеся в нем описания религиозных гонений, будто бы претерпеваемых эстами и латышами, основано на неверных сведениях и имеет вид обвинительного акта. Вследствие этого канцлер отказался принять швейцарский адрес и предложил депутатам передать только один американский. Посоветовавшись между собой, депутаты пришли к заключению, что подобное предпочтение принесло бы ущерб достоинству коллективной депутации и потому решили не подавать ни одного из трех адресов. Они попросили канцлера от себя лично изложить им письменно свой ответ, но князь Горчаков отказался, говоря, что он был всегда врагом лишнего писания и что письменное повторение сказанного было бы нужно лишь в том случае, если бы слова его не были поняты, так как это действительно было возможно, потому что князь Горчаков, отвечая депутатам различных национальностей, объяснялся по-французски, по-английски и по-немецки, то он вызвался повторить сказанное. Но депутаты объявили, что они хорошо поняли его, и канцлер отпустил их со следующими словами, которые я выписываю из памятной книжки одного из депутатов: “Alors il dependra de vous de faire à vos commettants le récit de notre entretien”»*.

Остается узнать, в каком виде они передадут его. Но надо полагать, что в главных чертах он не будет разниться с тем, который я здесь привел, так как он записан со слов моих очевидцев, вполне согласных в своих показаниях.

Уже из этого краткого известия видно, что князь Горчаков спасовал. Но я убежден, зная его легкомыслие и малое знакомство с вопросами внутренней

* От вас зависит передать вашим доверителям рассказ о нашем разговоре.

политики, и в особенности с вопросами окраин, что он наговорил депутации всякого вздора, оставя на них впечатление человека, сознательно защищающего une mauvaise cause*. Вероятно, немецкая интрига на этом не остановится и пойдет дальше. Этого следовало бы желать, авось они сами помогут нам раскрыть глаза.

Вот уже 3 недели, как продолжается в здешней судебной палате политический процесс по заговору, или, лучше сказать, по тайному обществу, устроенному Нечаевым. Так как в этом несчастном деле замешано очень много молодых людей, слушателей нашей московской Земледельческой академии и здешнего Земледельческого института, то я довольно исправно посещал судебные заседания⁵⁸. Теперь уже первая категория подсудимых приговорена, главные участники в убийстве студента Иванова приговорены к каторжной работе. Участники же в тайном обществе по первой категории или подвергнуты легким наказаниям, или вовсе оправданы. В последнем отчасти виноват прокурор, неправильно определивший характер преступления. Как бы то ни было — это первое дело, производящееся у нас при открытых дверях.

Вообще, и подсудимые, и защитники, вели себя прилично. Сами формы процесса во многих подробностях стеснительны по тонкостям, которые введены в наши судебные уставы и против которых я в свое время сильно работал. Публика очень довольна гласностью этого процесса, и я уверен, что описание всех подробностей этого несчастного дела много принесет пользы и по крайней мере даст мало-мальски развитой молодежи увидеть всю бездну всякого безобразия, в которую влекут ее всякие мерзавцы с помощью лжи, обмана и даже убийства. Престиж таинственности, которым до сих пор прикрывались наши революционные затеи и который возбуждает сочувствие и в тех слоях общества, которые никак бы не сочувствовали бы самому учению, ежели бы знали, в чем оно заключается и кем проповедуется, весь этот престиж исчезает. И ежели правительство успело воспользоваться общим впечатлением негодования, произведенного этим процессом, то много бы можно было сделать хорошего. Но, к сожалению, далеко не все так смотрят на пользу публичности, данной этому процессу, упуская из виду общее, привязываются к частностям, к какому-нибудь смелому слову подсудимого или защитника, и, раздувая это слово, доказывают, что подобные речи могут произвести революцию. Я уверен, что в этом настроении передадут и государю о результате публичного суда. Вместе с тем закрыть суд не решатся, а будет это иметь последствием одно только пустое и бессмысленное раздражение. При всем этом процесс Нечаева наводит на самые грустные размышления. Он обличает в массе молодого поколения теперь такое отсутствие трезвых духовных сил и так мало положительных знаний и определенных понятий, что невольно становится страшно за целое поколение юношей.

К сожалению, правительство смотрит на все это только с точки зрения полицейской — оно просто испугано революционными тенденциями общества, видит в этом растление юношей, опасность <для> власти в государстве вообще, и под впечатлением этого страха собирает целый арсенал всякого рода оружия, дабы

---

* скверное дело

ставить материальные преграды революции, будто бы не встречающей никакого сопротивления в России, но, напротив, сочувствие. На этом пути правительство вынуждено не только остановиться во всех своих дальнейших преобразованиях, но даже явно противодействовать уже и тем реформам, которые осуществились и которые требуют правильного развития стараниями и силами самого правительства. Никак не могут наши государственные деятели настолько проникнуться и убедиться в силе и могуществе власти и охранительного начала в России, чтобы смотреть на эти неприятные явления безумных и преступных стремлений молодежи и даже известной части умственного пролетариата как на зло, конечно, непереносимое, требующее внимания и даже правительственных мер, но не как на преобладающий и губительный для всего государства элемент, против которого должны быть принимаемы меры даже в ущерб благоустройству всего государства. С одной стороны — крайность подобного воззрения, а с другой стороны — шаткость в принятии самих мер противодействия очень много способствуют усилению революционной партии. Правительство боится даже громко, твердо и ясно сказать слово осуждения этой партии, потому что думает, что никто его не поддержит. Образ французской Коммуны⁵⁹ окончательно отуманил взор наших высших сфер. Правительство наше никак не рассчитывает, чтобы оно нашло в России более противодействия силам социальной революции, чем французское правительство нашло его в Париже. И в этом, как по всем почти вопросам, общественное мнение смотрит на дело шире, спокойнее, основательнее, чем правительственные лица, стоящие во главе полиции и администрации. Во всех газетах без исключения передовые статьи по поводу процесса Нечаева строго карают безумное движение, влекущее молодежь на гибель и не имеющее в России никакого сочувственного отголоска. Всем этим благонамеренным заявлениям гг. Тимашев, Шувалов, Левашов, Урусов и вся эта компания не только не верит, но даже утверждают, что это журналисты нарочно пишут, чтобы усыпить недремлющее око III Отделения и проч. Так, эти господа, не давая себе отчета, внутренне сознают, что в их руках власть не может внушать ни доверия, ни сочувствия.

Есть одно только явление, которое, по моим понятиям, заслуживает внимания, и то не потому, что я видел в этом явлении какую-нибудь государственную опасность, а меня сокрушает в этом явлении то растлевающее действие, которое производит социальное учение на нашу учащуюся молодежь, и оставляющее на многих из них печать озлобления против всего общества и жизни вообще. Всегда и во все времена молодые люди были склонны увлекаться порывами и идеями общей пользы. Благо народное, осуществление идеи правды на земле — все это во все времена возбуждало юношей к восторженным речам, сходкам и даже тайным собраниям для составления проектов мечтательных улучшений. В моих понятиях, молодой человек, который никогда не увлекался подобными благородными движениями, гроша не стоит. Собираться вместе молодым людям для обмена мыслей, впечатлений по предметам общего интереса так в натуре человека, что даже те из молодых людей, которые подобны гг. Шуваловым, Левашовым, Бобринским, Тимашевым и всем другим представителям нашего современного консерватизма в правительстве — даже эти люди, когда были юношами, постоянно собирались на сходки, но так

как вопросы общеизвестные и политические их не занимали и о них они не имели никакого понятия, то интерес их сосредоточивался на балете, и тут, в качестве театралов, у них были свои нужды, свои масонские знаки, своя солидарность и своего рода отвага для борьбы с театральной дирекцией в пользу той или другой балетнички. Конечно, граф Шувалов теперь был бы очень удивлен, что, в сущности, между ним и Нечаевым по отношению организации кружка — есть только разница в предметах ведения, а не в роли организатора.

В наше время та молодежь, к которой я принадлежал и которая по выходе из училища все молодые свои и свежие силы употребила на служебном поприще, мы, хотя уже и на школьной скамье были приготовлены встретить в жизни и на службе неправду во всех ее проявлениях, не менее того, мы были возмущены состоянием правительства и общества в то время. Мы часто собирались без определенной организации, но всегда, собравшись несколько человек вместе, все наши помыслы, все наши желания обращены были к одной цели — к благу народному, мы искали не только каждый в своей сфере деятельность, действовать по возможности согласно с нашими убеждениями, противоречившими и порядку, и понятиям тогдашнего служебного мира и общества, но каждый из нас придумывал, что бы такое можно сделать для замены прежнего порядка — лучшим. К счастью, все возбуждаемые нами вопросы находили возможность разрешения в известных, определительных формах. Мы мечтали об освобождении крестьян, мы мечтали о лучшем устройстве судов, о возможности более гласного обсуждения общественных вопросов. Мы этими предметами занимались, изучали их исторически и практически. Нас называли красными, республиканцами, социалистами — черт знает чем... Правда, это было нам досадно, но мы твердо верили, что время наше придет, что для этого не нужно разрушать общество до его основания и ожидать в будущем, что из этого выйдет. И вот наступило время, где мечты наши осуществились. Нужно было России пройти через испытание Крымской войны, чтобы стряхнуть сон и взять из выработанного новым поколением людей то, что пригодно для блага государства. Нас по-прежнему продолжали, да и до сих пор продолжают называть красными, но не менее того, Россия в 10 лет преобразовалась, и что бы ни случилось, та эпоха, в которую мы жили и действовали, будет славная эпоха для России. Но не без борьбы далась нам эта победа. Реакция взяла свое, наступило время не то возвращения к старому, не то стремления к чему-нибудь еще новому, так сказать, одно только бесплодное и платоническое сожаление о старом. Между тем все вопросы, даже еще нерешенные, все подняты, стоят на очереди. Что делать новому молодому поколению?.. Старого порядка вещей оно не знало и вообразить себе его не может. Не имея точки сравнения, оно тяготится теми стеснениями, которые положены свободе у нас, на слово веря пустым либеральным фразам иностранной и нашей журналистики, им кажется настоящий режим последним выражением деспотизма и произвола. Сочувствие к благу народному, ежели теперь не живее в молодом поколении, то, по крайней мере, оно больше раздражается разными приправами в социальной литературе. Из блага народного оно превратилось в благо человечества. Хотелось бы современному юноше тоже что-нибудь делать, на чем-нибудь сосредоточить свои помыслы и задаться какой-нибудь задачей для разрешения ее. Оказывается,

таких начатых вопросов, какие были в наше время, уже нет. Много и очень много еще предстоит сделать, и даже много таких начатых вопросов стоит на очереди, но чтобы их понять и усвоить их значение, нужно время, знание и спокойствие, а этого в юношах нет. Что же делать. Натура, однако, требует своего. Вот тут-то и является учение, которое говорит: человечество страдает, вы ему сочувствуете, надо ему помочь, как это сделать, этого теперь никто не знает. Верно только одно, что пока сохранится нынешней строй общественной жизни, никакого благополучия ожидать нельзя. Поэтому задача нашего поколения есть истребление всего существующего, мы суть жертвы, потомство оценит ваше благородное самоотвержение. Для того учиться нет особой надобности, все это пойдет к черту, когда время придет. Засим открывается картина будущего благоденствия человечества, и поэтическое чувство молодого человека разыгрывается под обманчивой формой материального учения.

Вот тут способность славянской расы ставить нас в особенно невыгодные условия. В то время, когда немец необыкновенно искусно и независимо для самого себя совмещает в своей личности совершенно отрешенные друг от друга элементы — один из них царствует в сфере мышления, а другой в сфере действия — славянского племени юноша, и в особенности русский, по свойственной ему добросовестности, не может таить в душе и уме свои убеждения и не выражать их в действии. Нигилист-немец может быть прекрасным отцом семейства, спокойным гражданином и собственником. Добросовестный нигилист русский, по благородному свойству своей природы, идет жечь и истреблять для блага человечества. К тому же эта шаткость в сознании правительства, это недоверие, с которым оно относится к силам общества, не только не призывает их на помощь, но даже чуждается их. Все это ставит нашу молодежь в беззащитное положение от всяких нравственных мазуриков. Что делать, как оградить молодежь от этой заразы и как дать ей более плодотворный и нравственный выход для ее потребностей? Это один из важнейших вопросов, которых я, быть может, коснусь, ежели буду, в качестве министра государственных имуществ, призван стоять во главе высших Земледельческих училищ. Но и тут предвижу, что никогда не буду пользоваться доверием настолько, чтобы мог действовать самостоятельно. Стыдно вспомнить, как в прошлом году, после истории в Земледельческом институте, в которой обнаружилось, что студенты собираются и толкуют о социальных вопросах, все меры правительства заключались только в том, чтобы усилить агентов III Отделения в институте и, кроме того, государь велел собраться 7-ми министрам, чтобы обсудить, как устроить столовую в высших институтах, где студенты живут по найму, так, чтобы у них не было общей артели, а чтобы была кухмистерская. Об этом 8 министров толковали часа три и решили пригласить антрепренера устроить кухмистерскую, и хотя студенты и будут обедать вместе — но это не будет сходка, а ежели будут содержать кухни сами и обедать вместе — то это будет сходка. Право, смешно и грустно. Теперь опять я уверен, что по случаю нечаевского процесса будут приняты какие-нибудь подобные меры. Все это — вздор.

21-го августа. Сегодня государь выехал из Петербурга на Кавказ. Из Москвы он едет на Нижний, а там на пароходе по Волге в Астрахань, из Астрахани в

Петровск и Тифлис, а потом, через Поты, в Ливадию, и все это должно совершиться в течение одного месяца. Сегодня же выезжает императрица прямо в Ливадию, не останавливаясь в Киеве, как было предположено прежде, по случаю холеры в Киеве. По Волге и на Кавказе давно уже делаются большие приготовления для принятия царя. К сожалению, почти везде холера омрачает радость встречи, не менее того, я уверен, что по всей Волге восторг народный не будет иметь пределов. Одно, что, по всей вероятности, произведет самое дурное впечатление, это быстрота путешествия. Нигде царь не даст на себя посмотреть, а уже сам, конечно, ничего не увидит. Это будет такая суета, что я просто не понимаю, как можно добровольно подвергать себя такой физической и нравственной пытке. Железные дороги и пароходные сообщения не только не облегчили возможность частых и спокойных высочайших путешествий, а, напротив того, превратили эти путешествия в какое-то бесцельное летание от одного полюса к другому на виду восторженного народа, несколько месяцев ожидавшего этого проезда. Дай Бог, чтобы по крайней мере все бы обошлось благополучно в этом путешествии. С государем едут наследник и Владимир Александрович, так что здесь вплоть до ноября никто не останется. С государем едет граф Шувалов, который, по-видимому, более в милости, чем когда-либо.

Я в течение нынешнего месяца имел несколько докладов, два в Красном Селе и один в Петергофе. Царя я нашел по возвращении его из-за границы еще более усталым и равнодушным к делам. Одно его, по-видимому, продолжает сильно смущать — это судебная реформа. Ход нечаевского процесса ему не нравится, чего он и его ближайшие советники ожидали и желали от судебной реформы — остается совершенной загадкой, но дело в том, что он постоянно повторяет и приказывает министру юстиции и князю Урусову⁶⁰ что-нибудь сделать, и вот теперь все эти господа придумывают, что бы такое сделать, говорят, даже Тимашев придумал какие-то 4 пункта, но говорят также, что Шувалов сам находит, что эта выдумка слишком глупа. В течение зимы, вероятно, будут изданы какие-нибудь реакционные правила, но все-таки цели своей эти господа не достигнут, а только возбудят смех и неудовольствие.

Вся штука в том, что не следует свою всю надежду возлагать на дураков и исключительно ими наполнять суды и администрацию. Вот что справедливо говорят «Московские ведомости» в одной из статей своих по поводу нечаевского процесса^г.

Апухтин написал очень удачное четверостишие на Тимашева.

Вот оно:

Тимашев мне ни froid, ни chaud*,
Я в ум его не верю слепо.
Он, правда, лепит хорошо,
но министерствует нелепо.

Я бы выразился сильнее...

^г Не приведено в тексте.

* ни холодно, ни жарко

5-го ноября. Весь сентябрь и октябрь я был нездоров сильными геморроидальными припадками. Хоть этот недуг и не останавливал моих служебных занятий, но всякий посторонний труд был мне не по силам, вот почему я несколько запустил свой дневник. Впрочем, во все это время было полное затишье в общественной жизни. Царь был в отсутствии и только недавно вернулся со своего путешествия по Волге и Кавказу. Министры и Государственный совет собрались только к концу сентября, и никаких особо замечательных дел не было. К 29-му сентября собралось все мое семейство в Петербург, и мы отпраздновали с женою нашу серебряную свадьбу. В конце октября началась обычная деловая жизнь, а теперь она в полном разгаре. В понедельник, 1-го ноября, был мой первый, по возвращении государя, доклад в Царском Селе, а во вторник вечером я отправился в Москву, куда вечером приехал государь на охоту, и весь следующий день охотился в парке, где перебита пропасть разных зверей. Все это происходило обычным порядком — еда, охота, игра в ералаш. В еде я мало принимал участия, ибо все еще хвораю, на охоте застрелил одну козулю. Государь, по-видимому, очень доволен Кавказом и всеми бывшими там встречами и празднествами. Но вынес ли он какое-либо впечатление из своего путешествия по России — это совершенно неизвестно, но надо полагать, что никакого, ибо при докладе он ни одним словом не заявил мне о виденном им по части управляемого мною министерства. Зеленый еще за границей, намерен вернуться в декабре, но в состоянии его здоровья, кажется, особой перемены к лучшему нет.

17-го ноября. Сегодня был я в одном довольно замечательном заседании у великого князя Константина Николаевича. Он приглашал к себе вечером на частную беседу: священников о.о. Васильева и Янышева, обер-прокурора Синода графа Толстого, Осинина, Головнина и меня. Из списков приглашенных я понял, что речь будет идти о поднятом осенью нынешнего года в Мюнхене, на Конгрессе старокатоликов, вопросе о соединении их с православной церковью. Я знал, что этот вопрос сильно интересуется великого князя и что по его настоянию был послан от нас на этот конгресс г. Осинин, не в качестве официального представителя православной церкви, а в виде частного любознательного ученого богослова. По первому известию о суждениях, происходивших на этом Конгрессе, можно было видеть, что протест старокатоликов против нового догмата непогрешимости папы принимает в Германии весьма серьезное значение и что старокатолики явно стремятся стать на путь соединения церквей. Факт этот поразителен и не может не радовать людей, серьезно относящихся к вопросам веры. Это первое серьезное движение в Западной Европе в смысле соединения веры, не всеми, однако, оценивается одинаково, многие относятся к нему с недоверием. Первый энергичный голос по этому вопросу подал в Москве Иван Аксаков, напечатав превосходное письмо на имя Деленгера, в котором он, выражая все свое сочувствие движению старокатоликов, высказывает им, однако, с неумолимой логикой много истин, доказывая невозможность оставаться на полпути и призывая их к прямому и безусловному обращению — соединению с восточной православной церковью.

Со своей стороны, профессор Осинин по возвращении из Мюнхена, сперва в частных беседах, а потом на публичных чтениях, излагал подробности бывших на Конгрессе прений. Теперь в Москве и Петербурге с этим вопросом ознакомились многие, и он стал предметом разговоров. Великий князь, как я уже сказал, давно занимавшийся и следящий за ходом этого дела, принял на себя инициативу образования кружка из людей, сочувствующих делу, для того чтобы, помимо всякого правительственного и церковного участия, войти в некоторые общения со старокатоликами. Когда все мы уселись около стола и закурили сигары, великий князь очень основательно и ясно сообщил нам цель нашего собрания; он указал на то важное значение, которое имеет это движение в западной церкви, но при этом он заявил, что движение это так ново, так еще мало созрело, что ни церкви нашей, ни правительству не следует теперь выступать непосредственно и принимать какое-либо участие в пользу этого движения, но зато общество должно сделать все возможное, чтобы помогать движению и направлять его на прямой путь. Для этой цели он и пригласил к себе и духовных лиц, и обер-прокурора, дабы не могли кружок наш заподозрить в каком-либо самовольном стремлении.

Великий князь уверен, что в Москве также найдутся люди, которые также пожелают содействовать общей цели; таким образом, мало-помалу установится между нами и старокатоликами постоянное общение, которое главною должно иметь целью — разъяснить понятия западных старокатоликов относительно восточной церкви, и в особенности искоренить в них закоренелые их предрассудки относительно Российской церкви. Великий князь говорил весьма убедительно и с полным знанием дела, видно, что мысль в нем созрела. Засим адъютант его Корнилов, в роли секретаря, прочел несколько писем от некоторых духовных православных лиц за границей, полученных им. Они признают необходимость нашего участия в движении старокатоликов. По поводу этих писем были весьма интересные толки. Вообще все это заседание было весьма замечательно и любопытно, и оно повторится на будущей неделе. Может быть, это начало великого дела. В Москве есть Общество любителей духовного просвещения, вероятно, наш кружок примкнет к этому Обществу, и, может быть, в него войдут члены из старокатоликов — для них Общество будет издавать книги и брошюры на немецком и французском языках для ознакомления их с восточной церковью. Не знаю, суждено ли нашему поколению увидеть осуществление, хотя отчасти, соединения верующих, но я убежден, что этот вопрос может пробудить и нашу дремлющую церковь, по крайней мере, в частности, те вопиющие недостатки и злоупотребления едва ли устоят перед справедливой критикой тех, перед которыми мы должны будем явиться образцами. Уже в сегодняшнем заседании было указано на некоторые печальные стороны этого дела, требующие немедленного исправления.

23-го декабря. Сегодня, в 1 час дня пополудни, было заседание Совета министров под председательством государя, для обсуждения вопросов о дальнейшем направлении проекта закона о печати и цензуре, так по крайней мере обозначена была цель собрания в пригласительном письме, полученном мною

от Корнилова⁶¹. Обыкновенно товарища министра, временно управляющего министерством, не приглашают в Совет, поэтому обо мне статс-секретарь Корнилов докладной запиской спрашивал особо государя, следует ли меня приглашать, и, получив утвердительный ответ, послал мне извещение, которое я получил вчера в Лисине, где был по случаю царской охоты на медведя. Таким образом, я в первый раз присутствовал на Совете министров под председательством государя. О цели этого собрания я слышал еще прежде от графа Шувалова; несколько дней перед тем он в длинном разговоре со мной выразил мысль, что новая работа по составлению устава печати, в особенности в форме книг, сделанная князем Урусовым, ничего нового не предлагает, что ее рассматривать будут очень долго во всех инстанциях, а между тем печать выходит из всех пределов терпимости и власть совершенно бессильна подавлять законным путем вредные учения, распространяемые книгами. И потому граф Шувалов не надеется, чтобы новый устав печати помог бы правительству, а что, по его мнению, нужно только издать одну статейку, которой бы разрешилось бы министру внутренних дел запрещать всякую вышедшую или имеющую выйти в свет книгу, не начиная никакого судебного преследования. «Значит, Вы хотите восстановить цензуру?» — спросил я Шувалова. «Ну, там как хотите разумеете, — отвечал он, — я всех этих юридических тонкостей не понимаю, а вижу, что иначе ничего сделать нельзя». Я ответил ему, что такого же мнения, что ежели они не могут выносить той доли свободы, которая дана, и ежели не хотят и не умеют противодействовать вредной стороне печати, то цензура есть единственное средство, я это самое писал в особой записке, которую передал Тимашеву, прежде назначения комиссии Урусова для составления нового Устава о печати. При этом я только напомнил Шувалову, что цензура у нас была, что с ней возились немало и безуспешно в такое время, когда еще не было публичного суда с адвокатами и земских и других публичных собраний, и что теперь возвращаться к цензуре будет не так легко, как он думает. На это Шувалов объявил мне, что государь желает, чтобы несколько министров условились между собою о том, что делать. Впоследствии я узнал, что Шувалов, Пален, Тимашев и Урусов получили от государя приказание обсудить, какой ход дать новому Уставу. Вот эти-то господа явились в Совет министров, условились между собою и, разумеется, через посредство Шувалова совершенно расположили государя в пользу своего мнения.

Совет открылся вступительными словами государя, который объяснил, что желает, чтобы немедленно были приняты меры к обузданию прессы, и что обширный труд князя Урусова потребует для его рассмотрения много времени, а потому он поручил некоторым министрам, до которых этот вопрос ближе касается, представить ему свои по этому поводу соображения. Засим Урусов рассказал, что они пришли к единогласному заключению о необходимости, не ожидая издания нового Устава о печати, теперь же временно принять некоторые меры, цель и значение которых он предоставил развить графу Шувалову. Засим Шувалов представил безобразную и мрачную картину действий нашей прессы, в особенности книжной, стремящейся возбуждать и волновать к революционным и анархическим стремлениям всю читающую публику. Во

время его речи государь часто прерывал его, прибавляя от себя всякие частные указания на вредное направление печати и бессилие власти, будто бы имеющей поддержку в законах. Засим Шувалов формулировал заключение, совершенно тождественное с тем, которое он мне говорил перед тем, т. е. чтобы министру внутренних дел предоставлено было задерживать всякую книгу без судебного преследования. Засим граф Пален стал доказывать, что не есть дело суда рассматривать проступки и преступления печати, и при этом он высказал удивительные юридические афоризмы. Потом граф Толстой в ярких чертах изобразил, как наша учащаяся молодежь гибнет от читаемых книг, и в заключение Тимашев объявил, что все сказанное другими министрами вполне должно его оправдать от обвинения в слабости, которому он нередко подвергался, ибо де теперь, кажется, не может быть более сомнения, что правительство при настоящем положении нашего законодательства совершенно бессильно что-нибудь сделать. Засим государь обратился ко всем присутствующим и спросил, не имеет ли кто что-либо возражать. Всякий из нас чувствовал, что никакое слово возражения не найдет ни в ком отголоска. Много мне нужно было сдерживать себя, чтобы не заговорить, хотя бы только для того, чтобы указать на всю неуместность издания отдельной меры, которая в общем Уставе могла бы получить другое значение. Но фальшивое мое положение и неопределенность будущего удержали меня в пределах молчаливого благоразумия, ибо слова мои неминуемо приняты были бы за неуместное вмешательство в дело, уже решенное. На меня все это заседание произвело самое тягостное впечатление, но вместе с тем я вынес убеждение, что при том направлении, которое теперь преобладает в главных влиятельных лицах, и при том отсутствии всякой возможности и иного способа действия — цензура действительно неизбежна. Она завлечет их далеко, наделает много скандальных выходов, но по крайней мере у них не будет отговорки к отсутствию репрессивных средств. Шувалов мне, впрочем, полюбился последовательностью своей речи и, кажется, искренним убеждением. Не будь этот человек воспитан в растлевающей школе III Отделения, имей он несколько познаний, и в особенности знание России и любви к ней, он мог бы быть полезным человеком. Все его способности обращены теперь в ловкость и в старание приискать экспедиенты⁶² для удовлетворения минутных потребностей. Общего взгляда или смысла государственного человека нет вовсе и, вероятно, никогда не будет.

К Новому году ждут новых назначений в Государственный совет. Великий князь видит неотложную необходимость хоть сколько-нибудь освежить состав Совета новыми членами, и действительно пора. Барон Корф — председатель Департамента законов — просится на покой по болезни, на его место назначается князь Урусов, сохраняя должность управляющего II Отделением; Игнатъев, председательствующий в департаменте Гражданском, тоже отказывается от деятельной службы. Один только Чевкин — председатель Департамента экономии — еще бодр и неутомимо деятелен. Остальные же члены всех департаментов, за исключением Грота, совершенно негодны и никуда негодны ни на какое дело, а усилить состав департаментов из членов Общего собрания решительно невозможно, за неимением ни одного живого лица. В Новый год, говорят, будут назначены сенаторами Победоносцев, Зубов, Мансуров и Войцехович, первые три —

1872 год

по предложению великого князя, а последний — по выбору Шувалова и проч. Назначение новых членов, кажется, не понравится реакционной партии, которая не желала бы иметь в Государственном совете членов живых. Мое положение все еще остается неопределенным, и едва ли оно определится к Новому году. Зеленый возвращается из-за границы на днях в том же болезненном положении, в каком выезжал. Seriously вступить в управление министерством ему будет невозможно, но, по-видимому, он не желает просить увольнения, а, вероятно, попробует заниматься, ибо хочет кончить и направить некоторые дела. В последнее время меня как-то перестали называть его преемником, и в общем мнении все более и более утверждается моя кандидатура. Я сам начинаю думать, что шансы мои довольно велики, и едва ли удастся противникам моего назначения провести своего кандидата. Государь, видимо, лично ко мне расположен, во все время моего управления министерством не было повода к недовольствию, и миновать меня в предстоящем назначении едва ли он решится без каких-либо уважительных причин. Всего вероятнее, настоящее положение продлится до Пасхи. Зеленый все это время будет рапортоваться больным. Я буду управлять министерством и к Пасхе буду назначен, а Зеленый уедет за границу. Впрочем, это только одни мои предположения — дело разъяснится на днях по возвращении Зеленого. Послезавтра, в понедельник, будет докладываться в Государственном совете государственная роспись. В первый раз после долгого времени, а может быть, вообще в первый раз, ибо прежде правильность росписи не составлялась, она заключается не только без дефицита, но с некоторым остатком, несмотря на экстраординарные расходы, в смету расходов уже внесенных. Это весьма утешительное явление, в особенности знаменательно возрастание дохода от косвенных налогов. Недавно явилась ко мне депутация от прежних моих сослуживцев в Таможенном ведомстве и поднесла мне одну стипендию в память моего управления Таможенным ведомством. Очень меня порадовало это внимание и память людей, уже от меня не зависящих, — тем более, что я со своей стороны ничего не сделал, чтобы вызвать подобное сочувствие. Сегодня уже напечатано известие в газетах об этой стипендии.

Третьего дня воротился Зеленый, на вид ему как будто лучше, но все почти признаки параличного состояния остались почти те же самые. Он сам чувствует, что заниматься не может, поэтому вчера, представляясь государю, решительно объявил ему, что вступить в управление министерством не может, но желает оставаться некоторое время в звании министра, чтобы окончить некоторые дела. Государь на это согласился, приказав мне продолжать управлять министерством. Поэтому положение мое продолжает оставаться неопределенным. Это продолжится, вероятно, до весны.

1872 год

19-го февраля. Сегодняшний день, канун великого дня освобождения крестьян, омрачен был воспоминанием об утрате главного деятеля по этому вопросу. На днях скончался в Москве Николай Алексеевич Милютин. Хотя

политическая деятельность его давно кончилась, ибо последние годы он, разбитый параличом, жил за границей и не мог принимать никакого участия в делах, но тем не менее друзья его искренно оплакивали его кончину. На досуге запишу свои воспоминания об этой замечательной личности, с которой я находился больше 25-ти лет в самых близких и дружественных отношениях. Мы в одно время были в Московском дворянском институте⁶³, он был в высшем классе, я — в среднем. Потом судьба нас свела в Петербурге на служебном поприще, и хотя мы служили в разных ведомствах, но часто виделись и вначале сильно расходились в убеждениях, ибо он принадлежал к партии крайних западников, я же всегда был в лагере противников. Впоследствии Милютин сильно переменялся и явился деятелем, которому нельзя было не сочувствовать. Мои воспоминания о нем могут быть хорошим материалом для биографии. Сегодня в обычном обеде кружка людей, участвовавших в реформе, будут о нем вспоминать по всей России. Я на обеде этом не был по следующей причине.

Третьего дня является ко мне директор здешнего Земледельческого института и объявляет, что утром того же дня сторож, приставленный к актовому залу института, заметил, что висевший в зале большой портрет государя в нескольких местах изрезан, кем и когда было сделано это безобразие — совершенно неизвестно, но, вероятно, сделано или поздно вечером, или ночью, что до сих пор еще все розыски виновного не привели ни к какому результату, но что есть надежда, что при общем желании всех студентов виновник найдется. Так как никто не указывал на какую-нибудь попытку манифестации, то я не дал никакого особого значения этому делу, полагая, что какой-нибудь негодяй в пьяном виде совершил это бесчинство. Но не менее того, я приказал директору немедленно произвести самое строгое расследование. Между тем, зная, как скоро все подобные мерзости доводятся до сведения государя, я писал директору Департамента сельского хозяйства и графу Шувалову, чтобы просить его <не> докладывать государю об этом происшествии до следующего дня, не узнав еще ничего в подробности и надеясь, что к тому времени все разъяснится. Но вместо того вечером того же дня Шувалов послал государю записку с объявлением о случившемся. Не знаю, что было написано в записке, но, вероятно, все дело было представлено в виде манифестации, ибо вчера утром в 9 часов получил я от государя через фельдгегеря приказание явиться к нему в 11 часов утра.

В назначенный час прибыл я в Зимний дворец. Государь сейчас же меня принял в присутствии наследника и весьма грозным и недовольным тоном стал упрекать за новые беспорядки в институте, доказывающие его скверный дух, и что надо принять самые решительные меры. Я старался успокоить государя, доказывая, что обстоятельства, при которых сделано это бесчинство, и самый разрез портрета в ногах убеждает меня в том, что это дело или пьяного, или сумасшедшего человека и что, вероятно, скоро все раскроется, ибо производится самое строгое исследование. Государь отпустил меня, выразив свое недовольство. Видимо, он был настроен видеть в этом деле новую против себя манифестацию. На другой же день, т. е. сегодня, все дело объяснилось. Оказалось, что несовершеннолетний сын институтского священника, выгнанный из

гимназии, негодяй, в пьяном виде, вечером, проходя через залу к какому-то студенту, сам не понимая, что делает, разрезал портрет, потом буянил на лестнице и в пьяном виде был выведен из института. Сегодня во всем, в присутствии отца, сознался, будучи уличен сторожем. Получив подробное донесение, я поехал об этом донести государю, но не застал его дома и послал письменное донесение, передав дальнейшее производство следствия графу Шувалову.

Этот эпизод может служить примером, как систематически поддерживают государя в страхе всяких манифестаций. Всякую мерзость в сыром виде, не разобрав и не выяснив ее, доводят немедленно до сведения, и в этом отношении три лица⁶⁴, один перед другим, хлопочут о том, кто скорее донесет. Трепов боится, чтобы Шувалов не предупредил его, а Тимашев боится обоих. В этом соперничестве доносчиков заключается вся их деятельность. Понятно, что, получая из трех источников доносы ежедневно о всяких мерзостях, государь, кроме этих мерзостей, ничего не знает и под впечатлением их судит об общественном мнении России. Ни один утешительный факт не доходит до ушей его. Чтобы вынести подобный режим, нужны страшные нервы. К тому же отдельные мелочные эти факты суживают взгляды и понятия. Можно ли при этом спокойно и правильно заниматься государственными вопросами?.. Конечно, нет. Вот почему и все вопросы государственные рассматриваются и представляются ему с полицейской точки зрения. Идет ли речь об общественном образовании — о выборе классического или реального образования, обе стороны бьют, главное, на то, чтобы доказать, что противное мнение опасно в политическом отношении. Зайдет ли речь о печати — тут о полезной стороне дела никто и заикнуться не смеет. Как выгодно подобное настроение государя для людей бездарных и властолюбивых! Ничтожные полицейские меры всегда наготове у этих людей для разрешения самых трудных задач управления. Вместе с тем, когда человек доведен до страха за личное свое существование, то невольно безусловно доверятся людям, в которых видит своих единственных и верных хранителей. На этом пути трудно остановиться.

Я думаю, что не далее, как в текущем году, мы увидим в лице Шувалова нового Аракчеева⁶⁵. Мое положение продолжает быть неопределенным — я управляю министерством совершенно самостоятельно. Каждый понедельник бываю с докладом у государя. Он, по обыкновению, милостив, но ни единым словом, ни намеком не дает мне знать, что с уходом Зеленого я займу его место.

23-го февраля. Сегодня напечатана сказанная Заблоцким на обеде в память Милютина речь — она всем друзьям его очень понравилась.

Теперь же все общество занято приготовлением к великопостному маскараду, который должен быть дан на этой неделе во дворце по случаю приезда королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, но императрица так серьезно заболела, что, по всей вероятности, маскарад этот не состоится и все издержки на костюмы пропадут даром. У императрицы, говорят, воспаление легких, и она очень слаба. На совет, говорят, призывали Боткина, и он, говорят, решил, что императрице надо немедленно выехать из Петербурга, и советуется ехать в Крым.

13-го марта. Императрицу увезли в Крым в слабом состоянии, хотя перед отъездом ей было лучше. На днях туда же едет государь с Ольгой Николаевной. Сегодня был у меня последний у него перед отъездом доклад. Я нашел государя весьма озабоченным здоровьем императрицы, но он намерен скоро вернуться в Петербург, а именно к 9-му апреля. С ним едет и граф Шувалов, но проводит государя только до Одессы и немедленно вернется в Петербург, ибо без него здесь была бы остановка в делах, так как дело печати и реальных училищ ведется под его руководством.

10-го апреля. Сегодня был у меня первый по возвращении государя — и, вероятно, последний — доклад. Государь вернулся вчера и сегодня прислал мне с фельдъегерем сказать — быть у него с докладами к 11-ти часам. Когда я прибыл во дворец, еще шла обедня, после которой по случаю рождения великого князя Владимира было благодарственное молебствие. Во время обедни, увидя Шувалова, стоящего в ротонде перед церковью, я подошел к нему и спросил его, не знает ли он, почему государь вычеркнул из посланного мною ему в Ливадию наградного списка Королева — директора Петровской Академии. На это Шувалов отвечал мне, что предполагает, что государь очень недоволен Академией и потому не хочет награждать ее директора. Я заметил Шувалову, что с тех пор, как Королев директором, не было в Академии беспорядков и что он, напротив, строго смотрит за порядком, чем и возбудил против себя неудовольствие. Тогда Шувалов стал говорить мне, что он про Королева ничего дурного не знает, но что государь дорогою показывал ему новую толстую тетрадь пересматриваемых писем, из которых более половины из Петровской Академии, и что в Москве опять начинается дело, в котором замешаны студенты Академии. Я заметил Шувалову, что странно, почему мы, непосредственное начальство, ничего об этом не знаем и докладываем наши официальные сведения, совершенно противоположные сведениям, получаемым тайным путем. Потом Шувалов объявил мне, что колонисты⁶⁶ также очень недовольны своим новым положением, и что он это предвидел, и что там готовятся бунты — на это я опять возражал ему, что мы, напротив того, получаем из разных колоний благодарственные адреса, которые я докладывал государю и которые приняли к нам через губернаторов и генерал-губернаторов, и что, таким образом, наши сведения опять противоречат его заявлениям, что хоть бы он потрудился сообщить нам, на что колонисты жалуются и чем они недовольны, что такое положение дела невыносимо. Во время обедни более объясняться было невозможно, и так как служба кончилась, то я пошел в приемную ожидать выхода государя. Так как было много представляющихся и после обедни был завтрак, то я позван был к государю только в 2 часа. Он встретил меня ласково, спросил о здоровье Зеленого и при этом в первый раз спросил — говорил ли Зеленый мне о своих намерениях. На это я отвечал, что Зеленый неоднократно мне говорил о твердом своем намерении просить увольнения от должности министра, так как чувствует, что не в силах будет управлять когда-либо министерством, и что он намерен просить государя дозволе-

ния представиться ему в будущий понедельник. На это государь ничего не сказал, но вспомнив, что будущий понедельник 17-е число — день его рождения, сказал, что в понедельник неудобно и приказал сказать Зеленому, чтобы он явился в будущую субботу, т. е. накануне Светлого праздника. Когда начался доклад, то я сказал государю: «Ваше Величество не изволили утвердить одно мое представление о награде». — «Да, — отвечал государь. — Я имею самые дурные сведения о Петровской Академии». Я заметил государю, что с тех пор, что Королев — директор, не было ни малейшей истории и что в прошлом году Королев тоже был лишен награды. «И на просьбу Зеленого Ваше Величество разрешили предоставить в нынешнем году, ежели все будет благополучно». — «Да, — ответил государь, — но я имею сведения, что там неблагополучно». Я продолжал объяснять, что мы ни от кого неблагоприятных отзывов не получали и что генерал-губернатор тоже мне свидетельствовал, что теперь в Академии все так спокойно, что нам нужно поддержать человека, который старается навести порядок. На это государь, повышая голос, решительным тоном объявил: «Нет, я имею совсем другие сведения, весьма достоверные, и я не могу награждать начальника заведения, которым я недоволен». Я прекратил разговор об этом и начал докладывать другие дела. Сегодня о колонистах мне государь ничего не говорил, но разговор с Шуваловым объяснил мне значение тех слов, которые я слышал при прежних докладах. Он несколько раз мне говорил, но так неопределенно и неясно, что я не мог давать словам этим особого значения. После доклада государь, по обыкновению, подал мне руку, поговорил о погоде, я спросил о здоровье императрицы и проч. ..., и я вышел из кабинета опять без малейшего намека на то, остаюсь ли я — или нет — министром. Но, признаюсь, сегодняшний доклад еще более возбудил во мне желание выйти подобру-поздорову из министерства. При этих условиях не только никакая борьба, но и никакая деятельность невозможна. Рядом с официальным правительством установилось теперь правительство тайное, сведения и действия которого даже неизвестны министрам — что тут делать. Я совершенно беззащитен против нападков, мне неизвестных, и перед человеком, который во все уже утратил веру, кроме доносов и перлюстрированных писем. Никаким делом его, видимо, заинтересовать нельзя более — так ему, видимо, надоело, так он устал и так ему сделались противны все им же совершенные великие реформы. Нет, ничто в положении министра не может вознаградить за ту нравственную пытку, через которую проходишь, будучи во главе управления при таких странных и несчастных обстоятельствах.

17-го апреля. Вот чем разрешилась, наконец, вчера моя судьба. Из всех возможных комбинаций я, признаюсь, не останавливался на предположении о Валуеве. Это назначение удивило всех. Еще третьего дня, т. е. 15-го числа, в Страстную субботу утром, в 11 часов, приехал ко мне военный министр Милютин прямо от государя и объявил, что государь поручил ему написать грамоту на пожалование Зеленому Александру⁶⁷, с увольнением от должности. Милютин просил меня сообщить ему какие-либо данные для грамоты; так как я, пред-

видя возможность скорого увольнения Зеленого, ожидал, что, может быть, мне будет поручено писать рескрипт, то я заранее набросал кое-что для себя, что могло послужить канвой для рескрипта. Эти сведения я и передал Милютину. Вслед за Милютиным должен был явиться к государю и Зеленый, так как он призван был к 11-ти часам, о чем Зеленый известил меня следующей запиской: «Государь прислал звать меня к 11-ти часам, это не очень удобное время перед самой обедней. Но, может быть, все удастся».

Отдав приказание Милютину писать грамоту, государь ничего не сказал ему о том, кто назначается на место Зеленого. Я рассказал Милютину о том, что уже несколько дней носятяся весьма достоверные слухи о назначении Валуева, Милютин тоже об этом слышал, но считал этот слух неверным.

В 12 часов я отправился к Зеленому и застал его уже дома, только что возвратившегося от государя. Тут он объяснил мне, что министром назначен Валуев, а я — членом Государственного совета. Назначив Валуева, государь спросил у Зеленого: «Что, ты имеешь что-нибудь против этого назначения?». Зеленый отвечал, что против Валуева он ничего не имеет, тем более что он прежде служил в Министерстве государственных имуществ, а потому ему известны и дела его, но что Зеленый думал и надеялся, что государь назначит меня. Государь отвечал ему, что он мною весьма доволен, но что в министерстве предстоят важные реформы, для которых нужен опытный человек, и что Валуев теперь свободен и может с успехом преобразовать министерство. Так как мы несколько раз говорили с Зеленым о моем будущем положении, то я не скрыл от него, что как бы ни определилось мое будущее, все мои денежные дела в таком положении, что крайне буду затруднен продолжать служить без пособия на уплату своих частных долгов. Зеленый согласился просить для меня ссуды из капиталов, находящихся в распоряжении министерства, — 60 тыс. без % на 10 лет. В этом смысле я писал Зеленому и просил повергнуть мою просьбу к стопам государя. Зеленый в точности исполнил свое обещание, и государь без затруднений согласился на ссуду в 60 тыс. рублей. Это обстоятельство очень меня устраивает. От Зеленого я поехал в Государственный совет, где было назначено экстренное заседание в Департаменте законов в присутствии всех министров по делу о временных правилах о печати. Тут я видел великого князя Константина Николаевича, который тронул меня своим ласковым и добрым вниманием. Он обнял меня и сказал: «Теперь Вы весь наш, я от души рад и много на Вас рассчитываю, что Вы будете работать». Я просил его пока не назначать меня ни в какой департамент⁶⁸, ибо желаю отдохнуть и заняться своими делами, а что после Нового года я весь к его услугам. Из Совета я поехал к Валуеву и застал его только что вернувшимся от государя. Я совершенно искренне и без малейшего неудовольствия поздравил его, выразив при этом удивление, что он принял Министерство государственных имуществ после другого, более важного министерства и променял свое независимое и обеспеченное положение на другое, зависимое и сравнительно менее обеспеченное, так как он должен будет отказаться от участия в частных обществах, где в качестве директора получает хорошее вознаграждение. На это Валуев отвечал мне, что он этого места не искал и не желал, но не счел себя

вправе отказаться от непосредственного выбора государя. Из слов Валуева можно было заключить, что предложение ему было сделано Шуваловым еще прежде отъезда государя в Крым и что, следовательно, Шувалов имел довольно времени подготовить и обставить приличным образом свою комбинацию. Я уверен, что назначение Валуева только временное, он выбран был Шуваловым как лицо, которое представляет более прав моего на занятие министерского места, — мог быть скорее принят государем, нежели всякое другое лицо, которое бы он задумал представить мне конкурентом. Я думаю, что это лицо есть Грейг, товарищ министра финансов и друг Шувалова, и что весьма скоро Валуев получит другое назначение, а Грейг будет назначен на его место. Так как я был всегда вполне уверен, что Шувалов употребит все средства, чтобы меня не впустить в министерство, то я никогда и не останавливался долго на мысли о возможности замещения Зеленого — по крайней мере я никогда не имел большой надежды на это. Потому первое неприятное впечатление во мне скоро изгладилось, и я совершенно спокойно и искренно доволен конечным результатом этого эпизода в моей жизни, который вместе с тем — очень решительный и радикальный перелом в моей служебной деятельности. Отныне я поступаю в разряд инвалидов⁶⁹ и буду свободен в выборе занятий. Благослови, Господи, тот новый путь, по которому мне предстоит идти. Вчера утром я представлялся государю вместе с другими, получившими награды и назначения. Тут были и Валуев, и Зеленый. Обратясь ко мне, государь сказал: «Благодарю тебя за службу», — я ответил поклоном. Тем дело и кончилось.

25-го апреля. Обстоятельства, предшествовавшие моему новому назначению, все более и более раскрываются. Теперь уже не подлежит сомнению, что назначение Валуева уже было решено перед отъездом государя в Крым. Переговоры шли, и все дело ведено было через Шувалова, который, по всей вероятности, обещал Валуеву в непродолжительном времени место министра иностранных дел, предполагая назначить ему преемником Грейга. При таких обстоятельствах я только могу благодарить Бога, что не попал в министры, ибо меня бы задушили доносами на первом же году и я должен был бы удалиться со скандалом. Теперь же я выхожу со всеми онерами⁷⁰, мне назначили содержание в 10 тыс. рублей, и я оставляю деятельную службу с еще не ослабевшими силами и с хорошей репутацией как в деловом мире, так и в обществе. Доказательством последнего может служить то, что меня выберут в директоры Учетного банка вместо Валуева, что в материальном отношении очень меня устроит. В Москве и в Петербурге весьма многие удивляются, почему меня не назначили министром, — это тоже явление довольно необыкновенное, ибо обыкновенно у нас удивляются новому выбору, но редко удивляются тому, что кто-либо не назначен. В среду 19-го числа я сдал Валуеву все оставшиеся на моих руках бумаги, и он окончательно вступил в управление министерством, а я окончательно сделался свободным человеком.

Вчера в первый раз в Государственном совете в звании члена. Великий князь Владимир Александрович также вчера виден был в совете, и мы вместе

подписали присяжный лист⁷¹ после прочтения о назначениях наших и после обычных поклонов в ответе на поздравление членов. Мне пришлось сидеть рядом с графом Сергеем Григорьевичем Строгановым, задом к свету, что очень приятно. В этом заседании рассматривался вопрос о судоустройстве и судопроизводстве в Царстве Польском. По этому делу главное разногласие членов Объединенного присутствия, в котором неоднократно и подробно рассматривался проект, состояло в определении значения гласных судов. Как в этом, так и во всех других вопросах два резко противоположных направления и выразились. Большинство, к которому принадлежал и я, стараются сохранить за гласными судами их значение, надеясь найти в них опору против вражды и происков шляхетства, а меньшинство видит в них демократическое начало и опасный принцип. На эту тему, прикрытую разными политическими и юридическими соображениями, настраивают государя, <что ежели граф Пален препятствовать будет>, то он не останется министром. Хотя это заявление было принято государем с неудовольствием, но тем не менее вопрос еще более осложнился личными соображениями. Великий князь Константин Николаевич, видимо, сочувствует мнению большинства, но так как он, как и мы все, почти уверен, что государь не утвердит это, то придумывается какой-то компромисс, а потому дело под самым ничтожным и непонятным предлогом возвращено опять из Общего собрания в Соединенное присутствие⁷², куда принц Ольденбургский обещал представить какие-то ему самому еще хорошо не известные предположения. Все это такая комедия, которая становится отвратительной. Эта метода приискивать и добиваться соглашений между мнениями, в основаниях противоположными, губительно действует на самое дело. В итоге всех этих комбинаций получается всегда такое законодательное уродство, что потом, при исполнении закона, возникают всякого рода безобразия. И все это для того, чтобы дела представлялись государю без разногласия, ибо почти по всем важным делам вперед уже забегает Шувалов и К^о к государю и направляют его всегда, разумеется, с чисто только полицейской точки зрения, а так как почти по всем делам этим большинство не на стороне партии шуваловской, то и происходят в Совете всякого рода интриги. Никто не мешает государю соглашаться с меньшинством, но, не менее того, не хотят и на это решиться. Поэтому много вопросов минует теперь Совет, а другие приходят только для проформы, с заранее известным решением. Ежели прибавить к этому отсутствие всех талантов в главных руководителях всех интриг и отсутствие определенной мысли и программы, то сделается понятным, как все это идет беспорочно. Всею корень — страх. Все чего-то бояться — и вперед идти бояться, и назад пятиться не смеют и не умеют. Этот все обуявший страх выразился, между прочим, в рескрипте московскому генерал-губернатору князю Долгорукову по случаю поздравления к празднику. На Москву смотрят как на оппозиционную страну, куда государь должен в июне ехать на выставку, а потому счел нужным обласкать жителей следующим рескриптом.

1872 год

**Высочайший рескрипт, данный на имя
Московского генерал-губернатора, генерал-адъютанта,
генерала от кавалерии — князя Долгорукова**

Князь Владимир Андреевич,

Всякое новое засвидетельствование истинно верноподданнических чувств жителей Москвы в день Моего Рождения доставляют мне постоянно сугубое удовольствие. Изливаясь из сердца России, Моей любимой Родины, такое искони непреложно искреннее засвидетельствование встречается в Моем сердце всегда верный отголосок. Заветное памятование сего дня сопрягается для Меня с отрадным убеждением, что установленная веками и никогда не ослабевавшая преданность Москвы к престолу растет и крепнет, служа тем самым одним из залогов как настоящей, так и будущей силы и счастья России. С сими неизменными радостными верованиями и мыслями, приняв ныне принесенные Вами поздравления и благопожелания от имени московских жителей, я выражаю им, равно как и Вам лично, Мою душевную за то признательность.

Пребываю к Вам навсегда благосклонный
Александр.
С.-Петербург, 18-го апреля 1872-го года.

Сколько фальши в цели, вызвавшей подобные необычайные слова? Русский царь, пользующийся такой беспредельной любовью, какую еще, быть может, никогда никакой царь не пользовался. Русский царь, в полном обладании такого могущества, которым никогда никакой царь не обладал, не имея тех материальных средств, какими может располагать в настоящее время власть с помощью железных дорог и телеграфов. Такой русский царь считает нужным лебезить перед Москвой. Это не только отсутствие такта, но и признак сознания неправильных отношений к земле⁷³.

27-го апреля. Мои благоприятели (кто они — мне неизвестно) тиснули сегодня в «С.-Петербургских ведомостях» следующую статейку:

«Немногие читатели знают особого калмыцкого капитала, доходящего до 300 тыс. рублей и собранного с калмыков для устройства больниц, школ и т. п. ... Мы слышали, что капитал этот уменьшился в настоящее время на 60 тыс. рублей, позаимствованных на легальном основании лицом, недавно еще занимавшим один из административных постов. В прежнее время подобные заимствования, большей частью безвозвратные, не были редкостью, составляя особый вид наших *virements de fonds**. Но в управлении нынешнего министра финансов случаи эти почти не возникали, и потому повторение их, естественно, обращает на себя общее внимание».

В этой статейке много неверного. 1) Мне разрешено выдать ссуду на 10 лет без % с ежегодной уплатой по равной части не из калмыцкого капитала, а из европейского переселенческого капитала, не имеющего никакого специально-

---

* перемещение фондов (с одной статьи на другую).

го назначения и предназначенного в скором времени просто причислению в казну. 2) Эта ссуда не имеет ничего общего и вовсе не похожа на *virements de fonds*. Самый же капитал не находится и никогда не находился в ведении министра финансов, и сама ссуда мне назначена по докладу Зеленого без всякого сношения с министром финансов. Эти неточности в сообщении доказывают, что газета получила сведения не от чиновников министерства, а из другого источника. Я просил ссуду, не видя в этом никакой особой милости и не думая нарушать какой-либо существенный интерес казны. Не было почти примеров, чтобы люди, занимавшие высшие должности в Министерстве государственных имуществ, оставляли оное без больших материальных наград. Так, Валуев за кратковременное управление им департаментом министерства в должности директора получил в собственность 4700 десятин, Муравьев за кратковременное управление министерством получил 20 тыс. десятин отличной земли⁷⁴. Я уже не говорю о прежних временах, когда земли раздавались почти всем служащим в министерстве. Я не считал себя вправе просить ни земель, ни денежной награды, но не мог упустить представлявшейся возможности уплатить свои частные долги, за которые плачу большие % — казне же возвращу ссуду по частям. Я знаю, что этим пособием будут меня упрекать, но я решился пренебречь этим, потому что не видел другого исхода моему тягостному положению. В течение 20-ти лет я, живя с большим семейством в Петербурге, не только не имел времени заняться собственными делами, но, напротив, должен был по необходимости тратить более, чем получал. К тому же я считаю себя вправе думать, что во время службы моей в Комиссариатском департаменте Морского министерства и в Таможенном ведомстве я доставил казне немало выгод.

30-го апреля. Сегодня единогласно, без баллотировки, меня выбрали директором Учетного банка — на место Валуева, который, получив назначение на должность министра, должен был отказаться в участии в частных кредитных обществах. По предложению некоторых акционеров я выбран без баллотировки единогласно, хотя таким блестящим успехом я обязан тем, что министр финансов Рейтерн выразил частным образом свое желание, чтобы я был выбран. Но, не менее того, я нашел в числе акционеров и влиятельных лиц в Правлении много знакомых мне по прежнему сношению моему с здешним биржевым купечеством во время служения моего в Таможенном ведомстве. Вообще продолжительная моя служба здесь, в Петербурге, и всегда в должностях, ставивших меня в соприкосновение с публикой, приобрела мне ежели не огромное знакомство, то по крайней мере некоторую известность в разных сферах общества. Сегодняшнее единодушие было для меня приятным свидетельством, что общее мнение расположено в мою пользу. В зале акционеров было более 70-ти человек, и большинство мне незнакомых, однако на вопрос председательствовавшего в собрании в последний раз Валуева никто не потребовал моей баллотировки. Этот выбор в материальном отношении очень меня устраивает. Говорят, что при благоприятном течении дела я буду получать от 10-ти до 12-ти тысяч ежегодного вознаграждения. До сих пор все мои попытки нажать что-либо в каких-либо предприятиях так мало имели успеха, что и тут невольно опасаясь каких-либо неудач, от которых сохрани меня Бог.

1-го мая. Сегодня в Общем собрании Государственного совета читался, наконец, журнал Общего собрания по вопросу о реальных училищах. Очень жаль, что этот журнал не будет напечатан. После продолжительных прений в Особом присутствии, а потом в Общем собрании мнение членов разделилось. Меньшинство — 17 членов — согласилось с проектом министра народного просвещения, а большинство предлагало учредить реальные училища с полным образовательным курсом без всяких прикладных наук. Жаль, повторяю, что журналы Общего собрания, в которых прописываются разные мнения и которые, собственно, идут на утверждение государя, не печатаются. Этот журнал будет для потомства настоящим выражением направления дел и того духа, в каком все дела представляются государю. Оба мнения изложены с целью возбудить страх — все собрание редакторов направлено к тому, чтобы доказать страшную опасность и гибельные последствия от принятия мнения противников. Особенно в этом отношении отличается мнение меньшинства — в нем употреблены самые устрашающие выражения и предсказаны самые гибельные последствия, ежели только будет принято мнение большинства. Расчет министра народного просвещения верен, и я не сомневаюсь, что государь согласится с мнением меньшинства. Сегодня объявлено, что государь решился на днях, а именно в субботу, ехать опять в Крым — в Ливадию — и к 30-му мая быть опять назад. Эта поездка не вызвана вовсе какими-либо беспокойствами о здоровье императрицы; напротив, ей, говорят, гораздо лучше, но просто, кажется, от скуки не сидится, и главное — дела сильно надоели.

20-го мая. Вот уже с лишком месяца, что я не у дел, и пока еще не чувствую особой тоски, в которую, говорят, впадают люди, привыкшие к ежедневной служебной деятельности. К тому же занятия в банке хотя не требуют от меня никакого особого труда и не берут много времени, но возбуждают интерес к делу, для меня новому. Обстоятельства, разъясняющие подробности всякой против меня кабалы, более и более разъясняются, и теперь не подлежит сомнению, что Шувалов и К^о уже давно обдумали весь план моего устранения от министерства. В окончательном результате все-таки Грейг будет министром государственных имуществ, а назначение Валуева есть только временное. Не менее того, Валуев, вступив в управление, уже начал выкладывать разные штуки. Во-первых, явился в Государственный совет в мундире Лесного ведомства военного покроя, чем возбудил смех и удивление. Во-вторых, при первом же своем докладе представил государю два своих предположения с просьбой рассмотреть их в Совете министров в присутствии государя, но так как государь уехал в Ливадию, то приказал рассмотреть эти предложения в Комитете министров. Первое из этих предположений заключается в том, чтобы назначить под его председательством комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Во всеподданейшем докладе об этом написано много громких фраз вроде следующей: «Вопрос о нынешнем положении сельского хозяйства в России, о его вероятной будущности, о его настоящих нуждах и об органических условиях охранения, преуспевания или упадка нашей сельской производительности есть один из самых труд-

ных, сложных, настоятельных и, несмотря на то, наименее разъясненных современных вопросов» и т. д. ...

Засим указывается, например, Англия, но это указание вовсе не может служить примером, ибо там, во-первых, парламент, во-вторых — никогда подобные комиссии не находятся под председательством одного из министров, и, в-третьих, самый вопрос, подлежащий исследованию, никогда не ставится в такой общей, всеобъемлющей форме. Сам Валуев не знает, что из этого выйдет, а пустил эту шутку так, для эффекта, в виде фейерверка. Другие его предложения имеют ту же цель, как он мне сказал: «*Je veux donner une couleur au Ministère*»*. Это предложение заключается в том, чтобы в Совете министра государственных имуществ дозволено ему было назначать почетных членов из крупных землевладельцев для обсуждения сельскохозяйственных дел. Надо заметить, что в Совет министра государственных имуществ никаких сельскохозяйственных дел не поступает, и вообще при настоящем устройстве министерства сельскохозяйственная часть вся ограничивается управлением заведениями и утверждением уставов сельскохозяйственных обществ. Все это пуф, и в Комитете министров на всех министров эти предложения Валуева произвели одинаковое впечатление, но это не мешает Валуеву достигнуть цели в глазах государя — этот пуф может показаться признаком полезной деятельности. Я, признаюсь, думал и надеялся, что двухлетнее пребывание Валуева не у дел умудрит его, но, кажется, вышло наоборот — он остался таким же пустозвоном, каким был и прежде. Покойный М. Н. Муравьев в своих записках довольно верно характеризует личность Валуева, называя его государственной ничтожностью. Он говорит: «Валуев — человек не без способностей, но бездушный космополит и преданный одной мысли и желанию воспользоваться европейской известностью и похвалой, хотя бы то было вредом для России, — словом, человек во всех отношениях не верный ни России, ни государю, и можно выразиться — вполне вредный русскому делу». Кстати, о записках Муравьева за время его генерал-губернаторства в Северо-Западном крае скажу, что они в общих чертах справедливы и верно представляют его деятельность, но в суждениях его о великом князе Константине Николаевиче очень много пристрастия. Я это говорю с полным убеждением, ибо, хотя я сам не только не одобряю <ни> действий, ни взглядов великого князя на польский вопрос и даже за это с ним решительно поссорился и разошелся, но тем не менее Муравьев совершенно неправильно судит о побудительных причинах действий великого князя и толкует их пристрастно. Теперь великий князь совершенно изменил свой взгляд и по всем вопросам, до Царства <Польского> и Северо-Западного края касающимся, действует в самом русском смысле. Как произошла с ним эта перемена — об этом я скажу в свое время, когда время позволит мне записать подробную характеристику этого во многих отношениях замечательного человека.

Завтра у нас последнее заседание в Государственном совете — собственно, для подписания журнала прошедшего заседания, а засим начнутся приготовления к празднованию юбилея 200 лет Петра I, который имеет быть 30-го мая.

---

* Я хочу придать направление министерству.

30-го мая. Сегодня отпраздновали мы двухсотлетнюю годовщину рождения Петра Великого. Праздник удался вполне. Я был в числе прочих членов Государственного совета в крепости, в соборе. По прибытии государя, в 10 часов утра, совершена была на гробнице Петра панихида, по окончании которой государь положил на гроб золотую, выбитую по случаю сегодняшнего празднования, медаль. Исполнив это, государь встал на колени и около минуты стоял с поникшей головой, припав к гробнице. Какой мыслью был он проникнут в эту минуту — неизвестно, но он казался взволнованным.

Через 200 лет и его доблестным делам воздаст благодарность потомство, и его будут величать за освобождение и обновление России, ибо, конечно, после Петра никто не совершил столько коренных реформ, как Александр Николаевич. Но какая разница в характерах, способностях и сознании этих двух властителей! Один был сам творец и исполнитель своих преобразований и умер в работе, скорбя, что не умел совершить все, им задуманное, и увидеть плоды своих преобразований. Другой, как будто случайно и неожиданно, силою вещей влечен был в дело преобразования и уже на полпути устал и готов был отказаться от великих содеянных им дел. Грустно мне было видеть, что из всех деятелей блестящей эпохи царствования государя остались около него только двое — военный министр Милютин и министр финансов Рейтерн, и те не в милости, а держатся по необходимости. Все же прочие близкие теперь люди не только не принимали никакого участия в произведенных реформах, но были и остались к ним враждебными. Не менее того, все-таки дело сделано, и все-таки потомство через 200 лет будет чествовать и славить память Александра II наряду с великими строителями русской земли.

Из крепости, после панихиды, все отправились на пароходах по Неве к Петровской пристани, против памятника Петра I, а оттуда шествие направилось в Исаакиевский собор, где была литургия, а потом молебствие перед памятником и парад войск. На Царицыном лугу⁷⁵ народные гуляния также очень удались. Всему благоприятствовала погода. Благодаря генералу Трепову народные гуляния с некоторых пор приняли весьма оживленный и благообразный характер.

3-го августа. Вот уже скоро 2 месяца, что я живу в деревне, в Березичах, и наслаждаюсь всеми удовольствиями деревенской жизни. Благодаря вакантному времени Государственного совета я совершенно свободный человек до 15-го сентября и, вероятно, пробуду в отпуску и долее этого времени, ежели поеду за границу. Государь будет в отсутствии, великий князь — тоже, и едва ли к 15-му сентября соберутся все министры, а потому настоящий деловой сезон едва ли начнется прежде октября. Валувев уехал за границу, а на место его назначен управлять Министерством государственных имуществ Грейг — товарищ министра финансов, что и следовало ожидать. Таким образом, вполне справедливы мои предположения, что министром государственных имуществ Шувалов желает сделать Грейга и вся эта комедия с Валувевым сыграна только для того, чтобы облегчить Грейгу возможность заместить меня. Эта весьма ловкая комбинация удалась вполне, и я еще более благодарен судьбе, что во-

время вышел из омута, ибо решительно не считаю себя способным войти в дружбу с компанией Шувалова. Пребывание мое в деревне окончательно успокоило мои нервы, которые, несмотря на мое хладнокровие, раздражались подчас в Петербурге при встрече с лицами не с о ч у в с т в е н н ы м и. До сих пор я еще не ощущаю ни малейшей тоски от отсутствия занятий служебных, но я чувствовал, в особенности в первое время, какую-то пустоту от отсутствия забот. Меня служебные дела занимали не только во время служебного времени, но я как-то постоянно носил в себе заботу или думу о том или ином вопросе или деле. Теперь же отсутствие всякой заботы о служебном деле есть состояние для меня новое. Деревенская жизнь, с постоянным вниманием к хозяйственным работам и постройкам, так наполняет время, что о другом и думать не хочется. К тому же дела банка, в котором председательствую, очень меня интересуют, и я, по приглашению Гинцбурга, вступил в число учредителей Нижегородского поземельного банка, что может быть весьма полезным и выгодным предприятием. В самом деле я также не намерен играть пассивной роли, а, напротив, приму самое деятельное участие для устройства самого дела на месте. На днях отправляюсь в Нижний. Здесь два раза присутствовал я на мировом съезде и убедился, что мировой суд здесь идет вообще хорошо и народ относится к нему с полным доверием. Мои бывшие крестьяне значительно поправились, мы с ними в самых лучших отношениях. Они поняли и убедились теперь, что я их не обманывал, что устроил быт их лучше, чем по положению, и щедрее всех других помещиков. Они рассуждают теперь со мной о делах с полным доверием как добрые и хорошие соседи. Весьма охотно делают мне за чарку водки всякие прислуги, при этом никаких жалоб, никаких просьб, от которых, бывало, прежде не отобьешься. Так что теперь жить в деревне несравненно приятнее, чем прежде. Постройки мои все еще не кончились — хочется на старость лет приготовить себе теплый угол. Что Бог даст.

14-го ноября. Выехав 30-го августа из Петербурга за границу со старшей дочерью Варварою, я только 28-го октября вернулся обратно. По милости Божией, все благоприятствовало нашему путешествию, и эта прогулка принесла мне и в нравственном, и в физическом отношении большую пользу. В нравственном тем, что доставила мне развлечение, уничтожив последний остаток накопившейся желчи и сгладив самый след неудовольствия и неудач на служебном поприще, так что я чувствую себя совершенно спокойным и примиренным, волновавшие меня вопросы утратили тот раздражительный характер, который вследствие личных столкновений нередко преобладает в делах. И теперь я вступаю на новое для меня — стариковское — поприще со спокойным духом и без малейшего сожаления о прекращении прежней тревожной деятельности. Благодаря Бога, я имею в семье столько утешения, что мне нет надобности иметь лично для себя развлечения в кипучей общественной деятельности, а доброе имя и расположение моих сослуживцев служат мне ручательством в том, что время моей служебной деятельности осталось не бесследным.

В физическом отношении прогулка за границей также доставила мне большую пользу. Я давно не чувствовал себя столь здоровым и бодрым, как теперь.

Не будучи еще совершенно стариком (мне стукнуло 50 лет), я имею утешение в старших детях своих видеть вполне развитых людей.

Мы путешествовали с Вавочкой вдвоем, без человека и без девушки. Два месяца мы таким образом странствовали по Швейцарии, Франции и Италии, я имел утешение ближе видеть и оценить редкие достоинства моей милой Вавочки. Я наслаждался живостью ее впечатлений, дельностью и рассудительностью всех ее замечаний, и при этом она не только не тяготилась всеми трудностями путешествия без прислуги, а, напротив, с большим умением и терпением ухаживала за собою и даже за мной. Прелестная девочка, дай Бог, чтобы она нашла человека, способного ее оценить. Мы из Петербурга, через Берлин, отправились прямо в Швейцарию, в Веве⁷⁶, где я оставил Вавочку с княгиней Урусовой, а сам отправился на несколько дней в Париж. Мне любопытно было видеть этот город после недавних еще в нем событий. К удовольствию моему, я нашел в нем очень мало перемены, и по внешнему виду самого города и его жителей едва можно было заметить следы осады и Коммуны. Нельзя сказать того же об остальной Франции. В провинции, и в особенности в южной Франции, как например в Лионе, где мы останавливались с Вавочкой на несколько дней проездом из Женевы в Италию, там отсутствие власти и благоустроенного порядка гораздо заметнее, и общее впечатление, мною из Франции вынесенное, весьма прискорбное. Этой несчастной стране предстоит еще много бедствий. Принцип власти окончательно поколеблен, и нет ни одного живого начала, на которое могло бы опереться правительство. Непримиримый раздор партий есть только внешний признак разложения. В Италии, к моему удивлению, я нашел более живых начал, чем предполагал. Этот народ представляет большие ручательства в том, что победоносно выйдет из временных политических и финансовых затруднений. Единство Италии упрочено, и практический смысл ее тому много содействовал. Из всего романского племени одни итальянцы, кажется, могут еще иметь будущность. Мы жили по нескольку дней в Милане, Венеции, Флоренции, Риме и Неаполе. Везде чудная была погода, и мы вполне наслаждались прелестями природы и искусства. Внезапный разлив нескольких рек в северной Италии замедлил, хотя ненадолго, наш обратный путь. В Вене пробыли мы 3 дня и 26-го октября первый раз почувствовали наступившую осень. На нашей границе и в Варшаве я тронут был вниманием моих бывших сослуживцев⁷⁷. Все они — и в особенности артельщики — встречали и провожали меня со знаками искренней любви. Так как эти манифестации не могли уже теперь иметь никакой корыстной цели, то они были мне очень приятны.

28-го октября мы вернулись благополучно в Петербург, и я застал, благодаря Богу, всех своих здоровыми. В этот же день вернулся и государь из Ливадии. Я поехал в Царское на другой же день и представился царю, причем благодарил его за пожалование во фрейлины дочери моей Елизаветы. Заседания в Государственном совете начались уже давно, а именно 18-го сентября. Но так как я не назначен еще ни в какой департамент, то отсутствие мое не могло иметь никакого значения. Дела же до сих пор в Общем собрании докладываются самые пустые.

Во время моего отсутствия я назначен государем в комиссию под председательством графа С. Г. Строганова для рассмотрения отчета министра на-

родного просвещения. Подобная комиссия назначается ежегодно и не имеет особого значения, тем не менее я был удивлен, что выбор государя пал на меня. До сих пор в делах полное затишье. Цензурное ведомство, пользуясь новым законом, разрешающим ему уничтожить, через Комитет министров, уже напечатанные книги и журналы, широко пользуется этим правом, и Комитет министров, как и следовало ожидать, молчит, хотя, по сознанию всех членов, многие из запрещенных книг не заслуживают этой кары. Общество также, по-видимому, стало равнодушнее ко всем резким проявлениям реакции, это, конечно, еще более поощряет власть имущих без всякого толку и разбору придумывать разные мероприятия.

19-го ноября. Полное затишье в делах общественных. Заседания Государственного совета не представляют ни малейшего интереса, дела на очереди самые пустые. На днях вернулась императрица из Ливадии совершенно здоровою. Двор переехал в Петербург, начинаются общественные удовольствия. Приехала опять пропасть немцев из Берлина к Георгиевскому дню, так как теперь в прусской армии чуть ли не более георгиевских кавалеров, нежели в русской⁷⁸.

Валуев выбрал себе товарища — московского гражданского губернатора князя Ливена — человека, кажется, вполне подходящего под стать нынешнего министерства. Хотя Ливен православный, но тем не менее в Остзейских провинциях, конечно, возрадуются этому назначению. Я лично Ливена очень мало знаю, он еще очень молодой человек, но, кажется, без всяких замечательных способностей и вполне безмолвный чиновник. Впрочем, по-видимому, теперь никаких дел, требующих известного направления, в министерствах вообще не производится. Все спорные вопросы обходятся, и возникающие частные случаи разрешаются без отмены изданных постановлений, но в противность им, по соглашению с Шуваловым и по докладу государю; так, закон 10-го декабря о поземельных правах уроженцев Северо- и Юго-Западного края в действительности уже не действует, ибо все просьбы о разрешении завещать и отчуждать имения полякам разрешаются государем по представлению графа Шувалова. Об Остзейском крае и говорить нечего — там уже нет и тени русского правительства.

На днях министр внутренних дел Тимашев, в наивности своей, возбудил, по просьбе редактора «Правительственного вестника», вопрос о том, чтобы в «Правительственном вестнике» печатались бы мотивы издаваемых указов в тех случаях, когда Государственный совет признает это удобным и нужным. Казалось бы, что может быть невиннее подобного предложения? Однако для обсуждения этого вопроса государь назначил особую совещательную комиссию из нескольких министров под председательством великого князя, и когда эта комиссия выработала самые невинные по сему правила, то и тут государю это показалось чересчур либеральным актом, и он, не скрывая этого мнения, велел еще раз рассмотреть этот вопрос в Комитете министров. Самая мера столь ничтожна, что не стоит малейшего внимания. Всегда прежде, не только при Екатерине, Александре, но и при Николае, все указы печатались в «Сенатских ведомостях» и в «Полном собрании» с мотивами, и только в конце

царствования Николая граф Панин, будучи министром юстиции, изменил, неизвестно почему, этот порядок и признал более удобным просто писать: «Государь император высочайше повелеть соизволил»... а почему? — Неизвестно. Это неудовольствие государя показывает ясно, в каком духе он настроен, и я убежден, что скоро виновники этого настроения сами расскажут и увидят, что зашли слишком далеко. Ибо на пути недоверия и страха трудно остановиться. С наступлением зимы опять начались аресты разной молодежи, — за что и про что — никто хорошенько не знает. Впрочем, в заведениях, подведомственных Министерству государственных имуществ, все обстоит благополучно, ибо со времени выхода Зеленого и моего из министерства все шуваловские доносы на эти заведения прекратились. Я очень рад за бедную молодежь, невинно страдавшую за нас.

Недавно я слышал от человека, близко знакомого с Шуваловым, что он меня терпеть не может. Я вполне этому верю и вполне разделяю это чувство, хотя между нами никогда не было личных, вне дел, отношений. Его влияние на государя я считаю пагубным, средства употребляемые — в высшей степени безнравственными и бесчестными. Но что всего изумительнее и возмутительнее — это то, что нельзя в действиях его отыскать какой-либо мысли или заботы об общественном благе. Ежели бы я видел в нем человека с каким-либо направлением, даже совершенно мне противным, то мог бы примириться с ним в надежде, что он более меня *dans le vrai**. Но ничего в нем нет, кроме желания властвовать и держаться, обрабатывать делишки дня, устраняя затруднения, не заботясь нимало о том, что из всего этого выйдет впоследствии. Едва ли кто может сказать, чего он хочет. При полном невежестве он или не хочет, или не может понять смысла произведенных реформ, а потому он и не думает об их отмене или изменении. Вся мелочная реакция его ограничивается проделками частных случаев, он не видит или не хочет видеть, какой хаос готовится в будущем.

3-го декабря. На сих днях я представлялся царице. Она со мной беседовала с четверть часа, и я нашел ее совершенно здоровою. Говорили единственно о моем и ее путешествии. Ни единым вопросом или словом не намекнула она о перемене, происшедшей в моей службе, хотя при назначении товарищем министра она выразила мне свое особенное удовольствие и надежду, что я останусь в составе высшего управления. Впрочем, из любезного ее ко мне отношения я мог заметить, что она по-прежнему ко мне расположена. Это побудило меня сказать ей, что так как теперь у меня много свободного времени, то я прошу ее располагать мною, и что ежели она признает меня на что-нибудь годным, то я готов ей служить. Она с живостью поняла мой намек, благодарила и сказала, что воспользуется моим предложением, потому что она в былое время несколько раз жаловалась мне, что ей трудно найти людей для заведования и управления разными благотворительными заведениями, в ее ведении состоящими, и сожалела, что я слишком занят по другими делами. Однажды даже она призыва-

---

* Здесь: близок к истине.

ла меня, чтобы дать ей совет, кого бы назначить, чтобы заведовать Гатчинским институтом, так как граф Ламздорф вследствие каких-то неприятностей отказывается от дальнейшего заведования, а принц Ольденбургский предлагал ей на это место генерала Языкова — директора Училища правоведения, о котором она не имела высокого мнения. Я вообще не думаю, чтобы люди, участвовавшие в реформах первого периода царствования, были ею также заподозрены, как они заподозрены во мнении государя. Она сама в этот период имела все более влияния на государя, более интересовалась делами, чем теперь. Она стоит совершенно в стороне, и на дела семейные даже имеет, по-видимому, очень мало влияния.

Россия ее совершенно не знает, хотя она более русская, чем все, ее окружающие. Она отлично говорит по-русски, и не только усвоила язык русский, но замечательно ясно понимает особенности нашей жизни. В этом помогает ей искреннее православное убеждение. Я имел неоднократный случай удивляться ее верному чутью и пониманию многих вещей, редко доступных пониманию иностранцев. Два года, почти ежедневно, в течение вечеров я читал ей всегда русские литературные произведения и могу положительно сказать, что мало знаю русских женщин, которые так ясно и верно понимали тонкие стороны читанного.

12-го декабря. Завтра я еду в Москву. Получив 9-го известие о внезапной кончине Алексея Александровича Лопухина, я не мог поспеть на похороны, но хочу повидать бедную сестру, которая уже почти год постоянно при смерти больна, и этот окончательный удар, вероятно, поразил ее. Из Москвы намерен заехать в Саратовскую губернию, в имение, где умер управляющий и нужно посмотреть на хозяйство. Уже несколько дней говорят о серьезной болезни наследника, а сегодня положительно сделалось известным, что у него тиф. Говорят, завтра начнут печатать бюллетени. В городе тоже носят достоверные слухи о том, что английское правительство прислало нам весьма резкую и сильную ноту, протестуя против намерения нашего идти на Хиву. Этого никак нельзя было ожидать, ибо в последнее время Англия как будто совершенно не только успокоилась насчет действий наших в Малой Азии^д, но даже пришла к убеждению, что интересы наши на Дальнем Востоке тождественны. С чего вдруг подымается эта буря — неизвестно. Не может быть, чтобы Англия одна решилась бы на подобный протест. Тут Бисмарк непременно втихомолку действует. Говорят, на днях едет в Лондон с особым поручением граф Шувалов, который, по-видимому, делается делателем по всем частям. Эта поездка или действительно имеет значение, или устроена самим Шуваловым для получения министра иностранных дел.

Горчаков несколько раз говорил мне, что Шувалов метит на его место, но я этому не верил. Как бы то ни было, но, по-видимому, дела усложняются, и ежели Бисмарк действительно тут участвует, то быть беде. Ибо для Пруссии самое теперь удобное время вступить с нами в бой. Он лучше нас знает, как мы мало

^д Так в тексте.

готовы к войне. Франция теперь не в состоянии оказать нам никакой помощи, а Австрия будет против нас, заодно с Пруссией. Сохрани нас Бог от подобной беды, но самая важность ее не охладит ли нас от безрассудной любви к Пруссии?

31-го декабря. В самый день Рождества Христова воротился я в Петербург. В Москве пробыл я два дня, видел бедную сестру Лопухину, с изумительной силой переносящую горе. Здоровье ее хотя еще в самом жалком положении, но, благодаря Богу, не ухудшилось. В Москве застал я полный санный путь, а в Саратовской губернии, где со станции Ртищевой сели в сани, нашел прекрасный зимний путь при порядочном морозе. В деревне и Пензе пробыл двое суток и тем же путем вернулся в Петербург, где опять нашел совершенное отсутствие снега и погоду осеннюю, которая продолжается до сих пор, к великому всех неудовольствию. Я не запомню такой гнилой зимы — говорят, сегодня Нева местами разлилась. Все это как-то необыкновенно и предвещает что-то недоброе. К счастью, здоровье наследника видимо поправляется, и уже теперь нет никакой опасности. О цели поездки графа Шувалова в Лондон никто хорошенько ничего не знает, и в иностранных газетах о ней ничего не сказано.

Третьего дня получено здесь известие о кончине Наполеона III. Он умер после операции извлечения камня. Так кончилась карьера этого необыкновенного человека, в течение последних 20-ти лет распорядившегося судьбою Европы. Постыдный конец его царствования представляется жестокой карою за все совершенные им неправды. Но Франция к нему несправедлива. После 20-ти лет небывалого почти могущества она пала, хотя и под державою Наполеона, но в ошибках последней войны не он один виноват, тогда как ему одному или его инициативе одолжена Франция 20-летним благоденствием. Со смертью его партия империалистов во Франции едва ли ослабеет. Сын его останется знаменем, около которого еще, может быть, с большею силою будут группироваться империалисты. Нам, русским, покойный император много причинил зла, но он в то же время был орудием Провидения и для многого хорошего, ибо без Крымской войны едва ли бы мы очнулись и стали бы на путь тех реформ, которыми преобразовалась Россия в настоящее царствование. Сегодня последний день 1872-го года. Для меня этот год будет памятен. В этот год я перешел за 50 лет своей жизни и, с назначением в члены Государственного совета, вступил уже и по кругу своей деятельности в разряд стариков.

Сегодня получил я от государственного секретаря уведомление, что именным высочайшим указом назначен я к присутствованию в Департамент законов. С этим назначением увеличится круг моей служебной деятельности. Не знаю, хватит ли у меня настолько благоразумия, чтобы подчиниться условиям необходимости и равнодушнее относиться к делу. Мы так радикально расходимся с председателем <Департамента> законов князем Урусовым в направлении и во всех взглядах на дело, что столкновения будут неизбежно. Сила же ни в каком случае не будет на моей стороне, я это вполне сознаю, тем не менее пробую действовать по совести и по крайнему своему разумению.

1-го января. По случаю болезни наследника, которому, впрочем, гораздо лучше, не было сегодня при дворе никакого выхода. Новостей тоже никаких нет. О моем назначении в Департамент законов напечатано сегодня в «Правительственном вестнике». В непродолжительном времени будет внесен в Государственный совет новый проект новой реформы военной об обязательной воинской повинности. Этот вопрос, случайно поднятый, так мало вяжется с теперешним настроением правительства, что я решительно не понимаю, что из всего этого выйдет.

9-го января. Грустно для меня начинать год. Сегодня, в 2 ч. пополудни, скончалась великая княгиня Елена Павловна. Вчера, приехав на бал к графу Толстому — министру народного просвещения, я узнал, что государь прислал сказать, что не может быть на бале по случаю весьма опасной болезни великой княгини. Это известие тем более поразило меня, что еще днем, а именно в 4 ч., я заезжал в Михайловский дворец к княжне Львовой узнать о здоровье великой княгини, которая с самого возвращения своего из Флоренции постоянно хворала и очень ослабела. Княжна Львова меня удостоверила, что великой княгине лучше и что ничего особенно серьезного нет. Вечером, в 8 ч., она вдруг почувствовала большую слабость, началась рвота, после которой силы внезапно так упали, что доктора ожидали кончины. Оставив бал, я отправился в Михайловский дворец, было уже около часу ночи, тут застал всех в сильном беспокойстве. Государь и императрица приезжали, но великая княгиня уже никого не узнавала и ничего не говорила. Около 2-х часов, вероятно, вследствие мускуса пульс немного поднялся, и доктор получил некоторую надежду. Я уехал домой. Сегодня утром, в 12 ч., приехав во дворец, я застал всю царскую фамилию, ожидавшую кончины каждую минуту, ибо доктора объявили, что конец близок. Больная никого не узнавала. Ее приобщили святых тайн, и она тихо, по-видимому, без страданий, скончалась около 2-х часов пополудни. В комнату, где покоилось тело, я вошел, как только оттуда вышла царская фамилия. Покойная лежала в кровати еще теплая и со спокойным выражением лица.

Грустно, очень грустно мне было целовать охладевшую руку женщины, которая в течение 26-ти лет была ко мне так добра и так внимательна, что едва ли кто-либо другой из приближенных к ней так долго и постоянно был при ней в милости. Эта замечательная женщина оставит по себе прекрасную память и, конечно, вполне заслуженную. Когда припоминаю прошлое за 25 лет, то невольно слезы льются. Не только ко мне, но и ко всему моему семейству она относилась, как нежная мать. К сожалению, в последние 3 или 4 года расстроенное ее здоровье и другие несчастные влияния во многом изменили ее не только ко мне, но и ко всем прежним друзьям ее. Но эта случайная перемена не должна омрачать моих воспоминаний. Сегодня я получил от Головнина записку следующего содержания:

«Вы были более кого-либо близки к великой княгине Елене Павловне и лучше кого-либо знали ее. Ваше чуткое ухо слышало и восприимчивое сердце понимало все прекрасное, которое в ней было, — ее сочувствие ко всему доброму и сильное

1873 год

стремление делать добро, ее любовь изящного, возвышенного, ее уважение к науке и постоянное желание приобретать новые знания. Едва ли можно представить полную картину всего сделанного ею добра и принесенной пользы и назвать всех, которым она оказала то или другое содействие, но дать понять это России и русским Вы могли бы лучше всех. Эта была бы заслуга с Вашей стороны перед всей императорской фамилией, ибо теперь, больше чем когда-либо, полезно рассказать России те хорошие дела и хорошие стороны, которые встречаются у родных государя. Поторопитесь написать, под влиянием Вашего личного горя, некролог усопшей великой княгини».

Подробная, полная биография должна быть трудом продолжительным, огромным, многих лиц, трудным, который займет место в истории России и в истории прекрасного. Головин прав, хорошее бы дело написать такой некролог, но к тому нет у меня надлежащих материалов, не чувствую также за собой довольно талантов, чтобы изобразить личность, подобную великой княгине, т. е. говорить о добре и высоких чувствах и не сделаться пошлым. Но сегодня я попробую написать коротенькую статейку для газеты, чтобы помянуть покойную хотя бы добрым словом.

Вот как объявлено сегодня в газетах о кончине великой княгини. Я послал в редакцию газеты «Голос» маленькую статейку, которая завтра будет напечатана. Сегодня вечером была первая парадная панихида, тело из спальни перенесли во гробе в домовую церковь. В субботу будет вынос в крепость⁷⁹, а в понедельник будут похороны. Хотя я ожидал, что о покойной будут вообще сожалеть, но не думал, чтобы скорбь была так вообще сильна во всех классах общества.

11-го января. Сегодня напечатана в «Голосе» статейка, которую я туда послал. Она вылилась у меня из сердца. Вот она:

С.-Петербург. 10-го января 1873-го года. «Голос».

Вчера распространились по городу сперва тревожные слухи о состоянии здоровья, а потом о кончине Ее Императорского Высочества великой княгини Елены Павловны...

Угасла жизнь, полвека посвященная (Ее Высочество изволила прибыть в Россию почти 50 лет назад, а именно в сентябре 1822-го года) добру, милосердию, любви к заботам о благах России. Угасла жизнь, полвека озарявшая России путь наукам, искусствам и всему прекрасному.

Вместе с Царственной Семейю глубоко и искренно скорбит Россия о понесенной утрате.

Высокое имя в Бозе почившей великой княгини так тесно связано со всеми благотворительными и общепользными учреждениями, что едва ли найдется отдаленный край в России, где имя это не вызвало бы благодарных воспоминаний и молитвенных благословений.

Благотворная деятельность покойной великой княгини видоизменялась такими тонкими оттенками ее пылкого, любящего и, если можно так выразить, умного сердца, что с кончиною ее сиротели не только созданные ею учреждения, но и множество облагодетельствованных ею лиц. Щедрая рука усопшей никогда не оскудевала, но, сверх того, в высоких порывах ее любящего сердца хранилась

Третий том

еще тайна той живительной силы, которая действует на человека нравственно, ободряя и одушевляя его на пути правды.

Жизнь и деяния оплакиваемой нами великой княгини принадлежат Истории. Правдивая и нелюбимая Историю укажет на те стороны деятельности и на те черты ее характера, о которых мы ныне, перед отверстым еще гробом, говорить не дерзаем.

Как вся жизнь усопшей была светла, честна и правдива, так да будет светла наша молитва и честна наша о ней память...

Статейка моя вообще понравилась всем близким покойной. Сегодня она переведена в «Немецкой газете».

Завтра назначен вынос из Михайловского дворца в крепость. 20-градусный мороз всех пугает. Я должен буду с Государственным советом идти пешком. Жутко будет.

15-го января. Сегодня похоронили великую княгиню. При перенесении ее из дворца в крепость хотя было холодно, но идти пешком в теплых шубах было весьма сносно. Теперь, кажется, уже не может подлежать сомнению, что покойная не только не оставила никакого завещания, но даже ни малейших слов о каких-либо посмертных распоряжениях. Это меня крайне удивляет, потому что я знаю, как покойница заботилась об обеспечении созданных ею благотворительных и полезных учреждений. Сколько раз она мне об этом говорила. Вероятно, она откладывала со дня на день писание своего завещания и, без сомнения, рассчитывала, что по случаю ее юбилея в нынешнем году ей удастся выпросить у государя какое-либо содействие к обеспечению заведений, так как собственных ее средств к этому не хватало, и она вынуждена была лишить дочь свою — великую княгиню Екатерину Михайловну — части наследства. Это обстоятельство еще увеличивает скорбь об усопшей, и потеря ее делается еще чувствительнее для многих.

29-го января. Сегодня я обедал у государя. Кроме меня, обедали генерал-адъютант барон Ливен, которому сегодня, по случаю его 50-летнего юбилея, дали Андрея⁸⁰, фельдмаршал граф Берг и Титов. Императрица со мною была очень любезна и благодарила за мою статейку в «Голосе» о великой княгине. За обедом был, по обыкновению, пустой разговор о разных разностях. Я сидел между великой княжной Марией Александровной и великим князем Владимиром. С княжной я много разговаривал и нашел, что она очень развилась и сделалась много разговорчивее и любезнее. По-видимому, слухи о том, что она выходит замуж за принца Альберта Английского, не оправдываются.

Завтра великий князь Константин Николаевич вступает в должность президента Русского музыкального общества, о чем его просило Общество; он просил меня быть вице-президентом на том основании, как я был три года назад при великой княгине Елене Павловне; я на это охотно согласился, ибо мое посредничество может быть полезно для восстановления согласия в консерватории, где в последнее время развелись личные дразги.

В Москве вновь прибывший генерал-губернатор Дурново, отличающийся вообще глупостью, наговорил при первом своем приеме дерзостей городскому голове и советникам Губернского правления, после чего городской голова, только что вновь избранный на основании нового Городского положения, подал в отставку. Из этого выходит скандал, который, вероятно, не останется без последствий, ибо, говорят, все московское общество обижено этой выходкой.

4-го февраля. Московская история с городским головой Ляминим и губернатором Дурново принимает, как и следовало ожидать, размеры полного скандала. В сегодняшнем номере «Современных известий» описано это событие в хронологическом порядке следующим образом:

«Голова и губернатор. (Летопись 10-ти дней)

Нижеследующие сведения большей части московских жителей известны одним в более точном, другим — в преувеличенном и искаженном виде. Мы ограничиваемся почти исключительно фактами, которые уже попали в печать, и, сверх того, воздерживаемся от всякого суждения. Излагаем в хронологическом порядке:

24-го января. Московский городской голова Лямин был с визитом у новопоступившего гражданского губернатора — генерала Дурново и оставил ему карточку.

25-го января. Утром общий прием у губернатора. Вечером разносится слух по городу, что губернатор высказал при приеме удивление, что в числе представляющихся нет головы.

26-го января. Идут слухи, что вследствие губернаторского приема два советника губернского правления уходят в отставку. («Русский мир» во вчерашнем номере называет этих советников — это Мейен и Тимирязев. Но на деле, по-видимому, подал в отставку после приема один г. Тимирязев, а г. Мейен подал просьбу еще до приема.)

Представляется губернатору голова. Подробности представления описываются корреспондентом «Русского мира» в следующих словах:

«Когда явился к генералу Дурново городской голова, то Дурново спросил у него:

- Вы здешний городской голова?
- Да, Ваше превосходительство, я городской голова.
- Вы, кажется, уже вторые выборы служите?
- Вторые, Ваше превосходительство.
- Как же Вы, служа вторые выборы, не знаете порядка подчиненности? Как Вы могли себе позволить не явиться на общее представление мне служащих лиц?
- Я, Ваше превосходительство, имел честь у Вас быть третьего дня и, не застав Вас дома, оставил свою визитную карточку.
- Да как Вы могли позволить себе приехать ко мне как частное лицо?
- Ежели бы Ваше превосходительство посмотрел мою карточку, то Вы бы увидели, что к Вам приезжал городской голова, а не частное лицо.
- Так Вам, вероятно, неизвестно, что для подчиненных лиц, не знающих начальника, заведены книги, в которых они расписываются, а не оставляют свои карточки. Потом, позвольте Вас спросить, что значит этот фрак?.. Вы, быть может, тоже не знаете, что городскому голове присвоен мундир, в котором он должен представляться начальнику?

— Ваше превосходительство, на основании Городового положения... заикнулся было городской голова.

— Прошу Вас покорнейше мне не указывать на Городовое положение. Я законы знаю лучше Вас. Потому, вероятно, и поставлен, чтобы наблюдать за исполнением их Вами, а не от Вас принимать указания.

— Я и хотел сказать, Ваше превосходительство, что на основании Городового положения губернатору предоставлен надзор за правильным применением законов по Городовому управлению, и я уверен, что пока я буду городским головой, Ваше превосходительство не будет иметь повода находить действия городского головы неправильными.

— А я бы желал меньше слышать слов, а больше видеть дела... У Вас есть товарищ. Кто у Вас выбран товарищем головы? Скажите ему, чтобы он явился ко мне, и в мундире.

— Ваше превосходительство, я должен...

— Я больше ничего не желаю Вам сказать. Прощайте".

Вечером в тот же день разносятся подробности эти по Москве, и притом с разными прибавлениями. С тем вместе переходят из уст в уста подробности вчерашнего приема.

Голова тем же вечером рассказывает своим приближенным о намерении своем выйти в отставку. Слух тоже разносится.

27-го января. "Русские ведомости" передают слух о намерении головы. Объясняют, что это намерение принято непосредственно после представления губернатору, но что передавать подробности еще преждевременно. (Отставка действительно еще не была подана, когда выходил номер "Русских ведомостей".)

В тот же день голова действительно подает просьбу об увольнении. Городские слухи продолжают и растут, украшаясь разными подробностями.

28-го января. "Московские ведомости" и "Современные известия" повторяют, со слов "Русских ведомостей", слух об отставке головы... "Голос" печатает о московском происшествии телеграмму. "Русские ведомости" дают руководящую статью⁸¹, в которой излагают, что дело стало из-за вопроса, когда быть голове у губернатора — 24-го или 25-го числа, оставить карточку или расписаться в книге, явиться во фраке или в мундире. Газета изъявляет прискорбие, что вопрос о городском самоуправлении поставлен на такую мелкую почву.

Того же числа мировые судьи Москвы, в полном составе — 38 человек, представляют г. Лямину. Почетный мировой судья — Тарасов — произносит речь, в которой выражает сожаление о случившемся событии и о намерении г. Лямина оставить службу.

29-го января. Номер "Современных известий" арестовывается. В городе толкуют, что задержание последовало за статью, очень резкую, об отставке головы, что дело не обошлось задержанием одного номера, но газета-де приостановлена, редакция и типография закрыта, и даже редактор под стражей. (Понятная причина не позволяет нам приводить истинные подробности. Мы ограничимся поправкою сведений, сообщенных вчера "Русским миром". № остановлен <не> на числе 7000, как сообщает газета, а всего 933 экземпляров, из которых притом 500 отпечатаны были только в одну сторону. Редакция предуведомлена была о сомнениях цензуры довольно ранним утром и тотчас же, во избежание излишних убытков, распорядилась не только не выпускать ни одного экземпляра, но приостановить печатание.)

Многих газетных разносчиков берут в 1-й квартал Мясницкой части. Осматривают, нет ли у них задержанного номера "Современных известий", но, не нахо-

дя, отпускают. Городовые ходят по домам — не поданы ли им “Современные известия”, и успокаиваются ответами, что таковых ни у кого не имеется.

30-го января. “Голос” помещает телеграмму о представлении мировых судей и об аресте номера “Современных известий”.

Является руководящая статья в “Московских ведомостях”. Она обращает происшествие в смех и готова предположить, что губернатор просто пошутил над головой.

Вольно же было городскому голове столицы ставить себя в подчиненное губернатору положение и являться к нему наравне с чиновниками его канцелярии, но без соблюдения при этом обычных формальностей. Очень может быть, что над ним пошутили, с тем чтобы дать ему почувствовать неловкость добровольно принятого им положения. Рассказывают, что к некоторым профессорам университета, участвующим (добровольно) в комиссии, где председателем губернатор, были разосланы повестки с приглашением, чтобы они явились представиться ему. Но профессора сочли это за ошибку, не приняли приглашения, и потом никакого неприятного столкновения между ними и губернатором не было. Гражданский губернатор есть, бесспорно, начальник губернского правления и вообще тех должностных лиц, которые находятся от него в зависимости. Сверх того, он является во вверенной ему губернии представителем центральной власти и потому пользуется особым почетом и имеет право приглашать для объяснения должностных лиц, не ниже его стоящих в служебной иерархии и не находящихся ни в какой от него зависимости. Но Москва не Харьков. В Москве есть высшее правительственное лицо, представляющее центральную власть. Это лицо есть генерал-губернатор. К нему как к главному органу центральной власти в торжественные дни собираются с поздравлениями не только непосредственно подчиненные ему чиновники, но и все начальствующие лица столицы, в том числе и губернатор. При генерал-губернаторе значение губернатора сокращается до весьма скромных размеров.

Являлся ли представляться новоприбывшему губернатору московский обер-полицмейстер? Конечно, нет. А в Рязани или в Харькове полицейские власти обяваны представляться губернатору как своему начальству.

Напротив, новоприбывший губернатор, по долгу вежливости, поспешил сделать визит и обер-полицмейстеру, и попечителю учебного округа, и его помощнику, и членам судебных учреждений, и многим другим лицам. Нет сомнения, что он сделал бы визит и городскому голове, если бы тот не поспешил представиться ему. А не почтили бы его посещением, он имел бы только одним знакомством менее, что еще не большая беда.

Газета заключает сожалением, что шутка, на которую нарвался голова, задевает в его лице все городское общество, избравшее его своим главным представителем, а это вызывает затруднения. Москва толкует об этой статье, продолжая толковать о происшествии. Более достоверно знающие историю не упускают заметить, что самый факт, на котором строят “Ведомости” свое заключение, неверен, ибо предполагают, что голова явился в общий день приема, и притом по доброй воле.

В тот же день, около вечера (в 4 часа), потянулись к дому городского головы с визитом гласные думы почти в полном составе, и притом одновременно.

31-го января. Появляются о московском происшествии руководящие статьи в петербургских газетах. “Голос” (№ 31) рассуждает о том, в каких отношениях стоит городской голова к гражданскому губернатору по “Городовому положению”, и приходит к выводу, что “Положение” обеспечило независимость городского голо-

вы и городского управления, но что на практике может происходить иное, потому что никакой мудрый и точный закон не может положить <предел> личной начальственной притязательности. Поводы же к такой притязательности, замечает газета, нетрудно найти на каждом шагу.

Так, например, губернатор, не имея <права> официально делать внушений городскому голове, может, однако, войдя ошибочно в роль прямого начальника, распечь его за непоявление там, где он не обязан быть. Может обойтись с ним пожеливее, чем с каким-нибудь писцом уездного присутственного места, и даже наделать ему замечаний насчет его одежды и т. д. ... Подобного рода факты, каков бы ни был их исход, чрезвычайно прискорбны, т. к. они разрушают ту стройность и то единомыслие, какие современное наше законодательство стремится установить между представителями общественных прав и интересов. В таких актах проглядывают прежде всего старые, отживающие свое время понятия, и очень желательно, чтобы они поскорее исчезли, оставив о себе одно только темное представление...

Другая газета — “Русский мир” (№ 29) — посмотрела на происшествие совершенно обратно. По ее мнению, напротив, голова не имеет и малейшего права видеть в требовании губернатора притязательность, и что губернатор был совершенно прав.

Городской голова, по новому, высочайше утвержденному, Городовому положению, находится в известных случаях даже в прямой подчиненности губернаторам. Так, городской голова состоит только членом губернского по <городским> делам присутствия, председателем которого, по новому Положению, состоит губернатор. Известно, что представители земства находятся в более самостоятельном отношении к губернским административным властям, вследствие чего, например, председатель Губернской земской управы не имеет мундира для ношения его во время исправления своих обязанностей, в то время как коронный мундир⁸² обязаны носить новые городские головы.

“Русский мир” изображает притом и самые толки в Москве в ином виде. Он находит в Москве порицателей решения, взятого головою:

“Москва разделилась теперь на два лагеря. Одни безусловно порицают выход в отставку г. Лямина, другие же, сожалея об этом грустном случае, находят, что нельзя не скорбеть при виде того, как у нас, иной раз, никому не обременительной и в сущности невинной форме, некоторые лица, избранные обществом, приносят в жертву лучшее из прав, дарованных выборами, а именно — право прежде всего быть полезными избравшему их обществу. Видно, долго еще мы будем <думать> более о форме, чем о том, что кроется под этой формой”.

“Русскому миру” отвечают “Биржевые ведомости” и стыдят ретроградную газету за ее всюду обнаруживающиеся поползновения.

1-го февраля. “Московским ведомостям” отвечают “Русские ведомости”, замечая, что до сих пор, сколько известно, никому в Москве занимающая ее история не представлялась в виде шутки. Была бы странная шутка — компрометировать представителя городского управления. Университетская газета⁸³ нехорошо рекомендует свое отношение к городскому представительству, когда полагает, что достоинство его очень легко может быть подводимо под обух любым шутником.

2-го февраля. “Московские ведомости” защищаются от “Русских ведомостей”, что они не думали ничего сказать против городского головы, ни тем не менее против достоинства городского представительства, что всякий в их словах мог усмотреть иронию, с которой они говорили о губернаторе. Газета стоит на том,

что голова не есть подчиненный губернатору, хотя губернатор и председательствует в губернском по городским делам присутствии»¹.

Надо признаться, что надо особое мытарство наших молодых администраторов-генералов, чтобы заварить такую глупую историю. Высшая же администрация считает своим долгом поддерживать своих агентов во что бы то ни стало, даже во всех творимых ими глупостях. Это называется поддерживать достоинство правительства.

Надо сказать, что Дурново принадлежит к тем юным и светским генералам, которые по связям и богатству вдруг выдвинулись вперед и, никогда и ничем не занимаясь, стали кандидатами на высшие административные места. Не имея никакого понятия ни о новых реформах, ни о прежнем порядке вещей, они по примеру и с голоса старших таких же генералов считают *bon genre** ругать все новые реформы и относиться к ним враждебно. В губернских должностях они враждуют с судебным управлением и с земством, а теперь, с изданием нового «Городового положения», они считают своей обязанностью видеть в самостоятельности городского управления враждебное правительству начало. Более или менее резкое выражение этого направления зависит от личного характера и такта каждого лица, но общее направление дается сим юным администраторам свыше, от министерства.

Нет никакого сомнения, что и генерала Дурново науськали против московского, будто, дурного духа здесь, в Петербурге, а он сдуру и начал рубить сплеча. При этом же он косноязычен и с виду не только некрасив, но и не представительен и, вероятно, говорил тоном, возмущившим слушателей. Говорят, выбор Дурново в должность московского губернатора сделан самим государем — при этом принято в соображение, что у Дурново 600 тыс. годового дохода, что у него милая жена и что поэтому дом его мог бы быть для московского общества всегда открытым и приятным. Сам же Дурново был уже самостоятельным губернатором в Харькове, а потому считал понижением звание московского губернатора, который при генерал-губернаторе далеко не имеет того значения, как губернатор в провинции. Он надеялся, а может быть, ему и было обещано, что он останется в Москве генерал-губернатором, когда уйдет князь Долгоруков, против которого уже давно и Тимашев, и Шувалов интригуют. Все эти обстоятельства, вероятно, и настроили Дурново на тот фальшивый тон, с которым он отнесся к городскому голове и чиновникам. Надо сказать, что Лямин, новый городской голова, избран был в эту должность при особом старании правительства, которое предпочитало его другому баллотировавшемуся кандидату — князю Щербатову, а потому неловкость выходки Дурново еще становится глупее. Теперь, как и следовало ожидать, начинают здесь распускать слухи и представлять государю, что Лямин действовал по

¹ В 1-м примечании к II статье Городского положения говорится, что когда в губернском присутствии обсуждается дело города Москвы, председательство может принять генерал-губернатор, а губернатор тогда обращается в простого члена (примечание автора).

* хорошим тоном

наущению других, что главные действующие лица в этом, как и во всех московских делах, суть: Самарин, князь Черкасский и К°, Щербатов, но в особенности укоряют Долгорукова, что будто он устроил весь этот скандал, желая повредить Дурново. Как бы то ни было, но здесь, кажется, решились официально поддержать Дурново, принять отставку Лямина и затем быть готовыми к новым разного рода манифестациям московского общества. Теперь не может быть сомнения, что ежели Лямин не пойдет вновь баллотироваться в головы, то никого не выберут, а засим, ежели по необходимости назначат голову от правительства, то все члены Думы подадут в отставку.

Хотя в конечном результате все-таки ничего из этого не будет, но вся эта история свидетельствует о ненормальном отношении правительства к совершенным реформам. Вредная сторона этого направления заключается в особенности в том, что всем этим реформам само правительство в самом начале искусственно дает вредное для себя направление — оно создает антагонизм там, где ему нет причины быть. Эту скверную закваску не скоро можно будет исправить даже при разумном действии правительства. С детства самой мамкой зашиблены все наши новые учреждения. Нельзя без досады слушать, как мелко и легко судят почти все высшие наши власти о всех общественных проявлениях. Единственно только одна анекдотическая сторона дела занимает их. Но что всего удивительнее — это то, что при подобном настроении правительства и явном нежелании государя и его присных уступать в чем-либо требованию времени и новых учреждений, казалось бы, надо сидеть спокойно и не поднимать новых и существенно важных вопросов, однако — нет... Вопросы эти поднимаются и дают даже такие последствия, которые неминуемо подвинут целый ряд новых вопросов, прямо противоположных духу и намерениям правительства.

Так, например, находится на рассмотрении Государственного совета проект министра внутренних дел о гражданском браке раскольников. Мало того, что этот вопрос, можно сказать, искусственным образом поднят был Валевым во время управления им Министерством внутренних дел, — он разработан весьма поверхностно, и в самом проекте закона слышится какая-то боязнь назвать дело по имени, чтобы отнюдь не показалось бы оно принятием со стороны правительства принципа гражданского брака, тогда как, в сущности, для раскольников предполагаемая мера есть не что иное, как гражданский брак. Эта боязнь собственного либерализма заставляет идти дальше, чем нужно, таким образом, проект отвергает всякую формальность при регистрации раскольнических браков и при узаконении уже рожденных вне брака раскольников — из этого на практике могут выйти весьма важные последствия и раскол на практике ставится в весьма привилегированное положение. Весь смысл и дух нового проекта так проникнут сознанием необходимости изменить в корне прежнее отношение нашей церкви и законодательства к расколу, и в нем проводится так радикально начало свободы совести, что, казалось бы, что при общем противоположном настроении правительства по отношению ко всем остальным вопросам не должно бы быть места подобному взгляду на свободу совести. Последствия этого противоречия обнаружатся весьма скоро — лишь только закон войдет в силу и логические его последствия выразятся, то к ним правительство отнесется вновь враждебно.

1873 год

25-го февраля. Вот каким официальным актом разрешается столкновение московского городского головы с губернатором:

**Циркуляр министерства внутренних дел губернаторам.
С.-Петербург, 9-го февраля 1873-го года.
№ 385.**

Вследствие возникших недавно сомнений по поводу тех отношений, в которых должны состоять городские головы к начальникам губерний, с высочайшего государя императора разрешения, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что по смыслу подлежащих статей закона о пространстве и пределах власти губернаторов — (II т. Св. Зак. Общ. Губ. Учреж.), а равно высочайше утвержденного 16-го июня 1870-го года «Городового положения» (ст. 1, 5, 29, 56, 68, 98 и 106), городские головы подведомственны губернаторам на том же основании, как и другие лица, служащие в губерниях по выбору. Из сущности же этого положения истекает, что городские головы оказывают губернатору, коему присвоено право надзора за законным исполнением городским общественным управлением возложенных на него обязанностей, должное уважение как представителю высшей правительственной власти. На сем основании, а равно и ввиду того, что городским головам, согласно ст. 98 «Городового положения», присвоен мундир по высочайше утвержденному образцу, а именно мундир, установленный для всех чинов ведомства Министерства внутренних дел, званию городского головы приличествует ношение сего мундира во всех тех случаях, когда, согласно общепринятым правилам, все другие служебные чины бывают в присвоенных их должностям мундирах. Нет никаких оснований к тому, чтобы избранные сословиями или обществами представители выделяли себя в этом отношении из общего состава чинов, состоящих на государственной службе.

Сообщая о сем Вашему Превосходительству, покорнейше прошу Вас поставить в известность городских голов вверенной Вам губернии, разъяснив им при этом, что соблюдение ими вышеизложенных отношений к начальнику губернии нисколько не нарушает предоставленных законом городским обществам прав и что, напротив того, устранение всех, даже по сущности своей незначительных недоразумений может лишь способствовать правильному и правомерному течению дел, городским общественным управлениям вверенных.

Этот ничего не разъясняющий циркуляр весьма верно выражает тот сумбур, который царствует в отношениях правительства к им же созданным учреждениям. Во-первых, об отношении городских голов в губерниях не возникало сомнений, а относительно Москвы, где есть генерал-губернатор и где городской голова гораздо менее находится в соприкосновении с гражданским губернатором — ничего в циркуляре не говорится; во-вторых — министр говорит в циркуляре, что городскому голове *п р и л и ч е с т в у е т* надевать мундир, но так как закон представляет только голове право носить мундир, но не обязывает его к тому, что это указание на приличие имело бы смысл, ежели бы генерал Дурново всем тоном своей выходки не обнаружил бы желаний на первых же порах оборвать представителя нового самостоятельного учреждения. Эта глупая история этим, вероятно, не кончится. Лямина отставка принята — Дурново остается губернатором, будут назначены новые выборы, вероятно, баллотиро-

ваться в головы никто не будет. Ежели назначат голову от правительства, то, вероятно, все или многие гласные выйдут в отставку, и вся эта сумятица — из глупого страха правительства уронить достоинство признанием ошибки в выборе дурака на губернаторское место.

10-го марта. Теперь я занимаюсь прочтением Устава о воинской повинности, который, вероятно, с будущей недели начнет рассматриваться в Особом присутствии Государственного совета, где я и буду присутствовать. Вопрос разработан весьма удовлетворительно, а проект пройдет, вероятно, без существенных изменений.

Нельзя не признать пользы предлагаемой реформы, но важность и громадность социальных последствий ее меня смущают, и тут мне сдается, что правительство все больше и больше запутывается в противоречии. С одной стороны, безумная реакция против всех совершаемых реформ, с другой — неукротимый либерализм в новых мероприятиях. Странное положение...

6-го апреля. С понедельника 2-го апреля начались в Государственном совете заседания Особого присутствия для обсуждения нового «Положения о воинской повинности». Несмотря на Страстную неделю, было уже два заседания, и было назначено на завтра — Страстную субботу — третье заседание, но сегодня получил повестку об отмене. Вероятно, на Святой неделе будут часто собираться, ибо до сих пор дело подвигается тихо. Из 180 параграфов едва рассмотрено в 2 заседания с небольшим 20, а между тем хотят кончить рассмотрение проекта в нынешнюю секцию, которая кончается 15-го мая, а вопрос из общего присутствия должен еще поступить в Общее собрание Государственного совета. Не знаю, как можно успеть это сделать. Как и следовало ожидать, общий вопрос о пользе и своевременности реформы вовсе и не обсуждался. Государственный канцлер князь Горчаков пытался было в самом начале кое-что сказать о важности реформы и о необходимости соблюдать некоторую постепенность при радикальных преобразованиях, но говорил он очень нескладно, не пришел ни к какому заключению, а так, остановился на общих местах и выражениях.

Затем приступлено было к обсуждению проекта по статьям, и на многих статьях довольно долго останавливались. Главным защитником проекта является, разумеется, военный министр, засим Валуев в качестве возбудителя вопроса часто выступает с громом трескучих фраз. Шувалов до сих пор ограничивается замечаниями, из общего смысла которых видно, что он готовится выступить с каким-то предложением, неприятным для военного министра. Из разговоров в курительной комнате можно заключить, что против военного министра Милютина сильно раздражены все сильные мира сего. На днях только окончилось заседание Особого комитета под председательством государя, в котором в присутствии великих князей — обоих фельдмаршалов — и некоторых начальников военных округов рассматривался вопрос об организации армии. По поводу этого вопроса образовалась сильная интрига всех высших военных властей против Милютина. Самая злая критика обращена была на настоящую

организацию армии и введенную Милютиным систему военных округов. Уже несколько лет тому назад князь Барятинский (фельдмаршал), подбитый разными недовольными генералами, пытался посредством журнальной полемики возбудить общественное мнение против военного министра и в особой записке, представленной государю, доказывал, что система округов и все реформы, произведенные Милютиным, совершенно уничтожили нашу армию. Тогда много об этом говорили, но государь на первых же порах принял сторону Милютина, и дело кончилось ничем. Теперь же интрига была обставлена искуснее и дело дошло до того, что Милютин решительно просил и настаивал на увольнении. Не подлежит сомнению, что ежели бы враждующая против Милютина партия имела бы в среде своей хоть одного мало-мальски способного и живого человека, то Милютин не удержался бы. Но так как полное ничтожество в особенности отличает всех этих салонных генералов, и так как ни один из них не в состоянии даже формулировать какой-либо план организации, то бедный государь, после продолжительного колебания, не мог решиться уволить человека, с которым 10 лет работал в одном направлении и в полном согласии, и пуститься в неизвестность. В последнем заседании государь решительно объявил, что остается при прежней системе, допустив в ней некоторые частные изменения. Это решение сильно раздражило всю враждебную Милютину партию, но она не утратила надежды восторжествовать при более благоприятных условиях. Теперь действительно время для их замыслов весьма неудобно...

На сих днях ожидается приезд германского императора. Все, в особенности государь и военные, заняты приготовлением всяких торжественных встреч, приемов, парадов и т. д. ... В такое время нельзя решиться на перемены в личном составе и организации Военного министерства. Но после отъезда императора интрига, вероятно, опять начнется. Я даже уверен, что германский император, со своей стороны, поможет ей, так как князь Рейс, по-видимому, помогал ей прежде, ибо для пруссаков ничто не может быть приятнее, как втянуть нас в какое-нибудь серьезное преобразование организации войск, которая займет нас по крайней мере на 10 лет и расстроит то, что худо или хорошо, но существует и действует. Милютин во всей этой борьбе держит себя прекрасно и с большим достоинством и спокойствием. Мне слишком мало известны хорошие и плохие стороны его управления, поэтому я не могу о них судить. Для меня только очевидно, что Милютин неизмеримо выше по уму и способностям всех своих противников и так предан делу, что ничего другого не знает и знать не хочет. Это последнее обстоятельство и дает ему силу и твердость переносить все неприятности в неравной борьбе. Я тоже не думаю, чтобы он, несмотря на свое теперешнее торжество, долго бы удержался. Ему самому будет легче без него, ибо пока он будет министром, его не оставят в покое. С другой стороны, государь, видимо, поколеблен и едва ли сохранит прежнее доверие к системе Милютина. К тому же Милютин и Рейтерн — два последних министра, участвовавшие в реформах первой половины царствования, — и не принадлежат к партии Шувалова и К°, поэтому так или иначе, не мытьем так катанием, а, весьма вероятно, его скоро выживут. Шувалов пустит в ход систему доносов, а там кончится обычным способом. Между прочим, Шувалову на днях кто-то недурно сострил,

сказав, что между известным певцом — Тамберликом и Шуваловым только та разница, что один берет до грудью, а другой — до-носом.

11-го апреля. Сегодня было третье заседание в Особом присутствии Государственного совета по вопросу об общеобязательной воинской повинности. Прочли немного параграфов, ибо вопрос рассматривается внимательно, и великий князь председательствует с замечательным спокойствием и знанием дела. Между прочим, относительно параграфов 39-го и 40-го я сделал предложение, чтобы допущена была мена жребия между лицами, призванными к отбыванию повинности и принадлежащими к одному сословию и одному участку. Предложение это я сделал сперва письменно. Оно было напечатано и предварительно разослано всем членам, я предвидел, что мое предложение не найдет поддержки в военном министре, но надеялся, что по крайней мере те, которые видимо негодуют на всю реформу, отзовутся сочувственно к мере, которая хотя отчасти могла бы ослабить произвол жребия. В печатном мнении я изложил следующее: в действующем законодательстве нашем о жеребьевом порядке отправления рекрутской повинности (I Ут. Ст. 876, п. 2) установлен один специальный вид замены, а именно мена номеров жребия между лицами, призванными к отправлению рекрутской повинности. Этот вид замены с некоторыми ограничениями полезно было сохранить и в предстоящей реформе. С сохранением его, во-первых, не нарушается принцип, положенный в основание нового законодательства, во-вторых, значительно упрощается составление правил об отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности, в-третьих, смягчается тягость радикального преобразования и тем обеспечивается дальнейший успех всей реформы. Защита Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного — вот принцип, положенный в основание общеобязательной воинской повинности. Ежели под защитой Отечества разумеется непреложная обязанность защищать его от нападения в военное время, то от сей обязанности не освободится и тот, кто воспользуется правом промена номера жребия, ибо он поступает в состав ополчения и может быть призван в запас. Ежели под священной обязанностью защищать Отечество разумеется обязанность и в мирное время служить в рядах войск, то вся предложенная реформа не остается верной этому принципу, ибо только не более трети призванных поступают на действительную, службу, и эта треть избирается путем жребия.

Так что, в сущности, общий принцип сводится к безусловному обязательству только того из русских подданных, которому выпадет обязательный жребий. Но жребий не есть принцип — он только форма избрания. С ним не может быть связано понятие о каком-то нравственном начале, напротив, как всякая игра случая, жеребьевая форма избрания может быть терпима только по необходимости. В особенности в народе нашем жеребьевая форма отправления рекрутской повинности не пользуется сочувствием. Все попытки ввести ее оставались почти тщетными. Народ наш не мог примириться с бездушным приговором в деле, касающемся живого интереса разнообразных житейских отношений. Составители проекта нового «Положения»⁸⁴ не оставили без внимания этой темной стороны жеребьевой системы, и в ряде ста-

тей об изъятиях и льготах по отправлению воинской повинности старались найти средства уменьшить вредные последствия неразборчивого приговора случая. Но допущенными изъятиями уже значительно усложнилось законодательство, хотя оно едва коснулось самых выдающихся и крупных поводов к исключениям. Чем проще быт, тем ниже уровень образования, тем сложнее и мельче становятся обстоятельства, от которых зависит тягость личной повинности. Наши податные сословия до сих пор пользовались всеми видами замены и найма, и лишить их сразу всякой возможности умалить суровость жребия было бы крайне несправедливо. Что же касается других сословий, впервые призванных к отправлению воинской повинности, то для них некоторая, хотя бы временная мера, сглаживающая крайность реформы, представляется совершенно необходимою. Как ни сочувственно отнеслись к предложенной реформе все привилегированные сословия — нельзя, однако, в одном похвальном и единодушном самоотвержении видеть более того, что оно на самом деле выражает. Из него никак не следует заключать, чтобы правительство вправе было предать полностью забвению те начала, которые оно до сих пор тщательно, иногда даже искусственно, охраняло и под сенью которых образовались нравы, обычаи, отношения, которые никаким законодательным актом со дня на день изменены быть не могут. Чем важнее реформа, чем ближе она касается личных, частных и разнообразных интересов, тем с большею готовностью должно правительство встретить неизбежный протест со стороны этих интересов. Поэтому всякая мера без вреда делу и без нарушений коренных оснований может сгладить крайнюю тягость реформы, не только не повредит ей, а, напротив, обеспечит дальнейшее ее развитие, ибо отнимет повод к жалобам, нередко вызывающим реакцию. Допустив мену жребия между лицами, призванными к отбыванию воинской повинности, следует, однако, ограничить это право условиями, ограждающими пользу службы. С этой целью полезно было бы постановить, чтобы мена жребия допускалась только между лицами, принадлежащими к одному сословию и приписываемыми к одному призывному участку. Еще прежде открытия заседания я убедился, что никто не решается присоединиться к моему положению, ибо оно противоречит будто бы принципу. Шувалов сказал мне, что сочувствует ему, но что *in hauts lieux** бояться, чтобы не возобновить этим путем наем охотников. Когда дошли до 39-го параграфа, то великий князь вызвал меня защищать свое мнение. Я несколько развил то, что сказано выше и, между прочим, сказал, что я стал весьма недоверчив ко всем реформам, в которых проводится радикально какой-нибудь принцип, без соображения всех его фактических последствий, что, наученный горьким опытом, я знаю, как потом радикальная реформа при первом прикосновении к жизни вызывает реакцию и законодательные причины разных изъятий, и что на этом пути идут дольше, чем следует, что цель моего предложения — открыть, так сказать, один предохранительный клапан для отращения необузданных порывов реакции, которые я в этом деле предвижу. На это предложение возражал военный министр, объясняя, что в проекте уже дос-

---

* в высших сферах

таточно предлагается предохранительных клапанов. Великий князь тоже выразился против моего предложения, и так как никто его не поддерживал, то и я отказался, не желая допускать до баллотировки, хотя я остаюсь уверенным, что предложенная мною мера могла бы быть полезной, в особенности для народа. Засим великий князь, входя в мою мысль о расширении несколько льготы замены, предложил допустить ее не только между братьями, но и между двоюродными братьями, и это понятно.

14-го апреля. Сегодня было четвертое заседание Особого присутствия о воинской повинности. По поводу льготы по образованию возбужден был графом Шуваловым вопрос о том, чтобы всех призванных к повинности и пользующихся льготой по образованию не вводить в состав войска, а образовать из них особые команды. Это предложение вызвало оживленное прение. Военный министр заявил, что он никак не может согласиться на это предложение, и в особенности на то, чтобы оно составило предмет закона. Он соглашался, чтобы выражена была в общих выражениях обязанность командиров иметь особое попечение о лицах, получивших образование, и заявил даже намерение сделать по министерству распоряжение, чтобы краткая служба лиц, пользующихся льготой, происходила в казармах и под особым надзором, но решительно протестовал против обязательного учреждения особых команд.

Военного министра сильно поддерживали великий князь и Чевкин, а Шувалов, Тимашев и Пален были против. Главный мотив Шувалова сперва им скрывался, но наконец он высказал явное опасение, чтобы элемент образования, в лице нашей зараженной нигилизмом молодежи, не возмутил бы всю армию. При этом случае Тимашев, Шувалов и Панин один за другим старались допустить, что революционная пропаганда у нас так сильна, что ничто перед ней устоять не может, и все это производят студенты университетов, Медико-хирургической академии и Технологического института... Эти господа серьезно воображают сами — и, что хуже, убеждают государя, что вся Россия, весь русский народ, все войско способны одним разом поверить молодым людям 21-го года, что не нужно царя, не нужно правительства и проч. ..., что все спокойствие государства держится только тем, что они держат под надзором полиции всю эту учащуюся молодежь. Что сам народ, само общество, само войско неспособны дать отпор безобразным учениям юных нигилистов... Вся Россия в глазах этих господ ограничивается тем кругом, в котором вращается их полицейская деятельность. По окончании заседания я сказал Тимашеву, что его заявление очень меня порадовало и успокоило — он сказал, что каждый день получает сведения о пропаганде вредных идей, я заметил, что из его слов я заключаю, что отпор сильнее пропаганды, ибо все, слава Богу, обстоит благополучно, и что ни один гражданин Российской империи и не подозревает, что в ней так силен революционный элемент. Генерал Дрентельн который присутствует в Совете в качестве эксперта⁸⁵, на вопрос великого князя, что он думает о влиянии, которое может произвести на солдат новый элемент образованных и недовольных юношей, прямо отвечал, что он так уверен в благоразумии, смысле и твердости русского солдата, что не имеет ни малейшего опасения, чтобы такая пропаганда

могла бы на него подействовать, а напротив, не ручается за спокойствие команды, которая вся будет составлена из молодежи, взятой со школьной скамьи. На это граф Шувалов отвечал генералу Дрентельну, что он будто бы не знает этой молодежи. Генерал Дрентельн мог бы с большим основанием заметить графу Шувалову, что он не знает ни русского солдата, ни народа. После долгих прений не пришли ни к какому результату и отложили вопрос до следующего заседания, которое назначено на будущую среду.

Завтра приезжает сюда германский император. Встреча ему готовится великолепная. Пруссомания государя еще усилилась, поэтому, вероятно, не будет пределов всяким унижительным с нашей стороны манифестациям. Весь город, по приглашению полиции, украшен русскими и прусскими флагами и бюстами германского императора. Вот программа празднеств:

«...»^е сообщает, что на время пребывания германского императора в Петербурге предложена следующая программа празднеств и парадов. В воскресенье 15-го апреля — семейный обед в Зимнем дворце. В понедельник 16-го апреля — семейный обед в Аничковом дворце. Во вторник 17-го апреля — большой прием во дворце, парад, семейный обед в Зимнем дворце, большая зоря в 10 часов вечера. В среду 18-го апреля — обед в Зимнем дворце и бал в Эрмитаже. В четверг 19-го апреля — обед в Петергофе, бал в зале Дворянского собрания. В пятницу 20-го апреля — большой смотр войскам, вечером даровое представление в театре для войска. В субботу 21-го апреля — прогулка и обед в Царском Селе. В воскресенье 22-го апреля — парад Калужскому полку и торжественный обед. В понедельник 23-го апреля — семейный обед у Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича старшего, вечером бал в Аничковом дворце. Во вторник 24-го апреля — парад полкам имени Его Величества императора германского. В среду 25-го апреля — отдых.

Все празднества в честь германского императора совершены были с маленькими изменениями против приложенной выше программы. Всему содействовала прекрасная погода. Я лично мало принимал участия в этих торжествах. Был только на выходе 17-го числа, на балу в Эрмитаже, на двух обедах в Зимнем дворце, на балу у цесаревича и у германского посланника. При въезде императора я не присутствовал из-за суеверного предрассудка. Я был случайно в Вене в 1865-м году, когда прусский король — теперешний император — въезжал в Вену. Год спустя Австрия была в войне с Пруссией. Потом в год выставки в 1867-м году⁸⁶ был я в Париже и присутствовал при въезде прусского короля в Париж. Два года спустя Франция была в войне с Пруссией. Каковы будут последствия визита этого дорогого гостя — одному Богу известно. Пока теперешний король-император жив, можно, кажется, с достоверностью сказать, что у нас с пруссаками войны не будет, но он уже стар, а после него вряд ли продержится долго наша дружба. Наш царь во время пребывания пруссаков был, кажется, весел и доволен, а перед тем приближенные его постоянно жаловались на дурное расположение его духа. Теперь он переехал в Цар-

^е Так в тексте.

ское Село и опять, говорят, находится в раздраженном состоянии. Отчасти, вероятно, это происходит оттого, что предположенная свадьба великой княжны Марии Александровны с принцем Альбертом Английским как-то не устраивается, а главное потому, что Тимашев и Шувалов продолжают потчевать его всякой полицейской дрянью.

Сегодня, между прочим, в Государственном совете, несмотря на воскресный день, было заседание соединенных департаментов для рассмотрения внесенного Тимашевым проекта с новыми безобразными стеснениями печати. Я, со своей стороны, воевал, сколько мог, по одному вопросу о праве министра внутренних дел — запрещены вовсе обсуждения известных предметов, я произвел разногласие, а по другому вопросу — о праве министра требовать от редакторов указания лиц, сообщавших разные сведения, хотя последовало и единогласие, но совершенно изменена не только редакция, но и первоначальная мысль проекта. Этот проект уже был предварительно доложен Тимашевым государю и им одобрен, причем приказано всем министрам защищать его.

Уже не в первый раз подобные предрешенные проекты вносятся в Государственный совет только для проформы и дабы всякую нелепость прикрыть формой закона, легально рассмотренного.

Несмотря на все это, я ратовал, сколько мог, и, вероятно, мне от этого не поздоровится, но такой гнусной роли, которую принимал на себя Валуйев, я даже от него не ожидал. В 1861 году он, будучи министром внутренних дел, вносил в Государственный совет и отстаивал тот проект о печати, который потом окончательно осуществился в указе от 6-го апреля⁸⁷. Тогда он либеральничал до того, что я должен был удерживать его от разных уступок, на которые он соглашался в ущерб власти. А теперь, желая во что бы то ни стало держаться Шувалова и К^о, он теми же напыщенными и бессмысленными фразами защищал прямо противоположные мысли и при этом не хочет сознаться в перемене своего взгляда. В первом заседании он говорил всякую чушь, пользуясь тем, что Тимашев будто бы охрип и не может говорить, и что он излагает мысли не свои, а Тимашева, а сегодня, когда я настаивал на мысли, что лучше и честнее было бы прямо восстановить цензуру, чем делать это путем крючкотворных и инквизиционных постановлений, — он самым недобросовестным образом отвергал всякую мысль о том, что будто бы он желает ограничивать ту долю свободы, которая дарована указом 6-го апреля. В моем историческом очерке о реформе печати я опишу подробнее все содержание сегодняшнего заседания. Заседания о военной реформе идут своим чередом, торопятся окончить рассмотрение всего проекта в нынешнюю сессию. Не знаю, правда, как согласовать общий дух всего того, что, например, сегодня говорилось по поводу печати, с общим духом всей, например, военной реформы. Социальный переворот, который неминуемо произведет эта реформа, не останавливает и не пугает всех тех лиц, которые со страхом и ужасом говорят о распущенности нашей будто бы прессы. Газеты печатают, в виде слуха, оглавления дел, которые рассматриваются в Государственном совете, и это представляется столь опасным и вредным, что предусматривается специальный закон для предотвращения подобного бедствия... Черт знает, что такое...

14-го мая. Сегодня было последнее заседание Общего собрания Государственного совета, с сегодняшнем днем кончается сессия. К последнему дню накопилось, как всегда, много дел, и в том числе много важных, некоторые из них под разными предложениями отложили до осени, а проект закона, сочиненного министром внутренних дел, о стеснениях печати подвергнут окончательному обсуждению. Вследствие нашего протеста в соединенном департаменте, гг. Тимашев, Шувалов и К^о поняли, наконец, что невозможно и неприлично вносить в Общее собрание закон в той форме, в какой он представлен министром внутренних дел. Они готовы даже были взять все предложение назад. Но так как они вмешали в это дело государя и он выразил положительно свои требования, чтобы закон этот прошел, они стали придумывать способ выйти из этого положения с наименьшим позором. После нескольких предварительных совещаний и переговоров с великим князем они решили вторую часть предложения, обязывающую редакторов выдавать имена лиц, сообщивших им сведения, совсем отложить, а в первой части предложения сделать редакционные изменения, ограничивающие власть министра запрещать суждения по вопросам только государственной важности. Несмотря на эти изменения, я и оставшиеся со мной 4 члена остались при мнении, что такого закона издавать не нужно. В заседании я говорил 3 раза. В первый раз я повторил, с некоторыми дополнениями, все доводы, приведенные в мнении меньшинства, а потом, отвечая на возражение Тимашева, коснулся более существенных сторон вопроса. Между прочим, Тимашев объявил, что он даже не понимает, какая может быть у министра нравственная сила для направления и влияния на печать, я на это отвечал, что против такого непонимания я обезоружен, но что тогда необходимо восстановить цензуру, ибо при отсутствии ее придется для каждого действия министра составлять новый закон. Ежели министр опасается, что редакторы не будут его слушать, ежели он объявит им, в случае особой важности, приказание не говорить о каком-либо государственном вопросе, что он может также опасаться, что без определенного закона редактор не явится на его приглашение или не захочет с ним говорить, — вообще, ежели министр полагает, что в делах мысли и слова можно действовать только прямым применением закона, то он должен отказаться от карательной системы и возвратиться к предупредительной цензуре. Общее настроение большого числа членов Государственного совета было в пользу моего мнения, и ежели неизвестно было бы, что государь выразил уже свое мнение, и ежели бы великий князь, тоже уступая необходимости, не сказал несколько слов в защиту необходимости издать закон, то я уверен, что с нами согласилось бы большинство, но и при этих невыгодных условиях при баллотировке в пользу нашего мнения оказалось 12 членов, а против — 23, в том числе все министры, так как они связаны были объявленной им волей государя. Все это дело, в сущности, не имеет никакого значения, ибо и при законе, и без закона министр внутренних дел всегда имеет и будет иметь право делать и объявлять все, что он хочет, и никто против этого ни протестовать, ни жаловаться не будет, но во всем этом замечательны только те побудительные причины, которые вызывают подобные положения, — все это из желания понравиться государю инициативой реакционных мер...

В том же заседании было еще одно дело, в высшей степени замечательное. Министр внутренних дел ввел предложение об устройстве взаимного земского страхования и, между прочим, полагал предоставить земским собраниям делать постановления о мерах к предупреждению и тушению пожаров. Товарищ министра финансов генерал-адъютант Грейг случайно, за отсутствием министра, бывший в заседании соединенных департаментов, где это дело рассматривалось, нашел удобным воспользоваться этим случаем, чтобы тоже обнаружить свою благонамеренность, и самым резким тоном заявил, что он никогда не согласится предоставить земским собраниям делать какие-либо постановления, ибо это — республиканское начало и поведет нас к страшным последствиям, что народ наш привык исполнять царские законы, а не земские законы. Все это Грейг, оставшись один при своем мнении, написал весьма резко, с явную целью и надеждой, что мнение это будет прочитано государем... Одним словом, просто объявляет «Слово и Дело»... Князь Урусов, председатель Департамента законов, получив это мнение, пришел в ужас и не знал, как пустить его в Общее собрание — начались переговоры, совещания, собрания у Шувалова, который, разумеется, сейчас же принял сторону Грейга и, наконец, при помощи великого князя пришли к соглашению в редакции так, чтобы в Общем собрании не дать повода коснуться щекотливого вопроса. Хотя цель Грейга не достигнута, ибо мнение его не будет прочитано государем, но, не менее того, *cela le pose**. Со стороны противно на это смотреть, и я с каждым днем все более и более благодарю Бога, что вышел из этого безобразного омота, и не только вышел, но *j'ai brulé mes vaisseaux***, ибо по всем почти вопросам в Совете я имел случай доказать, что на сделки не пойду. Проект воинской повинности окончен рассмотрением в Особом присутствии, остались только несколько отдельных вопросов, которые будут рассмотрены осенью и засим, вероятно, в октябре, поступят в Общее собрание более для проформы, так как к январю месяцу состоится, вероятно, указ.

Все эти дни здесь праздновали приезд персидского шаха, теперь все кончилось, царь уезжает 18-го числа в Вену на выставку, все министры разъезжаются.

15-го июля. Уже скоро месяц, что я живу в деревне и пользуюсь вакантом⁸⁸ в полном смысле, ничего не делаю. Предполагал пить мариенбадскую воду, но соблазнился ягодами и грибами и отложил лечение, не чувствуя, впрочем, к нему особой надобности. Урожай всех хлебов и трав превосходный, но погода стоит дождливая и уборка весьма затруднительна. Я наконец решился отдать всю свою непаханную землю исполу крестьянам. Много было хлопот и труда, чтобы уговорить крестьян на столь выгодное для них дело. Отдельно с каждым из них можно иметь дело, но с миром, в котором еще до сих пор имеет влияние сторона крепостного положения, невозможно прийти к какому-либо соглашению.

* это его позиция.

** я сжег мои корабли

15-го сентября. Прожив до половины августа в деревне, я отправился с дочерьми в Крым, где мы вместе с графиней Протасовой наняли на осень дачу. До Одессы доехали весьма спокойно железной дорогой, а в Одессе сели на пароход «Аргонавт». К сожалению, пароход оказался весьма неудобным, старым и даже в обыкновенное время укачивал, но, на нашу беду, нас застигла в море весьма ветреная погода, которая на другой день, а именно 21-го числа, обратилась в сильнейшую бурю, какую в настоящее время года старожилы не запомнят. Ночью 20-го числа нас всех укачало и, что хуже всего, — в каютах было так мокро от струившейся отовсюду воды, что Вавочка лежала больная около 20 часов в воде. К утру, подходя к Севастополю, погода стихла и мы благополучно вышли на берег, чтобы отсюда уже сухопутно продолжать путь в Ялту. Но люди с вещами отправились далее на пароходе, и их-то и застала самая сильная буря, которая помешала им пристать к Ялте, и они высадились в Феодосии, откуда уже со следующим пароходом, через 4 дня, они вернулись в Ялту.

Тем временем мы, переночевав в Севастополе, в Херсонесском монастыре у архимандрита Евгения, на славу нас угостившего, поехали через Байдарские ворота по южному берегу и, ночевав по дороге у Байдарских ворот, прибыли благополучно в Ялту 23-го числа при великолепной погоде. Немедленно по приезде в Ялту я поехал в Ореанду⁸⁹ к великому князю, который на другой день ждал приезда великой княгини — королевы греческой с детьми. Вся семья его собирается в Ореанду, чтобы праздновать серебряную свадьбу. Великий князь принял меня очень любезно, сам водил показывать все прелести Ореанды, и, наконец, мы с ним поехали осматривать места, которые он раздаст своим приятелям в Ореанде с условием, чтобы там строили дачи. Он указал мне на выбор два места, и я взял одно из них в 600 кв. сажен на всякий случай, ибо приятно иметь хотя бы уголок земли в этом восхитительном месте. Ежели не я, то кто-нибудь из детей моих, может быть, будет в состоянии воспользоваться этим местом. Празднование серебряной свадьбы назначено на 30 августа. Праздник этот как-то не вяжется и едва ли будет очень радостен, ибо отношения обоих супругов с каждым годом становятся все более и более натянутыми и неприятными. Благоверная супруга и прежде часто ужасно дурила, а теперь по временам совершенно с ума сходит, живет за границей с меньшими детьми и блажит. Около 20 лет великий князь был примерным мужем и верным, и даже слишком был под командой своей супруги. Но, наконец, и его терпение лопнуло, и он, кажется, махнул рукой на нее.

21-го приехали на пароходе «Ливадия» государь и императрица. Я видел издали их приезд, но за неимением мундира и не желая вообще представляться, я скрывался и на другой день^{*} выехал из Ялты обратно в Березичи, где, пробыв несколько дней, приехал окончательно в Петербург. Здесь еще никого нет, все министры в отсутствии. Вчера было первое заседание в департаменте Государственного совета по пустым делам. Прежде конца месяца не начнется настоящая сессия.

^{*} Так в тексте.

10-го октября. Понемногу начинают съезжаться. В Государственном совете заседания начались не только в департаментах, но и в Общем собрании. Теперь мы занимаемся в Департаменте законов рассмотрением нового устава о гербовом сборе. Много предполагается новых сборов, и отчасти изменяется и система взимания. Все эти преобразования, предпринимаемые главным образом с финансовой целью, усложнят житейские отношения. Вообще, с каждым десятилетием труднее становится жить, а с введением воинской реформы, а впоследствии, вероятно, реформы податной еще будет труднее. Не знаю, облегчится ли настолько жизнь низших классов народа, насколько утягнется жизнь высших классов. Царь еще в Крыму и, говорят, пробудет там до половины ноября. До сих пор, говорят, он был в хорошем расположении духа. Дети пишут мне, что часто танцуют, гуляют пешком и верхом и что погода там восхитительная. На днях поехал в Крым граф Шувалов и, вероятно, повез с собой разные материалы, чтобы показать, что Россия бунтует. Каждую осень происходит одна и та же история. Открываются какие-нибудь студенческие или другие беспутные сходки молодежи, все это приличным образом раздувается, делаются аресты, высылаются административным порядком несколько несчастных молодых людей из Петербурга и из Москвы, и этим дело кончается. *Cela donne le ton pour toute la saison**. Из сметы III Отделения видно, что с 1866-го года на одни секретные расходы отпускается более против прежнего почти на 150 тысяч рублей, не считая того, что жандармские команды всяких наименований более чем удвоились. И все это в царствование самого популярного, самого любимого и потому самого сильного государя...

10-го ноября. Зима в нынешнем году так дружно стала, как я не запомню, до сих пор не было ни одной оттепели, и морозы, при достаточном снеге, стоят довольно сильные. Государя ожидают сюда к 20-му числу, а 24-го последует открытие памятника Екатерине.

Очень жаль, что эта церемония не отложена до весны или лета. Никакой нужды нет морозить верноподанных, когда можно было устроить достойный памяти великой императрицы праздник в более благоприятное во всех отношениях время. Канун именин, т. е. 24-го ноября, ровно ничего не значит, ежели бы это еще был день рождения, то был бы резон...

В Государственном совете возобновились заседания Особого присутствия по вопросу о воинской повинности. Завтра, вероятно, будет последнее заседание, и засим дело поступит в Общее собрание, где, вероятно, окончательно пройдет очень скоро, так что к Новому году, вероятно, реформа будет объявлена. Я уже, кажется, писал, что у меня сердце не лежит к этой реформе. В частностях против первоначального проекта комиссии сделаны некоторые изменения, причем несущественные. Я убежден, что большинство членов Совета не сочувствуют главным основаниям реформы, но об этих основаниях почти не было суждений, потому что они решены и утверждены были государем прежде внесения проекта на обсуждение в Государственный совет. Дай Бог, чтобы опасения мои не оправдались бы и чтобы реформа оказалась полезной на деле.

---

* Это задает тон на весь сезон.

Заимствовать от Пруссии образцы повинностей и чуждаться заимствований отсюда прав и вольностей — значит не понимать связи между всеми различными отправлениями государства, это то же, что строить по образцу каменного дома здание из глины на песчаном фундаменте. По предложению графа Шувалова, лица, поступающие на действительную службу и пользующиеся льготами по образованию, будут состоять в особенных командах, ибо заявлено опасение, что образованная молодежь будет бунтовать и портить солдат. Поэтому часть нашего войска будет под надзором полиции... Все сословия, без различий, подвергаются натуральной повинности, и вместе с тем боятся ввести общую денежную повинность... Во главе реформы поставлен следующий принцип: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного». А между тем, в сущности, принцип этот в новом законе сводится на священную обязанность каждого русского подданного и играть в азартную и гру, ибо все обязаны только брать жребий, а защищать «Престол и Отечество» будет только треть бравших. Конечно, перемелется — все мука будет, да, но эта мука страшно дорого будет стоить России...

16-го ноября. Сегодня было последнее заседание Особого присутствия по воинской повинности для подписания журнала и проекта. Теперь можно считать дело конченным, ибо в Общем собрании дело будет слушаться 3-го декабря только для проформы и засим поступит на высочайшее утверждение. Не могу выразить, с каким тяжелым чувством я подписывал сегодня журнал и проект. Кажется, не я один имел это чувство. Сама процедура подписания происходила как-то необыкновенно. Великий князь не вставал с кресел и не прекращал заседания, пока все члены не подписали, чего обыкновенно не бывает, ибо журналы обыкновенно подписываются во время разговоров и ходьбы. На этот раз тишина придавала какой-то мрачный вид совершающемуся событию. Приложив руки, все разошлись молча, и на душе каждого, видимо, лежало тяжелое сомнение относительно пользы новой реформы. Я пошел пешком домой с чувством человека, сделавшего недоброе дело. Я более или менее участвовал во всех главнейших реформах настоящего царствования и никогда не испытывал подобного чувства. Это не одно сомнение в пользе новой реформы, а главное, тяжесть от невежественного, неискреннего насилия над внутренним сознанием. Как-то чувствуется, что ни цель не обдуманна, ни средства не приготовлены, ни последствия не соображены, и все делается как-то второпях, неизвестно почему и в угоду какому-то безотчетному стремлению. Ежели бы государь мог, хотя бы отчасти, почувствовать то, что я чувствую, то он непременно сделал бы следующее: возвратил бы все дело назад и приказал бы Совету через 6 месяцев приступить вновь к рассмотрению всего проекта, как в основаниях, так и в подробностях.

Только теперь я сознаю всю мудрость и предусмотрительность английской конституции, подвергающей каждый важный проект закона двукратному, а иногда трехкратному обсуждению в парламенте. При первом всестороннем обсуждении каждой важной реформы только под конец становятся для каждого участвующего в суждении ясными все основания, подробности и последствия но-

вой меры. Во время суждения раскрываются такие стороны дела, которые до того оставались закрытыми, мнения группируются около сродных общих понятий, ближе узнаются тенденции, скрытые побуждения и убеждения различных партий и влиятельных лиц, и с этим запасом сведений, когда вновь, по истечении некоторого времени, приступают к новому суждению, то работа идет не только усиленнее, но несравненно плодотворнее. В особенности у нас такой законодательный порядок был бы необходим, ибо все у нас творится порывами, увлечением и модой. Время творит чудеса, когда его умеют употреблять как разумную силу, и напротив, действует разрушительно, когда им пренебрегают. Эту истину мы испытываем в военной реформе. Теперь уже решено, что в январе манифест или указ будет объявлен, а в ноябре 1874 года будет уже первый призыв... Спрашивается, куда такой спех? Народной переписи не сделано, это усложнит процедуру призыва и произведет страшную путаницу. Казарм нет, вооружения и обмундирования нет.

В оправдание наших главных двигателей реформ вообще и в настоящем случае — военного министра — можно сказать только то, что никто из них не может надеяться на продолжительное влияние на государя в одном направлении; сознательно или бессознательно, он так легко изменяет направление, что невозможно отвечать за месяц, не только за годы...

Лучшим доказательством служит, между прочим, то, что неминуемо случится теперь со всей радикальной реформой, произведенной графом Толстым в системе нашего народного образования. Он также с большим усилием, пользуясь настроением государя, заподозрившего всю учащуюся молодежь в мятежных крамольных замыслах, успел провести против мнения большинства реформу всех учебных заведений и приступил к осуществлению ее с лихорадочной торопливостью, без средств. Не имея учителей греческого и латинского языка, насильственно и усиленно стал вводить эти языки во всех гимназиях. Через эту торопливость наделал пропасть вздору и вооружил против себя всех учащихся и учащихся, и все это оттого, что боялся упустить время и вызвать реакцию.

Но теперь вдруг вся его реформа будет подкошена, в сущности, реформой воинской повинности. Он это чувствует и потому всеми силами борется против ожидающегося погрома классицизма, но все напрасно, и государь не поймет этих двух противоречий на нашей русской почве. Ему представится, что в Пруссии уживается же классицизм с общей воинской повинностью, почему же ему не уживаться и у нас... Тогда как ничего общего нет между нами и Пруссией в отношении как самой повинности, так и состояния народного образования, социального быта, побуждений к образованию, политического устройства и всех других условий общественной жизни государства. Опыт докажет, что наши классические гимназии опустеют, что университеты придется закрывать. Но к этому времени классическое увлечение пройдет, и останется от всего этого та ломка в народном образовании, которую мы видели и которую вынесли на плечах своих наши несчастные дети.

25-го ноября. Вчера происходило торжественное открытие памятника Екатерине II. Погода была не очень холодная, но неприятная, а потому вид парада

не был праздничный. Очень жаль. В хорошую погоду весной или летом можно было устроить приличное народное торжество в память этой великой царицы.

Вечером я был у канцлера князя Горчакова. Он приписывает себе большое участие в решении государя поставить памятник своей прабабке. Известно, что покойный государь Николай Павлович враждебно относился к памяти своей бабки. Все великие дела ее и все добро, сделанное государству, не искупили в глазах его вины ее перед мужем и сыном. Семейные неудовольствия, под впечатлением которых Николай Павлович провел свое детство, оставили на нем неизгладимые следы, и он не только не думал видимым знаком почтить память Екатерины, но, напротив, не любил, чтобы при разрешении государственных вопросов делались ссылки на указы или распоряжения Екатерины. Все бумаги и архивы за время ее царствования оставались закрытыми, и только в недавнее время дозволено печатать документы в обилии, находящиеся как у частных лиц, так и в правительственных учреждениях. Александр Николаевич, напротив того, с самого своего вступления на престол неоднократно высказывал сочувствие свое к великим делам Екатерины, и личность этой великой женщины не имела в глазах его тех невыгодных сторон, которые так смущали отца его. Не менее того, и Александр Николаевич долго не решался выразить то уважение к памяти Екатерины, которое уже давно в России чувствовалось, несмотря на скудость сведений о ее царствовании.

Князь Горчаков рассказал мне, что однажды, несколько лет тому назад, будучи в Царском Селе у императрицы, в тех самых комнатах, в которых жила некогда Екатерина, он заметил императрице в присутствии государя, что ему, Горчакову, всегда кажется, что в этих комнатах невидимо обитает еще дух Екатерины, так все ее здесь напоминает. При этом он сказал, что ему всегда прискорбно, гуляя по Петербургу, не видеть ни одного знака, напоминающего царствование этой великой монархини. Государь понял намек и, подумав, сказал Горчакову: «*Mon fils pourra le faire*»*. Горчаков замолчал, но императрица шепнула ему: «*Ne vous laissez pas decourager*»**. Впоследствии Горчаков несколько раз заводил разговор о том же предмете, и наконец узнал через Адлерберга, что решено поставить памятник в маленьком виде в Царском Селе и что модель памятника уже готова. Горчаков пошел посмотреть эту модель и нашел, что подобный памятник не отвечает вовсе его мысли. Екатерина изображена с лирою в руках и в размере обыкновенной статуи. При свидании с государем на вопрос его – видел ли он модель, Горчаков отвечал, что видел и очень недоволен: «*C'est bon pour un confiseur*»***, — и при этом прибавил, что будто бы проходящие при этом мимо модели бабы спросили его: «*Зачем матушке царице дали подкову в руки?*». — «*C'est peut-être assez pour la famille, mais pas assez pour le pays*»****, — окончил Горчаков и думает, что слова его произвели впечатление, ибо вскоре после того решено было памятник переделать в большом

* Мой сын сможет это сделать.

** Не позволяйте себе приходить в уныние.

*** Это хорошо для кондитера.

**** Это может быть довольно для фамилии, но еще недостаточно для страны.

виде, без лиры и поставить в Петербурге. Как бы то ни было, но памятник, вчера открытый, на мой взгляд, очень хорош, и теперь, по крайней мере на некоторое время, войдет в моду говорить, читать и изучать эпоху екатерининского царствования. Много поучительного представляет это царствование, в особенности для царей...

Сегодня было торжественное заседание Исторического общества⁹⁰, на котором присутствовал наследник и читались Половцовым, Гротом и Бычковым речи о государственной, ученой и литературной деятельности Екатерины. Все-го замечательнее в этой монархине — это ее искренняя и неподдельная любовь к русскому народу. Этим чувством проникнуты были и ее сотрудники — вот разгадка, почему деятельность их была плодотворна. Петр Великий, будучи русским человеком, до глубины костей влюбился в немцев. Екатерина, будучи по природе немкой, влюбилась в русских. Петр не дорожил теми хорошими и отличительными сторонами русского человека, не давая им цены, так как они были ему прирождены, а Екатерина именно потому и была так постоянно верна всему русскому духу и русскому чувству, потому что выработала сама в себе эти чувства и сознательно к ним относилась. Поэтому ни в одном ее указе, ни в одном ее слове нельзя найти фальши против русского духа. Приобретенным добром всегда человек дорожит больше, чем наследственным, так и тут. Мне не раз встречалось примечать, в особенности в женщинах, как они последовательно проводят в жизни те начала, которые вырабатываются или непосредственно опытом, или умом.

Между прочим, нынешняя наша императрица может служить примером. В течение двух лет я почти ежедневно во время зимы был ее чтецом. Во время этих чтений я имел случай близко ее узнать. Я всегда был поражен ее верным пониманием таких вещей и таких сторон русской жизни, которые положительно недоступны нашим не только дамам высшего круга, но и мужчинам. Мария Александровна путем искреннего и серьезного изучения православия пришла к разумению православного русского духа. Разумение это осталось и останется в ней бесплодным по недостатку характера и другим окружающим ее обстоятельствам, но она всегда искренне сочувствует тому, чему может сочувствовать только человек, усвоивший известное мирозерцание. Повторяю, к сожалению, она не оставит по себе следов своего духовного настроения. В первые годы царствования влияние ее еще было заметно, а теперь, кажется, оно вовсе не существует. Но я никогда не забуду всех ее суждений, например, при чтении мною записки Карамзина о старой и новой России и др., а также сочинений Гоголя и проч. Имей эта женщина талант, ум и волю Екатерины, она бы так же имела влияние на среду, ее окружающую, и умела бы устранить те нелепые страхи отвращения ко всему национальному, от которых мы теперь бедствуем.

10-го декабря. В прошедший понедельник было первое заседание Общего собрания Государственного совета по делу о воинской повинности. По-видимому, государь знает, что реформа эта возбудила разные мнения и опасения, и потому приказал великому князю не торопиться проведением ее через Общее

собрание и не стеснять подробное обсуждение. Вследствие сего великий князь при открытии заседания приглашал всех высказывать свое мнение — как об общих основаниях проекта, так и о подробностях. Министр народного просвещения разослал за несколько дней особую записку всем членам Совета, в которой он сильно критикует проект в том виде, в каком он вышел из Соединенного присутствия, и доказывает необходимость сделать только один разряд льгот для жеребьевых, для одних грамотных, без всяких особых льгот для высшего образования, а для вольноопределяющихся допускает опыты только для первых двух разрядов. Военный министр, в свою очередь, накануне заседания разослал свою записку в опровержение мнения министра народного просвещения. По поводу этого разногласия происходили оживленные споры, в которых я принимал участие, доказывая, что, по моему мнению, институт вольноопределяющихся представляется лишним, ежели жеребьевым трех разрядов будут предоставлены льготы. Одно из двух — или дать льготы трем разрядам жеребьевых, или вольноопределяющимся, ибо в двух местах льготы не могут распределены быть так, чтобы они друг другу не мешали. Главная приманка жеребьевым будет всегда та, что с лишком 75 % шанса совершенно быть освобожденным и от действительной службы, и от запаса, и ежели к этому прибавить еще сокращение срока действительной службы до 9-ти месяцев для первого разряда, до 18-ти месяцев для второго, до 3-х лет для 3-го, то приманка для вольноопределяющихся будет столь незначительна, что никто не пойдет в вольноопределяющиеся. Все почти первое заседание прошло в спорах о различных формах этого вопроса, и, в сущности, ничего еще не решено. Завтра будет второе заседание, которое обещает быть еще оживленнее, потому что на предварительном заседании у графа Шувалова, куда и я был приглашен, в присутствии редактора «Московских ведомостей», возникли новые вопросы о социальном значении реформы, о легкости получения официального звания разночинцами и проч. ... Все эти вопросы, вероятно в разных видах, заявлены будут завтра и еще более запутают и усложнят дело. По-видимому, только теперь главные влиятельные лица раскусили все важное социальное значение реформы, но ничего не могут придумать, чтобы остановить ее. Вероятно, и завтра не кончится спор по главным вопросам, а там пойдет рассмотрение проекта по параграфам, что займет еще несколько заседаний, так что к Новому году ни в каком случае дело не будет окончено.

11-го декабря. В сегодняшнем заседании, несмотря на продолжительные прения, окончили рассмотрение всех статей проекта; остались еще не рассмотренными приложения, так что в будущем заседании, вероятно, все будет кончено. Вследствие моего предложения для вольноопределяющихся уменьшен срок состояния в запасе на 9 лет, я предлагал 7 лет, но должен был уступить.

18-го декабря. Вчера окончено в Общем собрании рассмотрение проекта об общеобязательной воинской повинности. Прения касались вопросов второстепенных, но, по сильному настоянию великого князя, все пришли к соглашению, и государю был представлен журнал без всяких разногласий. Этим, по-видимому, очень доволен великий князь, хотя, без сомнения, потомству пока-

жется странным, как вопрос подобной важности мог встретить такое единомыслие. Но прения в Государственном совете теперь так обставлены — вследствие желания государя, чтобы приходили к соглашению, — что решительно нет места даже для желающих отличиться гражданским мужеством, они представились бы глупым донкихотством. В заключение прений великий князь сказал несколько слов, выразив надежду, что эта реформа будет новым полезным событием, ознаменовавшим настоящее царствование, и что все члены Государственного совета могут со спокойной совестью сказать себе, что исполнили долг свой, ибо подробно и всесторонне рассматривали проект.

По поводу этих слов я, воротясь домой, написал великому князю письмо, которое и послал сегодня:

«С.-Петербург, 18-го декабря, 1873-го года.

Ваше Императорское Высочество.

Заключая сегодня прения по вопросу об общеобязательной воинской повинности, Ваше Императорское Высочество изволили выразить надежду, что все члены Государственного совета могут со спокойной совестью ожидать последствий этой реформы, потому что она подверглась в Совете всестороннему рассмотрению, причем дана была возможность всем мнениям и сомнениям высказаться с полной откровенностью. Действительно, Ваше Императорское Высочество вправе были выразить эту надежду, ибо благосклонное и терпеливое внимание Ваше ко всем мнениям было столь же изумительно, как и достойно нашей благодарности.

Но само разнообразие возбужденных при обсуждении этой реформы вопросов, живость и некоторая странность споров, возникших в Совете, указывают уже отчасти на те трудности, с которыми предстоит бороться при введении в исполнение меры, непосредственно касающейся до жизненных интересов общества. Сознание этого невольно нарушает то спокойствие совести, с которой могли бы ожидать последствий реформы лица, принимавшие в ней более или менее непосредственное участие. Поэтому я приемлю смелость представить ныне на благоусмотрение Вашего Императорского Высочества те мысли, которые не могли быть мною заявлены в заседаниях Государственного совета — отчасти потому, что они не входят в круг вопросов, предстоящих разрешению, а главное, потому, что гласное возбуждение их сопряжено было со значительными неудобствами.

Приведение в исполнение реформы общеобязательной воинской повинности ляжет на обязанность почти всех министров и ведомств империи. Поэтому необходимо прежде всего, чтобы все министерства и ведомства не только в букве, но и в духе были совершенно согласны относительно всех подробностей реформы. Можно ли этого ожидать?

Ежели припомнить, сколько нужно было Вашему Императорскому Высочеству употребить времени, усилий, твердости и такта, чтобы достигнуть соглашения по вопросам даже второстепенным, то невольно рождается сомнение в продолжительности однообразного понимания разными ведомствами предстоящей им задачи. Правда, соглашение последовало по всем вопросам, но не нужно от себя скрывать, что соглашение это последовало больше в букве правил, чем в духе их. Природе человеческой свойственно, не нарушая прямо истины, хранить в задней мысли важность приходиться к соглашению. Нередко даже без воли человека, со временем, эта задняя мысль выступает при благоприятных обстоятельствах, и дело изменяется в существе.

1873 год

Вашему Императорскому Высочеству лучше меня известно, сколько новых вопросов будет поднято новой реформой, о которой еще не было, конечно, места судить. Справедливо замечено было г. военным министром, что много есть таких вопросов, которые, касаясь даже непосредственно военной реформы, не могут и не должны быть предметом закона. Такие вопросы возникнут непременно во всех ведомствах.

На чьей исключительной обязанности лежать будет общее охранение одного общего направления?

Я не осмеливаюсь и не решаюсь предполагать, чтобы гг. министры могли, собственной властью или с высочайшего утверждения, издавать какие-либо противоречивые друг другу постановления.

За этим во всяком случае надзор возможен, но масса частных случаев применения неясного или непонятного закона ускользает неминуемо от всякого контроля, ежели контроль этот не сосредоточен в каком-либо постоянном учреждении, централизующем дела, пока практика, опыт и закон не утвердятся окончательно в общем и однообразном понимании.

Главный комитет по крестьянским делам бесспорно доказал эту истину. Чтобы опровергнуть всякое сомнение в пользу этого учреждения, достаточно только вообразить себе, что бы такое было с крестьянской реформой, ежели бы все дела, бывшие в его рассмотрении, на первое время реформы подлежали бы обыкновенному течению? Для лиц беспристрастных и сколь-нибудь знакомых с ходом дел в наших управлениях не может быть ни малейшего сомнения в том, что Главный комитет служит в крестьянском деле тем камертоном, под лад которого были настроены все инструменты при исполнении этой великой симфонии.

Но, скажут, военная реформа далеко не имеет того значения, какое имела реформа крестьянская. На это осмеливаюсь возразить, что в крестьянской реформе правительство имело за собой массу народа, общественное мнение, восторженное настроение деятелей и исполнителей. В военной реформе, напротив того, все будет наоборот.

Великодушное самоотвержение всех сословий, выразившееся во всеподданнейших адресах, должно скорее усиливать, чем ослаблять заботливость правительства при введении тяжелой натуральной повинности. В крестьянской реформе правительство являлось сдерживающим элементом, оно должно было, в большей части случаев, удерживать исполнителей и оберегать частные интересы. В военной реформе, напротив, строгий надзор за точным исполнением обязанностей всех органов власти и охранение правительственного интереса составит существенную задачу правительства.

При таких условиях всякое колебание или шаткость мероприятия губительно отзовется на деле и может сильно повредить достоинству правительства.

Не стану утруждать внимание Вашего Императорского Высочества подробным развитием моей мысли и указанием на те дела и вопросы, которые с первого же дня издания Манифеста должны были бы подлежать рассмотрению Главного комитета по воинской повинности. Цель настоящего моего представления заключается только в том, чтобы указать на мысль, подвергнув ее на благоусмотрение Вашего Императорского Высочества.

24-го декабря. Вчера великий князь сказал мне, что получил, очень сочувствует, но положительно отказывается от председательства в этом Главном комитете, хотя чувствует, что, кроме него, никто не может председательствовать.

Но я сегодня узнал через Сольского (государственный секретарь), которому великий князь передал мое письмо, что мысль моя занимает великого князя и что он поручил Сольскому переговорить о ней с военным министром.

27-го декабря. Сегодня было экстренное заседание Государственного совета для утверждения сметы на 1874 год и для подписания журнала о воинской повинности. Тут я узнал, что мысль моя об учреждении постоянного присутствия для сосредоточения всех дел по воинской повинности, по всей вероятности, осуществится: военный министр с радостью на нее соглашается и, вероятно, будет представлена государю о сохранении *en permanence** Особого присутствия по воинской повинности в сокращенном виде.

На сих днях был у государя Совет министров, на котором, неизвестно по какому поводу и по какой причине, возбужден был вопрос о ближайшем надзоре за народными школами. Результатом этого заседания Совета министров вышел сегодня следующий неясный, бестолковый и безграмотный рескрипт.

**Высочайший рескрипт.
На имя министра народного просвещения,
графа Д. А. Толстого**

Граф Дмитрий Андреевич.

В постоянных заботах о благе Моего народа, Я обращаю особое внимание на дело народного просвещения, видя в нем движущую силу всякого успеха и утверждение тех нравственных основ, на которых зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитию народного образования в России, Я утвердил в 1871 и 1872-х годах, согласно с такими моими видами, уставы средних учебных заведений вверенного Вам ведомства, долженствующих дать вполне основательное общее образование юношеству, готовящемуся к занятиям высшими науками, а не предназначенных себя к оным приспособлять к полезной практической деятельности. Заботясь равно о том, чтобы свет благого просвещения распространялся во всех слоях населения, Я повелел учредить учительские институты и семинарии для приготовления наставников народных училищ, городских и сельских. Сами училища эти должны получить указанное им правильное устройство и развитие, сообразно с потребностями времени и замечаемым в настоящую пору повсеместно в империи стремлением к образованию. Я надеюсь, что ожидаемое вследствие сего размножение народных училищ распространит в населениях, вместе с грамотностью, ясное разумение божественных истин учения Христова с живым и деятельным чувством гражданского долга.

Но достижение цели, для блага народного столь важной, подлежит предусмотрительно обеспечить. То, что в предначертаниях моих должно служить к истинному просвещению молодых поколений, могло бы, при недостатке попечительного наблюдения, быть обращено в оружие нравственного растления народа, к чему уже обнаружены некоторые попытки, и отклонить его от тех верований, под сенью которых в течение веков собиралась, крепла и возвеличивалась Россия.

Как лицо, призванное Моим доверием к осуществлению Моих предначертаний по части народного просвещения, Вы усугубите всегда отличавшее Вас рве-

---

* постоянно

ние к тому, чтобы положенные в основу воспитания начала веры, нравственности, гражданского долга и основательности учения были ограждены и обеспечены от всякого колебания. Согласно с сим, Я вменяю в полную обязанность непременно оказывать в сем деле Вам полное содействие.

Дело народного образования — в духе религии и нравственности — есть дело столь великое и священное, что поддержанию и упрочению его в сем истинно благом направлении должно служить не одно только духовенство, но и все просвещеннейшие люди страны. Российскому дворянству, всегда служившему живым примером доблести и преданности долгу гражданина, по преимуществу предлежит в сем попечение. Я призываю верное мое дворянство стать на страже народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний. Возлагая на него и в сем деле мое доверие, Я повелеваю Вам, по соглашению с министром внутренних дел, обратиться к местным предводителям дворянства, дабы они, в звании попечителей начальных училищ в их губерниях и уездах и на основании прав, которые им будут предоставлены особыми о том постановлениями, способствовали ближайшим своим участием к обеспечению нравственного направления этих школ, а также их благоустройству и размножению.

Александр.

По прочтении этой ерунды всякий спросит: «Что сей сон означает?». Действительно, трудно понять, что хотят сказать этим рескриптом. Из подробных расспросов нескольких лиц, бывших в Совете, оказывается следующее: Толстой, Шувалов, Тимашев с содействием Валуева приготовили рескрипт, который был прочтен в Совете у государя. Никто из присутствующих, кроме упомянутых лиц, не был предупрежден об этом. Все были в недоумении и не могли объяснить себе ни цели, ни повода рескрипта, тем более что в настоящее время находится на рассмотрении в Государственном совете целый проект об устройстве инспекций за народными школами, и в том проекте ничего не говорится о дворянстве. Говорят, князь Горчаков сильно возражал против издания акта, который, не имея никакого практического применения, произведет недоумение. Он умолял государя отказаться от этой мысли, доказывая, что за границей невольно подумают, что наши народные школы находятся в каком-то буйном настроении, когда понадобилось сделать воззвание к целому сословию дворянства и призвать его на помощь правительству. В смысле непрактичности этой меры говорили Урусов, Строганов и великий князь Константин Николаевич, сей последний, говорят, с большим жаром и толком. Государь настаивал на необходимости, между прочим, показать дворянству какой-либо знак доверия в ту минуту, когда при общеобязательной воинской повинности у него отнимается последняя привилегия. Кроме того, он указал на необходимость принять самые решительные меры против революционной пропаганды, будто бы сильно распространяющейся в России через народные школы. В заключение государь обратился к наследнику и спросил его мнение. Говорят, до сих пор не было примера, чтобы государь в присутствии других вызывал наследника на ответ. Он сконфузился, но, не менее того, ясно и положительно ответил, что не ожидает от этой меры никакой пользы, а полагает, что она, напротив, произведет замешательство. На это государь с видимым неудовольствием сказал, что он другого

мнения, и, обращаясь к наследнику, сказал: «Я делаю это для тебя и для твоего сына более, чем для себя», и затем объявил, что, несмотря на мнение сына и брата, он остается в убеждении, что рескрипт будет полезен, но что редакцию этого рескрипта можно будет смягчить, по соглашению с князем Горчаковым. Из этого соглашения и вышла та редакция, которая обнародована, из которой ясно только то, что писавшие ее — плохие редакторы. Не подлежит сомнению только одно, что в умах Шувалова и К^о что-то бродит, что они, видимо, около чего-то вертятся, но не умеют даже приняться за осуществление какой-либо мысли. В основании же всего лежит какой-то страх каких-то несуществующих опасностей, на котором плетут постоянно всякую канитель. Из газет одни только, вероятно, «Московские ведомости» решатся сказать что-нибудь об этом рескрипте, а так как Катков, положительно, уже решительно предался Шувалову, то, вероятно, и сам рескрипт вышел с его ведома, а потому он и даст ему какое-нибудь объяснение. Посмотрим...

30-го декабря. В Новый год объявлены будут назначения: Абазу — на место Чевкина председателем Департамента экономии; Грейга — на место Абазы государственным контролером и Шамшина — на место Грейга товарищем министра финансов. Это последнее назначение очень всех удивляет. Шамшин ни по способностям своим, ни по положению, занимаемому им в Министерстве финансов, где он уже несколько лет директор Кредитной канцелярии, не заслуживает такого повышения. Но что же делать — с каждым годом поневоле общий уровень людей, выступающих вперед, должен, по необходимости, падать, ибо из людей не заподозренных т. е. не участвовавших в прежних реформах, нет никого, чем-либо заслуживающего повышения, и клика, ныне господствующая, не допустит в дело никого мало-мальски способного и с характером.

Грейг принял место государственного контролера с неудовольствием, считая его ниже своего достоинства. Он мечтал быть или министром финансов, или министром государственных имуществ. Честолюбие и крайняя самоуверенность Грейга заставляла его желать получить портфель финансов, но теперь он видит, что Абаза имеет больше шансов получить это министерство, ежели оно будет вакантным, а к Министерству государственных имуществ его влечет желание комфорта и приятной, нетрудной обязанности. Вероятно, он получит это министерство, когда по каким-либо причинам его оставит Валуев. Никакого прока я от Грейга не ожидаю. Ежели бы он был не столь самоуверен, невежествен и, в особенности, не относился бы с таким презрением к изучению России, то из него мог бы выйти полезный человек, потому что он не лишен способностей. Он начал свою службу на гражданском поприще, под моим начальством, в Комиссариатском департаменте Морского министерства. Великий князь, уезжая, кажется, в 1855-м или 1856-м году за границу, просил меня взять Грейга, бывшего при нем адъютантом, для ознакомления с делами. По возвращении великого князя я аттестовал Грейга как способного молодого человека. Делу я его, разумеется, в короткое время научить не мог, но он без моего содействия был тверд в другой науке, в которой я был совершенный невежда, а именно он оказался великим мастером прокладывать себе дорогу не работой, а ловко-

1874 год

стью, так что скоро сделался директором Канцелярии Морского министерства, сломал шею Милютину, управляющему Морским министерством, и посадил на его место Краббе, также ловкого господина, и, не будучи никогда моряком, получил чин и мундир. Потом, не участвуя ни в какой работе, ни по какой реформе, держал себя в стороне, сделался другом великого князя и притом сохранил дружеские отношения с Шуваловым. Его сильной поддержкой пользуется и теперь, умеет вовремя представляться благонамеренным, вовремя либеральничать и с необыкновенным мастерством лавирует теперь между партией великого князя и Шувалова, так что тот и другой считают его своим человеком. Повторяю, ничего путного из этого не выйдет.

Абаза будет вполне на своем месте. Этот человек оказался даже более годным, чем я ожидал. Он отлично себя поставил и будет очень полезен и в настоящем, и в будущем.

Сегодня был у государя Совет министров, в котором окончательно решено составить общее присутствие Государственного совета для рассмотрения всех законодательных мер по исполнению воинской реформы и по надзору за исполнением. Великий князь назначается председателем этого присутствия... Таким образом, заявленная мною мысль осуществилась. Я рад этому, ибо уверен, что она полезна. Манифест об общеобязательной повинности завтра еще не выйдет, ибо государь еще не подписал его, но, вероятно, на днях будет обнародован. Замечательно, что государь, даже на словах, не выразил Милютину — военному министру — благодарности за его работу...

1874 год

2-го января. Сегодня вышел прилагаемый при сем Манифест. Он очень хорош. Его писал Сольский. Вчера выхода не было, потому что на днях приехал жених — принц Альфред⁹¹ — и хотят отдохнуть перед праздниками и разными встречами иностранных гостей.

Манифест

Божиею милостью
Мы, Александр Второй,
император и самодержец всероссийский,
царь польский, великий князь финляндский
и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем верным нашим верноподданым.

В постоянной заботливости о благе нашей империи и даровании ей лучших учреждений Мы не могли не обратить внимание на существовавший до сего времени порядок отправления воинской повинности. По действовавшим доньше узаконениям, повинность эта возлагалась лишь на сословие мещан и крестьян, и значительная часть русских подданных изъята была от обязанности, которая должна быть для всех одинаково священна. Такой порядок, сложившийся при иных

обстоятельствах, не согласуясь с изменившимися условиями государственного быта, не удовлетворяет и настоящим военным требованиям. Новейшие события доказали, что сила государств не в одной численности войска, но, преимущественно, в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития лишь тогда, когда дело защиты Отечества становится общим делом народа, когда все, без различий званий и состояний⁹², соединяются на это святое дело.

Признав необходимым преобразовать устройство военных сил империи, на основании указаний современного опыта, мы, в 1870-м году, повелели военному министру приступить к составлению предположения о более совершенном способе пополнения наших войск, с привлечением к воинской повинности всех вообще сословий.

Испытанная готовность наших подданных приносить себя в жертву Родине служила нам ручательством, что призыв наш встретит в русских сердцах сочувственный отголосок. Мы в этом не ошиблись. Наше доблестное дворянство и другие не подлежащие рекрутству сословия в многократных заявлениях выразили нам радостное желание разделить с остальным народом тягости обязательной военной службы.

Мы приняли эти заявления с отрядным чувством гордости и благоговейною признательностью к Провидению, вручившему нам скипетр над народом, в котором любовь к отечеству и самоотвержение составляют заветное, из рода в род переходящее состояние всех сословий. Для предназначения на указанных новых началах нового устава о воинской повинности была затем образована Комиссия особая из чинов разных ведомств и других лиц, обладающих надлежащими по этой части сведениями. Составленный Комиссией и после подробного обсуждения исправленный Государственным советом устав вполне соответствует нашим видам. Исходя от основного положения, что защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа для замены охотниками. Действие нового закона не должно распространяться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев, на Кавказский край и другие поименованные в указе нашем Правительствующему Сенату отдаленные местности, для которых будут изданы особые положения. За сими исключениями и некоторыми в том же указе означенными временными льготами, мужское население империи и Царства Польского по достижении 20 лет будет подлежать жребию, которым определяется один раз навсегда, кто обязан идти на действительную службу и кто остается от нее свободным. Для поступивших в сухопутные войска хотя полагается общий 15-летний срок службы, но по истечении 6-ти лет, а в случае возможности и ранее того, они будут распускаемы по домам с обязанностью являться под знамена по призывам правительства лишь в случаях чрезвычайной военной надобности. Поступающим во флот и в войска, в некоторых отдаленных местностях расположенные, назначаются особые сроки службы. Для молодых людей, обучавшихся в училищах, не исключая и начальных, продолжительность пребывания в войсках в мирное время значительно сокращается, соответственно степени и роду полученного им образования, и, сверх того, предоставляются им другие важные облегчения.

Утвердив составленный, согласно с сими основаниями, устав о воинской повинности и призывая подданных наших именем дорогой всем нам отчизны к ревностному исполнению возлагаемых на них обязанностей, Мы не имеем намерения отступить от начал, которым неуклонно следовали во все наше царствование. Мы не ищем, как не искали до сих пор, блеска военной славы и лучшим жребием,

1874 год

ниспосланным нам от Бога, почитаем вести Россию к величию путем мирного преуспеяния и всестороннего внутреннего развития. Устройство могущественной военной силы не остановит и не замедлит этого развития; оно, напротив, обеспечит правильный и непрерывный ход оно, ограждая безопасность государства и предупреждая всякое посягательство на его спокойствие. Даруемые же ныне важные преимущества молодым людям, получившим образование, да будут новым орудием к распространению в народе нашем истинного просвещения, в котором мы видим основание и залог его будущего благоденствия.

Дан в С.-Петербурге, января в 1-ый день,
в лето от рождества Христова 1874, Царствования же
нашего в 19-ое.

На подлинном собственною Его Императорского
Величества рукою написано:

«Александр».

Печатано в С.-Петербургской, при Сенате, типографии,
января, 2-го дня, 1874 года.

4-го января. По поводу рескрипта Толстому уже начинаются разные агитации. В Москве дворянство приготовило благодарственный адрес. Притом, говорят, князь Щербатов и Самарин протестовали, но безуспешно.

А вот что пишет «Голос» в передовой статье:

«Голос» от 7-го января 1874 г.

«Первый день прошлой недели ознаменовался изданием закона о воинской повинности, важность и значение которого для нашей культуры едва ли в настоящее время могут быть определены даже приблизительно. Начало прекращения сословной розни и уничтожения несправедливых привилегий положено незабвенным Манифестом 19-го февраля 1861-го года, который касался двух крайних общественных состояний — дворянства и крестьян. Следовавшая за этим преобразованием судебная реформа уравнила перед судом и законом всех граждан Русской земли. В том же направлении совершились преобразования земского и городского самоуправления, где высшее, среднее и низшее сословия привлечены были к равному участию в делах. Манифест 1-го января 1874-го года дополняет дело уравнивания сословий, давая применение этому принципу в самых широких размерах и в более рельефной форме».

Видимо, эта статья написана в ответ адресу. Действительно, странно — на деле у дворянства отнята последняя привилегия, а на словах говорят еще о каком-то призвании дворянства. Дворянство же отвечает надеждою, что последует какое-то обновление самого учреждения дворянства, и на это также государь отвечает, что он очень доволен. Что из всего этого можно понять... Говорят, на днях государь прочел адрес московского дворянства в присутствии представлявшихся ему предводителей других губерний и сказал, что в московском адресе выражены именно те чувства и мысли, которые он имеет.

11-го января. Сегодня отпраздновали с подобающим великолепием свадьбу великой княгини Марии Александровны с принцем Эдинбургским Альфредом. Что-то принесет нам этот союз...

Праздникам нет конца. Герцог и герцогиня Гальские, по-видимому, очень любят танцевать и веселиться, а герцог, кроме того, говорят, большой охотник выпить, и наши молодые князья – Владимир и Алексей, и в особенности первый, ему не уступают, поэтому попойкам и кутежам нет конца. В особенности, говорят, молодежь отличалась в Москве, где каждую ночь во все время их пребывания происходил кутеж с цыганами. Редко двор приезжает в Москву, и потому каждое действие каждого лица строго замечается и судится. Скандал последнего пребывания, говорят, произвел самое неприятное впечатление. Хорошо, по крайней мере, то, что ни государь, ни наследник, ни молодой муж не принимали участия в этих вакханалиях. Теперь, на днях, ожидают приезда императора Австрийского, и по этому случаю начнутся вновь официальные празднества и торжества. Не знаю, насколько все эти дружеские излияния царственных особ могут упрочить мир и согласие, но, к сожалению, они не уменьшают усиленного вооружения, и все государства Европы продолжают разоряться на преобразование и вооружение огромных армий. Для нас большой прилив иностранцев, и в особенности англичан, имеет ту хорошую сторону, что иностранцы уносят от нас благоприятные впечатления, по крайней мере те, которые посерьезнее. В числе сих последних замечателен декан Вестминстерского аббатства Станлей, совершавший здесь английский обряд венчания герцога Эдинбургского.

Этот ученый муж уже прежде бывал в России и занимался изучением православной церкви, он очень сочувственно относится к многому тому, что у нас хорошего, и с его слов многие «русские» начинают думать, что действительно в нашей церкви и в духе нашего народа не все мерзость, варварство и запустение. Сегодня Станлей был в заседании Общества духовного просвещения и Победоносцев приветствовал его речью на французском языке, весьма хорошо составленную.

10-го марта. С лишком два месяца не заносил ничего в свой дневник, потому что за это время не происходило ничего особенного в общественной жизни и в правительственных сферах.

Праздники по случаю бракосочетания Марии Александровны наконец кончились, все разъехались, наступило относительно спокойное время. В Государственном совете законодательная работа сильно отодвинулась. Съезд Земельных банков кончился, труды его будут напечатаны. Вопрос о раскольничьих браках не только уже решен в Общем собрании Государственного совета, но уже утвержден в самом либеральном смысле государем. Из совокупности различных эпизодов, возникших при обсуждении этого вопроса в Общем собрании Государственного совета, выяснилось, что руководители всего этого дела — граф Шувалов и Валуев — опасались противодействия со стороны государя, ежели дело будет представлено в настоящем его виде, т. е. что этим законом, с одной стороны, официально признается раскол за законное явление, а с другой, — допускается в нашем законодательстве принцип гражданского брака; чтобы маскировать эти проявления либерализма, не вяжущиеся с общим настроением государя и его современных важных и облеченных дове-

рием слуг, придумывались разные комбинации, более реакционные, чем касающиеся до существа. В мотивах журнала написаны такие рассуждения, которые, конечно, удивят будущего историка своей несообразностью и своим противоречием. Когда читал журнал Общего собрания, мне постоянно хотелось спросить: «Qui est ce qui on trompe ici?»*

Как бы то ни было, но дело сделано, и на нем не остановятся. В непродолжительном времени представлены будут меры, уже прямо устанавливающие равноправие всех раскольнических сект с православной церковью. Но так как равноправности между церковью, находящейся в полном и рабском подчинении светской власти, и церковью, вне всякого подчинения состоящей, быть не может, то на деле церковное устройство раскола будет иметь столь огромное преимущество перед господствующей православной церковью, что преобладание первой, по моему мнению, несомненно, ежели господствующая православная церковь тем или другим путем не выйдет из своего униженного и поработанного состояния.

Мне кажется, в недалеком будущем православная церковь должна будет пробудиться или слиться с расколом, чтобы этим путем получить свободу. Не думаю, чтобы главные руководители раскольнического вопроса сознавали всю важность этого вопроса, но, по моему мнению, можно скорее радоваться, что так сложились обстоятельства. Конечно, можно было бы желать, чтобы православная церковь освободилась бы более правильным и мирным путем от своих мертвящих оков, но так как, по-видимому, без внешнего толчка ничего нельзя ожидать от нынешних представителей нашей церковной иерархии, то, может быть, и недурно, что гром наконец грянул — авось Синод и перекрестится. Любопытно будет посмотреть, какой *modus vivendi*** будет приискан для совместного существования двух церковных православных иерархий — раскольничьей и православной. Я не сомневаюсь, что лучшие представители нашей церкви станут во главе раскольничьего движения, когда увидят ясно, что этим путем они могут восстановить свободную православную церковь, они очистят раскол от его грубых и невежественных элементов, и тогда неудивительно будет, ежели в недрах официальной православной церкви <останется> лишь одно придворное духовенство с его паствой. Как бы в подтверждение моего предсказания представляются факты, все более и более предвещающие близкое ослабление официальной силы, под охраной которой заглохла наша православная церковь.

Свадьба великого князя Владимира Александровича на принцессе Мекленбург-Шверинской, о которой говорили 2 года тому назад, теперь уже решена. Принцесса — протестантка и решительно отказалась принять православие, это непреодолимое до сих пор препятствие только отсрочило на время эту свадьбу. Наконец, государю надоело стесняться этим, будто бы ничтожным и варварским, препятствием, и он согласился на брак, хотя императрица явно ему не сочувствует. Тут дело вовсе не в религиозной терпимости, а в соображениях другого рода, на которых остановиться не хотят не только по легкомыслию, но

* Кого же здесь обманывают?

** образ жизни (лат.)

и по непонятному отсутствию чувства собственного достоинства. Прежде всего, нужно знать, что принцесса Мекленбургская потому, главное, упорствует в своем желании остаться протестанткой, что под влиянием прусской политики она считает для немецкой принцессы теперь, когда все немцы после погрома Франции подняли головы, унижаться каким-либо условиям. Эту мысль прямо мне высказал два года назад принц Август Вюртембергский, которого я видел проездом в Берлине, где перед моим приездом уже шла речь об устройстве этой свадьбы. Он мне сказал: «Vous pouvez être sur que maintenant aucune Princesse Allemande ne voudra changer de religion en épousant Vos Princes»*.

Этому, следовательно, политическому, а не религиозному упорству мы беспрекословно подчинились... Понятно, что все наши великие княгини должны бы быть этим оскорблены. Наконец, в основных законах наших об императорской фамилии именно определено, что все члены императорской фамилии, к которым может перейти право престолонаследия, должны быть женаты не иначе, как по принятии женами их православия. Все статьи основных законов утверждают за членами императорской фамилии разного рода льготы и преимущества, только эта одна статья определяет некоторое ограничение — ее-то и обходят... Этим создалась трудность, которая поставит в самое трудное положение будущего наследника престола в приискании себе невесты, ибо, конечно, уже нельзя будет требовать от какой-либо принцессы, чтобы она прилично подчинилась правилу, от которого уже допущено отступление. К тому же, ежели сделано исключение для протестантки, почему не допустить его и для католички?.. И вот с католической принцессой явится в придворный мир новый элемент всяких интриг и пакостей. Я уже не говорю о том, какое невыгодное положение произведет известие об этой свадьбе в России, — на это уже давно не обращают внимания; баррикад не будет — и довольно. Защитники этой новой проделки прусского влияния (нужно прибавить, что принцесса Мекленбургская — родная племянница принца Рейса, прусского посланника и любимца государя), защитники эти говорят, что лучше согласиться на этот брак, чем оставлять Владимира Александровича холостым и терпеть его бесчинства, публичный разврат и разгульную жизнь. Точно как будто бы уже нет никаких других средств, чтобы унять безобразия и разгул почти всей царственной семьи. В этом отношении распущенность действительно дошла до колоссальных размеров, и никакие цензурные запрещения не в состоянии оградить царственный престиж от унижения, когда разгульная молодежь, не сдержанная ни страхом ответственности, ни чувством приличия, ни собственным достоинством безнаказанно и публично топчет в грязь свое царственное звание.

На днях в особенности обнаружилось одно мерзкое дело, о котором говорит теперь весь город. Великий князь Николай Константинович, старший сын Константина Николаевича, обличен в краже бриллиантов с образов своей матери и других вещей в разных местах, кроме того, в разных других мерзостях, о которых говорят различно. Живя открыто в связи с какой-то американкою, он

---

* Вы можете быть уверены, что теперь никакая немецкая принцесса не захочет менять религию, выходя за ваших великих князей.

ей передавал эти вещи и вместе с нею пьянствовал. Это несчастное дело обнаружилось почти накануне отъезда государя и великого князя Константина Николаевича на свадьбу дочери Ольги Константиновны. Государь и великий князь, естественно, поражены и огорчены этим делом. Решено признать Николая Константиновича сумасшедшим, что, может быть, отчасти и правда, ибо мать его была положительно сумасшедшей и теперь по временам сумасшествует. Дальнейшая участь этого мерзкого дела будет, вероятно, решена по возвращении великого князя из Штутгарта. Я глубоко скорблю за бедного Константина Николаевича, для которого это будет весьма чувствительный удар, ибо он, кажется, этого сына любит. Ужасно подумать, сколько горя имеет этот человек в своей семье. Но и он не может быть освобожден от доли ответственности за все эти безобразия.

Вообще уже сам опыт указывает на необходимость изменить положение императорской фамилии, она так размножается, что в весьма непродолжительном времени никакие финансы не в состоянии будут выдержать огромных расходов, производимых из казны и из Удельного ведомства⁹³, на содержание всех лиц столь многочисленной фамилии. Ежели не положен будет предел этому возрастанию вне общих законов состоящих многочисленных семейств, то скоро образуется целое племя особо привилегированных лиц, не подлежащих никаким повинностям и безответственным перед законом за свои дела. При той обстановке, при которой воспитываются и живут наши великие князья, только строгая дисциплина или строгий этикет могут поддержать какой-нибудь порядок. При покойном государе Николае Павловиче страх держал всех в пределах приличия, но при нынешнем государе великие князья мало-помалу освободились лично от всех стеснений и притом сохранили все льготы и преимущества, освобождающие их от тех обязательств и условных стеснений, которым невольно подчиняются все частные люди, над поведением которых существует контроль общественного мнения, гласности и, наконец, полиции и суда. Последствием этого является ряд скандалов, даже уголовных преступлений среди царского семейства, которые остаются почти безнаказанными. Так, несколько лет тому назад старший сын принца Петра Георгиевича Ольденбургского — принц Николай, командуя каким-то армейским полком, бросил без разрешения полк, увез какую-то барышню, обвенчался с нею, представив подложные документы, и скрылся. Его поймали, лишили майората⁹⁴, на короткое время разжаловали, а теперь он опять на службе генералом и живет с женой в Петербурге. Потом, сын Марии Николаевны, Евгений Лейхтенбергский, будучи в военной службе, бежал за границу с французенкой, обманул на границе чиновников, его поймали в Берлине, возвратили назад, продержали некоторое время в Петергофе, а потом опять простили и позволили ему жениться на девице Опочининой. Старший брат его — Николай Лейхтенбергский — также, будучи на службе флигель-адъютантом, бежал за границу с замужней женщиной, г. Акинфиевой, где и живет до сих пор безнаказанно и считается в отпуске. Засим, великий князь Алексей Александрович связался с фрейлиной Жуковской, дочерью поэта, сиротой, принятой под особое попечение государя и императрицы, и во дворце безнаказанно был с нею в связи, пока она <не> забеременела, тогда ее услали за

границу, где она и родила, а его послали в кругосветное плавание, где он путешествовал почти 3 года, что также немало стоило денег, а теперь опять здесь и открыто живет с француженкой. Теперь, наконец, новый и самый крупный скандал, который не может быть скрыт признанием Николая Константиновича сумасшедшим. Все эти факты должны же, наконец, заставить подумать серьезно о сохранении ежели уже не престижа, то хотя бы репутации честных людей за семейством, к которому привыкли до сих пор обращаться с благоговением.

13-го мая. Сегодня было последнее заседание Общего собрания Государственного совета. В течение сессии нынешнего года много было рассмотрено важных дел, не говоря уже о воинской повинности и вопросе о раскольнических браках. Сегодня прошло положение о гласных судах в Царстве Польском, об отмене натуральной постоянной повинности, об уничтожении мировых посредников, о вредных сообществах. Теперь же до октября законодательное сражение закрывается, к общему удовольствию законодателей и, я думаю, без особого вреда государству.

Прием, сделанный государю в Англии, превзошел все ожидания. Его приветствуют восторженными заявлениями как освободителя и реформатора. Здесь он сердился, когда напоминали ему о славных реформах его, быть может, там он опять очнется и перестанет раскаиваться в увлечениях первой половины своего царствования. Теперь, по случаю вакантного времени, я совершенно свободен от служебных обязанностей и мог бы ехать в деревню, но меня задерживают экзамены детей и необходимость хоть раз в неделю быть в банке, где дела идут, благодаря Богу, успешно, и ожидания мои относительно денежных выгод вполне оправдались; благодаря этому обстоятельству я кое-как, без больших долгов, свожу концы с концами. В течение лета должен буду много читать и готовиться к возложенной на меня работе — составлению нового законоположения об отчуждениях для общественной пользы.

Пользуясь вакантным временем, я совершил весьма приятную и полезную прогулку. Я съездил в Лондон, пробыл там неделю, побывал в Париже и в Брюсселе и вернулся на прошедшей неделе весьма благополучно в Петербург. Жена с детьми проводит лето в Никольском.

Я очень доволен своей поездкой в Лондон. Все, что я там видел, превзошло мои ожидания, не говоря уже о громадности самого города, о своеобразности его жизни. Я поражен величием и целостностью народного духа, проявляющегося во всем, как в государственных учреждениях, так и в подробных мелочах общественной и частной жизни. Я еще более убедился в том, что Англия не может служить образцом ни для одного континентального государства, что всякий административный и даже полицейский порядок так тесно связан с особенностями народного духа и характера, что, перенесенный на другую почву, этот порядок теряет всякий смысл и значение. В неделю едва можно успеть обозреть главные достопримечательности Лондона, но даже после этого краткого обозрения останется впечатление весьма глубокое и совершенно отличное от того, которое я до сих пор выносил из моих путешествий по Европе. Хотя я знал, что воскресный день строго чтится в Англии, но я никак не воображал,

чтобы целый народ и город в 3 миллиона жителей мог бы так единодушно подчиниться такому, в сущности, довольно тягостному условию для проявления своего уважения к отвлеченному принципу и обычаю, никаким законом не предписанным. В воскресный день весь Лондон точно вымирает — на самых оживленных улицах, где в обыкновенные дни едва можно пробраться, не видим ни одного экипажа. Все дела останавливаются, почти все рестораны закрыты, и даже почта не разносит писем. Во многих местах телеграф не действует. Нет ни одного народа на континенте, который в состоянии бы был представить образец подобного серьезного подчинения своего комфорта какой-либо отвлеченной идее. К сожалению, не зная языка, я не мог подробно ознакомиться даже с теми предметами, которые видел. В парламенте мог только наглядно утвердиться во мнении, что это учреждение соответствует величию народа. Внешнее устройство парламента великолепно. Я осмотрел все его залы, библиотеку при вечернем освещении. Погода во все время пребывания моего в Лондоне была великолепная, ночи теплые, и к довершению очарования новая, неожиданная комета блистала в полном блеске. При первой возможности вновь поеду в Лондон, чтобы ознакомиться с частной, семейной стороной английской жизни. Эта сторона представляет много оригинального. В Лондоне во время сезона, когда я был, вся жизнь мужчин сосредоточена в клубах, и ежели судить по этому времени, то можно бы ошибочно предполагать, что семейной жизни не существует. Даже на улицах редко встречаем мужчин вместе с женщинами. Мне кажется, что начала, на которых зиждется политическая и социальная жизнь Англии, так крепки, что они еще долго выдержат напор новых идей и учений.

Совсем иное впечатление производит сейчас несчастная Франция. Я поехал в Париж, узнав, что там готовится бурное заседание в Национальном собрании по поводу предложения Казимира Перье об объявлении республиканской формы правления во Франции. Мне удалось получить от князя Орлова, нашего посланника, письмо к председателю Национального собрания. Он принял меня очень любезно в Версале и дал мне билет на своей трибуне, так что я с 2-х часов и до 6-ти часов вечера мог насладиться самым курьезным зрелищем распадающегося государства. Кроме внешнего безобразия, неприличных криков и хохота толпы представителей различных пожирающих друг друга партий, меня поразило отсутствие серьезности и каких-либо убеждений со стороны лучших представителей интеллигентности нынешней Франции. Я вынес убеждение, что только новая Коммуна, которая бы с большей против прежнего силой и могуществом пронеистовствовала бы над Францией, может спасти ее от конечной гибели. Только сильная реакция в пользу порядка, вызванная страхом, может теперь соединить французов к какому-нибудь единодушному действию. Нет ни одного нравственного начала, во имя которого они могли бы соединиться. Нет ни одной формы правления, которая не была бы ими испробована. Остается одна надежда — это страх, под гнетом которого реакция может получить силу для ограничения свободы, при которой никакое правительство во Франции немислимо. Я убежден, что всякая партия, которая возьмет теперь верх и захочет утвердить что-нибудь прочное, ежели ей не подготовит почву новая Коммуна, не будет долговечна. Одним словом, мне кажется, что

Францию может спасти только новое внутреннее сильное междоусобие со всеми ужасами Коммуны и социального переворота.

Здесь у нас, во время моего отсутствия, произошли весьма важные перемены: граф Шувалов — шеф жандармов — назначен в Лондон посланником на место Брунова; на место Шувалова — Потапов⁹⁵; на место Потапова — Альбединский. Граф Бобринский — министр путей сообщений — уволен со скандалом, без всякого назначения, зачислен по запасным войскам, а адмирал Посыет назначен на его место.

О новом назначении Шувалова я еще знал перед отъездом, а потому известие это меня не удивило. Только здесь объясняют его назначение охлаждением и как бы нерасположением к сему фавориту. А я не видел и не вижу до сих пор оснований к подобному объяснению. Говорят, будто государю было неприятно, будто Шувалов стал в последнее время слишком откровенно принимать на себя роль первого министра, что будто бы Игнатъев, председатель Комитета министров, подавал даже государю какую-то записку об этом. Что будто бы княжна Долгорукая враждебно относилась к Шувалову и повредила ему, что, наконец, самому государю надоело вмешательство Шувалова в чужие дела. Все это, на мой взгляд, неправдоподобно. Напечатанный вчера рескрипт не подтверждает это мнение.

Хотя рескрипты пишутся в услужливых канцеляриях, но тем не менее говорить об услугах России и называть опытным и умным советником по всем делам государственного управления нельзя без воли подписывающего рескрипт. Кроме того, собственноручная приписка «и благодарным» — есть во всяком случае признак милости, а не охлаждения. Мне дело представляется совершенно иначе. Я знаю, что Шувалов, и в особенности жена его, тяготились положением обер-шпиона, и когда он почувствовал, что орудие, которым он пробил себе дорогу к власти, ему уже послужило и он может обходиться и без него, то он пожелал передать его в другие руки, но только с тем, чтобы эти руки были безопасны. Положение министра иностранных дел ему улыбалось. Это действительно в обыкновенное мирное время — самое спокойное и независимое положение, совершенно в стороне от всех других министерств, ни за что не ответственное, огражденное от всяких столкновений и неприятностей администрации. Министр иностранных дел, ежели лично приятен государю и пользуется его доверием, может легко приобрести в общем управлении государством, как член Комитета министров и Совета, первенствующее значение и сделаться *de facto** первым министром⁹⁶. Вот этого-то положения и желает получить Шувалов. Расчет его верен — Горчаков стар, а ежели сам скоро не уйдет, то напакостить ему будет немудрено. Пост посланника дает право на занятие места министра иностранных дел. Все это может совершиться через год, много через два. А между тем государь будет ощущать отсутствие Шувалова.

Во-первых, он так набалован Шуваловым по части доносов, что Потапов едва ли сумеет удовлетворить этой потребности государя читать и слышать ежедневно разные сплетни по разным министерствам, нередко сочиняемые *pour les*

* фактически (лат.)

besoins de la cause*. Во-вторых, Шувалов является каким-то примирителем различных столкновений разных министров и в той роли действовал успешно, имея многих министров своими послушными рабами. Он сам как будто возбуждал поводы к разным преткновениям, чтобы потом являться перед государем мудрым и умным советником и примирителем. Теперь все подобные случаи будут приходить к государю в сыром, так сказать, виде. Ему нужно будет приложить более усилий, чтобы придумать разрешение. К тому же личные вопросы всегда щекотливы и неприятны. Не раз государь пожалует, что нет Шувалова, и когда, наконец, Шувалов явится в качестве какого-нибудь министра, то он сделается более, чем когда-либо, сильным человеком. Вот, мне кажется, в чем заключается безошибочный расчет Шувалова. Кроме того, он человек честолюбивый и желал бы что-нибудь сделать, оставив о себе память. К сожалению, крайнее невежество, незнание России и отсутствие всякой житейской опытности, взамен которой в нем развита способность к придворной интриге, а с нею умение пользоваться только малыми средствами, с мелким взглядом на вещи. Эти недостатки делали бесплодными все его попытки сделать что-нибудь серьезное. Он великий либерал в совершенно отвлеченном западном смысле, и потому бесплоден для России. Про него можно сказать: «Qu'il est liberal en gros et tres despote au detail»**.

И это потому, что не развита у него, вследствие крайнего невежества, способность понимать отношение частного к общему. Он — великий поклонник конституционной формы правления и не прочь завтра же придумать для России какую-нибудь комедию или призрак конституции, но в то же время сам будет предлагать меры против необходимых последствий реформы. Он широко понимает принцип *liberté de conscience****; в приложении его готов будет дойти до инквизиции. Он враг принципа национальности не менее самого передового нигилиста, но это только потому, что презирает свою национальность и готов защищать всякую другую в ущерб своей. Притом, к сожалению, не умеет выбирать людей, боится способных и не доверяет им. При таких недостатках — я не верю, чтобы когда-нибудь из Шувалова вышел бы государственный, полезный для России человек. Природный ум его испорчен и, так сказать, развращен полицейской службой, в которой он сделал всю свою карьеру. Про него можно сказать, что его с детства мамка зашибла, а эта мамка — III Отделение. Это может замутить самый светлый ум. Во все время своего владычества Шувалов не выдвинул ни одного мало-мальски способного человека. Я произношу свое суждение о Шувалове совершенно беспристрастно. Я не имел с ним лично никаких таких столкновений, которые бы объяснили его вражду ко мне. Но мы друг другу не сочувствовали. Он имел случай мне повредить и, вероятно, делал это с убеждением, что я вреден буду тому направлению, в котором он действовал. На его месте, вероятно, я сделал бы то же. История оценит его деятельность, относя ее ко второй половине настоящего царствования. Мне отраднее считать себя хотя второстепенным деятелем первой половины, чем быть главным деятелем второй.

* для пользы дела.

** Он либерал в целом и деспот в деталях.

*** свобода вероисповедания.

О графе Бобринском⁹⁷ можно только удивляться, как его долго терпели министром, — это полоумный, бессовестный и нахальный человек, он держался только Шуваловым, который предполагал в нем большие государственные способности, потому что он обо всем судил и рядил и не лишен был, действительно, ума, но от матери своей унаследовал безмозглость, отличавшую поляков, т. е. сумбур и путаницу во всем, что говорит и делает.

Прежде его двоюродный брат, Владимир Алексеевич Бобринский, напутал так в этом несчастном Министерстве путей сообщений, что никто ничего не мог сообразить, а теперь окончательно Алексей Павлович довел это управление до такого безобразия, что едва ли адмирал Посьет⁹⁸, ничем никогда не управлявший и никогда в администрации не служивший, способен будет ввести какой-нибудь порядок. К тому же Посьет — моряк, а сколько я знаю наших моряков по долгому служению в их ведомстве, ни один из них ни на какое дело, кроме морского, не годится. Очень для меня будет удивительно, если Посьет кончит без скандала свое управление. Выбор Посьета — самого государя. Он сказал, что ему нужен в Министерстве путей сообщений моряк, чтобы устроить водные сообщения. Хорош резон...

Назначение Потапова⁹⁹ меня удивило, хотя я знал, что Шувалов будет всеми мерами стараться, чтобы место его не досталось в руки ловкого, подобного ему человека, который стал бы орудовать системой доносов для разных целей способом, им же указанным, но все-таки я не думал, чтобы государь остановил свой выбор на Потапове, ибо этот человек, кроме крайней ограниченности ума, не имеет также никаких привлекательных качеств для близких отношений. Потапов во всяком случае будет менее вреден в III Отделении, чем Шувалов, он будет ограничиваться чисто шпионской должностью, без особой хитрости. Но он не в состоянии будет отучить государя от привычки ежедневно лакомиться всякими вздорными доносами и сплетнями, которые до него и доходить никогда не должны были. Великий князь Константин Николаевич не может видеть Потапова. Он его терпеть не может и имеет о нем такое гнусное мнение, какого он и не заслуживает. Наследник тоже не благоволит к Потапову. Все министры, пользовавшиеся поддержкой Шувалова, пали духом: граф Панин, граф Толстой, да, я думаю, и Валуев, и Тимашев недовольны этой переменой. Все эти господа боятся, что назначение великого князя Константина Николаевича еще усилится. По окончании камикул, когда соберется Совет, все это разъяснится. В половине будущего месяца будет свадьба великого князя Владимира Александровича, говорят, не будет особенных празднеств. Во всяком случае я на них не буду, ибо намерен отправиться 29-го числа в Березичи, а потом, в августе, в Никольское.

По случаю экзамена детей я возвратился из Березичей к 10-му августа и, таким образом, попал в самый разгар свадебных празднеств при дворе. 15-го числа был торжественный въезд невесты великого князя Владимира Александровича, а на другой день — свадьба по обрядам православному и лютеранскому. В манифесте о свадьбе ничего не сказано, но великая княгиня остается лютеранкой, и в России узнают об этом только из церемониала.

Здесь, разумеется, этот факт остался как бы незамеченным. Невеста, а потом уже молодая, подходила к кресту без крестного знамения, на ектении¹⁰⁰ ее

просто называли великой княгиней, а не благоверной. В царской семье, кажется, надеются, что она сама поймет свое фальшивое положение и перейдет в православие, а я никак не разделяю этой надежды, потому что в настойчивости этой немецкой принцессы сохранить лютеранскую веру более играют роль соображения политические, чем религиозные. Я уверен, что все меры будут приняты со стороны германского посольства, столь сильного при дворе, чтобы отклонить принцессу от этой мысли, ежели бы и действительно она к ней явилась. Расчет немцев очень верен. Теперь уже ни одна принцесса не пойдет замуж за русского великого князя с переменной религии. Таким образом, у нас не будет ни императриц, ни великих княгинь православных. И таким образом, единственная связь, которая хотя искусственно, но несомненно приобрелась ими с Россией, окончательно будет уничтожена. А так как религиозный элемент в семействе обыкновенно сосредоточивается в женской половине, которая и на первоначальное воспитание детей имеет самое решительное влияние, то несомненно, что в самом непродолжительном времени царственный дом наш совершенно будет чужд православию. И все это делается самими ими, без всякой нужды, по непонятному ослеплению.

Новая великая княгиня некрасива собою, великий князь, кажется, не особенно влюблен, да едва ли он способен на какое-нибудь серьезное чувство. Поэтому ничто не заставляло прибегнуть к важному отступлению от основного закона империи.

Вчера был в Царском Селе бал, а сегодня государь уезжает в Крым. Императрица также на сих днях туда едет, а оттуда в Англию, на родину великой княгини Эдинбургской. Эта поездка тоже просто смешна и, говорят, не одобряется самим государем, но уже привычка взята ни в чем себе не отказывать. Многие замечают, что с отсутствием Шувалова государь гораздо менее озабочен и смотрит веселее.

20-го ноября. Три месяца я ничего не заносил в эту тетрадь. В политическом мире — полное затишье, а у нас — полная остановка в делах. Только в начале месяца собрались министры и начались обычные заседания. Государь же только завтра возвращается из Ливадии, а императрица из Лондона, куда ездила к родам дочери, отправилась в южную Италию, где, вероятно, пробудет всю зиму. О ней только на днях появилась в «Правительственном вестнике» краткая заметка, что она по болезни должна была выехать из Лондона в Италию, но в течение почти 2-х месяцев ни одна русская газета ни словом не упоминала о том, где она, так что русская публика могла думать, что она без вести пропала. Впрочем, цель, которую преследуют, по-видимому, противники всякой гласности о действиях царской фамилии, кажется, заметно достигается. Публика, уже даже в провинции, перестает интересоваться ими. Хорошо ли это и согласно ли с интересами династическими — это скажет время.

Во многих местностях России производятся в усиленном виде аресты молодежи¹⁰¹, все по поводу каких-то прокламаций. Газетам запрещено об этом говорить, а потому никто ничего хорошенько об этом не знает, и даже местные власти в губерниях совершенно не знают, за что арестуют, и даже не подозрева-

ют, чтобы в крае было какое-либо политическое волнение. Говорят, что большинство арестованной молодежи принадлежит к числу несчастных жертв крутой и в особенности круто и со злобой исполненной реформы в гимназиях. По этому поводу со всех сторон слышатся обвинения министра народного просвещения графа Толстого и говорят о его близком падении. Но эти слухи не имеют никакого основания¹⁰². Правда, Толстой в лице графа Шувалова лишился весьма сильной и, можно сказать, единственной опоры, но нет никаких признаков, чтобы государь решился теперь уволить Толстого, когда все реформы, им произведенные, утверждены были государем, вопреки мнению большинства Совета и сильной оппозиции других министров. В этом случае государь сделал величайшую ошибку, что оставил Толстого проводить эту реформу. В крестьянском деле, и даже в деле судебной реформы он поступил иначе, и хотя нам тогда казалось крайне абсурдным и вредным, что от исполнения крестьянской реформы устранены были все почти главнейшие деятели Редакционной комиссии и все дело было передано в руки людей, стоявших, в некоторой степени, в оппозиции этой реформе, однако на поверку надо сознаться, что это было очень хорошо, и ежели можно было отнести эту меру к сознательным действиям государя, то следовало бы назвать эту меру гениальной. В самом деле, лица, в течение нескольких лет работавшие усиленно над делом, в постоянной борьбе с препятствиями всякого рода, выносят столько накопившейся желчи и страсти, что от них нельзя ожидать нужного в деле спокойствия, беспристрастия и примирения. Я убежден, что ежели бы крестьянское дело оставлено было в исполнении в руках Милютин¹⁰³, то оно менее удачно и спокойно приведено было к окончанию. В большей, может быть, еще степени, следовало бы и в учебной реформе поступить так, как поступлено было в крестьянской. Толстой, уже по природе своей крайне желчный, упрямый, больной чужим здоровьем, еще более ожесточился в борьбе со встреченной им оппозицией не только в Государственном совете, в обществе, но даже и в своем ведомстве. Поэтому он приступил к делу с таким азартом, страстью и поспешностью, что положительно принес существенный вред и заслужил всеобщую ненависть. Реформа сама по себе не могла и не должна бы иметь таких последствий, но теперь она испорчена худым направлением и едва ли переживет своего творца.

Я уже 2 раза был назначен государем в комиссию для рассмотрения отчета министра просвещения. Комиссия эта обыкновенно назначалась под председательством графа С. Г. Строганова и состояла из 2-х членов Совета — Титова и меня. В первый год я воздержался от всяких замечаний, но в прошедшем году, при рассмотрении отчета графа Толстого за 1872 год, я решился высказать комиссии все, что у меня на душе. К сожалению, граф Строганов, который, вероятно, бы меня поддержал, так как из частных моих разговоров с ним я имел возможность убедиться, что он в многом разделял мой взгляд, граф Строганов, говоря, отказался от председательства, сказавшись больным, и уехал за границу, а на место его назначен был председателем комиссии принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Хотя после этого назначения я убедился, что мне невозможно будет добиться никаких серьезных результатов от моих замечаний на отчет, но я все-таки решился их сделать и на первом же заседании прочел свою

записку, в которой, по поводу жалобы графа Толстого, что вводимая им учебно-воспитательная реформа встречает со стороны некоторых ведомств с систематическое противодействие, я указывал комиссии необходимость потребовать от министра подробного объяснения и представить государю заключение по столь знаменательному факту; а между тем я изложил в записке обстоятельства, которые, по моему мнению, независимо от каких-либо противодействий от других ведомств возбуждают в обществе неудовольствие и сомнения по поводу реформы. Я указал на все поспешные, неосторожные и односторонние меры, которые принимаются самим министром народного просвещения и которые могут иметь самые печальные последствия. По выслушании моей записки принц Ольденбургский, как и следовало ожидать, смутился. Со стороны других членов комиссии, гг. Титова и Делянова, я не надеялся найти поддержки. Но все-таки решено было пригласить министра на заседание и потребовать от него объяснений. Так необычно было для принца Ольденбургского слышать серьезную критику действий министра, что он неоднократно принимался меня уговаривать, чтобы я примирился и не оспаривал бы министра. Его, видимо, озабочивал исход нашего предстоящего спора с Толстым в заседании, и, чтобы успокоить нас, он придумал следующую шутку. В назначенный для заседания день, вечером, в 8 часов, мы — члены комиссии и министр — собрались во дворце у принца, и как только все были в сборе, он вдруг предложил нам пойти посмотреть в его доме церковь. Войдя в нее, к общему нашему удивлению, мы нашли ее освещенною *adagio** и священника с диаконом в облачениях и певчих на клиросе. «Благослови, владыко», «Царю Небесный», и затем начался краткий молебен, окончившийся какою-то примирительной молитвой. Приложившись к кресту, мы с удивлением посмотрели друг на друга, не понимая, что все это значит и для чего такая торжественная религиозная обстановка. В кабинете был приготовлен стол заседания. Едва мы уселись, нам начали подавать мороженое и конфеты. Все это было в высшей степени комично, и, конечно, ежели бы мы были действительно в мрачном настроении духа, то эта комедия могла бы нас развеселить. Наконец, приступили к обсуждению. Принц робко, путаясь в словах, заметил Толстому, что он в отчете жалуется государю на разные ведомства и что следовало бы это объяснить. Тогда Толстой, с обычным своим резким и нахальным тоном, объяснил, что он разумел Военное ведомство, которое ему будто бы противодействует своими заведениями, и что государь это знает. Принц Ольденбургский обрадовался этому объяснению и объявил, что этим комиссия может удовольствоваться. Тогда я стал опровергать Толстого и стал доказывать, что не другие ведомства, а он сам виноват, ежели в обществе дурно отзываются о мерах, принимаемых министерством. Тут у нас начался довольно жаркий спор, к величайшему отчаянию бедного принца. Наконец, Толстой, видя, что я ставлю *au pied du mur***», вдруг спросил: «Да я не помню хорошенько, что у меня в отчете сказано?», и когда ему прочли то место, которое я выбрал мотивом для своей атаки, то он, со свой-

* ярко, как днем (итал.)

** в тупик

ственным ему цинизмом, объявил, что он от этих слов отказывается и готов их взять назад. Принц несказанно обрадовался такому повороту дела и стал мне доказывать, что после того, как министр сам отказался от своих слов, то мне нельзя уже больше настаивать. Хотя я и протестовал против возможности отказываться от своих слов, которые написаны и не могут быть исключены из отчета, уже представленного государю и нам от него переданного, но Толстой стал уверять, что государь этого отчета еще не читал и что он будет напечатан только в извлечении. Я чувствовал всю глупость подобного положения и, не видя возможности подавать особое мнение при таком обороте, какой приняло дело, плюнул и решился до следующего раза отложить неперемное мое намерение сказать по поводу отчета министра народного просвещения все, что, по моим убеждениям, необходимо знать царю. Тем и кончилась вся эта глупая история. Журнал комиссии представлен государю без всяких замечаний, и мы, все члены комиссии, получили за усердное рассмотрение отчета высочайшее благоволение, которое мне противно было читать. Копию с проекта моей записки я оставил у себя, она пригодится в будущем году, ежели меня опять назначат рассматривать отчет Толстого.

23-го декабря. Вчера я только закрыл заседание 2-го съезда представителей российских Земельных банков, где опять, по высочайшему назначению, председательствовал. Много было труда для подготовительных работ, а последние две недели я был занят с утра до вечера. Утешительно то, что польза от этих съездов несомненная. Отчеты заседаний, по примеру прошедшего года, будут напечатаны. Со стороны всех членов съезда я видел к себе внимание. Назначая меня в прошлом году председателем, государь повторил требование, чтобы представители съезда не выходили из пределов программы. В нынешнем году то же приказал мне через министра финансов. Исполнить эту задачу было немудрено, ибо никому и в голову не приходило говорить о чем-либо другом.

Но меня всегда поражает в подобных собраниях представителей разных специальностей тот сравнительно высокий уровень образования, знания и способности. Правительственные деятели стоят в этом отношении несравненно ниже, и можно сказать, что чем выше теперь иерархическое положение собрания или учреждения, тем ниже уровень его нравственного развития. На съезде представителей Земельных банков было несколько лиц, которые отличались и даром слова, и знаниями, и общим образованием. Вопросы в подобных собраниях обсуждаются не только подробнее, но с более общей и высшей точки зрения, чем в Государственном совете, где почти всякий вопрос вращается в тесной рамке поверхностных и легких суждений. Вообще очень заметно, что общество перерастает нравственно правительство. В прежние времена лица, привязанные к высшим должностям, ежели не отличались особенно блестящими способностями или высоким образованием, то по крайней мере в них часто встречалось, при здоровом уме, гражданское мужество и сознание важности государственного служения делу. Теперь же как-то все мельчает, стойкость во мнениях осуждается как глупость или дерзость, и общий тон отношения к делу близок к совершенному равнодушию. Опасности противоречить или быть в

1875 год

оппозиции гораздо меньше, чем прежде, последствия немилости или царского неудовольствия гораздо менее страшны, а между тем гораздо реже являются примеры самостоятельной твердости в исполнении обязанностей. Недавно, разбирая бумаги деда моего — Нелединского-Мелецкого, я нашел черновое, им писанное письмо к государю Александру I, в числе четырех сенаторов 4-го департамента Сената, в котором он прямо жалуется государю на то, что Государственный совет извратил в одном всеподданнейшем докладе, по одному делу, обстоятельства дела. И государь, получив это письмо, приказал вновь рассмотреть это дело в Государственном совете, и хотя прежнее постановление Совета оставалось в своей силе, но тем не менее нельзя не признать со стороны сенаторов, решивших послать подобную жалобу, и со стороны государя, принявшего ее, — мужественное и верное понимание ответственного дела. Теперь подобный факт был бы просто невозможен. Никому даже в голову не могло бы прийти постоять за свое мнение в интересах дела, но ежели бы подобная попытка и была бы сделана, то ее приняли бы за бунт. Я почти не знаю членов Государственного совета и Комитета министров, которые бы относились к делу с горячим интересом действительной пользы, без примеси других побуждений, и те члены, как, например, князь Урусов, барон Корф и прочие, которые более равнодушны к окончательному решению в том или ином смысле всякого дела, — те члены более всего имеют влияния, потому что за ними слепо идут другие, зная, что вожаки чувствуют, куда ветер дует.

В эпоху реформ, т. е. в первое десятилетие царствования, всеобщее возбуждение расшевелило несколько и самые равнодушные натуры, но теперь все замерло...

1875 год

Что-то Бог даст в наступающем году?

2-го января. В официальном мире новостей немного. Вчера объявлено о назначении 4-х новых членов в Государственный совет: сенатор Стояновский, статс-секретарь Заблоцкий¹⁰⁴, сенатор Торнау и статс-секретарь¹⁰⁵ Корнилов — вот на кого пал в нынешний год выбор.

Двое первых будут полезными членами. Стояновский был при Замятнине товарищем министра юстиции и проводил в Государственном совете судебную реформу, вследствие чего он попал в немилость и был в числе заподозренных в неблагонамеренности лиц. Заблоцкий еще более заподозренный человек. Он некогда был одним из любимцев графа Киселева и с тех пор прослыл красным демократом и прочее. При Николае Павловиче князь Меншиков, видя в Английском клубе вывешенное имя Заблоцкого, предложенного в кандидаты членов клуба, сказал громко: «А, это адъютант Пугачева?». Эти слова мгновенно разнеслись по всему клубу, и Заблоцкий был забаллотирован. Впоследствии Заблоцкий был статс-секретарем в Государственном совете и был членом Редакционной комиссии по крестьянскому делу. Это исключительно заподозрило его в глазах государя, и на неоднократное предложение

великого князя о назначении Заблоцкого членом Совета государь постоянно отвечал отказом. Вместо того он сделан был членом Финансового комитета¹⁰⁶. Настоящее его назначение последовало вследствие настоятельной просьбы великого князя, которому Абаза и Рейтерн доказали, что в Департаменте экономики в настоящее время нет ни одного не только живого человека, но хотя бы мало-мальски понимающего финансовое дело. Государь согласился на это назначение, видимо, по необходимости.

На днях открывается, под председательством Валуева, комиссия для рассмотрения проекта или, лучше сказать, проектов правил о найме рабочих. Эта комиссия составлена из вызванных по выбору правительства председателей земских управ, предводителей дворянства и городских членов. Эта комиссия есть та мышь, которую родила гора, задуманная в прошлом году Шуваловым и Валуевым, и которая должна была осуществить какое-то новое представительное учреждение для рассмотрения законодательных вопросов прежде поступления в Государственный совет. В настоящей скромной своей форме комиссия эта едва ли сделает что-либо толковое. Первоначальный проект о найме рабочих составлен был в комиссии под председательством Игнатьева. Затем в Министерстве внутренних дел выработан был свой проект, а затем Валуев в прошлом году летом, во время пребывания своего за границей, составил, как он называет, сводный проект, который, в сущности, есть его собственный, им составленный проект. Этот валуевский проект Валуев и испросил высочайшее разрешение рассматривать в комиссии, которая будет рассматривать его (собственно, им сочиненный) проект. Из этого, кроме вздору, ничего выйти не может...

15-го января. По примеру предшествовавших лет я назначен опять в комиссию для рассмотрения отчета министра народного просвещения за 1873-й год. Кроме того, я получил высочайшее повеление быть членом комиссии для рассмотрения отчета министра государственных имуществ под председательством генерал-адъютанта Г. А. Чевкина. К чтению отчета министра народного просвещения я уже приступил. Все, что не удалось мне сказать в прошедшем году о деятельности министра народного просвещения, все это я решил сказать теперь. В отчете много сказано такого, что нельзя оставить без замечания. На словах принц Ольденбургский также как будто возмущен некоторыми действиями Толстого по введению учебной реформы и хочет заявить свои осуждения, но я уверен, что когда дело дойдет до развязки и до объяснения с Толстым, то принц спасует и мне опять придется воевать одному.

27-го февраля. На днях было первое заседание комиссии под председательством принца Ольденбургского для рассмотрения отчета министра народного просвещения. Я принес целую тетрадь отдельных замечаний и, кроме того, пространное мнение по возбуждаемому министром вопросу о существующем недоверии прочности предпринятых преобразований. Случилось то, что я ожидал: все в существе со мной согласны, но никто не решается включить в журнал для доклада государю те замечания, которые обобщают вопрос. Бедный принц твердит все одно, что не следует делать оппозиции министру, на-

значенному государем, и все мои возражения, что мы для того именно и назначены государем, чтобы рассматривать отчет министра, критиковать его и представить наше мнение государю, — все эти возражения бессильны поколебать желание представить все государю в отличном виде, чтобы не беспокоить его. В других членах я не нахожу никакой поддержки. Титов совсем стушеввался, и от него никакого толку добиться нельзя, на словах он со мной согласен, а на деле ничего не высказывает.

Делянов — по природе подленький армяшка — был сам в 1873-м году, т. е. в том же году, за который рассматривается отчет, товарищем министра народного просвещения, а потому ему уже ни в каком случае не приходится критиковать его собственный отчет. Совестно, право, слушать, что говорится в комиссии; когда подумаешь, что эта комиссия назначена самим государем из высших государственных сановников, ни от какого министра не зависящих, и что они призваны сказать государю свое мнение о ходе дел в целом управлении, то невольно становится стыдно видеть, какими ничтожными соображениями руководствуются эти царские советчики и как мало в них желания пользоваться своим независимым положением, чтобы честно исполнить свой долг. Как мне ни противно донкихотствовать и как ни глупо положение одного воина в поле, но, не менее того, я по совести не могу решиться говорить одно в обществе, в салонах, с товарищами везде, где толкуют и судят строптивные действия министра народного просвещения, а другое — в комиссии. Следующее заседание будет происходить в присутствии министра — графа Толстого. Я при нем прочту свое мнение и, конечно, вызову с его стороны бурю...

Мнение мое следующего содержания:

«В заключение обзора состояний средних учебных заведений в 1873-м году министр народного просвещения во всеподданнейшем докладе своем высказывает следующее тревожное заключение:

“Как бы ни размножились учебные заведения (говорит он), и какие бы ни принимались меры для доставления им возможно лучших преподавателей, учебно-воспитательное дело не может идти успешно и принести все ожидаемые от него выгоды, если однажды установившаяся учебно-воспитательная система не будет иметь надлежащей прочности и устойчивости или если даже уверенность в ее прочности будет поколеблена в умах как наставников, так и родителей и целого общества, ибо при недостатке уверенности в совершенной прочности принятой учебно-воспитательной системы, при ожидании возможности перехода от нее, быть может, к совершенно противоположной, ни наставники не могут действовать с полной энергией в указанном направлении, ни родители не будут вести своих детей, ввиду установленной системы, ни, наконец, сами учащиеся никогда не будут исполнять своих ученических обязанностей с полною добросовестностью и не будут приобретать в такой колеблющейся школе тех добрых навыков, которые необходимы для того, чтобы они вышли впоследствии истинно полезными гражданами¹⁰⁷, соединяющими с привычкою к добросовестному труду и твердостью характера безусловную преданность и покорность закону. Таким образом, прежде всего и более всего для преуспевания наших учебных заведений необходима столь долго недостававшая им прочность и устойчивость положенной в их основы учебно-воспитательной системы; без этого первого и важного условия напрасны были бы все материальные пожертвования

и все нравственные усилия правительства на дело общественного воспитания, ибо как бы ни были совершенны и учебные планы, и преподаватели учебных заведений, коль скоро заведения эти колеблются в самых своих основах — из них могут выходить молодые поколения не иначе, как бесхарактерные, без твердых нравственных правил, нравственно расслабленные и распущенные и неспособные ни повиноваться, ни повелевать, буде впоследствии им выпадет на долю действовать на более высокой чередѣ служения престолу и отечеству”.

Подобные сетования на отсутствие доверия общества к осуществляемой министром народного просвещения реформе и даже жалобу на явное ей противодействие — как со стороны некоторых ведомств, так и со стороны общества и печати — излагал г. министр народного просвещения государю императору и в прошлогоднем своем всеподданнейшем отчете. Поэтому нельзя комиссии со вниманием не остановиться перед этим знаменательным явлением и не попытаться исследовать его действительное значение и настоящую причину. В отчете г. министра народного просвещения причины эти не указаны, а напротив того, представленная им сторона успешного введения реформы так убедительно свидетельствует о пользе предпринятого преобразования, что, казалось бы, не должно быть места никаким колебаниям в сознании как общества, так и родителей и наставников относительно прочности вводимой учебно-воспитательной системы.

Между тем нельзя не признать, что выраженные в отчете г. министром народного просвещения опасения имеют некоторое основание и что действительно не установилось еще в общем сознании той твердости, убеждения в прочности принимаемых мер, которая во всех благих начинаниях правительства всегда служила и служит надежным ручательством успеха.

Правдивое указание на те причины, которые независимо от общих затруднений, всегда встречаемых в новом деле, могли иметь влияние на упомянутое колебание в общественном доверии, может принести существенную пользу, и, во всяком случае, мне кажется, что задача высочайше назначенной комиссии не будет вполне выполнена, ежели не разъяснены будут по возможности те стороны дела, на которые сам г. министр народного просвещения счел долгом дважды обращать внимание государя императора.

Разъяснение это тем более необходимо и полезно, что сущность самой системы, положенной в основание высочайше утвержденной реформы, не может составлять и не составляет уже в настоящее время какого-либо спора, напротив того, можно с достоверностью сказать, что в замеченном г. министром народного просвещения колебании скорее слышится опасение, чтобы неосторожными и крайними мерами не вызвана бы была реакция в другую, противоположную сторону.

Поэтому, оставляя в стороне исследование тех причин общих, которые представляются общими во всех нововведениях, как то: общий малый уровень педагогических и учебных вопросов, малая привычка к усиленным занятиям и проч. ..., следует остановиться только на тех явлениях, которые, оставаясь во власти исполнителей, могли иметь более или менее влияния на утверждение в обществе убеждения в прочности и плодотворности реформы.

Нельзя не признать всю мудрость установившегося по воле государя обычая возлагать надзор за приведением в действие важных реформ на особые комиссии и комитеты. В этом установлении ясно видна благая цель предупредить возможность всякого увлечения или одностороннего направления мер исполнительных, и нет сомнения, что заботам этих комиссий и комитетов обязаны многие реформы настоящего царствования успешным ходом их исполнения.

Весьма естественно было ожидать, что реформа учебно-вспомогательной системы, которая уже в высших правительственных сферах, при обсуждении ее, не нашла полного единомыслия, — встретит при обнаружении ее то же разномыслие и в обществе. Печать наша, насколько она служит отголоском различных мнений, разделилась по этому вопросу также на два враждебных друг другу лагеря. При этом задача официальных и полуофициальных органов Министерства народного просвещения могла бы заключаться в примирении крайних мнений и в популярном, по возможности, разъяснении всех возникших сомнений и недоразумений; на место того, к сожалению, в самом начале вопрос о необходимости реформ поставлен был на весьма невыгодную почву. Вводя на противников реформы подозрение в политической неблагонадежности и приписывая классическому образованию какую-то специфическую силу охранения порядка в государстве, официальные и полуофициальные органы министерства сузили вопрос до пределов, до которых опасно бы было говорить о системе реального образования, не подвергаясь обвинению в нигилизме. Этим объясняется, почему журнальная полемика по этому вопросу продолжала, в особенности в первое время, иметь односторонний и страстный характер, всегда вредный для дела.

Первые затем приемы министерства к введению реформы обнаружили такую тревожную и спешную заботливость о *п о в с е м е с т н о м* преобразовании в *с е х* старых гимназий по новому Уставу, что возникло сомнение, оправдавшееся потом на деле, что наличных средств совершенно недостаточно для того, чтобы дух и смысл реформы мог бы проникнуть в наскоро принятые преобразования.

К началу второго года по утверждению Устава утверждены были министерством новые учебные планы и предписано было ввести их в большее число гимназий. Хотя попечителям округов и директорам гимназий и дана была некоторая свобода изменять эти учебные планы, применяясь к обстоятельствам, но тем не менее почти во всех гимназиях *о д н о в р е м е н н о* последовали замешательства, приведшие и учеников, и преподавателей в крайнее недоумение. К тому же, по отзыву самого министра народного просвещения (Отчет 1872-го года, стр. 46 и 50), ни большинство окружных инспекторов, ни директоров, ни инспекторов гимназий не принадлежали к классикам, а в преподавателях греческого и латинского языков оказался значительный недостаток (более 70-ти), а из тех, которые и были, многие не соответствовали вовсе требованиям новой программы и системы преподавания.

Как бы то ни было, но почти во всех гимназиях, по словам самого г. министра (Отчет 1872-го года, стр. 44), пришлось сделать более или менее значительные, и притом различные, отступления от предложенных учебных планов. Но так как изменения, опыты и прилаживания различных нововведений производимы над организмом живого учащегося юношества повсеместно, то понятно, почему родители их и сами наставники *п о в с е м е с т н о* колебались в вере в успех преобразования, не подготовленного надлежащими средствами.

Лучшим доказательством того, что не строгость требований новой классической программы преподавания возбудила неудовольствие родителей и детей, а слишком поспешный и резкий прием внедрения в действие всех потребностей реформы, может служить Лицей цесаревича в Москве, где курс строго классического преподавания введен был правильно, установлен надлежащими средствами, разумно направленными. Заведение это пользуется большим сочувствием не только общества и родителей, но также единогласный отзыв всех его учеников свидетельствует, что усиленное преподавание древних языков не только не противно

природе учащегося юношества, а напротив, это юношество с любовью занимается изучением классической древности, когда сама метода преподавания древних языков осмыслена и к ней приготовлены как преподаватели, так и учащиеся.

В похвальном желании скорее заместить более 70 вакансий учителей древних языков министерство вынуждено было усилить призыв из-за границы преподавателей-славян. Эта мера, сама по себе полезная, произвела, в свою очередь, некоторую смуту среди сословия преподавателей. В то время, когда еще ни инспектора, ни директора, ни учителя наших гимназий не успели примениться ко всем требованиям новой реформы, в среду их поступило разом значительное число совершенно чуждых учительскому кругу людей, с другими взглядами, привычками, нравами, и притом принятых под особое покровительство министерства, которое, отличая исключительным доверием славян, не успело отвратить вредного антагонизма в среде преподавателей и даже некоторыми мерами возбудило оный. Так, например, требованием, чтобы в должность классных наставников исключительно назначались бы учителя, имеющие в классе наибольшее число уроков, — фактически почти все славяне сделали классными наставниками, и в сей должности за ними признано некоторое право инспекции и надзора за другими преподавателями. В нравах наших эти функции связаны с понятием начальнических отношений, и, как ни странно в таком деле упоминать о табели о рангах, но, не менее того, нельзя упускать из виду, что в России, а в особенности в провинции, чиновное местничество еще сохранило свое социальное значение. В настоящее время уже многие из славян занимают должности директоров и инспекторов, так как места сии даются исключительно преподавателям древних языков.

Успех реформы главным образом зависит от дружного и единодушного содействия всех деятелей. Потому для приобретения этой силы следует со вниманием относиться даже и к второстепенным условиям личных интересов. Сосредоточив в центральном управлении все мельчайшие подробности исполнения, министерство общим характером циркулярных распоряжений, в особенности относительно экзаменов, заявило какое-то недоверие к местным ценителям успехов учеников. Это немало содействовало к ослаблению энергии, духа и усердия деятелей.

Но каковы бы ни были меры, принятые министерством при введении реформы, они, без сомнения, не подлежали бы критической оценке общества и не возбуждали бы недоверия, ежели бы добытые в течение 3-х лет результаты ясно бы свидетельствовали о преимуществах новой системы перед старой.

Сущность этой реформы такова, что судить о ней по результатам 3-х лет, конечно, невозможно, но не нужно терять из виду, что общество, мало посвященное во все конечные и общие виды правительства, естественно, принимает свои впечатления извне, судит, заключает и устанавливает свое доверие к новому делу по внешним, осязательным для него признакам. Оно видит, что правительство жертвует огромные суммы, более чем удваивает смету по народному образованию, дает различные льготы разным степеням образования; со своей стороны, общество и материальными пожертвованиями, и усиленными ходатайствами заявляет об увеличении средств к образованию массы техников и специалистов по разным отраслям науки и промышленности.

Новая реформа ответила до сих пор на все эти ожидания следующими результатами:

1) Число учеников в гимназиях, несмотря на прибавку одной гимназии, уменьшилось против 1872-го года на 2781 чел., а число учеников в прогимназиях, несмотря на открытие 10-ти новых прогимназий, увеличилось только на 896 чел.

2) Число студентов в университетах уменьшилось против 1871-го года на 1106 чел.

3) Число оставляющих гимназии до окончания курса увеличилось в 1873-м году против 1872-го года на 3432 чел.

Вот те данные, по которым общество может осознательно и наглядно судить до сих пор о результатах реформы.

Все другие соображения — вполне, может быть, основательные, убеждающие в превосходстве малого по числу, но лучшего по качеству образования, — недоступны для большинства. Ввиду насущной потребности в медиках и техниках всякого рода, общество готово было бы помириться и с менее совершенным знанием и ни в каком случае не может признать, чтобы Россия могла бы довольствоваться 685-ю лицами для пополнения всех университетов и всех высших специальных невоенных заведений.

Неосновательность всех этих рассуждений может быть вполне доказана с точки зрения Министерства народного просвещения, а потому они приводятся здесь не в виде какой-либо непреложной истины, а только как оправдание или как объяснение того недоверия, или, лучше сказать, того отсутствия доверия в прочность реформы, на которое сетует г. министр народного просвещения.

Другой осознательный и прискорбно отозвавшийся в обществе повод к недоразумению возбужден был при самом начале введения в действие новых требований классической программы для учеников, бывших уже в 5-х, 6-х и 7-х классах. Не будучи подготовленными с низших классов к строгим требованиям новой программы, они на глазах родителей выбивались из сил, и многие из них, не выдержав борьбы, с горьким чувством испытанной неудачи бросились в ряды озлобленных, несчастных безумцев зловерной пропаганды.

Быть может, и это зло не обнаружилось бы так повсеместно, ежели бы постепенность в требованиях поставлена была главным залогом успеха реформы.

Новым Уставом определена была норма числа учеников в классе (не более 40). Эта вполне основательная и полезная в педагогическом отношении мера могла быть приведена в исполнение постепенным уменьшением ежегодного приема в те гимназии, в которых эти классы оказались переполненными, а также открытием параллельных классов; так это и делалось в большей части гимназий в России, но в Царстве Польском при самом начале введения нового Устава в 1873-м году в один год уволено было 1380 гимназистов. Открытие частных учебных заведений не могло облегчить участь изгнанных, потому что эти частные заведения едва могли быть достаточны для принятия нового ежегодного контингента поступающих в гимназии.

Подобные меры, естественно, поддерживают неудовольствие в обществе. Можно ли, в самом деле, ожидать, чтобы 1380 семейств, разом пораженных исключением детей из гимназий, могли молча сознать справедливость такой меры? Можно ли даже желать, чтобы они поверили и утвердились в убеждении, что такой результат реформы вполне согласен с видами и желаниями правительства?

Вот настоящие и истинные причины продолжающихся до сих пор колебаний, недоверий и нерасположений общества к учебно-воспитательной реформе.

Смею думать, что указание на эти причины вполне входит в задачу высочайше назначенной комиссии для рассмотрения отчета г. министра народного просвещения и что признание хотя бы некоторой доли правильности высказанных соображений может устранить в будущем все невыгодные последствия, так верно очерченные г. министром народного просвещения, об отсутствии сознания обществом

прочности и устойчивости или даже уверенности в устойчивости новой учебно-воспитательной системы.

Не может и не должно быть речи о каком-либо коренном, но и существенном изменении самой системы, раз принятой и высочайшей волей утвержденной. И прежде всего само Министерство народного просвещения должно в том убеждаться. Сила подобного убеждения даст всем действиям его по приведению в исполнение реформы то спокойствие и ту твердую, благоразумную и неторопливую последовательность, которые вызывают доверие, примиряют с необходимыми иногда жертвами и соединяют разрозненные силы в стремлении к одной цели.

Дав такое направление своей, бесспорно полезной, деятельности, министерству нетрудно будет путем частных, иногда неизбежных уступок сглаживать все резкие противоречия, не удаляясь от главной цели. Ему доступнее будет верное понимание действительных нужд края, отрешенное от всякой односторонности в оценке пределов, формы и практической потребности народного образования.

На этом пути министерство вполне обеспечит себя от всегда опасных последствий реакции, обезоружив ее вовремя, а не полагаясь на одну только охрану вынужденного безмолвия.

Желать следует, чтобы сии общие соображения были постоянно присущи сознанию главных деятелей Министерства народного просвещения и чтобы меры, ими принимаемые для цели, бесспорно полезной, умерялись бы тем духом терпимости и беспристрастия, который у п р о ч и в а е т нововведения и в общественном сознании, и на самом деле».

3-го марта. Как и следовало ожидать, принц Ольденбургский в совершенном отчаянии и боится предстоящего заседания с графом Толстым. Он опасается скандала, хотя я его уверял, что с моей стороны не дано будет никакого повода к скандалу. Принц уверяет меня, что вполне со мной согласен, но это достаточно будет сказать в журнале, что колебания быть не должно, так как реформа высочайше утверждена. Он так тревожится этим разногласием, что даже жаловался моей жене на мое упорство.

Это побудило меня ему написать следующее письмо, которое я завез ему сегодня утром:

«Ваше Императорское Высочество.

С юных лет привык я относиться с искренним уважением к советам и указаниям Вашим, а потому весьма естественно мое желание оправдать перед Вашим Высочеством мою настойчивость в удержании за мною мнения, не вполне согласного с соображениями Вашими.

Не могу, в особенности, не скорбеть при мысли, что, Ваше Высочество, видимо¹⁰⁸ относите мою настойчивость к какому-то предосудительному чувству пристрастия, раздражения и упорства. Я так свободен от подобных чувствований, что готов сейчас отказаться от всякого со своей стороны заявления, ежели бы нашел возможным согласовать это с долгом совести, данной мной присягой и убеждением в положительной пользе дела. Долг совести и присяги повелевает мне свято исполнить возложенное на меня, в числе прочих членов комиссии, поручение государя.

Быть может, разномыслие наше происходит от различного понимания значения и цели возложенного на нас поручения, а потому и требование совести каждого из нас относительно пределов обязанностей исполнения этого поручения могут быть различны.

1875 год

По моим понятиям, правдивый отчет министра о состоянии вверенного ему ведомства есть один из самых важных государственных актов, дающих верховной власти возможность державным оком обозреть общий результат его благих попечений.

Этот единственный законный и вполне целесообразный способ проверки общего хода дел в государстве не заменяется у нас никаким другим контролем общественного мнения или прессы. Он служит поэтому государю императору единственным регулятором собственных его требований и повелений.

Смею думать, что таков также взгляд государя императора на значение министерских отчетов.

В этом убеждает меня его воля поручать предварительное рассмотрение отчетов министров нескольким высшим государственным сановникам, по собственному его избранию, — лицам, не зависимым ни от какого министра и связанным единственно обязанностью всеми силами ума и совести облегчить труд сведения частных указаний и данных отчетов к одним общим верным результатам и выводам.

Так понял я задачу, доверием государя на меня возложенную.

При таком понимании задачи я считаю преступным стесняться второстепенными соображениями при исследовании причин явно обнаруженного зла, я считаю предосудительным уклониться от правдивого и ясного изложения их перед государем императором.

Деятельность Министерства народного просвещения требует в настоящее время особого внимания со стороны правительства, так как она готовит России ее будущее. Коренные преобразования в системе учебно-воспитательной, какое бы ни было мнение об относительном их достоинстве, должны быть признаны неизменными в своих основаниях и твердо охраняемы. Но одностороннее отклонение от цели главной реформы может быть замечено только при исполнении ее. В отчете министра народного просвещения, по моему мнению, есть данные, объясняющие общее нерасположение к принимаемым мерам. Вовремя предупредив развивающееся зло, можно предотвратить гибельные его последствия.

Не есть ли прямой и священный долг того, кто видит это зло, указать его? И указать так, чтобы государь император мог ясно видеть пределы и причины зла. Этого краткими намеками, полусловами, междустрочными отговорками сделать нельзя и не следует, уважая достоинство монарха, на благоусмотрение которого представляется заключение комиссии.

Я твердо убежден, что будет огромная польза для дела, ежели министр народного просвещения усвоит себе те общие соображения, которыми я заключаю особое мое мнение. Но мы не призваны быть руководителями министра — это всецело принадлежит власти государя. Наш долг — только подвергнуть замечания наши на благоусмотрение Его Величества.

Со своей стороны, я твердо решился это сделать. Не стесняя никого из гг. членов в принятии или непринятии моего мнения, я вправе просить и Ваше Императорское Высочество благосклонно устранить мысль о каком-либо с моей стороны упорстве или личном недоброжелательстве к кому-либо.

С истинным почтением и проч. ...».

5-го марта. Сегодня принц пригласил меня к себе. Говоря о полученном им моем письме, уверял, что он не намерен стеснять моего мнения, но что он, хотя, со своей стороны, и разделяет его, но не может подписать, потому что Толстой

столько ему лично наделал неприятностей, что всякое с его стороны заявление может показаться личностью. Все это, разумеется, вздор. Бедный принц просто трусит и боится Толстого. От беспокойства он даже заболел и не знает, когда будет в силах назначить заседание с министром. Я предлагал принцу взять назад свое мнение, ежели он согласится хотя часть его, и в более мягких выражениях, поместить в журнал. К сожалению, и в простых делах очень трудно понять принца, а теперь он несет такую чепуху, что ничего понять нельзя. Бесперывно переходя от одного предмета к другому, нет возможности остановить внимание его на каком-либо положительном решении. Он только постоянно повторяет, что никогда не было ни одного разногласия ни в одном комитете, где он председательствовал, и что никак не следует опорочивать действия министров, которые выбраны государем. Я могу сказать, *que les comités se suivent, mais ne se ressemblent pas**.

В другой комиссии, где я тоже членом, председательствует Чевкин для рассмотрения отчета министра государственных имуществ. Там, наоборот, председатель настаивает не только на том, чтобы все подробности сделанных министром распоряжений были критически изменены, но чтобы комиссия сделала и на будущее время разные указания, как действовать министру. Тут мне приходилось, напротив, доказывать, что комиссия не может и не должна принять на себя обязанности советами своими участвовать в будущих административных распоряжениях министра. Все это какая-то пустая комедия.

23-го марта. Наконец моя борьба в комиссии подходит к развязке. На днях было 3 заседания с министром. На первом заседании я прочел свое мнение и возбудил, как и следовало ожидать, ярость Толстого. Он доказывал мне неверность приводимых мною цифр, и когда я указал эти самые цифры в приложении к отчету, то он просил председателя поручить докладчику Шубину вместе с г. Георгиевским, пославшим отчет, проверить эти цифры, что и было исполнено ко второму заседанию. К третьему заседанию Толстой вызвал из Варшавы начальника округа — де Витте, чтобы объяснить причину внезапного увольнения 1380 гимназистов. К этому заседанию Толстой привез письменный ответ на мое мнение. Эта толстая записка была им читана в заседании, на что потребовалось один час с четвертью времени. В ней, кроме общих соображений и возражений на доводы, вовсе мною не приводимые, и кроме различного сопоставления и группировки цифр, искажающих истину, находится пропасть самых неприличных инсинуаций на мой счет в выражениях самых резких, и вообще тон всей записки до такой степени неприличный, что я, по окончании Толстым чтения, обратясь к принцу, сказал: «Вашему Высочеству подлежит судить о том, в какой мере тон подобного возражения соответствует достоинству комиссии». Я же, со своей стороны, не убедился ни одним доводом графа Толстого и остаюсь при своем мнении. В заключение решено было обе записки — и мою, и графа Толстого — приложить к журналу комиссии и представить государю. Я, однако, счел нужным прибавить после отзыва Толстого коротенькую записочку следующего содержания:

---

* комитеты следуют чередой, но не напоминают один другого

1875 год

«Выслушав с глубоким прискорбием замечания г. министра народного просвещения на представленное мною в комиссию особое мнение, я успокоен надеждою, что государь император благоволит сам прочесть мое мнение.

Ежели хотя только одна тень приписываемых мне г. министром народного просвещения предосудительных намерений и побуждений могла пасть на меня в глазах Его Величества, я считал бы себя недостойным того высокого доверия, которым почтен был назначением членом в несколько комиссий для рассмотрения отчета министров.

Это высоко ценимое мною назначение, само собою, ограждало неприкосновенность моих личных искренних и чистосердечных убеждений от нареканий, несовместимых с достоинством того учреждения, в состав которого я призван по воле государя. Поэтому я смело решился с искренним убеждением в пользу дела сказать откровенно мое мнение по вопросу, самим министром возбужденному.

В полном убеждении, что исполнил долг совести и присяги, я не нарушал пределов обязанностей моих как члена высочайше утвержденной комиссии, я сохраняю упование, что правдивое слово мое не подвергнется осуждению и не ослабит доверия к чистоте и искренности моих намерений».

12-го апреля. Сегодня я получил от председателя Комитета министров Игнатъева следующее официальное письмо:

«Милостивый государь

князь Дмитрий Александрович.

По высочайшему повелению внесен в Комитет министров журнал Комиссии, рассматривавшей отчет министра народного просвещения за 1873-й год, со следующими к сему журналу приложениями.

Государь император высочайше соизволил положить по означенным бумагам следующие, между прочим, собственноручные резолюции:

1) На докладе Его Императорского Высочества — принца Петра Георгиевича Ольденбургского, при котором был представлен государю императору журнал Комиссии, против объяснения, что возникшая между Вашим Сиятельством и действительным тайным советником графом Толстым полемика по вопросу об учебно-воспитательной системе приняла оборот весьма прискорбный: Да, потому, что она носит на себе характер личности.

2) На записке Вашей с изложением мнения касательно новой учебно-воспитательной системы:

Требую от статского советника князя Оболенского, чтобы записка его, кроме членов Комитета министров, не была никому сообщена, что и возлагаю на его ответственность.

3) В отзыве Вашего Сиятельства на объяснение министра народного просвещения, под заключительными словами, выражающими упование, что правдивое Ваше по настоящему предмету слово не подвергнется осуждению: «Не могу не подвергнуть его осуждению за характер личности, которым оно переполнено».

О таковых высочайших Его Императорского Величества резолюциях поставляю уведомить Ваше Сиятельство, покорнейше прося принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Павел Игнатъев.

№ 554. Апреля 11-го, 1875-го года».

Итак, вот чем кончилась моя первая попытка серьезно отозваться в качестве члена комиссии на отчет, предложенный обсуждению учреждения, специально для сего назначенного... Много знаменательного в этом факте, ясно характеризующем общий дух и настроение настоящего времени. Прежде всего, замечательно, что председатель комиссии, принц Ольденбургский, в представлении государю называет особое мнение одного из членов комиссии и ответ министра на это мнение — *п о л е м и к о й*, и притом «прикорбной». Это доказывает, что в понятиях принца (и не одного принца) разногласия в оценке действий министра существовать не может и что задача комиссии заключается единственно в представлении государю экстракта отчета с приличными похвалами и одобрительными отзывами, с которыми министр, естественно, должен согласиться. Это до такой степени справедливо, что когда в журнале комиссии граф Толстой заметил одну фразу, где слово «только» ему не понравилось, то он требовал, чтобы это слово было уничтожено, и когда принц стал защищать эту редакцию, то граф Толстой, со свойственным ему нахальством, объявил, что ежели в журнале будет оставлено слово «только», то он на это слово напишет 10 листов возражений. При этой угрозе принц сейчас же спасовал и приказал слово «только» уничтожить. Я заметил на это, что на будущее время полезно было бы просить графа Толстого вместе с отчетом представлять и проект журнала комиссии с замечаниями на этот отчет, это сократит работу, а в сущности будет то же. При таком понимании дела и при таком направлении понятно, что мое особое мнение показалось и принцу, и принято государем как нечто выходящее из правильного хода формального производства; а потому название «прикорбной полемики» оказалось приличным выражением действия, явно противоположного смыслу этого выражения. Засим, очень замечательна общая резолюция, положенная государем на моей записке: «Требую от князя Оболенского, чтобы записка его, кроме Комитета министров, не была никому сообщаемая, что и возлагаю на его ответственность».

Прежде всего, эта резолюция показывает, что записка моя произвела впечатление, и ежели бы ее содержание показалось преувеличенным или неверным, то едва ли бы она вызвала такое опасение, которое слышится в словах резолюции. Ребяческий страх, что моя критика сделается известною и что она вызовет сочувствие, выразился в строгом требовании, с личной ответственностью, чтобы *н и к о м у* эта записка сообщаемая не была, а исключение в пользу членов Комитета министров доказывает, что государь признает пользу ознакомить министров с выводами, мною сделанными.

Замечательно также и то, что, требуя строгой тайны, тем самым как бы свидетельствует, что высказанные мною замечания не составляют общего мнения, тогда как я, в сущности, ничего не сказал такого, о чем не говорят от одного края России до другого. Последняя резолюция государя на моем кратком отзыве вследствие ответа графа Толстого есть явная несправедливость.

Читая и перечитывая и сам, и другим свою записку, я решительно не нахожу в ней ничего личного против графа Толстого. Критикуя его действия как министра, я не коснулся ни прямо, ни косвенно его личности. Я объясняю себе эту резолюцию государя тем, что он, читая толстую записку графа Толстого,

вероятно, даже не будучи в силах одолеть ее сразу, был действительно неприятно настроен общим тоном и личностями, которыми она против меня переполнена, и когда потом дошел до моего короткого отзыва, то, забыв тон и содержание моей записки, выразил гнев свой на меня. Я, признаюсь, ожидал совершенно противоположного результата. Я думал, что государь положит неодобрительную резолюцию на мою записку за ее существенное содержание, чтобы поддержать Толстого, а что на моем коротком отзыве он скажет что-нибудь одобрительное чистоте моих намерений или, по крайней мере, что он в них не сомневается. Я, признаюсь, для этой цели и написал этот отзыв, чтобы дать, так сказать, государю удобный выход из затруднительного положения, а именно, поддержать министра и не оскорбить члена, исполняющего возложенные на него поручения. Вышло же совершенно наоборот. Сущность и содержание моей записки не осуждены, а осуждена записка за характер личности, которым будто бы она «переполнена». Мне достоверно известно также, что Толстой все это время прибегал ко всем возможным средствам, чтобы очернить меня в глазах государя. Он обращался даже с этой просьбой к разным лицам, к Потапову, между прочим, и к Шувалову (который теперь здесь), но они ему отказали в содействии. Не менее того, он употребил все время (не менее двух недель), пока доклад комиссии был у государя на столе, чтобы убедить государя, что будто бы я к нему, Толстому, имею личную вражду, еще сохранившуюся от времени совместного служения моего с ним в Морском ведомстве, что будто бы я писал свою записку под влиянием Головнина — бывшего министра народного просвещения и явного врага Толстого, что будто бы вся враждебная Толстому партия и великий князь во главе их употребляет меня как оружие против него. Вся эта при разных случаях и при личных докладах пущенная клевета, несомненно, подействовала на государя. Он даже, говоря о моей записке Титову, выразился, «что это старые счеты». С моей стороны я не имел никаких способов, да и не имел никакого желания опровергать клевету. Никогда я с Толстым во вражде не был, никогда не имел никаких личных столкновений. Напротив, до прошлогоднего заседания и даже после этого сохранял с ним самые лучшие отношения. Негодование мое против него основано единственно на убеждении, что он много сделал и еще сделает вреда, и еще более в качестве обер-прокурора Синода, чем министра народного просвещения. Человек в высшей степени завистливый, честолюбивый и желчный, он, по моим понятиям, ничего живучего создать не может. В деле воспитания, в особенности где нужна душа и спокойная, ясно сознаваемая последовательность в действиях, у него ничего не видно, кроме желчи, обмана и лукавства. Окружает он себя или идиотами, или такими же поддобрострастными и желчными креатурами.

13-го апреля. Сегодня, по случаю Светлого праздника, последовали разные милости и награды, и, между прочим, министр народного просвещения граф Толстой получил бриллиантовые знаки на Александра. Хотя это очередная награда, и Толстой был в числе министров, стоявших на очереди для получения награды, тем не менее все уверены, что Толстой мне обязан своей наградой. Это несправедливо, но в рескрипте, видимо, помещено несколько фраз

ввиду эпизода с отчетом, так, например, ему выражена благодарность за стойкость в приведении в исполнение новой реформы и проч. ...

Большая часть министров и председатель Комитета министров очень сочувственно относятся к моей настойчивости. В публике распространились самые разноречивые слухи о содержании моей записки. Таинственность, в которую она, по воле государя, облечена, возбуждает общий интерес. Я настоятельно просил Игнатъева, чтобы моя записка была прочтена целиком в Комитете министров, а также чтобы записка Толстого тоже была прочитана, дабы гг. министры могли сами судить, кто из нас более подлежит осуждению в личности. Толстому очень не хочется, чтобы записки наши читались в Комитете, и он, вероятно, будет об этом хлопотать.

21-го апреля. Сегодня Игнатъев сказал мне, что он был у государя и спрашивал его, прикажет ли он читать в Комитете министров одни только разномыслия свои по журналу комиссии или также и наши записки, и что государь приказал читать обе записки, только, по возможности, не допускать до суждения. Игнатъев уверял меня, что он сказал государю, что, по его мнению, в моей записке нет никакой личности. Не знаю, говорил ли он это, но, во всяком случае, его слова никакого значения иметь не могут. Для меня любопытно только одно — назначит ли меня государь на будущий год в комиссию для рассмотрения отчета Толстого. Игнатъев утверждает, что непременно назначит, что с ним, Игнатъевым, был эпизод гораздо хуже моего, а именно: несколько лет тому назад он, Игнатъев, назначен был рассматривать отчет военного министра, и что по некоторым вопросам, возбужденным в комиссии по этому отчету, Игнатъев, Сумароков и Гринвальд подали особое мнение, по прочтении которого государь велел им объявить, в присутствии Комитета министров, выговор, и что, несмотря на это, на следующий год его опять назначили рассматривать отчет военного министра. Нельзя не признать, что это весьма странный способ узнавать истины и поощрять правдивость. Я спросил Игнатъева, что как же он поступил? Подал ли он после этого выговора особое мнение? Он сказал, что нет, не представлялось случая... Какая комедия... а когда подумаешь, что так ведутся государственные дела. Я хотел было сообщить копию с моей записки наследнику и великому князю, которые, вероятно, сочувственно о ней отозвались бы, но отдумал — не стоит. Я свое дело сделал и в нем не раскаиваюсь, а там — что будет, то будет... Принц Ольденбургский уехал за границу совсем больной. Заседания нашей комиссии очень его расстроили.

22-го апреля. Сегодня в Комитете министров читали мою записку и возражения Толстого. Все министры были налицо. Чтение продолжалось с лишком полтора часа. Я в заседание приглашен не был. Несмотря на утомительное чтение, начавшееся в конце заседания, министры слушали со вниманием, и Толстого, видимо, корбило. Никаких рассуждений не было, и все принято к сведению.

24-го мая. На сих днях я обедал у императрицы. Царя не было. Он уже уехал в Берлин и в Эмс. Разумеется, не было и речи о моем эпизоде с Толстым,

1875 год

но, вероятно, императрица об этом знает и хотела мне своим приглашением показать, что не осуждает мое действие. На днях я тоже провел 2 вечера у императрицы. Читал ей приготовленные мною к изданию письма дедушки Нелединского и записки батюшки. Очень интересовалась она этим чтением.

Я ездил на несколько дней в Березичи, чтобы приготовить к летнему пребыванию семьи в деревне. Сам же я буду жить между Петербургом и деревней, так как по делам банка мне нельзя надолго отлучаться отсюда.

26-го июля. С мая месяца я уже три раза ездил в Березичи, где живет вся семья. Постройки мои там почти кончились, и теперь там жилье просторное и удобное. Свободное время здесь употребляю на исправление корректур издаваемых мною писем и записок дедушки и батюшки. Погода повсеместно в России стоит жаркая, на юге страшная засуха и потому неурожай. Даже в Петербурге стоит постоянно отличная погода.

22-го ездил в Петергоф поздравить императрицу. Издали, на выходе, видел государя, но он ко мне не подходил, и я не знаю, в каком он расположении ко мне. Теперь начинаются маневры и всякие обычные летние удовольствия. В городе нет ни одной души. На днях опять был в Сенате политический процесс. Судили двух несовершеннолетних студентов: одного флейтчика¹⁰⁹ Московского полка и одного отставного фельдшера, за распространение возмутительных книг и воззваний на фабриках и в Семеновском полку. Нельзя было без отвращения и вместе без сожаления смотреть на незрелых юношей, смеющихся над судом и отказывающихся от всякой защиты.

Революционная пропаганда среди недоучившейся молодежи принимает все более и более серьезные размеры, и строго карательные меры не только не останавливают зла, но увеличивают оное. Тут, мне кажется, нужны совсем иные средства, я об этом думаю и составляю об этом записку собственно для себя, а ежели удастся выработать что-нибудь дельное, то пушу в ход.

4-го декабря. С каждым годом деловой сезон начинается у нас позднее. Только к концу ноября съехались министры и вернулся государь из Ливадии. Я также часть сентября провел за границей. Был в Гамбурге для свидания с князем Петром Андреевичем Вяземским¹¹⁰, с которым необходимо мне было переговорить о приготовляемом мною издании «Хроники». Я нашел князя Петра Андреевича необыкновенно бодрым и здоровым, несмотря на преклонные лета (ему 84 года) и тяжкие болезни, два раза доводившие его до сумасшествия. Он так теперь здоров физически и нравственно, что заморил меня прогулками по Гамбургу и Франкфурту. По словам его, климат Гамбурга произвел над ним чудо, и он уже два года почти неотлучно зиму и лето проводит в Гамбурге. Доказательством его умственной бодрости может служить письмо, написанное им для моего издания, с воспоминаниями о Нелединском. Он горячо принял к сердцу мое предложение участвовать в моем издании и, конечно, ежели бы дело было не к спеху, то он написал бы еще более пространную статью.

Я пробыл с ним три дня и потом отправился в Париж, где прожил 10 дней, пользуясь чудной погодой и весьма разнообразными удовольствиями париж-

ской жизни. Внешних следов бывшего еще недавно над Францией погрома нет никаких.

То же довольствие, та же веселость, тот же наплыв иностранцев и тот же политический сумбур при совершенном полицейском порядке. Нет следов также и потери пяти миллиардов, так же точно, как нет следов и в Германии приобретения сих капиталов, напротив — бедность и скука как будто увеличились в Германии после войны. Никто еще хорошенько не объяснил причину этого изумительного явления.

Во время моего пребывания в Париже вышла там книга, наделавшая много шума: «Fanny Lear, Memoires d'une Americaine»*. Это рассказ одной американки, которая под именем Miss Phenix жила в Петербурге и была на содержании у несчастного великого князя Николая Константиновича, который был в нее по уши влюблен, поверял ей свои и семейства своего тайны, путешествовал с ней за границу и по России и, наконец, кончил так печально свою карьеру, уличенный в краже и признанный сумасшедшим. После ареста великого князя ее выслали из Петербурга, и она поселилась в Париже, где продолжала вести развратную жизнь и, наконец, напечатала все подробности скандальной ее связи с великим князем и все его письма из Ташкента и Хивы, куда он ходил во время первой экспедиции. Скандальная публикация эта возбудила большой интерес, так что книжка, продававшаяся в первый раз за 5 франков, стоила уже через три дня 100 франков. Французское правительство в угоду нашему запретило книгу и выслало американку из Франции. Все парижские газеты отзывались более или менее с негодованием об этом издании, и так как дружба и приязнь к России теперь вообще à l'ordre du jour** во Франции, то скандал, произведенный этой книгой, продолжался недолго. К тому же можно было ожидать, что наглая американка пойдет гораздо далее в своих некрасивых повествованиях, что, вероятно, и будет впоследствии.

Нельзя не пожалеть о бедном молодом человеке, которого жизнь не только исковеркала окончательно, но еще дает повод оглашать весь позор распущенности нашей царской фамилии. К сожалению, это не есть исключительное явление. При тех условиях, при которых растут, воспитываются и живут наши великие князья, не может быть иначе. Эти условия таковы, что только необыкновенно возвышенные и нравственные, от природы развитые натуры могут безвредно вынести их и не сделаться мерзавцами. Начиная с искусственного, в заколдованном кругу придворных, воспитания вся жизнь великих князей обставляется иначе, чем всех других людей. С достижением совершеннолетия, т. е. менее 20-ти лет, они почти свободно располагают своими доходами, простирающимися до огромной цифры, окруженные льстецами и поклонниками всякого рода, среди возможных женских и других соблазнов, они не стеснены никакими внешними преградами для обуздания кипящих в молодом человеке страстей. Полное отсутствие семейной жизни и всяких занятий, отсутствие всякого опасения со стороны публичного мнения, так как всякое оглашение о

* Фанни Лир. Воспоминания американки.

** в повестке дня

действиях лиц царской семьи строго воспрещается, полное обеспечение от преследования полицейского за нарушение правил благочиния и порядка — все это ставит молодого человека в 20 лет в такие особенные от других людей условия, что никак нельзя удивляться, что большинство юношей, к царской фамилии принадлежащих, не удерживаются на добром и честном пути, а срамят и себя, и свое звание, собственными руками подкапывая самое основание принципа, которым они существуют. При этом невнимание к общественному мнению так велико, что тайная и явная полиция не церемонится в выборе средств в пресечении явного скандала... Хотя отчасти это происходит от неумения действовать осторожно и от излишнего усердия явной и тайной полиции, постоянно соперничающих в желании угодить, но, конечно, полная уверенность в безмолвии возмущенного скандалами общества облегчает роль исполнителей мер, вызванных крайнею необходимостью. Так, например, на днях танцовщицу г-жу Числову, которая уже давно живет с великим князем Николаем Николаевичем старшим и прижила с ним нескольких детей и которая публично, самым нахальным образом, разоряла и компрометировала великого князя, выслали из Петербурга в Венден¹¹, пользуясь отсутствием великого князя и без его ведома. Для этой операции приезжал сюда из Ливадии нарочно сам шеф жандармов Потапов и распорядился так, что весь город на другой день узнал об этом скандале, и великий князь теперь опозорен так, что возвращаться ему в Петербург и стать во главе гвардии становится невозможным.

К великому моему удовольствию, я не назначен в нынешнем году членом комиссии для рассмотрения отчета министра народного просвещения графа Толстого — это меня освобождает от весьма скучного труда, но главное — выводит меня из весьма затруднительного положения, ибо я твердо решился, в случае ежели бы был назначен, написать государю письмо, в котором намерен был сказать, что принимаю это назначение за доказательство, что государь изменил свое мнение о том, что при подаче в прошлом году своего мнения я будто бы руководился личностями, ибо не могу думать, чтобы при таком мнении мог бы государь вновь назначить меня на такое дело. Конечно, это письмо не могло бы доставить удовольствия и, вероятно, еще более мне бы повредило. Как бы то ни было, но изменение принятого порядка — каждый год назначать одних и тех же лиц для рассмотрения отчетов — заслуживает внимания и доказывает, что государь помнит и продолжает негодовать на меня за мое мнение. Искренно об этом сожалею, но не раскаиваюсь в своих словах и вновь сказал бы их при случае.

Со своей стороны, граф Толстой, как бы в ответ на приведенные мною доказательства существования им же самим указанного недоверия общества к его реформе, предпринял путешествие по югу России и устроил себе, через посредство своих креатур, манифестации в Таганроге, Одессе и других городах: ему давались обеды, подносилась хлеб-соль, к нему приводились благодарные матери семейств, и все это сопровождалось такими преувеличенными похвалами, спичами, что возмутительно и гадко читать. «Московские ведомости», конечно, печатали эти спичи *in extenso** и не преминули упомянуть, что

* в целом, полностью (лат.)

эта манифестация явно доказывает, что дело противников графа Толстого окончательно проиграно. Все другие газеты, конечно, весьма осторожно и полусловами решились, однако, выразить сомнение в искренности подобных манифестаций. Нельзя, кажется, представить более сильного свидетельства слабости общественного мнения в противодействии лицам, власть имущим. Нет ни малейшего сомнения, что в настоящее время, справедливо или нет — это другой вопрос, но не подлежит сомнению, что в настоящее время граф Толстой как министр народного просвещения и как прокурор Синода¹¹² не только не популярен, но на нем, можно сказать, сосредоточивается ненависть всех слоев общества. Вышедшая недавно из-за границы брошюра князя Васильчикова «Письмо к графу Толстому», в которой, в сущности, говорится то же, что и в моем мнении, и которая с жадностью и с сочувствием читается в России, также немало способствовала к оправданию неприязненного к графу Толстому чувства. И в это время этот господин разъезжает по России, ему дают обеды и говорят восторженные речи, и не только никто не протестует против этого ни словом, ни делом, но даже периодическая печать почти безмолвствует. Я сказал на днях министру юстиции графу Палену, что, по моему мнению, у нас является новый вид преступления, который бы должен подлежать преследованию прокурорской власти. Это преступление — есть публичная подлость. Ежели публичный разврат может подлежать преследованию, хотя никому нельзя под страхом уголовного закона воспретить быть развратным человеком, лишь бы он не оскорблял чувства приличия, так точно публичная подлость, оскорбляя нравственное чувство общества, действует возмутительно и не должна быть терпима.

1876 год

4-го января. Новый год я встретил под впечатлением неожиданного сюрприза. Я получил орден Св. Александра Невского. Это первая награда, о которой я не знал заранее и которую не ожидал, во-первых, потому, что для членов Государственного совета нет срока для получения очередных наград, ибо они назначаются по инициативе самого государя, и, во-вторых, главное — потому, что я думал, что гнев государя по моему мнению на отчет графа Толстого выразится в более продолжительном обходе меня всякими наградами. Чтобы не дать повода предполагать с моей стороны какого-либо искательства или желания оправдаться, я нарочно избегал случая представляться государю и даже попадаться ему на глаза. По собранным мною сведениям, оказалось, что никто за меня не ходатайствовал и что я получил награду по собственному соизволению. 1-го числа я поехал во дворец к обедне и после обедни благодарил на общем представлении. Государь не сказал мне ни слова, а только подал руку. Все это весьма соответствует характеру Александра Николаевича — весьма вероятно, что я теперь не получил бы награду, ежели бы ей не предшествовало выражение неудовольствия. Вместе со мной получил Александра Невского и Головин, это даже довольно замечательно, потому что мне достоверно известно, что Толстой

уверял государя, будто бы я писал и подал свое мнение под влиянием Головина, тогда как в действительности из всех лиц, которым я читал свое мнение, только один Головин отговаривал меня подавать его, хотя и был согласен с его содержанием. Замечательных новостей нет. Суворов¹¹³ праздновал свой пятидесятилетний юбилей и по этому случаю получил портреты при великолепном рескрипте, но все это не поможет ему в действительности заслужить ту популярность, о которой он так хлопочет. Добрый по сердцу человек, но пустой, бестолковый болтун и в искусственной простоте своей не без хитрости царедворец. Его очень верно очертил покойный Ф. И. Тютчев следующим четверостишием:

Два разнородные стремления,
В себе соединяешь ты,
Юродство — без душеспасения
И шутовство — без остроты...

Засим Новый год ознаменовался кончиной двух сановников: графа Модеста Андреевича Корфа и управляющего Морским министерством Николая Карловича Краббе. Обе личности, в разных родах, довольно замечательные.

О первом, т. е. графе Корфе, мне, кажется, уже доводилось говорить мое мнение в записках. Прилагая за мерило для оценки государственных людей только положительные результаты их деятельности, я кладу в актив графа Корфа только одно дело — это устройство Императорской Публичной библиотеки. Вся его остальная деятельность сводится на нет. Он принадлежал к школе государственных грамотных деятелей прошедшего царствования. Эта школа выработала так называемую официальную редакцию, заменившую ясный и точный слог правительственных актов гладким, бесстрастным и лишенным содержания словотечением. Это искусство редакции, впрочем, не было случайным явлением. Оно было естественным последствием отсутствия содержания, бесстрастности и вицемундирной выправки, составлявших отличительную черту деятельности высших правительственных сфер в последней половине царствования Николая I. Граф Блудов, Бутаков, барон Корф, Суковкин были представителями этой школы. Все внимание обращалось на редакцию, чтобы она была г л а д к а и к р а с н а (это технические выражения). Сущность дела оставлялась совершенно без внимания. Когда я был назначен директором Комиссариатского департамента Морского министерства, то застал одного вице-директора, который занимался исключительно переправкою редакции не только всех исходящих бумаг, но также и докладов. При вступлении в должность директора Таможенного департамента я нашел еще более любопытный факт. Департамент платил особое жалование академику Некитаеву за исправление редакции разных бумаг. Стоит только сравнить язык двух манифестов, указов и рескриптов времен Екатерины с подобными же актами второй половины царствования Николая I, чтобы увидеть и понять всю разницу. Текст законов, в особенности под пером Блудова и Корфа, утратил совершенно ясность, определительность и краткость. Помню, как много мне перепортил крови Корф, когда начал исправлять редак-

цию статей Устава о печати, выработанного в комиссии под моим председательством¹¹⁴. Как я ни бился ему доказывать, что его редакция изменяет смысл самого закона, что суду будет трудно руководствоваться текстом туманным и неопределенным, ничто не могло поколебать его желания огладить редакцию. Могу также сослаться на текст статей закона о печати в первоначальной их редакции и сравнить их с текстом статей, вышедших из Государственного совета¹¹⁵.

Про Корфа обыкновенно говорили, что он отлично владеет пером. Справедливее было бы сказать, что перо им владело. Никакой своей мысли он не выразил этим пером, а перо в руках его получало силу нанизывать фразы закругленные, гладкие, приличные и скромно бесцветные. В рескрипте при пожаловании его в графы упомянуто в числе достоинств, что он умел с большой находчивостью приводить к соглашению различные мнения в Государственном совете. Это действительно отличительная черта деятелей, подобных Корфу. Им легко дается эта способность соглашать различные мнения, потому что ни одним мнением они не дорожат, совершенно безучастно относятся к вопросу, как бы он ни был решен. При этом, изучив характер лиц, с которыми имеют дело, чуя инстинктом, куда дует ветер, они без труда и без всякого насилия своим убеждениям направляют дела. К несчастью, успех людей, подвигающихся в этом смысле, заразителен и характер индифферентизма к общественному делу сделался у нас в высших сферах преобладающим, он в корень развратил многих способных деятелей. Корф постоянно был кандидатом во всевозможные министерства. В конце царствования Николая и при начале царствования Александра при всякой вакансии¹¹⁶ какого-либо министра его называли преемником.

Однажды, в 60-х годах, когда я был в ходу и в числе кандидатов на пост министра юстиции в общественном мнении, подходит ко мне на балу у княгини Юсуповой Корф и поздравляет меня. «С чем?» — спрашиваю я. «Да как же, ведь Вы назначены министром юстиции», — отвечает он. «Нет, Вы ошибаетесь, я еще пока поступил на Ваше место», — говорю я. «Как это?» — удивляется он. «Да так, — отвечаю, — ведь Вы 20 лет стоите кандидатом в министры, ну а теперь я занял ваше место». Эта шутка, впрочем, его не рассердила, ибо вскоре после действительно ему открылась возможность быть почти министром. Ему поручено было государем образовать на новых началах Главное управление по делам печати (это происходило еще прежде новых законов о печати, когда еще существовала цензура при Министерстве народного просвещения). Это Главное управление должно было составлять особое ведомство с личными докладами государю и со всеми атрибутами министерства. На другой же день Корф явился ко мне и предложил мне место члена в этом управлении. Удивленный этим, я захотел узнать, что именно побудило его обратиться ко мне, а потому завел речь о том, как он думает повести дело, мне хотелось понять хотя бы только его общую мысль о предстоящей деятельности. Но на все мои вопросы <я> получал столь уклончивые и неопределенные ответы, что во мне не осталось ни малейшего сомнения в том, что он сам еще и не думал об этом предмете. Ему только ясно представлялась вся внешняя обстановка этого министерства, с департаментами, курьерами и проч., и эту сторону устройства он мне объяснил в мельчайших подробностях. Тут же мне объявил, что он предложил

другое место Соболевскому, которому уже написал в Москву. Соболевский — известный остряк, друг Пушкина, поэт, хотя не печатавший своих сочинений, бесспорно, ученый и образованный человек, большой библиофил и библиоман, никогда или давно нигде не служивший — выражал собою направление, совершенно не сходное с направлением правительственным. Все это мне показалось как-то странно и каким-то расчетом на эффект, без серьезной мысли. Я не дал никакого ответа Корфу и просил времени, чтобы обдумать его предложение. Я действительно два дня обдумывал его, собирал разные сведения и пришел к Корфу, чтобы еще раз с ним переговорить. Я начал речь свою с того, что выразил ему убеждение, что дело, в котором нам придется идти с ним рука об руку, не есть просто служебное дело, где обязанности лиц могут быть точно определены, что мы должны будем орудовать в области мысли, нравственности и убеждений и что поэтому мне бы хотелось знать, будет ли мой взгляд на дело достаточно близок к его взгляду и возможно ли какое-либо единомыслие. При этом я сказал ему в главных чертах, что я думаю о современном состоянии печати, какому направлению я сочувствую, какому — нет. Корф слушал меня с полным равнодушием, и не потому, что не хотел высказываться, а просто потому, что он об этих предметах не думал. Он весь был погружен в обдумывание нынешнего устройства министерства и, между прочим, тут же заявил мне, что прежде всего нужно непременно купить особый дом и что он уже приискал таковой у Фонтанки около Аничкова моста, и засим пустился в такие подробности относительно различных личных отношений, что окончательно убедил меня, что с этим господином дела иметь не следует. Я объявил ему, что не могу дать ответа без согласия великого князя Константина Николаевича, под начальством которого я тогда служил, и потому попросил отсрочки до следующего дня.

На другой день я объяснил все великому князю и, не видя в нем также большого доверия к Корфу, я просил у великого князя позволения сослаться в моем отказе на него, представя Корфу нежелание великого князя, чтобы я оставил службу в Морском министерстве, и невозможность соединить службу в двух министерствах. Так я и сделал. Вскоре затем <об>рушилось и самое образование особого управления. Корф так лебезил и так суетился о покупке дома, что возбудил против себя всех, вышла какая-то глупая история из-за этого дома, которая кончилась тем, что государь отменил свое повеление, хотя уже объявленное указом, и Корф опять остался ни при чем. Мне известно, что он пишет свои записки. Любопытно, как он расскажет этот эпизод для потомства. Впоследствии мне было поручено составить новый устав о книгопечатании, и, по моей мысли, эта часть передана в Министерство внутренних дел, при котором учреждено особое управление по делам книгопечатания. История хода работ в двух комиссиях под моим председательством и рассмотрения самого проекта в Государственном совете, наполненная необходимыми подробностями, изложена мною особо. Корф в Государственном совете председательствовал в Соединенном департаменте при рассмотрении проекта моего устава и много вредил несерьезностью своих возражений на редакцию. После того я никаких, особенно личных, отношений не имел с Корфом. Вскоре по вступлении моем в Министерство государственных имуществ и потом

членом Государственного совета он заболел, оставил председательство в Департаменте законов и редко ездил в Совет.

Только два года назад я должен был возобновить с ним сношения, и на этот раз по делу, слишком близкому моему сердцу. Сын Корфа, Модест Модестович, влюбился в дочь мою Варвару и, в отсутствие отца, явился ко мне с предложением и просил руки Вавочки. При этом он объявил мне, что родитель его отговаривал вступать в брак с девицей без состояния и что у него также состояния нет, что он не может иметь более 4-х тысяч дохода.

Молодой человек — во всех отношениях очень порядочный, и хотя Вавочка не чувствовала к нему никакого особого расположения, но тем не менее я бы с охотою согласился бы на предложение, ежели бы в будущем молодой Корф мог бы представить какую-либо надежду на улучшение своего положения службою или другими занятиями. Но, к сожалению, молодой человек не одарен особыми способностями и сам не надеется сделать никакой другой карьеры, кроме придворной. Для этой карьеры должны быть средства, которых я дочери дать не смогу, к тому же, зная хорошо Вавочку, я не надеялся, чтобы в придворной карьере своего мужа она могла бы найти счастье. С мужем небогатым она могла бы быть счастлива, ежели бы муж этот был бы годен на какое-нибудь дело, и она могла бы быть ему хорошей помощницей. При таких обстоятельствах я, не дав решительного отказа, написал молодому Корфу письмо, которое бы он мог показать своим родителям, в котором я высказывал откровенно, что решение мое будет зависеть от согласия и отзыва его родителей. Засим, по возвращении графа Корфа в Петербург, я имел со стариком объяснение, из которого я ясно видел, что он, не надеясь на способности своего сына, возлагает надежду на богатую невесту и придворную службу. Так дело у нас и разошлось. Признаюсь, с моей стороны без особого сожаления, хотя молодой человек и имеет много хороших достоинств. Теперь он вдался, под влиянием лорда Редстока¹¹⁷, в пиетизм¹¹⁸ и удаляется от света. Не знаю, как подействует на него кончина отца, которому он был очень предан. Не знаю также, оставил ли покойный какое-либо состояние.

Другой окончивший свое земное поприще сановник — морской министр адмирал Краббе — близко был мне знаком, мы вместе служили в Морском министерстве. Я был уже директором департамента, когда он поступил в министерство, состоя прежде при князе Меншикове одним из любимых адъютантов. Он сделан был вице-директором Инспекторского департамента и потом, вскоре, выжил графа Гейдена, который был директором Инспекторского департамента, и сел на его место. Засим через несколько лет, когда адмирал Матюшкин управлял министерством, он и его мастерски спустил с помощью Грейга, управляющего тогда канцелярией, и сделан был тогда управляющим Морским министерством. Тут он скоро-скоро пошел в гору, получил чины, ордена и всякие отличия, был очень любим государем и великим князем. Последние два года постоянно болел, но оставался министром и умер, оставив память, в сущности, по сердцу, сердечного человека. Отличительная черта его, которой он главным образом обязан своему успеху и возвышению, — балагурство. Этим он угождал князю Меншикову и этим также успел он и впоследствии поставить себя в ин-

тимные отношения и к великому князю, и к государю. Специальность его состояла в собрании коллекций всяких неприличных вещей, рисунков и книг. Говорил он постоянно шутками и циническими выражениями, называя этот язык «языком будущности». В Государственном совете он, разумеется, никогда не говорил, но и не имел малейшей претензии на государственного человека, а сознавал и не скрывал от других своей ловкости, шуточками и балагурством обдывая разного рода дела и делишки. Хотя он никогда ничем во флоте не командовал, но его во флоте любили за доброе сердце и простоту. Я недолго служил во время управления им министерством, а потому не могу судить верно о том, показал ли он впоследствии какие-либо административные способности. При мне он только начинал и не проявлял еще никаких даже претензий на серьезное управление. Не думаю, чтобы и впоследствии он сам что-нибудь сделал дельное, но полагаю, что он не мешал людям дельным делать дело. Хотя Краббе носил немецкую фамилию, но имел много сторон с чисто русским отпечатком: юмор и балагурство его близко подходило к тону русского балагура, который себе на уме. Он был большой охотник до русской музыки и до всякой охоты. Он искал и достиг власти, чтобы жить в свое удовольствие, и в этом отношении достиг своей цели, устроив свою жизнь комфортабельно. Отделал себе великолепную квартиру в Адмиралтействе, но, к несчастью, не смог долго ею пользоваться, ибо мучительная болезнь приковала его к постели. В сущности, он вреда не сделал, ежели не считать вредом эксплуатацию человеческих слабостей в лицах, власть имущих. Помню, однажды в Государственном совете, после заседания, в котором выражали разные мнения о законе, предложенном графом Шуваловым о печати, и по которому было предварительное суждение в Совете у государя, где я и присутствовал, управляя тогда министерством¹¹⁹, великий князь собрал в своем кабинете всех министров, чтобы условиться в одинаковом понимании воли государя по этому вопросу. Тут возникли сильные споры о смысле того заключения, которое министры, по воле государя, должны были поддержать в Совете. Великий князь доказывал, что государю угодно было, чтобы вопросы об уничтожении вредных книг рассматривались в Комитете министров по существу, а граф Шувалов доказывал, что государю угодно было только, чтобы об этих книгах доводилось до его сведения через Комитет министров. Государь был в отсутствии, и нельзя было обратиться к нему для разрешения недоумения. Так как самая мера эта казалась многим, а в том числе и мне, противною, и так как обставлена она была графом Шуваловым самым недобросовестным образом, то суждения были весьма странные. Совещание происходило стоя, ибо не имело характера формального совещания. Я стоял, слушал и молчал. Вдруг Краббе дернул меня за полу платья и на ухо прошипел: «Пожалуйста, молчите». — «Да я молчу», — отвечал я. «На роже все видно», — прошипел опять мне на ухо Краббе. Я невольно засмеялся и подивился его сметливости и тонкому званию министерской тактики.

Наконец вышла в свет книга, над приготовлением к изданию которой я долго трудился. Я дал заглавие, соответствующее содержанию: «Хроника недавней старины». Издание вышло изящное, и я надеюсь, будет иметь успех и принесет пользу. В предисловии я высказал мысли свои по поводу этого издания. Здесь же

скажу, что я душевно радуюсь, что удалось почтить память дедушки, бабушки и матушки. Привлекательные личности их несомненно возбуждают к себе сочувствие читателей. Мне случилось в прошедшем году читать отрывки из «Хроники» у императрицы. На это потребовалось два вечера, и на всех присутствующих чтение мое произвело самое приятное впечатление. Императрица очень интересуется этим изданием и просила меня непременно дать ей книгу, когда она выйдет. Любопытно будет, как отзовется общество и журналистика на мое издание. Я соберу особо все письма и статьи, которые буду получать по этому поводу.

6-го февраля. Сегодня я поднес императрице свое издание, а также представил экземпляр государю. И царь, и царица были очень любезны. Государь оставил книгу у себя на столе и сказал, что непременно будет читать ее на досуге.

На днях я обедал у королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, которая приехала сюда по случаю отчаянной болезни великой княгини Марии Николаевны. Тут был государь и императрица, и оба они спрашивали меня, скоро ли выйдет моя книга. Поэтому я и поспешил ее представить, а также королеве и другим лицам императорской фамилии. Вообще отзывы о книге я получаю самые благоприятные.

Болезнь великой княгини Марии Николаевны хотя все усиливается, но нельзя предвидеть конца. Так что в свете опять начались балы и собрания, готовится даже большой бал во дворце.

Кроме нескольких близких великой княгине людей, никто не скорбит о ней. Ничего она путного в жизни своей не сделала и ничего не оставила после себя, чем бы Россия или общество могли бы помянуть ее добром.

Помню, однажды покойная великая княгиня Елена Павловна, говоря со мною о своих предложениях, об устройстве разных будущих благотворительных заведений, ею учрежденных, и о том, что будет с ними после ее смерти, сказала мне, что она старается внушить дочери своей — великой княгине Екатерине Михайловне — *il faut se faire pardonner d'être grande Duchesse de Russie**. До такой высоты сознания своего долга, конечно, могла дойти только такая необыкновенная женщина, какою была покойная Елена Павловна. Но между этой высотой и тем ничтожеством, в котором пребывают Мария Николаевна, Александра Иосифовна, Мария Павловна и проч. ... есть еще и обширная середина. Одна великая княгиня Александра Петровна отличается действительно необыкновенными качествами души и рвением на пользу общественную и делает это тихо, умно и последовательно.

19-го марта. Сегодня я вернулся из Москвы, куда ездил на несколько дней с великим князем Константином Николаевичем, по его приглашению, для присутствия при сценических упражнениях воспитанников и воспитанниц Московской консерватории. Давали «Фрейница», и очень удачно. Перед отъездом было у меня сильное объяснение с великим князем, который в пику за то,

---

* надобно приучить себя к тому, чтобы чувствовать свою вину уже за одно только свое положение великой княгини.

что с него берут в Кремлевском дворе деньги за содержание, хотел непременно остановиться в Москве в гостинице «Славянский базар». Уже все распоряжения к тому были сделаны. Я доказывал ему все неприличие подобного поступка, но он не соглашался, и тогда я объявил ему, что не поеду в Москву, чтобы не быть участником такого неприличного действия, от которого я должен был его отговорить. Хотя он мне объявил, что не изменит своего намерения, однако накануне отъезда своего изменил и остановился в Кремле.

31-го марта. Ужасная весть о кончине Юрия Самарина в Берлине дошла до меня из Москвы по телеграфу от Маши Саллогуб. Перед тем я получил телеграмму от Дмитрия Самарина, который проездом в Берлин, по первому известию о болезни брата, звал меня на свидание на Варшавскую <железную> дорогу. Там я его не нашел и, воротясь домой, узнал уже, что все кончено. Нет человека, которого я любил, кажется, более всех на свете, который более всех имел на меня влияния и которому более всех я обязан своими нравственными и гражданскими качествами, ежели таковые во мне есть. Чем был Самарин для меня, об этом напишу со временем, но теперь постараюсь собрать все, что будет о нем говориться и печататься. Скорбь от утраты Самарина — общая...

Статей из попадающихся мне под руку газет достаточно, чтобы видеть, какое общественное значение получила смерть Самарина. Ничего подобного я не видел. Я тем более поражен этим явлением, что мне казалось, что ценность достоинства, способность и высоконравственный его характер могли ценить только люди, близко его знавшие. Между тем и здесь, и на похоронах в Москве проливали по нем неподдельные, искренние слезы лица, никогда его не знавшие и даже никогда не видевшие. Самарина оценят еще более, когда будет обнародована его многотомная переписка с разными лицами. Я, со своей стороны, передал братьям Самариным все письма его ко мне, из них некоторые весьма замечательные. У меня также сохранилось в копии письмо его к государю после издания «Окраин». Все это со временем будет напечатано. Тогда увидят, какой Самарин был глубокий мыслитель, честный, верующий христианин и русский человек. Я не знал человека умнее и талантливее его. С первой молодости был с ним в самых близких и дружественных отношениях, он был для меня почти по всем вопросам политических и религиозных убеждений верным камертоном, по которому мне не раз случалось проверять собственные свои впечатления и убеждения. Корреспонденция его более, нежели изданные его сочинения, объяснит тайну его влияния на людей, с которыми он имел дело. Господствующая мысль и дух реформы крестьянской принадлежат ему, и хотя имя его ставится наряду с именами Милютина и Черкасского, но без него, по сознанию самого Милютина, характер реформы был бы совершенно иной, ибо направление Милютина до знакомства его с Самариным было столь узко-демократическое и исключительно западноевропейское, что реформа без участия Самарина лишена была бы тех твердых основ, которые составляют ее достоинства.

Из переписки Самарина увидят, почему он не служил и почему он действительно был негоден для административной деятельности. Но что правительство не дорожило человеком, столь талантливым и способным, и не умело из-

влечь из него пользу — это останется навсегда делом постыдным. Ввиду общего выражения сочувствия к памяти замечательного общественного деятеля, правительство не только не нашло приличным, со своей стороны, каким-либо, хотя самым скромным, способом выразить скорбь свою, а напротив, замеченное всеми отсутствие на похоронах в Москве генерал-губернатора получило значение манифестации, противной общему настроению. Это, впрочем, общий прием наших представителей власти. Они не только не ищут случая сойтись с обществом в одном чувстве негодования, или радости, или печали и тем заявить хотя чем-либо свою нравственную связь, а, напротив, нарочно как бы избегают случая показать возможность этой связи и считают как бы несогласным со своим достоинством и унижительным увлекаться общим настроением. К тому же в настоящем случае надо было забыть те частные неудовольствия и неприятности, которые наносил Самарин своим резким пером и цельностью своих убеждений, а на подобную жертву не могло, конечно, хватить духа. Рядом с этим весьма замечателен следующий факт: преосвященный Викторин, никогда не выдавший Самарина, 5-го апреля, после благодарственного молебна за спасение жизни государя в Витебском соборе¹²⁰, остановившись на амвоне, обратился к пастве со следующей речью:

«Христос воскрес. Чем занять мне ваше внимание ныне, благочестивые слушатели? Конечно, не воспоминанием о несчастном изверге, покусившемся на бесценную жизнь возлюбленного нашего монарха. Нет, лучше я вас ознакомлю с личностью светлую, привлекательную, о которой так хотелось бы, чтобы знал ее и никогда не забывал русский человек, каждый преданный сын родной нашей земли.

Кто из образованных людей не слышал имени Ю. Ф. Самарина? Потомок древнего русского боярского рода, муж высокообразованный, труженик в деле освобождения крестьян русской земли и Привислинского края, защитник своей родной народности, оберегатель славы и чести русского имени, истинный христианин и преданнейший сын православной церкви... Но его не стало; могила сокрыла уже бранные его останки. Теперь обнаружатся прекрасные качества его души и жизни, восхваляются его заслуги Отечеству. Послушайте, что говорят о нем и служители церкви, и мужи науки, и общественные деятели...»

После сего преосвященный прочитал выдержки из речей о почившем И. Л. Янышева, М. И. Горчакова, князя Васильчикова и почти все слово, кроме приступа и заключения, А. И. Ключарева и, наконец, сказал:

«Зачем, скажет кто-нибудь из вас, повествую вам с церковной кафедры не о жизни которого-нибудь святого, а о жизни смертного, хотя и выходящего из ряда обыкновенных людей?»

Затем, скажу вам, что жизнь многих древних угодников Божьих многие считают теперь для себя неудобоподражаемой; а от подражания доблестям современных нам людей мы не должны отказываться; затем еще, чтобы показать вам, как можно совместить в себе знатность происхождения с любовью к простому народу, с высокостью умственного образования, непоколебимую веру в святые истины, с жизнью среди светского общества, преданность свя-

той православной церкви и всем ее установлениям, с богатыми средствами ко всем мирским наслаждениям — жизнь аскетическую, с свободою мышления деятельность, всю посвященную на пользу Отечества.

Да не отговаривается современный наш человек, видя пред собою такой привлекательный образец, чтобы невозможно было и в наши дни, среди многообразных соблазнов и искушений, быть доблестным сыном земли русской, преданным сыном церкви православной.

Приступим же к молитве за возлюбленного государя нашего, пожелаем от всей души, да исчезнут с земли русской все враги его и да порождает она поболее таких деятелей, каков был благочестивый русский боярин, воспоминаемый нами раб Божий Юрий. Аминь».

Что за странный факт. Правительство постоянно держит человека под полицейским надзором, считает его своим врагом, запрещает все сочинения. Ни словом, ни намеком не высказывает сожаления о том, что этого человека не стало, и вдруг архиерей, в полном облачении, в соборе, приглашает свою паству помолиться за возлюбленного государя и пожелать, чтобы у него было поболее таких людей, как этот умерший раб Божий Юрий.

Этот факт, по-моему, в высшей степени замечательный и весьма красноречиво выражающий все противоречие в нашей общественной жизни. Вот что называется: «Своя своих не познаша». И это действительно так. В Москве и в Петербурге вышли к сороковому дню кончины Самарина брошюры, в которых собраны все речи и статьи, сказанные и писанные по случаю этой кончины¹²¹. Я ездил в Москву к сороковому дню, так как к похоронам приехать не мог. В Москве застал все семейство Самариных в сборе. Тетушка переносит свое несчастье необыкновенно спокойно и как будто не сознает всей тяжести понесенной утраты. Мария Федоровна Саллогуб собирает все письма и рукописи покойного для издания. Аксаков собирается писать биографию. Вот что он мне по этому случаю писал:

«Дорогой, старый друг, Митя.

Только что я сел писать тебе, как подали мне письмо твое. В нем каждая строка и каждое слово — как будто выхвачены у меня из-под пера. Нам нечего с тобою толковать о значении нашей потери. Смерть Самарина — это не то что потеря, а целое опустошение, в том смысле, что образуется страшная пустота и в личной нашей, и в общественной жизни, которую ничто и никогда заполнить не может. Это убыль нас самих, и с к а л е ч е н и е . Мы, конечно, ценили его и при жизни, но тем не менее теперь живее чувствуется, как много и чего мы в нем лишились. Блеск его талантов вносил в нашу обиходную жизнь что-то праздничное. Всякое соприкосновение с этим необычайным умом доставляло неизменно высокое духовное наслаждение, которым мы привыкли пользоваться как даровым добром, даже несознательно. Присутствие среди нас человека, осененного таким богатством Божиих даров и с таким возвышенным строем души, приподнимало нравственно уровень целой среды; как на поверхности морских глубин играют на солнце волны, струится золотистая зыбь, так в нем под блестящей игрою ума, иронией, забавными шутками и светской внешностью чувствовалась глубина духа, и в этой глубине — основная стихия его духа — стихия трагическая, героическая, аскетическая. Шутя и смеясь, не становясь никогда в позу, не

разыгрывая ни жреца, ни проповедника, он постоянно “священнодействовал” и духом горяще, Господеви работающе, постоянно совершал жертвоприношение.

Да, мой друг, я обратился теперь совсем в могильного сторожа, в кладбищенского надсмотрщика. Каждый ящик моего стола, когда я в нем роюсь, как могила, в которой я роюсь. Без всякого сомнения, я обязан и подчиняюсь этой обязанности беспрекословно, хотя и не сознаю в себе для того достаточно умения и сил — воспроизвести, в назидательную память потомству, нравственный образ Самарина, брата Константина и Хомякова. Биография каждого из них истекает из общего источника. Я хочу сказать, что они имеют значение, прежде всего, как трое, и потом как каждый порознь. Это было созвездие, от которого сначала оторвались и угасли 2 звезды, оставалась одна одинокая, и та, наконец, закатилась. “Мы трое жили одною жизнью, — писал Самарин брату, вслед за кончиной Хомякова, — теперь мы остались двое, и только мы можем понять друг друга, когда мы говорим о нем: есть целый мир воспоминаний, которые никогда не отойдут в прошедшее, а вечно будут властвовать в настоящем, — и этот мир доступен только нам одним, он нам завещан”. Вот что писал Самарин моему брату почти накануне смерти брата. И эти воспоминания вечно властвовали в жизни Самарина, они были его святыней, он продолжал жить одной жизнью с обоими друзьями, и мысль о смерти была для него неразлучна с мыслью о воссоединении с ними.

Ты понимаешь, друг Оболенский, что биография Самарина немыслима, по крайней мере с моей точки зрения, вне того, что дало о п р е д е л е н и е и н а п р а в л е н и е всей его жизни, с чем 20 лет жил он, по его словам, одной жизнью. Задача усложняется. К счастью, материалов довольно. У меня сохранились не только письма, но даже записки его к брату, чуть не с первого дня их знакомства. Затем Самарин лично заслуживает целого психологического этюда. Все это я постараюсь исполнить, насколько сумею и не откладывая в долгий ящик, потому что мешкать некогда, без меня никому не справиться с моими материалами, да и ни у кого нет этой руководящей нити воспоминаний. Затем, у Самарина есть целая сторона жизни: внешней, служебной, общественной деятельности, которая подлежит особому, специальному описанию, хотя характер ее внутренний дан ей предшествующим духовным развитием, так сказать, славянофильским. Для этой части биографии у меня мало данных, я уже писал Черкасскому о том, что на нем лежит обязанность написать записки о трудах Самарина в Редакционных комитетах, в польском вопросе, духовенстве, земстве. Публика жаждет, собственно, этой биографии. Я ничего до сих пор нигде не произносил, никакой “речи” о Самарине, и, признаться сказать, охотно бы не произнес никакой, потому что передо мною носится тот его образ, который может воспроизвести только биографический труд и психологический тщательный анализ, а всему этому не место в речи, которая может быть только плачем или похвальным словом. Я понимаю, почему Самарин сам никогда не выступал с надгробной речью или статьей о Хомякове, ни о моем брате. Но, кажется, трудно будет обойтись без чего-нибудь подобного и на скорую руку изготовленного: от меня требуют, чтобы я сказал что-нибудь о нем в Обществе любителей р<усского> слова (в которое Самарин никогда не ездил)¹²². Я бы отказался, тем более что для меня важно именно то, что не мы, а все другие, посторонние, наперерыв спешат выразить свое сочувствие и уважение к Самарину. В его лице, как и ты замечаешь, чувствуется все направление, так называемое славянофильское. Но, с другой стороны, следует поддержать в обществе то благотворное нравственное действие, которое произведено на него кончиною Юрия Федоровича. Он силою своих нравственных достоинств разом приподнял все об-

щество до высокого строя, до единодушного порыва скорби и уважения, он дал ему прожить несколько нравственных, очистительных мгновений. Это явление утешительное, и вызвать его было дано только Юрию Самарину. В этом сказалась его сила, это его последняя служба родной земле.

То же, что происходило в Петербурге, происходило и здесь. Со времени похорон Гоголя не было таких похорон, такой давки в университетской церкви. Все, у кого хоть какая-нибудь душонка есть, все отозвалось на общей горе, без различий партий, лагерей и мнений. Никто не был зван, никто не явился только приличия ради: чувствовалось слияние тысячи сердец в одном чувстве. Но и здесь официальный мир резко выдавался своим отсутствием. Тем хуже для него, но тем лучше для чистоты и цельности общественного чувства. Остроумно заметила одна дама: “Администрация боялась демонстраций, и единственная демонстрация была произведена ею: отсутствием генерал-губернаторов и генералитета в мундирах”. Умилительно было видеть в церкви и на кладбище ветеранов-антагонистов, людей некогда противного лагеря.

Я так пишу, постоянно употребляю выражения: “смерть”, “кончина”, “похороны Самарина” — и чувствую, что все эти выражения употребляются мною как-то отвлеченно, еще не вошедши вполне в сознание, так трудно мирится в мысли и в сердце образ смерти с этой жизненностью воли, силою ума, ярким блеском дарований, с этим металлическим словом, под впечатлением которого остался я при расставании с ним. Но когда сделаю над собой усилие ощутить всю реальность этого события, вместить в себя всю грубость правды смерти, на душе становится так горько, что перо выпадает из рук.

Когда ты приедешь в Москву, захвати с собой все письма Юрия Федоровича. Мне говорил князь Васильчиков, что ты читал ему и другим письмо Самарина Черкасскому по поводу введения Положения о крестьянах в действие. Я помню, он мне сам рассказывал нечто в этом роде. Нельзя ли это письмо прочесть публично в Обществе любителей русского слова: это было бы лучше многих риторических речей. Прощай, любезный друг Оболенский, как обрадуешь ты меня своим приездом. С нетерпением стану тебя ожидать. Крепко и нежно тебя обнимаю.

Твой И. Аксаков.

В какие тусклые, серые будни, обратилась теперь жизнь... Жена тебе дружески жмет руку. Она вчера писала Эдите Федоровне Раден еще до получения твоего письма.

Последнее, что читал Самарин, именно в четверг утром, 18-го марта, было мое письмо к нему, о содержании которого я тебе именно и рассказывал. Я приглашал его вместе со мною издавать критический журнал. За чтением этого письма застал его доктор, и оно найдено на столике совершенно измятое его рукою — левою рукою...

Я читал и собрал все номера газет, в которых напечатаны статьи и речи, произнесенные в Петербурге. Самое лучшее — бесспорно, Градовского, о чем и собираюсь ему написать.

Но все, вместе взятые, представляют из себя замечательнейшее событие нашей истории — высокого нравственного характера, венчающее нравственный подвиг жизни и общественное служение Юрия Самарина.

Ох, как тяжело и грустно, друг Митя...».

5-го мая. Господь послал мне великое утешение... Сегодня мы помолвили Вавочку за Михаила Михайловича Бибикова — молодого человека, во всех отношениях, кажется, достойного и влюбленного в Вавочку уже более года.

Как справедливо говорит пословица: «Суженого конем не объедешь». Так и эта свадьба решилась довольно неожиданно, сопровождалась разными эпизодами, расстроившими нервы жены. Но я вполне надеюсь на милость Божью, и он благословит этот брак, пошлет мне утешение видеть счастье дочери, которую люблю от всего сердца. Свадьба, вероятно, будет не прежде конца июня или первых чисел июля.

20-го июня. Роковой восточный вопрос опять поставлен Провидением и грозит всей Европе, и нам в особенности, страшными бедствиями. Опять застанет он нас врасплох. Опять не готовы мы к войне для поддержания единоверных нам славян, но, что всего хуже, мы теперь менее, чем прежде, способны дать политике нашей какой-нибудь ясный, определенный характер, заявить какую-нибудь мысль и, хотя бы нравственной силой твердого убеждения, завоевать себе право на внимание Европы к руководящим нами началам. С самого начала уцепившись за сочиненные австрийцами несбыточные предложения об умиротворении турецких славян посредством обещания реформ, мы сдерживали всеми средствами восстание в Герцеговине, не давали ему распространиться, хотя простой здравый смысл убеждал в невозможности осуществления реформ, которыми потчевали вышедших из терпения славян.

Теперь несостоятельность этой политики обнаружилась: война сербов и черногорцев с турками уже началась, и что будет дальше — одному Богу известно ... Я не верю в окончательное торжество нашей политики, даже в том случае, ежели бы славяне одержали окончательную и решительную победу над турками, и это потому, что не верю в торжество лицемерия. Политика отвлеченных принципов и неискренность убеждений не может окончательно торжествовать. В ней нет силы п р а в д ы . Мы поддерживаем единоверных и единоплеменных нам братий и в силу этого нравственного и духовного родства предъявляем свои права на защиту их. Но сами мы, т. е. все те, которые руководят политикой, настолько ли уважаем и любим свою веру, что можем одушевлять требования наши силою искренних убеждений? Но сами мы настолько ли любим собственное свое племя, чтобы искренно сочувствовать своим единоплеменным? Не чуждаемся ли мы, напротив, сами своей народности? Не презираем ли мы ее? Не милее ли нам всякий немец, особенно пруссак, француз или англичанин? Так ли мы относимся к славянскому племени, как немцы к германскому, итальянцы к итальянскому? Насколько ли Горчаков — русский, насколько Бисмарк — немец; и так, восходя выше и выше на всех ступенях нашей правительственной иерархии, можно задавать себе подобный вопрос и, к сожалению, отвечать отрицательно. Покойный государь Николай Павлович не только природой своей и вкусами был более русским человеком, чем настоящий государь, но, кроме того, он искренно верил в свое призвание быть покровителем православных и в этом смысле смотрел на свою политическую деятельность как бы на некое священнодействие. Теперь ничего этого нет. Преобладающая во всем и во всех усталость, равнодушие, желание мира и покоя, опасение компрометировать свое прошедшее дает, несомненно, характер всем нашим словам и действиям. *Après vous*

le deluge* — вот внутреннее чувство всех наших главных политиков. К тому же сам вопрос весьма труден, и для изыскания способов для разрешения его нужны не рядовые способности, а таковых в наличии не имеется. Очень тяжелые времена опять наступают для России. На днях ждут возвращения государя из-за границы, где неудавшаяся конференция и неудавшееся лечение, вероятно, еще более ослабили его организм.

1-го июля. Сегодня я имел продолжительный разговор с канцлером — князем Горчаковым. Он вернулся вместе с государем и не пользуется своим обычным летним отдохновением в Швейцарии. Политические замешательства слишком важны, и мы, к сожалению, в них до сих пор не имеем блестящего положения. Из всех слов Горчакова я вынес то убеждение, что восточный вопрос нимало не продвинулся к своему разрешению. Военные действия в Сербии и Черногории остановили политическую болтовню, но она скоро опять начинается, и с той же неопределенной с нашей стороны программой, с какой началась. Я предлагал устроить совершенно тайную денежную передачу пособия Сербии без официального или неофициального вмешательства правительства, о чем настоятельно ходатайствует сербское правительство через своего уполномоченного — Протича, рекомендованного мне Аксаковым. Но, кажется, дело это не состоится, и не только потому, что финансовый наш кризис сейчас в полном разгаре, но главное потому, что боятся протеста Англии, которая, в свою очередь, не имеет подобных опасений и оказывает несомненную помощь туркам. Та главная причина шаткости нашей политики, о которой я писал выше сего, — более, чем когда-либо, лежит в основе всех наших неудач. В разговоре, между прочим, мы вспоминали о Самарине, и князь Горчаков спросил меня, знаю ли я, что родство мое с Самариным и дружба с ним лишили меня министерского портфеля¹²³. Я отвечал, что хотя, наверное, не знал, но предполагал всегда, что дружба Самарина была, между прочим, поводом и оружием Шувалову, чтобы заподозрить меня в глазах государя. Горчаков сказал, что он это наверное знает. Меня это несколько не удивляет и ни минуты не заставляет сожалеть о том, что не отказался от сочувствия к человеку, с убеждениями которого я всю душу сроднился, и в потере и в превратном понимании которого вижу большое несчастье для России.

Государь едет завтра на выставку в Финляндию. Все видавшие его единогласно утверждают, что он сильно похудел и болезненный вид его вызывает сожаление. Как-то он перенесет зиму? Горчаков и Адлерберг утверждают, что в Эмсе ему было гораздо хуже, но что он поправился в Югенгейме.

26-го августа. Гроза на Востоке не утихла, а принимает все более и более опасный для Европы, а в особенности для нас, характер. Несчастные сербы и черногорцы, несомненно, будут скоро окончательно подавлены вооруженной силой турок, и действительной помощи <ни> от нас, ни от Европы они для продолжения борьбы не получают. В России все классы общества возбуждены

---

* После нас хоть потоп

ненавистью к туркам, и пожертвования деньгами и вещами приносятся в огромных размерах. Кроме того, со всех концов России волонтеры разных сословий и званий идут в Сербию и вступают в ряды сербского войска. Уже более 50-ти офицеров русских пало на поле битвы. Народное движение в России быстро распространилось и теперь представляет весьма замечательное и важное по своим последствиям явление. Еще недавно, а именно 20-го июня, писал мне из Москвы Аксаков, между прочим, следующее:

«Вспомни 1853 год, когда собиралась гроза восточной войны: какое движение, какой одушевленный подъем мыслей, стихи, статьи, письма, взаимные посещения, — вспомни, хотя переписку твою именно с братом Константином... А теперь? Не такие же ли, и даже не пущие ли громы собираются на небе? Не восточный ли вопрос поднимается во весь рост? Не грозит ли России худшая опасность? Опасность не войны, хотя бы и губительной, но опасность бесчестия, но измена своим преданиям и своему призванию. И что же?... Тишь да гладь, все мирно, никто не тревожится. Общество молчит, да и общества-то нет. Я, как старый конь, запертый в стойло, только топчу ногами и ржу одиноко...».

Месяц спустя тот же Аксаков в речи к Славянскому комитету говорил следующее:

«Еще ни разу до сих пор не приходилось московскому Славянскому комитету собираться в минуту подобной важности. Никогда не выдвигалось так ярко его значение и его призвание. Все его 19-тилетнее существование было как бы только приготовлением к настоящей поре. Созванный сначала усилиями небольшого кружка людей, осмелившихся считать себя перед лицом славянского мира представителями и носителями, а Комитет — органом истинной русской народной мысли по отношению к славянству, преодолев постепенно не только противодействие, но и равнодушие, Комитет возведен теперь ходом событий на степень естественного и законного орудия русского, общественного и, можно сказать, всенародного мнения по славянскому вопросу. Ничего бы так не желали, как того, чтобы факел, некогда зажженный нами, долго еще мерцавший и всплывший теперь ярким пламенем, дождался наконец солнца и потонул в лучах его, по выражению поэта. Не солнце ли уже восходит нам в этом всеобщем пробуждении в народе такого сочувствия к братьям по вере и по крови, такого сознания тесной связи своих исторических судеб с современными событиями на Балканском полуострове, что скоро, кажется, вся Россия превратится, и слава Богу, — в один Славянский комитет, или, другими словами, упразднит прежнее значение комитета как проповедника и органа славянской идеи... Всем сердцем призываем мы это мгновение, но и теперь нашему Славянскому комитету выпала на долю высокая историческая служба — быть преимущественно не столько руководителем, сколько, повторяю, — практическим орудием русского общественного мнения и чувства при настоящих великих событиях. В самом деле, перед нами свершается явление необычайное. В прежние времена, когда так называемый восточный вопрос или то, или другое из угнетенных в Турции славянских племен домогалось свободы, Россия вступала на историческую арену всегда прямою защитницей славянства, но всегда одной своей официальной стороною, т. е. как

государство, посредством дипломатии или вооруженной силы: народ оставался, по-видимому, в стороне: до его слуха и ведения немного доходило о положении и страданиях его братьев славянских. Русское историческое предание со славою блюлось и без его участия. В настоящее время мы видим совершенно иное. События несравненно важнее, именно потому, что наступает роковой час, от которого зависит все будущее России. Но кто же выдвигается главным передовым деятелем, историческим фактором со стороны России? Откуда исходит клик сочувствия к восставшим славянам, вопль негодования к врагам Христа и славянской свободы? Кто ободрил герцеговинцев нравственно и помог их борьбе вещественно? Кто обеспечил семейства доблестных борцов? Русский народ, не только образованные классы, но весь русский народ, с простонародьем включительно. Такое отношение к славянскому делу, такое положение было благодушно представлено русскому обществу самим правительством. В этой помощи восстанию, через призрение страждущих, было бы совершенно несправедливо обвинять русскую официальную власть, и иностранная печать, упрекая русское правительство в тайной поддержке восставших славянских племен, клеветает. Русская дипломатия согласилась подвергнуться нареканию со стороны наших единоплеменников, самого русского общества, подвергнуться даже страшному риску: утратить симпатии славян и лишиться старых надежных союзников на востоке, только бы не подать повода западным державам усомниться в искренности ее миролюбия и бескорыстия и сохранить верность дружеских отношений. Нам недоступны высшие соображения, руководившие действиями нашей дипломатии, но мы не можем не чувствовать искренней признательности к правительству за то, что оно не стесняло общество в выражениях сочувствия, хотя, конечно, без могущественного содействия государства это сочувствие едва ли может само по себе выполнить историческую задачу, указанную России промыслом.

Тем более приобретает значение усилие русского народа помочь христианским племенам в их борьбе с исконным врагом своим, тем сильнее выступает важность общественного русского участия в современных событиях. Русскому обществу приходится поддержать честь и обаяние русского племени, значительно компрометированного и ослабленного в последнюю пору, сохранить единственно надежных нам союзников среди недоброжелательной нам Европы, сохранить верность тому историческому призванию, от которого ищут отклонить нас западноевропейские державы. Русское общество, вполне соболезнуя страданиям болгар, босняков и герцеговинцев, ясно сознает в то же время, что задача вовсе еще не в том, чтобы так или иначе облегчить их участь и обеспечить материальное благоденствие, а в том, чтобы вопрос восточный, или, вернее, славянский, или, еще точнее, — русский, был решен славянами, под водительством России и для славян, т. е. в интересах славян и России, а не в интересах Австро-Венгрии и Англии. Ужасны бедствия, претерпеваемые нашими единоплеменниками в Турции, но еще гораздо горше будет судьба православно-славянского мира, если Россия уклонится от своего долга славянской державы, если ее призвание по отношению к славянам переймут у нее западноевропейские кабинеты, если им, а не России будут обязаны славяне своим освобождением и возрождением. Если, предоставляя России утешаться славою миролюбия и бескорыстия, какая-либо иная чужеземная держава утвердит в той или иной стране свое владычество над проливами — этим ключом русского Черного моря. Я счел нужным очертить политическое положение дела для того, чтобы яснее представить вам, милостивые государи, ту великую историческую повинность, которую приходится теперь нести русскому обществу, великое историческое значение его деятельно-

сти, высокую важность наших трудов как членов Славянского комитета. Что будет — то будет, лишь бы мы сделали все, доступное нашим силам. Благо же всем жертвователям крупным и малым — от богатого, жертвующего 1 тыс. рублей, до деревенской бабы, кладущей на церковное блюдо платок с головы, за неимением денег; благо же в особенности тем доблестным русским людям, которые, в благородном порыве, ежеминутно жертвуют за святое дело славянских племен, за честь русского имени. Русский братский союз со славянами окрещен недавно русской кровью. Общественная панихида по А. Н. Кирееву — члену нашего Комитета — имеет глубокий смысл, ибо сам подвиг его имеет общественное значение. Не по обязанности, не по любви или привычке к военному ремеслу отправился он биться со славянами против турок. Он был один от нас и бился за нас. В нем говорила честь и русская совесть всех нас, всего русского народа, он своей смертью искупил грех, лежащий на Россию благодаря величю европейской дипломатии.

Вы помните, м<илостивые> г<осудари>, что ввиду таких великих событий, ввиду тех усилий, которые требуются от русского общества, и ввиду продолжающейся еще и теперь верности русского правительства его дружеским отношениям к западноевропейским державам, нашему Комитету предстоят большие расходы, для которых нужны большие средства. Благодарение Богу, рука дающего не оскудеет. Напротив того, пожертвования, притихшие было весною, с открытием военных действий со стороны Черногории и Сербии хлынули с необычною силою.

“Несомненно, — писал один из жертвователей, приславших свою помощь Московскому <славянскому> комитету, словами коего я и закончу свою речь, к вам обращенную, несомненно, что Славянский комитет, по мере своих средств, составляемых из частных приношений, питает свое желание и употребляет возможные усилия облегчить ужасные бедствия, тяготевшие над несчастным населением целых славянских областей Турции, но несомненно также и то, что для этого далеко и далеко не достаточно одних частных порывов — благородных, но, как показывает дело, увы... бессильных направить симпатии более значащих сил в народе более деятельной помощи гибнущим несчастным страдальцам. Но уже в высшей степени несомненно и то, что эти приношения отдельных единиц великого народа, притекающие ныне в кассу Комитета и его отделений, как бы они велики ни были, служа громким выражением горячих симпатий великого народа, не выражают даже в слабой степени той безмерной скорби, которая ныне угнетает каждое русское сердце при живом представлении всей незащитности единоплеменников великой и могущественной России, обращающих к ней единой свои молящие о помощи взоры и... тем не менее умирающих страшной смертью, при слишком болезненном для народного чувства сознании бессилия одних частных симпатий — сделать то, что есть совесть России, ее священный долг среди славянства и ее будущее в истории”».

Правительство, ввиду такого настроения общества, видимо, не знает, что ему делать. Сперва оно разрешило находящимся на службе офицерам выходить в отставку и входить в ряды сербской армии. Потом поощряло даже отправку волонтеров, обещая возвратившимся офицерам прежние их чины и места. Потом разрешало всякие сборы в пользу славян и манифестации сочувствия, лишь бы оставаться самому в стороне. Таким образом, общество более и более воодушевляется помимо правительства и начинает чувствовать свою силу. Иностранная пресса обратила на этот подъем общественного мнения внимание, и во-

1876 год

сточный вопрос в России теперь мало-помалу выхвачен из рук правительства, и положение его сделалось еще более затруднительным, ибо, кроме соображений дипломатических и условий, в которые оно себя поставило конференциями в Берлине и в Рейхстаге, при свидании с австрийским императором, ему приходится теперь еще сообразовываться с общественным мнением в России. А это мнение с каждым днем становится все более и более требовательным, доказательством чему могут служить следующие выписки из газет.

«СПб. ведомости», 28-го августа.

«Вчерашняя депеша из Алексинаца от ген. Черняева говорит, что сербские войска, заняв покинутые турками позиции, нашли там трупы сербов, привязанные к деревьям и обугленные. Но что же это такое, наконец? Неужели нам придется продолжать быть зрителями подобных неслыханных фактов и выражать только одно сожаление о несчастных жертвах? Ведь обстоятельства теперь значительно изменились. В рядах сербской армии находятся теперь сотни, а в скором времени, быть может, будут и тысячи русских бойцов. Неужели же мы будем смотреть, сложа руки, как, страшно подумать, наших родных братьев, мужей наших жен, сыновей наших матерей будут вешать, распинать и жечь на медленном огне? Шансы войны изменчивы, поле сражения может остаться за неприятелем, а вместе с тем раненые и пленные турки напрягают все силы, чтобы подавить Сербию. Абдул-Керим 14-го числа вновь телеграфировал о медленной присылке подкреплений. Турецкое правительство стягивает все оставшиеся войска из Малой Азии, Сербии и Аравии и направляет их на театр действий, между тем как у сербов все население, способное носить оружие, призвано уже в ряды армии. Переговоры о перемирии тянутся и, может быть, протянутся еще долго, так как для турок это выгодно: армия их отдыхает тем временем от полученных поражений, получит подкрепление, устроится и двинется вперед. Выдержат ли тогда сербы новый напор — еще неизвестно. Что же делать? Мы говорим, что не можем принять непосредственное участие в войне, потому что против нас вооружится тогда вся Европа. Быть может, это справедливо, если бы начали так, как в 1853-м году, с занятия Румынии, так как у Австрии тогда явились бы опасения за свои провинции. Но у нас есть азиатская граница, отдаленная от Австрии на тысячи верст. Движение наших войск к Карсу и Эрзеруму не может иметь такого влияния на Европу, как поход в Румынию, и можно наверное поручиться, что ни Австрия, ни Германия не объявят нам за это войны. Под Александрополем стоят сейчас две дивизии — если двинуть их вперед, то восточный вопрос будет решен. Европа нам будет благодарна за то, что мы окончим то напряженное и томительное положение, в котором дела находятся уже больше года».

«Русский мир», 17-го августа 1876 г.

«Одно из важнейших несовершенств русской жизни заключается в отсутствии надлежащих, прочно организованных способов внешнего проявления внутренних сил, стремлений и чувств русского народа. Недостаток этот с особенной резкостью дает себя чувствовать в настоящее время, когда общественное настроение России могло бы, при известных условиях, оказать решающее влияние на судьбу родственных нам южнославянских племен.

Несмотря на всю разрозненность и несистематичность сочувственных районов действий русского общества, несмотря на крайнюю ограниченность и мир-

ность тех форм, в которых выражаются эти действия, — для бойцов Сербии и Черногории сделано уже весьма много русским народом, без всякого участия правительства, сохраняющего нейтралитет в силу существующих международных отношений. Русский народ дал и продолжает давать славянам средства для ведения войны: он дал им опытных вождей и усилил их ряды лучшими из сынов; он, наконец, спас от голодной смерти тысячи бедствующих семейств, лишившихся крова и пристанища среди разоренной башибузуками¹²⁴ родины. Все это сделано частными усилиями общества, не привыкшего к совокупной политической деятельности. Все это плоды отдельных порывов, не возведенных в систему и не соединившихся еще в одно могучее, внушительное целое.

Если действуя, так сказать, вразброд, поодиночке, мы все-таки достигли таких результатов, которые успели уже заметно напугать европейских друзей Турции, то что же бы было, если бы наши политические чувства могли бы проявляться в более организованной форме? Какою неодолимою силой явилась бы тогда перед лицом Европы единодушная сила великого восьмидесятимиллионного народа... Заграничная печать не смела бы тогда отделять официальную Россию от неофициальной, не смела бы отрицать существование у нас самостоятельного народного мнения, не смела бы толковать о подстрекательствах, не смела бы толковать, наконец, и приписывать все это возбуждение “интригам” славянофильской партии или каким-то честолюбивым невозможным замыслам. Голос целого народа, голос русской земли, подействовал бы на подозрительную Европу совсем иначе, чем едва доходящий до нее хор русской печати вместе с незаметными издали фактическими проявлениями русских народных сочувствий.

Московский славянский комитет уже обратил внимание на тот общественный недостаток, о котором мы говорим; но устранить эту общественную слабость нашу можно только мерами, более обширными, чем какие указаны названным Комитетом. Естественное право почина в предложении этих мер принадлежит Москве — этой исконной представительнице настоящей Руси, скрывающей свою мощную народную жизнь под оболочкой внешнего спокойствия».

За эту последнюю статью газета «Русский мир» запрещена на 3 месяца. Но это не поможет. С каждым днем негодование против зверств, чиненных турками, увеличивается, и все классы народа, помимо газетных статей, воодушевляются воинственным духом, ропщут на вялость, слабость и бессилие правительства. Уже начались попытки уличных манифестаций, как это видно из следующей телеграммы:

«Телеграммой из Москвы нам извещают, что вчера, 28-го августа, вечером, выехал по железной дороге Смоленской в Сербию отряд добровольцев с походной церковью и хором певчих, предназначенных для армии генерала Черняева. На вокзале железной дороги собралась масса народу. При прощании с добровольцами публика пела “Спаси, Господи, люди Твоя” и кричала “ура”, и энтузиазм был невообразимый. После проводов толпа прошла с криками «ура» по Тверской, спела “Спаси, Господи, люди Твоя” у дома генерал-губернатора и мимо часовни Иверской Божьей Матери дошла до монумента Минину и Пожарскому, после чего спокойно разошлась».

Виктор Гюго, который вообще с некоторых пор говорит и пишет много глупостей и бессмысленных и напыщенных фраз, сказал на днях довольно верно:

«Il devient necessaire d'appeler l'attention des gouvernements Europeens sur un fait tellement petit, à ce qu'il parait, que les gouvernements semblent ne point l'apercevoir. Le fait – le voici: on assassine un peuple. Oú? En Europe! Ce fait a-t-il des temoins? Un temoin – le monde entier! Les gouvernements le voient-il? Non! Les nations ont au dessus d'elles quelque chose qui est lui dessous d'elles – Les gouvernements. A de certains moments ce contre-sens eclate, la civilisation est dans les les peuples, la barbarie – dans les gouvernements. Cette barbarie est-elle voulue? Non! Elle est simplement professionnelle. Ce que le genre humain sait, les gouvernement l'ignorent. Cela tient à ce que les gouvernements ne voient qu'à travers, cette myopie – La Raison d'Etat. Le genre humain regarde avec un autre oeil – La Conscience!»*.

Очень любопытно припомнить и перечитать все, что говорили наши передовые поэты и писатели по славянскому вопросу. Хомяков, Киреевский, Аксаков, Тютчев и Самарин были носителями славянской идеи в ту пору, когда не только правительство, но и общество относилось к этой идее со злобной насмешкой. Не раз замечал я, что в ходе мировых идей есть какой-то низменный закон, в силу которого передовые носители идей сходят с лица земли перед тем временем, когда идее этой суждено воплощаться и переходить в общественное сознание. Великие события предчувствуются и предсказываются и ныне своего рода пророками и предтечами, и ныне, как и прежде, глас их — есть глас вопиющего в пустыне. Но наступает время, и воочию совершаются события. То общественное настроение, которое в настоящее время соединяет всех русских людей в одном чувстве, в высшей степени замечательно, и хотя до сих пор оно, так сказать, внешнее, вызванное озлоблением против жестокости турок и патриотическим негодованием против врагов России, но скоро общество уразумеет и весь внутренний смысл предстоящей общей борьбы славянского мира с германским, а в частности, увидит всю глубину нашей национальной несостоятельности. Уже теперь почти все газеты и журналы наполнены статьями, под которыми могли бы подписаться Хомяков, Самарин и другие представители направления, неправильно называемого «славянофильским». До сих пор дипломатия не сделала еще ни одного решительного шага для разрешения восточного вопроса. Последние предложения Англии, на которые мы согласились, в сущности, возвращают вопрос к прежним предложениям Австрии. Но ежели Турция их и примет, то они все-таки будут не исполнены, и вопрос нимало не продвинется вперед.

---

* Становится необходимым привлечение внимания европейских правительств к факту, который на первый взгляд представляется столь ничтожным, что правительства, кажется, отнюдь его не замечают. Факт этот заключается в том, что убивают народ. И где? В Европе! Нуждается ли этот факт в свидетелях? Свидетель тому — весь мир! Видят ли это правительства? Нет! Народы находятся выше правительств. Цивилизация сосредоточена в народах, варварство — в правительствах. Этого варварства они хотели? Нет! Они просто профессионалы. То, что простые люди видят, правительства не ведают. Эта близорукость именуется соображениями государственного порядка. У простых людей другой взгляд — совесть.

20-го октября. Еще месяц прошел в бесплодной переписке дипломатов и бесцельной гибели сербов и наших добровольцев¹²⁵. Положение сербов отчаянное. Все крепости теперь заняты турками, которым открыт теперь свободный путь в Белград. Сопротивление невозможно. Наконец, третьего дня, во время заседания Совета министров, министром иностранных дел была получена следующая депеша из Ливадии:

«Его Величество Государь император, сегодня 18-го (30-го) октября, изволил послать генералу Игнатьеву повеление объявить Порте, что, если в течение 3-х дней она не примет шестинедельного или двухмесячного перемирия и не даст немедленно приказание остановить неприязненные действия, генерал Игнатьев выедет из Константинополя со всем русским посольством и прекратит всякие дипломатические отношения с Портой».

Сегодня, следовательно, должен решиться вопрос о мире или войне. Ввиду несомненных успехов турок на поле битвы и двусмысленном положении других европейских держав, кажется, мало надежды на то, чтобы турки согласились теперь прекратить военные действия. Поэтому надо ожидать разрыва. Государь, весьма вероятно, немедленно вернется в Петербург, ибо оставаться в Ливадии под выстрелами первого турецкого корабля — невозможно. Ежели до сих пор чувство приличия и сознание долга своего быть в такую важную для России минуту в центре правительственной администрации не побудило государя вернуться в Петербург, то теперь, из чувства самосохранения, он должен будет вернуться.

Первое решительное слово, сказанное нашей дипломатией, произвело хорошее впечатление, не потому только, что большинство, может быть, необдуманно, желает войны, а потому, что это слово является как бы признаком жизни в организме, мертвящее ослабление которого начинает приводить всех в отчаяние. Еще никогда общественное дело и государственный интерес не были так возведены в степень личных интересов, как бы касающихся только Ливадии и ее обитателей.

Третьего дня в Государственном совете рассматривались два весьма важных законоположения: о воинской повинности и об ополчении. Проект о воинской повинности должен был вызвать много существенных замечаний, ибо он без нужды очень стеснителен и трудно исполним. Но при самом начале рассуждений великий князь Константин Николаевич, в качестве председателя, объявил, что проект этот уже приводится в исполнение и его останавливать нельзя. Причем он неоднократно заявлял, что нужно только, чтобы он прошел через формальность Государственного совета. Это слово *формальность*, несколько раз повторенное, действительно выражает довольно верно весь характер деятельности высших государственных учреждений. Все обратилось в формальность, и это вовсе не оттого, чтобы государь сам был бы очень властолюбив, но просто оттого, что как-то исчез во всех интерес к общему делу, к сущности его, к общему благу. В этом отношении изумительно, какими быстрыми шагами мы пошли назад против еще недавно прошедшего духа всех суждений, и споров, и мнений. Государственный совет был совсем иной во время Сперан-

ского, Мордвинова¹²⁶ и проч. ... Ежели эти лица теперь были бы живы, то голоса их были бы подавлены общим равнодушием, да и сами они бы почувствовали неловкость положения разыгрывать из себя Дон-Кихотов. В прежнее время, я не сомневаюсь, что при подобных обстоятельствах, как теперь, Государственный совет нашел бы приличную форму выразить государю желание видеть его здесь. Наконец, невозможно было бы принятие тех губительных для наших финансов и торговли мер, которыми гг. Рейтерн и Грейг с Ламанским разорительно действовали все это лето, не опасаясь никого. Нашлись бы люди, которые особыми записками или мнениями протестовали бы против этих мер. А теперь, ежели бы и нашелся такой смельчак, который бы на это решился, то ему бы просто, без разговоров, объявили бы выговор. Признали бы, что протест этот есть личность, и запретили бы сообщать кому-либо этот протест. Как бы то ни было, но ни в какую эпоху не было такой распущенной вялости во всем, как теперь. Никогда интерес государственный не был так подавлен равнодушием и бездарностью. Это летаргическое состояние хуже войны и опаснее, потому что растлевает сам организм государственный и деморализует даже крепких и способных людей. Война может быть целебным средством против этого зла.

21-го октября. Сегодня получено известие, что турки согласились на наше требование и что перемирие будет заключено на два месяца. Итак, война отсрочивается. В Сербии она, вероятно, уже и не возобновится, потому что едва ли сербы будут в состоянии поднять вновь оружие. Следовательно, теперь начнутся переговоры о гарантиях. Из этих переговоров может возникнуть война, но уже для нас она будет иметь другой характер, не столь жгучий. До сих пор общественное чувство требовало нашего вмешательства для защиты наших братьев, которых душили. Теперь, когда речь пойдет о том, как устроить, чтобы их впредь не душили, то вооруженное наше вмешательство будет уже не так неотложно, и я начинаю думать, что войны не будет. Время радикального разрешения восточного вопроса еще не пришло. Теперь, как и прежде, дипломаты найдут какой-нибудь компромисс, на котором временно покончат дело. А затем, через несколько лет, опять вопрос поднимется, а к этому времени в России, может быть, будет русское правительство, а тогда разговор будет другой.

1-го ноября. Слова, произнесенные государем императором при приеме московского дворянства и городского общества в Москве 29-го октября 1876 года:

«Благодарю вас, господа, за чувства, которые вы желали мне выразить по случаю настоящих политических обстоятельств. Они теперь более разъяснились, и потому Я готов принять Ваш адрес с удовольствием. Вам уже известно, что Турция покорилась Моим требованиям о немедленном заключении перемирия, чтобы положить конец бесполезной резне в Сербии и Черногории. Черногорцы показали себя в этой неравной борьбе, как всегда, истинными героями. К сожалению, нельзя того же сказать о сербах, несмотря на присутствие в их рядах наших добровольцев, из коих многие поплатились кровью за святое дело.

Я знаю, что вся Россия, вместе со Мной, принимает живейшее участие в страданиях наших братьев по вере и по происхождению, но для Меня истинные

интересы России дороже всего, и Я желал бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

Вот почему Я старался и продолжаю стараться добиться мирным путем действительного улучшения быта христиан, населяющих Балканский полуостров.

На днях должны начаться в Константинополе совещания между представителями шести великих держав для определения мирных условий.

Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Ежели же оно не состоится, и Я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые бы обеспечивали исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то Я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на Мой призыв, когда я сочту это нужным и честь России того потребует. Я уверен также, что Москва, как всегда, подаст всем пример. Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание».

В этих словах упрек, обращенный к сербам, при первом чтении, поразил меня своей неожиданностью и неуместностью. Но, говорят, в Москве, под впечатлением общего настроения и одушевления, даже этот упрек не ослабил общего восторга.

Итак, невидимая сила влечет нас, против нашей воли, бессознательно в неведомую даль. О чем будут конференции, на чем будем мы на них настаивать — все это еще неизвестно. Место, избранное для конференции, свидетельствует, что мы согласны на принцип неприкосновенности Турции, а при этом условия какие могут быть найдены и предложены гарантии для обеспечения христиан — решительно не понимаю. Все вопросы, которые остались нерешенными в 1856-м году и о которых, при заключении тогда мира, я недоумевал и о чем тогда же и отметил в своем дневнике, — все эти вопросы теперь вновь поднимаются. Теперь, конечно, пойдут адреса со всей России. Слова государя тем, в особенности, и хороши и пришлись кстати, что общество устало от долгого ожидания и как бы томительного искания правительства в это тревожное для всех время. Вся Россия уже более двух месяцев волнуется, жертвует, посылает добровольцев. Одни сочувствуют движению, другие его ненавидят, все толкуют, копошатся и орут, кто во что горазд, а правительство молчит, и где оно — никто не знает. Наконец правительство, в лице государя, откликнулось, и все успокоились, или, лучше сказать, не успокоились, а всем как-то сделалось лучше, что отыскала сь власть. Что эта власть будет делать и как поведет дело — это еще неясно, но возбужденное состояние общества уже успокоилось тем, что обнаружилась жизнь в законной власти.

Несколько корпусов мобилируются. Великий князь Николай Николаевич назначен главнокомандующим: на этого великого князя, не знаю почему, я возлагаю великие надежды. Он, говорят, хороший кавалерийский генерал, и его солдаты любят. Ума он большого не имеет, но прост, без претензий, и хотя слаб по женской части и этим много себе повредил, но смотрит молодцом. О стратегических его способностях, разумеется, судить нельзя, но ежели Богу угодно будет благословить наше дело, то он даст способности и не имеющему оных, и ежели сам великий князь не заслужил милостей от Бога, то зато жена его — великая княгиня Александра Петровна — уже, несомненно, на хорошем счету

у него... Эта женщина — необыкновенное явление. Здесь над нею в высшем обществе и при дворе смеются, и она подает к этому повод, ибо относится ко всем светским и придворным приличиям с открытым презрением. Она является среди двора какою-то юродивою или блаженною. И она действительно такова, и это в ней неподдельно. При этом она не просто юродивая, а русская юродивая, со всеми инстинктами, вкусами и симпатиями самой простой русской женщины. Но сколько она делает добра и как она это делает — про то знают только ею облагодетельствованные. Все это представляется мне столь необыкновенным, что я готов думать, что в этом чудачном юродстве есть что-то предзнаменательное.

28-го декабря. Ожидая с каждым днем известий о каком-нибудь решительном шаге, я более месяца не заносил на страницы своего дневника ничего замечательного из обыденной жизни. А между тем вот уже мы приблизились к началу нового года, и политический горизонт так же смутен и неясен, как 2 месяца тому назад. В Константинополе разыгрывается какая-то комедия, в которой сменяются сцены, а развязка продолжает быть загадочною. До очевидности сделалось ясным только одно, что мы во всей этой комедии играем самую печальную и, вероятно, трагическую роль. Все соглашения держав обрываются на упорном отказе турок. Это упорство объясняется полным убеждением турок, что в конце концов все наши союзники от нас отступят.

Но прежде доведут нас до таких уступок, при которых не будет смысла вести войну, и мы со страхом откажемся от всего. Роль скрытых врагов наших — Германии и Австрии — начинает все более и более обрисовываться. Они заманили нас своими сладкими речами и уверениями в дружбе и неизменном союзе, но как только дело доходит до какого-либо практического вывода из их платонических желаний, то они отказываются помогать нам. Объявленная в Турции либеральная конституция вносит комический элемент во всю эту дипломатическую комедию. Слова государя, что он решился действовать с а м о с т о я т е л ь н о , мешают теперь только нашему быстрому отступлению. Все стремление нашей дипломатии заключается теперь только в том, чтобы вырвать у турок какую-нибудь уступку или даже фиктивную гарантию для того, чтобы дать нам благовидный предлог отказаться от дальнейших воинственных замыслов, но и этого турки дать не хотят. И друзья — союзники наши, которых мы не раз спасали от гибели, нам в этом не только не помогают, но, видимо, турки под их влиянием упорствуют. Неужели и теперь еще государь может продолжать верить в союз трех императоров¹²⁷ и на этом союзе основывать свою политику? Завтра ожидают здесь решительных известий о том, принимают ли турки вновь измененные предложения держав, и ежели не примут, то, вероятно, наш посол выедет из Константинополя. Послы других держав тоже обещали выехать, но теперь, говорят, изменили свое намерение.

С выездом Игнатьева из Константинополя, вероятно, война еще не начнется, ибо, говорят, теперь невозможно начинать зимнюю кампанию. Что за сим будет происходить — одному Богу известно. Наше положение еще усложнилось тем, что великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий, очень серьез-

но заболел и едва ли будет в состоянии продолжать командовать армией. Здесь в высших сферах и при дворе господствует теперь такое мирное настроение и страх войны так велик, что неудивительно будет, ежели решатся покрыть себя срамом перед Европою и перед Россией. Этого можно было ожидать, ибо то же отсутствие мысли, плана, цели, какие были вначале, существуют и теперь, и, быть может, в еще большей степени. Ежели проследить и припомнить все, что делалось у нас в июне нынешнего года и по сие время, то решительно невозможно доискаться никакого смысла; возможно ли надеяться при таком колебании, при таком отсутствии какого-либо убеждения, при таком уродливом союзе с национальностями, нам враждебными, — возможно ли надеяться с успехом поднять славянский вопрос? Нет, повторяю, только тогда Россия в этом вопросе не будет играть глупую и смешную роль, когда в ней будет русское правительство, которое сознательно будет относиться к тому, что есть в славянском вопросе русского.

В числе главнейших современных затруднений наших финансовый вопрос стоит на первом плане. Совершенно независимо от общих причин, по которым финансы наши, при всем, впрочем, заметном и замечательном улучшении их в последнее время, не пришли еще в такое положение, при котором возможны без существенного разорительного кризиса экстраординарные громадные военные издержки. Наше настоящее финансовое положение и совершенный застой в торговле и промышленности вызваны еще отчасти и искусственными мерами, принятыми Министерством финансов в течение нынешнего лета. С непонятным ослеплением министр финансов упорно и непроизводительно израсходовал в течение летних месяцев более 80-ти миллионов металлического фонда для поддержки вексельного курса. И вся эта операция производилась в то время, когда уже ясно было для каждого мало-мальски понимающего всю важность поднимающегося в европейской Турции вопроса, что ежели нам не предстоит неминуемо и скоро быть готовыми к войне, то по крайней мере дела политические усложнятся и примут острый характер. В это время ослаблять металлический фонд для фиктивной поддержки курса и производить страшную пертурбацию на денежном рынке, уже и без того весьма расстроенном вследствие банкротства Московского учетного купеческого банка¹²⁸, — значит как бы нарочно отнимать у себя средства не только воевать, но даже готовиться к войне. Министр финансов действовал, без сомнения, под впечатлением уверений канцлера и государя, что войны не будет, хотя уверение это его не оправдывает, потому что очевидность приближающейся грозы должна была поселить в нем сомнения в прочности положения. Надо и то сказать, что все это дело, начиная с дипломатических разговоров и кончая всеми финансовыми мерами, велось тайно, никто, кроме канцлера и министра финансов, ничего не знал. О Государственном совете уже и говорить нечего, но даже в Комитете министров не возбуждался ни один из этих вопросов — ни общей политики, ни финансовых мер.

Только уже в октябре месяце остановлена была операция поддержки курса. Собран был Финансовый комитет, который решил внутренний 5%-й заем в 100 миллионов, на который подписались только 60 миллионов, и, кроме того, решено принимать платеж потом только золотом. Эту меру я предлагал 10 лет тому назад, при издании нового тарифа, и тогда она была бы своевременна.

1876 год

Вдруг на днях я получаю от министра финансов совершенно неожиданно следующее письмо:

«Милостивый государь,
князь Дмитрий Александрович.

При настоящем положении политических дел и трудов Константинопольской конференции не представляется еще возможным определить: приведут ли дипломатические переговоры к мирному исходу, причем мобилизация части нашей армии будет иметь характер лишь демонстрации или России придется взяться за оружие.

В последнем случае правительству, очевидно, предлежит трудная задача изыскать для войны средства, и весьма значительные, и поступление которых было бы обеспечено в скором времени.

Опытность Ваша в делах финансового управления, заведование кредитным учреждением и близкое знакомство с промышленными и экономическими средствами России побуждает меня обратиться к Вам за советом по этому делу.

Согласно сему, имею честь просить Вас сообщить мне мнение Ваше о том, каким наилучшим и скорейшим способом можно было бы, по Вашему мнению, приискать средства для ведения войны в случае, если в скором времени Россия вынуждена будет принять в ней участие.

В надежде, что Вы не откажете выразить мне Ваше по этому вопросу мнение с полной откровенностью, покорнейше прошу ответ Ваш на это письмо адресовать мне в собственные руки.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Рейтерн».

На это письмо я отвечал следующее:

«На почтеннейшее приглашение Вашего превосходительства о сообщении Вам мнения моего о том, каким наилучшим способом можно было бы приискать средства на ведение войны, я, при полном сознании неготовности своей отвечать на столь трудный и важный вопрос, не смею уклоняться от изложения пред Вами того мнения, которое сложилось во мне вследствие частных и личных сношений и разговоров с людьми, специально занимающимися денежными оборотами и близко знакомыми с положением нашего денежного рынка.

В том виде, как поставлен Вашим высокопревосходительством самый вопрос, нет места для выражения каких-либо соображений об общих мероприятиях с целью улучшения наших финансов или с целью изменения системы налогов, или открытия новых источников доходов в более или менее отдаленном будущем.

Поэтому я ограничусь только изложением мнения моего о том, каким наилучшим и скорейшим способом в настоящее время достать денег для насущной потребности войны.

Едва ли можно сомневаться в том, что выпуск бумажных денег есть в настоящее время единственное средство для достижения указанной цели. Вопрос может состоять только в том, какую форму дать этому выпуску и какие своевременно, и даже одновременно, могут быть приняты меры для ослабления вредных последствий от сей операции.

Не имея в руках своих точных данных ни для определения количества уничтоженных кредитных билетов при последней операции продажи Государственным

банком золота, ни о количестве вновь выпущенных билетов для военных и других потребностей, я не могу сказать, в каком размере и в какой форме может быть совершен в настоящую минуту выкуп новых кредитных знаков¹²⁹. Нужен ли для этого особый указ, или будет ли это производиться простым подкреплением новыми билетами расходных касс. Но, судя по ощущаемому еще до сих пор сильно-му недостатку в деньгах внутри края, можно предполагать, что даже прямой, самый гласный выпуск бумажных денег до 100 милл. рублей не произведет еще значительного изменения в курсе этих бумаг на внутреннем рынке, а с объявлением войны заграничный курс наш и без того значительно понизится, и вообще с открытием военных действий можно будет оставить всякую заботу о заграничном курсе, так как внешняя торговля наша по необходимости сократится в весьма значительной степени, а правительственные платежи за границу во всяком случае потребуют искусственных и убыточных мер, о которых говорено будет ниже.

Но порядок выпуска бумажных денег в той или иной форме необходимо обставить мерами для консолидации хотя бы части сего выпуска. Кроме того, нужно обратить внимание на то, что со времени упадка за границей цен на наши внешние металлические займы наши здешние капиталисты стали покупать из оных преимущественно консолидированные облигации и билеты 5%-го 1-го займа 1862 года, и на значительные суммы, для чего они выписываются из-за границы и преимущественно из Лондона. Таким образом, происходит <отток> из России движимых или оборотных капиталов, который не только действует неблагоприятно на промышленность страны, но и затрудняет правительство в изыскании ресурсов для чрезвычайных надобностей. Этому отливу капиталов, с одной стороны, и чрезмерному увеличению разноименных знаков, с другой, можно препятствовать у нас здесь выпуском консолидированных облигаций, к выпуску которых за границей было бы уже, вероятно, приступлено, ежели бы не помешали политические обязательства. Подобный выпуск облигаций должен представлять выгоду в цене по крайней мере на 3%. Если при курсе на их консолидированные облигации в Лондоне в 79% и при вексельном курсе 29% они обходятся и покупаются здесь по 102% (считая 640 р. в 100 фунтов номинально), то новый выпуск должен бы быть сделан на 100% в кредитных с разверсткою при типе взносов, представляющее сбавку в 1%.

Но так как можно предвидеть дальнейшее понижение наших фондов за границей, то для восстановления соотношения 102 — 79 придется действовать на соразмерное понижение вексельного курса.

Цена в Лондоне	Вексельный курс	Цена здесь
79%	29%	102%
74%	27,16%	102%

и т. д.

Для этого правительство должно покупать римессы¹³⁰ в значительном количестве. Впрочем, я уверен, что и во время войны русские государственные фонды не настолько утратят к себе доверие, чтобы следовать за безграничным понижением курса, в особенности после того, как металлические наши бумаги получили как бы специальную гарантию приемам их исключительно в платеж таможенных пошлин.

Вот те мысли, которые мне показались достойными внимания Вашего высокопревосходительства и которые при разговорах моих с людьми знающими не встречали резких возражений; быть может, они не осуществлены потому, что правительство связано с Ротшильдом в свободе выпуска консолидированных облигаций. Быть может, что отсутствие <имени> барона Ротшильда на консо-

лидированных облигациях нового выпуска повредит впоследствии достоинству их за границей. Все это мне неизвестно, но думаю, что большого вреда от того, что один выпуск облигаций навсегда останется в России, не будет, и ежели этому выпуску будут еще представлены какие-либо особые льготы при залогах в банках, то невыгода от отсутствия барона Ротшильда легко вознаградится для владельцев этих облигаций.

Дай Бог, чтобы сама потребность в чрезвычайных мероприятиях миновала и чтобы опять наступило время, благоприятное для более прочных мер к устройству наших финансов посредством развития производительных сил и правильного устройства системы налогов, согласно предначертаниям Вашего высокопревосходительства».

Последнюю фразу я поместил в письме своем в виде любезности, хотя уверен, что ежели войны не будет и обстоятельства несколько улучшатся, то Рейтерн¹³¹ не останется министром финансов. Он непременно будет просить увольнения. Он устал, слаб здоровьем, в последнее время действительно действовал неблагоприятно, но главное — он утратил доверие государя. Доказательством этого может служить, между прочим, и письмо его ко мне с просьбой о совете. Я узнал, что письма подобного содержания были написаны им и еще несколькими другими лицами, и это было вызвано государем, который пожелал узнать мнение других лиц о средствах для ведения войны... Не знаю, что ответили другие советчики, но все это как-то несерьезно и бестолково.

Это отсутствие серьезности, разумной последовательности, ясно сознанный цели, твердой воли хотя бы в ком-либо из главных деятелей все более убеждает меня, что нам воевать теперь нельзя. Многие думают, что, когда решатся на войну, все воодушевится и будет какой-нибудь толк.

У меня этой надежды нет, быть может, я слишком близко вижу вещи и ничтожность отдельных личностей не в меру мною преувеличивается. Но не думаю, чтобы я ошибался. Мое сомнение основывается на полном отсутствии тех сил, без которых восточный вопрос в наших руках просто не может быть решен. Я знаю, что денег у нас нет. Знаю, что генералы все плохи. Знаю, что войско в новой своей организации еще не испытано, но все это меня нисколько не смущает. Все это может при невыгодных условиях только увеличить наши случайные преходящие бедствия или неудачи. Но не в этом дело. Ведь главный вопрос — что мы такое... Во имя чего или в силу какого законного или кровного убеждения или чувства выступаем мы в бой. Все, что слышу и вижу кругом себя, с каждым днем все более и более убеждает меня в том, что целая бездна отделяет наш правительственный, политический и весь почти культурный петербургский мир от того мировоззрения, при котором восточный вопрос — не в тесном смысле славянском, в общем — имеет для православных русских значение. И не только целая бездна отделяет эти два воззрения, но, главное, наше правительство и петербургское культурное общество относится и по инстинкту, и по убеждениям прямо враждебно к этому воззрению. Вследствие сего и весьма умные люди приходят в совершенный тупик при вопросе, для чего нам воевать... Какая может быть цель войны, какое нам дело до подлых славян... Из чего мы должны разоряться и проливать кровь без малейшей надежды на ка-

Третий том

кое-либо приобретение... И действительно, что можно отвечать на эти вопросы, когда не чувствуешь их фальши? Какими умными словами и речами можно объяснить то, что в душе каждого русского связывается с чувством истинного и единоверного родства? Как объяснить, что «не одним хлебом человек жив бывает»? И что без национальной гордости и человек, и общество — жалкие явления... Как объяснить все это? Поневоле отмалчиваешься, и победа остается за б л а г о р а з у м н ы м политиком, гражданином абстрактного государства, неподвижно стоящим на утилитарной почве своих личных интересов... Напрасно указывают на англичан, у которых национальная политика, основанная на материальных интересах, заставляет упорно поддерживать Турцию, и они держатся упорно этой политики, все — как один человек, без уступок и без колебаний, и не верят нам, несмотря на все наши уверения, что политика наша в восточном вопросе бескорыстна. Но есть ли это прямое указание на то, что англичане вполне сознают, что интересы наши несовместны с существованием Турции и что как бы ни открещивались, как бы чистосердечно ни уверяли себя и других, что ничего не хотим для себя, мы не можем и не в нашей власти изменить свойство сложившихся интересов. Можно искренно и чистосердечно желать не стареть и не сесть, можно даже заблуждаться до того, чтобы уверять других в возможности остановить ход естественных событий, но верить подобному заблуждению никто, конечно, не будет.

Вот почему это непрерывное с нашей стороны, клятвенное во всех видах обещание, что мы ничем не воспользуемся в случае падения турецкого владычества в Европе, представляется мне тем глупее, что оно искренно.